

ПОЛЕСЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПОЛЕСЬЕ

(ЛИНГВИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ. ТОПОНИМИКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1968

В книге рассматриваются фонетические и лексические особенности полесских говоров, роль Полесья в славянском этногенезе, вопросы топономики, украинской географической терминологии и расрасшифровки древних белорусских текстов, писанных арабским письмом. Большинство статей обобщает материал, собранный во время полесских экспедиций 1962—1965 гг. и изложенный в книге «Лексика Полесья» (М., 1968).

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
В. В. МАРТЫНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

1-6-2
77-67(2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение говоров Полесья началось по решению первого всесоюзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения, которое происходило в Москве в январе 1961 г. В решении лингвистической секции совещания по этому поводу сказано: «Поддержать инициативу Института славяноведения АН СССР по изданию диалектного словаря Полесья» [1]. Это решение секции было санкционировано на заключительном пленарном заседании совещания и вошло в общую резолюцию. Головным институтом по разработке данной темы был утвержден Институт славяноведения АН СССР.

В 1961 г. соответствующая тема была включена в семилетний план сектора славянского языкознания Института славяноведения. Руководителем темы был назначен старший научный сотрудник института Н. И. Толстой. Тема по изучению говоров Полесья была также включена в научный план Института языкознания АН БССР.

Были определены общие задачи исследования, разработан детальный план будущих работ, Н. И. Толстой предложил свой метод собирания и обработки материала. Особое внимание при этом было обращено на методы и технику сбора диалектного материала по семантике.

Как известно, диалектная семасиология является самым отсталым разделом диалектологии. Объясняется это тем, что до сих пор в славянской диалектологии еще не разработаны точные приемы сбора соответствующего материала. Н. И. Толстой сделал попытку установления определенных диагностических контекстов, опираясь на которые, собиратель диалектного материала смог бы получить точное представление о всем семантическом поле слова. Выявление всех значений слова дает возможность устанавливать семантические микрополя с определенными дифференциальными

---

[1] *Актуальные проблемы славяноведения. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 33-34, М., 1961, стр. 249.*

признаками, для которых устанавливается иерархическая последовательность [2].

В 1962 г. начался сбор материала на территории Полесья (подробнее см. «Хронику полесских лингвистических экспедиций»). Общее руководство экспедициями осуществлялось Н. И. Толстым. В экспедициях принимали участие языковеды Москвы, Минска, Житомира и Мозыря. С участниками экспедиции проводились специальные семинары, которые обеспечили надежность и единство материала.

Сборник «Полесье» содержит статьи, посвященные археологическим и этно-лингвистическим проблемам Полесья. По просьбе редакции в нем приняли участие ученые, которые работают в области археологии, топонимики, истории белорусского языка. В сборнике «Лексика Полесья», который тематически связан с данным сборником, публикуются словари по разным тематическим группам лексики.

Большая работа по подготовке к печати сборников «Полесье» и «Лексика Полесья» была проведена научными сотрудниками Института славяноведения АН СССР Э. И. Зелениной и М. И. Ермаковой.

С. Б. Бернштейн

---

[2] *Подробнее об этих принципах см.:* Н. И. Т о л с т о й. *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. ВЯ, 1963, № 1; 1966, № 5;* о н ж е. *Из географии славянских слов: 1. дождь, 2. саламандра. ВСЯ, 1962, № 6;* о н ж е. *Из географии славянских слов: 3. Правый — левый, 4. Хорохориться. 5. Класть. «Общеславянский лингвистический атлас». М. 1965.*

Н. И. Толстой

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЛЕСЬЯ
(предисловие редактора)

Полесский диалектный континуум до недавнего времени оставался, да и теперь еще во многом остается, одной из мало изученных славянских диалектных зон.

Полесье занимает обширную территорию в 117 000 кв. км, равную площади современной Болгарии. По своим физико-географическим показателям Полесье — большая низменность, вытянутая в широтном направлении параллельно течению р. Припяти и образующая огромную плоскодонную впадину с приподнятыми к северу и к югу краями. Границами Полесья принято считать на востоке — реки Березину и Днепр, на юге — склоны Волынско-Подольского и Овручско-Словечанского плато, на западе — Западный Буг, на севере — линию, идущую севернее Бреста и Кобрина на Ганцевичи и Слуцк [1]. В административном отношении Полесье относится к Белорусской ССР(северная часть— Белорусское Полесье) и к Украинской ССР (южная часть — Украинское Полесье).

Лингвистическая граница в общем совпадает с физико-географической. На западе и северо-западе она довольно четко определяется пучком изоглосс, причем наиболее релевантной оказывается граница аканья, на северо-востоке она менее отчетлива, но на юге снова выделяется рядом изоглосс, из которых самой яркой следует признать изоглоссу дифтонгов.

В принципе те же границы Полесья устанавливают в своих работах археологи и этнографы.

Этнографы едва ли не первые сумели по достоинству оценить исключительное значение данных полесской духовной и материальной культуры не только для изучения восточнославянского мира, но и для славянской этнографии в целом. Трудами П. М. Шпи-

---

[1] *Эти данные почерпнуты нами в основном из книги В. А. Михайловской «Флора Полесской низменности» (Минск, 1953).*

левского, А. Я. Васильевой, В. Г. Соколова, М. В. Довнар-Запольского, О. Кольберга, А. К. Сержпутовского и других, разными по методу, научной точности и полноте, но в целом очень ценными по фактам, собран значительный материал по быту, обычаям, нравам, поверьям и фольклору полешуков [2].

Именно с Полесья начинал свой славный творческий путь один из крупнейших этнографов современности Казимир Мошинский. Его наблюдения на Припяти и Князь-озере накануне первой мировой войны, изложенные позже в виде систематизированного описания быта и фольклора трех полесских сел Голубицы, Дорошевичей и Дяковичей, в сравнении с речицким материалом в книге «Восточное Полесье» [3], служат до сих пор наряду с монографией Ч. Петкевича о Речицком Полесье [4] едва ли не основными источниками по материальной культуре восточной полесской зоны.

Знаменательно, что К. Мошинский, взявшийся за свой труд, по его собственному признанию, без профессиональной языковедческой подготовки, очень рано осознал важность лингвистических фактов — в том же Полесье в десятых годах нашего века он собрал ценный лингвистический материал по рельефу местности и интерпретировал его в широком общеславянском плане [5]. Дальнейшие работы этнографа К. Мошинского, направленные в основном уже на реконструкцию праславянского состояния, шли по линии все большего привлечения языкового материала, о чем свидетельствует не только его известная, в основе своей лингвистическая книга о первоначальном распространении праславянского языка [6], но и посмертно изданный капитальный труд о способах изучения праславянской материальной культуры [7]. В последнем труде полесский материал занимает значительное место, что следует объяснять отнюдь не пристрастием автора к Припятскому лесному и болотному краю, а ценностью его данных, отражающих многие древнеславянские (праславянские) реликтовые формы и отношения, находящие зачастую соответствия в других архаических зонах современного славянского мира.

К сожалению, этнографы, первые открывшие для славистики сокровища Полесья, далеко не исчерпали их, а в последние несколько десятилетий вовсе почти прекратили изучение этого края. Едва ли не последней нашедшей реальное отражение в опублико-

---

[2] *Подробнее см. в кн. В. К. Бандарчык. Гісторыя беларускай этнаграфіі. XIX ст. Мінск, 1964.*

[3] *K. Moszyński. Polesie Wschodnie. Warszawa, 1928.*

[4] *Cz. Pietkiewicz. Polesie Rzeczyckie. Kraków, 1928.*

[5] *K. Moszyński. Uwagi o słowiańskiej terminologji topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materjale białorusko-poleskim. «Archiwum nauk antropologicznych», t. I, N 5. Lwów — Warszawa, 1921.*

[6] *K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.*

[7] *K. Moszyński. O sposobach badania kultury materialnej Prasłowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962.*

ванных материалах была экспедиция 1927 г. на Мозырщину [8]. В пожаре войны безвозвратно погибли ценные материалы ряда предвоенных экспедиций: Полесской 1932 г., Гомельской 1935 г., Бобруйской 1938 г., Пинской и Барановичской 1940 г. Планомерное этнографическое изучение Полесья началось лишь в наши дни в связи с задачей создания «Историко-этнографического атласа Белоруссии» [9], который, судя по проекту, вновь подведет общие итоги более чем векового развития белорусской этнографии и создаст прочную базу дальнейших систематических исследований в этой области.

Начало индустриализации Полесья, коренные социальные перемены в жизни полесской деревни, развитие сети школ, более тесная связь деревень с городами, рост самих городов, радио, кино и другие средства современной культуры быстро нивелируют этнографические и диалектные различия и особенности, а часто и стирают их вовсе. Необходимо в ближайшие годы, пока еще не исчезла возможность сбора и регистрации материала, на всей территории Полесья приступить к его собиранию и изучению методами современной этнографии и, может быть, даже поставить задачу создания этнографического атласа Полесья, который был бы тесно связан с лингвистическим и дополнял общебелорусский.

Антропологическое исследование Полесья с довольно редкой, но вполне достаточной для решения поставленных задач сеткой было недавно проведено М. В. Витовым. Ценность его еще не опубликованных работ по антропологии полесской зоны повышается тем, что он рассматривает Полесье как часть более широкого ареала, включающего почти всю украинскую зону вплоть до Карпатских гор. При этом известные и ранее науке карпато-полесские связи находят новое подтверждение.

В археологическом аспекте Полесье до недавнего времени было плохо исследовано и хранило немало тайн и загадок. И, вероятно, не случайно К. Яжджевский в 1949 г. в своем «Атласе славянской предыстории» [10] оставил белое пятно для Полесья, рассматривая его до начала нашей эры как своего рода terra incognita или terra vasta. Недостаток надежного археологического материала давал повод некоторым ученым предполагать для отдельных древних периодов малую или почти полную незаселенность обширных лесов и болот бассейна Припяти, частую миграцию и смену этнических групп, неавтохтонность современного полесского населения даже по отношению к сравнительно позднему историческому периоду и т. п. Усилиями ряда советских археологов (Л. Д. Побо-

---

[8] *См. Н. И. Лебедева. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.*

[9] *См. В. К. Бондарчик, А. И. Залесский. Из опыта работы над историко-этнографическим атласом Белоруссии. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года». Кишинев, 1967, стр. 48—50.*

[10] *K. Jażdżewski. Atlas to the prehistory of the Slavs. Łódź, 1949.*

ля, Б. В. Миролюбова, И. В. Бирули, К. В. Каспарова, В. Б. Никитина) и более всего трудами неутомимого Ю. В. Кухаренко[11] была установлена приемственность археологических культур на территории Полесья и высказано обоснованное мнение об относительной древности и устойчивости славянского населения Полесья, прежде всего западной его части.

Представление о древнем Полесье как о некоем незаселенном или малозаселенном оазисе с непроходимыми болотами и лесами, разделявшем балтийские и славянские племена, оказывается лишенным основания. Полесье всегда было довольно густо заселено и, начиная примерно с неолитического периода вплоть до начала средневековья, несмотря на свои специфические, но однообразные физико-географические и климатические показатели, отличные от показателей окружающих территорий, делилось довольно четко на две части — восточную и западную. Граница Западного и Восточного Полесья долгое время была границей славян и балтов, пока, наконец, примерно к концу I тысячелетия н. э. Полесье не стало в общем целиком славянским, но не единым по своим этнографическим и языковым особенностям. Наличие в этом сборнике обобщающей и итоговой для целого этапа археологических работ статьи Ю. В. Кухаренко освобождает нас от необходимости даже краткого изложения существа вопроса. Хотелось бы только подчеркнуть, что установленная археологами граница Восточного и Западного Полесья, граница культур, прослеживаемая от древних доисторических времен вплоть до эпохи Киевской Руси — *по Ясельде до впадения в Припять, по Припяти до впадения в нее Горыни и по Горыни* — иногда почти до деталей, иногда с известными отклонениями совпадает с современной диалектной границей, с линией, где проходят основные фонетические и морфологические изоглоссы, о которых речь будет несколько ниже. И хотя многие лингвисты и археологи требуют чрезвычайно осторожного отношения к случаям совпадения современных (и даже исторических) диалектных изоглосс и границ археологических ареалов, предостерегая представителей обеих наук от поспешных выводов на основании таких совпадений, призывая к тщательной проверке материала и независимой от данных другой науки стратиграфии явлений, подобные совпадения не могут быть игнорированы и остаются научным фактом, требующим своего объяснения, а не скептического отношения.

Этнографические, археологические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что проблема древнего славяно-балтийского Полесья — это во многом проблема восточнославянского этногенеза и проблема славянской прародины, хотя, вероятно, Полесье

---

[11] *См. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, САИ, Д1-29. М., 1965; он же. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1-57 М., 1961 и другие работы.*

было не более, чем примыкающая к ней зона. Естественно, что решение древней лингвистической (а тем самым во многом и этнической) судьбы Полесья не может быть основано на одном полесском материале. Необходимы широкие сравнительные исследования с привлечением других диалектов и славянских языков, позволяющие установить относительную, а иногда даже и абсолютную хронологию фактов. До недавних пор лингвисты ощущали недостаток именно в современных полесских данных, в планомерно собранных и территориально соотнесенных друг с другом фактах.

Обращаясь к вопросу о возможностях создания полесской исторической диалектологии и реконструкции языкового состояния древних эпох, невольно вспоминаешь достаточно тривиальные, но по-прежнему актуальные для нашей науки слова Д. К. Зеленина, обращенные к этнографам: «...этнографические исследования, идущие от форм древнего быта к формам современного быта, будут стоять на вполне прочной почве лишь в том случае, если для исследователя уже ясна система — классификация современных типических форм быта и их взаимные воздействия» [12].

Именно систематизация и классификация современных диалектных фактов и их синхронно-типологическое представление являются первой и насущной задачей лингвистического изучения Полесья. Нельзя сказать, что в этом отношении ничего не сделано. В изданном к Софийскому съезду славистов «Диалектологическом атласе белорусского языка» [13], находящемся в печати первом томе «Атласа украинского языка (Полесье, средняя Надднепрянщина и прилегающие земли)», в подготавливаемом к печати во Львове втором томе украинского атласа (Западное Полесье, Волынь, Надднестрянщина, Прикарпатье, т. е. Западная Украина до 28-го меридиана), наконец в ожидающем своего выхода в свет «Лингвистическом атласе Нижней Припяти» Т. В. Назаровой довольно четко выявлены основные фонетические и морфологические изоглоссы, как отделяющие Полесье от других диалектных зон, так и объединяющие его с ними. Таким образом, Полесье при всем своем своеобразии не представляет замкнутого ареала, а обнаруживает ряд связей с соседними территориями. Если говорить, например, о лексике, то можно обнаружить соответствия с западной мазовецкой зоной, с южной карпатской зоной, с юго-восточной черниговско-брянской, наконец, с северными псковской, новгородской и олонецко-архангельской зонами, не говоря уже о связи с ближайшими белорусскими и украинскими зонами. Архаичность ряда полесских лексических черт связывает Полесье и с южнославянским диалектным континуумом, с отдельными его говорами, с некоторыми западнославянскими говорами.

---

[12] *Дм. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», r. V, s. 2. Praha, 1926, стр. 303.*

[13] *«Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы». Мiнск, 1963.*

Следует отметить также лингвистическую неоднородность самого Полесья. Наибольшее число внутриполесских изоглосс проходит по линии, уже известной в качестве границы археологических культур,— Ясельда — Припять — Горынь, иногда с некоторыми отклонениями северо-восточной границы по линии Лань — Горынь или Случь — Горынь, затем с отклонением северо-восточной и восточной границы — Лань (или Случь) — Припять — Уборть и, наконец, с незначительными отклонениями на территории Украины от Горыни к западу до Стыри (частью в междуречьи Стыри и Горыни) и к востоку.

По границе Горынь — Припять — Ясельда проходят изоглоссы, разделяющие типы безударного вокализма после мягких согласных [14], рефлексы ь и ĕ под ударением [15], мягкость и твердость губных перед гласными переднего ряда, переднеязычных, цеканье-дзеканье [16], падежные формы дательного и местного падежа мужского рода (*на быкóві — на быкý*) [17], формы множественного числа прилагательных (*молодыі — молодыя*) [18], формы родительного и творительного падежа местоимений женского рода (*тэе, за тэю — таé, за той, за тою, за таéю* и др.)[19], ряд форм глагола настоящего времени [20], императива [21], инфинитива [22], ряд словообразовательных моделей (*дытына — дзіця; гусячы — гусіны* и др.)[23] и др.

По границе Горынь — Лань (иногда и Случь) проходят изоглоссы, разделяющие явления сохранения *ы* после губных и перехода *ы* > *у* [24], твердости и мягкости губных перед *е* [25], сочетаний *чн — шн* [26], произношения *шчо — што* [27], форм творительного падежа ед. числа существительных типа *порося* (*поросятам — поросям*) [28] и ряд других.

Некоторые изоглоссы, делящие Полесье на территории БССР, проходят также по границе Уборть — Случь или Лань и идут часто далеко на север, разграничивая почти всю белорусскую языковую территорию [29]. Что касается основных изоглосс на украинской территории, то они тоже в большинстве своем

[14] См. «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карты № 4, 5, 6, 7, 10, 11, 15, 16, 18.
[15] См. там же, карты № 29, 30, 31, 34.
[16] См. там же, карты № 52, 53, 55, 56, 57.
[17] См. там же, карта № 73.
[18] См. там же, карта № 127.
[19] См. там же, карты № 135, 137.
[20] См. там же, карты № 150, 151, 156.
[21] См. там же, карты № 167, 168, 170.
[22] См. там же, карты № 173, 178, 179.
[23] См. там же, карты № 85, 184.
[24] См. там же, карты № 22, 24, 37, 38, 39, 41.
[25] См. там же, карта № 53.
[26] См. там же, карта № 64.
[27] См. там же, карта № 63.
[28] См. там же, карта № 87.
[29] См. там же, карты № 49, 59, 175, 203, 251, 261, 263 и др.

проходят по Горыни, иногда, как было отмечено выше, с небольшими отклонениями [30].

Если же говорить о лексических изоглоссах, выявленных белорусским и украинским атласами, то следует отметить, что их число не так велико, как можно ожидать, что объясняется прежде всего спецификой программ, уделявших этому уровню языка сравнительно мало внимания и не всегда удачно формулирующих вопросы. Тем не менее белорусский лингвистический атлас дает сведения о ряде лексических изоглосс по той же линии Ясельда — Припять — Горынь [31]. Однако наиболее ценным трудом по географии полесской лексики до сих пор остается атлас польского диалектолога Юзефа Тарнацкого «Сравнительное исследование по географии слов (Полесье — Мазовия)» [32], который следует признать первым систематическим опытом картографирования на восточнославянской территории, так как лингвистические опыты П. А. Бузука [33] носили слишком предварительный характер и не были основаны на фронтально собранном материале. Отдавая должное превосходной работе Ю. Тарнацкого, следует, однако, отметить, что он не мог исследовать всего Полесья, так как граница его атласа на востоке лишь немного переходит линию рек Лань — Горынь, т. е. соответствует советско-польской границе до 1939 г., до воссоединения белорусских и украинских земель. Тем не менее самая западная часть восточнополесских говоров представлена в его атласе. Помимо территориального ограничения был ограничен и избранный Ю. Тарнацким круг лексики. Исследование проводилось им по принципу «от значения к слову» [34], причем было выбрано 184 семемы («значения»), из которых 22 относились к строитель-

---

[30] *Мы остановились в основном на вопросе об изоглоссах, разделяющих Западное и Восточное Полесье. Однако можно отметить и ряд изоглосс, делящих Восточное Полесье на две части — белорусскую и украинскую. Благодаря последним очень тщательным и важным для восточнославянской диалектологии исследованиям Т. В. Назаровой, итогом которых явился упомянутый выше атлас Нижней Припяти, установлен на крайнем востоке Полесья пучок изоглосс, идущий с севера на юг по Днепру до впадения в него Припяти, затем — вверх по течению Припяти до г. Наровля и далее — на запад. Эта граница с некоторой степенью «размыва» по обе стороны от Припяти отделяет в общем украинские языковые явления от белорусских. К числу таких украинских явлений относятся:* [е] *после шипящих перед этимологическим мягким согласным (пшен'ица); отсутствие последовательной протезы перед ударным* [о] *(óко); формы 1-го лица ед. числа глаголов на* [г], [к]: *бережý, печý и др. К числу белорусских явлений относятся: переход* [е] > [о] *под ударением в сочетаниях t'et (з'ел'они), мягкость* [т], [д], [с], [з], [н], [л] *перед* i *(т'iхо, н'iва) и др. См. также: Т. В. Назарова. Украинско-белорусская языковая граница в районе Нижней Припяти. В сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964.*

[31] *«Дыялекталагiчны атлас беларускай мовы», карты № 235, 238, 244, 246, 252, 258, 292, 304 и др.*

[32] *J. Tarnacki. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1939.*

[33] *П. Бузук. Спроба лiнгвiстычнае географii Беларусi. Мiнск, 1928.*

[34] *Только одна карта атласа Ю. Тарнацкого выполнена по принципу «от слова к значению» — карта на лексему обрóк.*

ному делу (постройкам), 23 — к одежде, 20 — к орудиям труда, 13 — к домашнему скарбу, 21 — к транспорту и коммуникациям, 8 — к земледелию, 6 — к пище, 22 — к растительному миру, 24— к животному миру и 5 — к рубрике «разное». Естественно, что ни одна лексическая группа не могла быть рассмотрена с достаточной полнотой. Однако все группы в целом давали наглядное и в общем точное представление об основном лингво-географическом членении Полесья, которое существенно также и для определения основных этнографических зон, так как по совету проф. К. Мошинского и проф. В. Дорошевского автор избрал круг лексики, связанной с реалиями, характерными для полесской материальной культуры. Таким образом, преследовалась задача, поставленная позже и перед полесскими лингвистическими экспедициями 1962—1965 гг.,— максимально приблизить языковедческие проблемы к этнографическим. Другая задача, определенная Ю. Тарнацким в самом заглавии его атласа,— установить лексические полесско-мазовецкие соответствия, решалась попутно и не во всех случаях одинаково удачно. Неоднократно в число соответствий попадали слова со значительно более широким ареалом, т. е. такие, которые трудно определить как мазовецко-полесские в строгом смысле этого слова, известные далеко за пределами Полесья и Мазовии (*bicz*, *chlew*, *lódka*, *motika* и многие др.), в том числе и относительно поздние заимствования (*farba*, *kartofle* и др.). Бесспорной заслугой Ю. Тарнацкого является, однако, то, что он едва ли не первый среди славянских диалектологов использовал статистическое исчисление степени лексической близости полесских диалектов друг к другу. Если взглянуть на его «Карту языкового родства» полесских говоров, приложенную к атласу, то можно увидеть в общем ту же основную линию по Ясельде, Припяти и Горыни со значительной зоной «размыва» по обе стороны от этой границы.

* * *

Обращаясь к статьям, помещенным в настоящем сборнике, отметим, что в основном к тем же выводам на материале только одной семантической группы названий одежды и обуви пришла А. С. Соколовская, применившая формулу Ю. Тарнацкого, а также формулу и метод сравнения Я. Чекановского и Ю. И. Левина. Статья А. С. Соколовской является кратким рефератом ее большой неопубликованной работы по полесским названиям одежды и обуви. В этой работе описываются все зафиксированные в говорах лексемы и семантические сдвиги в пределах семантических микроструктур (перестановка лексем, «прибытие», «выбытие» лексем и т. п.), которые могут быть в общем выявлены и читателем в результате внимательного знакомства со словарем полесских названий одежды и обуви того же автора, публикуемом одновременно в сборнике «Лексика Полесья». А. С. Соколовская знакомит нас с итога-

ми статистических подсчетов и дает возможность сравнить данные, полученные путем применения трех упомянутых формул и методов. Несомненный интерес представляют подсчеты по формуле Ю. И. Левина, где учитываются не только схождения и расхождения на лексемном уровне, но и различные семантические процессы, т. е. дается не чисто синхронная, а синхронно-диахронная, или синхронно-динамическая характеристика фактов. Однако именно эти подсчеты следует признать в известной мере условными или проблематичными, так как пока остается спорным, систему какого говора, конкретно какие пары семем (микроструктуры) следует брать за исходные и достаточно ли объективны основания, по которым приписываются те или иные «веса» операций.

Попытка исчислений на основе сравнения не отдельных семемных пар, а целых семантических полей цвета по той же формуле Ю. И. Левина предпринята В. А. Московичем в публикуемой статье «Из полесской терминологии цветообозначений». При этом автор уделил внимание не только полесскому, но и карпатско-украинскому ареалу, а также контактирующим с ним русским, румыно-молдавским, цыганским и идиш говорам и привел для сравнения отдельные системы говоров болгарского, польского, сербско-хорватского, албанского, гагаузского языков. Таким образом, полесская система обозначений оказалась представленной на широком фоне славянских и неславянских диалектов. Весьма ценно описание названий мастей животных и их кличек по масти, а также вытекающие из него лингво-географические выводы автора, согласно которым в Полесье «исконная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде» и объединена изолексами с другими славянскими территориями, в том числе и с южнославянской (правда, ряд полесско-южнославянских изолекс прерывается в районе Буковины и части Закарпатья) [35]. Несомненный интерес могут представить и общетеоретические наблюдения и выводы В. А. Московича, в первую очередь о соотношении основных систем и специализированных подсистем в говорах и о перестройках семантических полей в зонах языковых контактов.

Статья Л. Т. Выгонной «К системному описанию полесских названий земельных угодий», написанная на основе части словаря земледельческой терминологии, публикуемого в сборнике «Лексика Полесья», показывает возможность интерпретации материала в виде серии семантических микрополей. Микрополя строятся на основе ряда семантических дифференциальных признаков, для которых устанавливается определенная иерархическая последовательность. Последнее весьма существенно для общей теории семантических полей.

---

[35] *К сожалению, эта важная для решения ряда праславянских проблем и проблем, связанных с более поздними славянскими миграциями и контактами, группа лексики до сих пор остается почти вне поля зрения славянских диалектологов.*

Рыболовецкие термины и названия полесских рыб приводятся в работе А. А. Кривицкого «Из словаря полесских рыболовов». Ее дополнением послужит статья того же автора «Из наблюдений над названиями рыб в одном говоре Полесья», которая будет опубликована в сборнике в честь К. К. Крапивы.

Описательно-этнографический характер носит статья В. Л. Веренича и А. А. Кривицкого о лексике горшечников с. Городное, бывшего еще во времена Киевской Руси укрепленным городищем. Городное — старинный полесский гончарный центр, сохранивший архаический и достаточно примитивный способ производства глиняной посуды. Дополнением к ней явится интересная работа Г. А. Цыхуна, посвященная названиям полесской посуды, бочек, кадок и домашней кухонной утвари, которая по техническим причинам не попала в настоящий сборник и будет опубликована отдельно.

Топонимика Полесья, хранящая ценные сведения по истории края, способная дать новый материал для решения этногенетических проблем восточных славян и всего славянства в целом, еще ждет своего собирателя, систематизатора и исследователя. Достаточно полно и последовательно собрана только гидронимика и то лишь ее часть, хотя и основная, относящаяся к Днепровскому бассейну [36]. Материал П. Л. Маштакова позволил В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву восстановить в общих чертах древнюю этническо-диалектную дифференциацию Верхнего Поднепровья: географию балтийских, иранских, волжско- и западнофинских гидронимов, словообразовательные типы и ареалы славянских названий рек [37]. Несомненно, более полная картина создалась бы в результате привлечения микротопонимики — названий многочисленных озер, болот, урочищ и т. п. Поэтому сбор материала по топонимике Полесья, создание картотеки, а затем и топонимического атласа — задача очень важная. Пока же лингвистам приходится довольствоваться данными, собранными не лингвистами и не для лингвистических целей, а для целей географическо-статистических. Тем не менее их обработка вкупе с материалами исторических актов может дать любопытные результаты, как видно из одного фрагмента полесской топонимики, из рассмотрения ареалов суффиксов *-ичи*, *-овичи*, *-иничи* и *-овцы*, *-инцы*, предложенного В. А. Никоновым в статье «Две волны в топонимии Полесья».

С проблемой изучения микротопонимики Полесья тесно связана задача собирания и анализа полесских географических терминов, географических апеллятивов, служащих базой для формирования многих местных топонимов. Полесские географические термины и их связь с аналогичными терминами других славянских

---

[36] *См. П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.*

[37] *См. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.*

диалектных зон исследуются в отдельной монографии Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология (семасиологические этюды)». В свое время эта важная для решения ряда этно- и лингвогенетических проблем сфера полесской лексики была рассмотрена в упомянутой выше работе К. Мошинского [38]. В последнее время появились словари-исследования по сербскохорватской, словенской и польской географической терминологии [39]. Включенный в настоящий сборник словарь Т. А. Марусенко «Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефа)» восполняет существенный пробел в изучении восточнославянских оронимов и помогает установить связь полесской географической терминологии с терминологией карпато-украинской и общеукраинской. Ценность «Материалов» Т. А. Марусенко не только в том, что в них собрана лексика из многочисленных, в том числе и очень редких, украинских словарей,— «Материалы» предоставляют в распоряжение исследователя новые данные, зафиксированные анкетным методом в 191 пункте Украины. Это позволяет в ряде случаев уточнить географию слов и уяснить их семантическую эволюцию, точнее определить их отношение к географическим терминам соседних славянских диалектных территорий.

Лингвистическое исследование полесских диалектов, как и почти всех других славянских диалектных зон, начиналось с описания отдельных фонетических особенностей, значительно реже отдельных фонетических систем. Отрывочные сведения по полесской фонетике можно найти в старых этнографических описаниях и в ряде общих и частных диалектологических штудий [40]. Из последних монографических исследований полесских говоров на территории БССР с довольно подробным описанием фонетического строя можно отметить лишь работы И. И. Зенько по пружанским говорам [41], Д. С. Телентюк по лунинецким говорам [42] и Н. Т. Войтович и Т. В. Назаровой по ельским говорам [43].

Наиболее полные сведения по фонетике всей полесской территории мы черпаем из тех же атласов белорусского и украинского

---

[38] *См.* К. Moszyński. *Uwagi...*

[39] *См.* J. Schütz. *Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957;* R. Badjura. *Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953;* P. Nitsche. *Geographische Terminologie des Polnischen. Köln — Graz, 1964.*

[40] *Более подробные сведения см. в книгах: «Бібліяграфічны ўказальнік літаратуры па беларускаму моваязнаўству». Мінск, 1960;* Ф. Т. Жилко. *Говори української мови. Київ, 1958 и в статье Т. В. Назаровой в настоящем сборнике.*

[41] И. И. Зенько. *Говоры Пружанского района Брестской области. (Автореферат канд. дисс.). Минск, 1953.*

[42] Д. С. Телентюк. *Лунинецкие говоры. (Автореферат канд. дисс.). Ленинград, 1950.*

[43] Н. Т. Войтович. *Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах. В сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964;* Т. В. Назарова. *Украинские говоры Нижней Припяти. (Автореферат канд. дисс.). Киев, 1963.*

языка и регионального атласа Т. В. Назаровой. Публикуемая в этом сборнике статья М. И. Лекомцевой и С. М. Толстой «Фонологический комментарий к полесским диалектам», не претендующая на полноту фонологического описания полесских диалектов на территории БССР, предлагает краткий обзор и интерпретацию типологически существенных черт полесской фонологии, прежде всего в области вокализма. Полесский материал позволяет дополнить и в некоторой степени корректировать существовавшее до сих пор представление об организации систем безударного вокализма в окающих говорах.

Статья Т. В. Назаровой «Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров», основанная в большей части на собственных наблюдениях автора, подводит итог многолетним дискуссиям о полесских дифтонгах и дает их характеристику в связи с общим описанием диалектных вокалических систем. Учет географического аспекта повышает ценность этой исключительно строгой по отношению к материалу работы. Благодаря многочисленным трудам Т. В. Назаровой юго-восточное украинское Полесье района Нижней Припяти оказывается наиболее изученной в фонетическом и морфологическом отношении частью Полесья.

Тем не менее еще предстоит сделать описание фонологических систем Полесья в целом и их типологическую классификацию. В. В. Мартынов справедливо отметил важность изучения этого диалектного уровня наряду с анализом семантических микроструктур и топонимического материала для решения ряда этно- и лингвогенетических проблем Полесья [44].

Наконец проблематика современной диалектологии, обращенная не только к синхронному описанию и классификации говоров, к определению изоглосс и ареалов, но и к задачам исторического изучения языка, а тем самым косвенно и к этногенетическим проблемам, не может обойти стороной общие вопросы исторической диалектологии, так же как и вопросы истории отдельных диалектов. Современная рутенистика еще далека, вероятно, от возможности создания истории полесских диалектов, которая была подобна хотя бы «Очеркам истории украинских закарпатских говоров» Ивана Панкевича [45]. Памятники письменности, возникшие на территории Полесья, неоднородны по своему составу и языку. Общий белорусско-украинский язык, принятый в канцеляриях и культурно-религиозных центрах Западной Руси, будучи книжно-литературным языком, обычно нивелировал особенности живой речи писцов, что сильно затрудняет точное определение их диа-

[44] *См. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4.*

[45] *І. Панькевич. Нарис історії українських закарпатських говорів. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica». Praha, 1958.*

лектной принадлежности. Эта принадлежность часто легче определяется при анализе языка грамот (которые к тому же почти всегда датированы и локализованы), труднее — при анализе языка полемической, эпистолярной и дидактическо-богословской литературы. В связи с этим особую ценность имеют памятники, писанные арабским письмом, передающие почти с точностью транскрипции живую народную речь. Описанию этих, к сожалению еще почти совсем не введенных в научный лингвистический обиход, рукописей, главным образом так называемых ай-китабов, посвящена статья А. К. Антоновича «Краткий обзор белорусских текстов, писанных арабским письмом». А. К. Антонович дает описание 21 рукописи XVII—XX вв. (к XX в. относится только одна рукопись, свидетельствующая о длительности арабской письменной традиции), часть из которых он сам впервые изыскал. Несколько рукописей по языку и другим данным можно отнести к Полесью и к прилегающим к нему диалектным зонам. Особый интерес представляет один из старейших китабов — Казанский китаб 1648 г., хорошо отражающий восточнополесские диалектные особенности.

* * *

Естественно, что статьи, представленные в настоящем сборнике, не охватывают, а тем более и не решают всей проблематики, связанной с лингвистическим изучением Полесья. Тем не менее они вместе с отдельными тематическими словарями, помещенными в сборнике «Лексика Полесья», вводят в научный обиход новый материал и обращают внимание на некоторые возможности его интерпретации. В целом их следует рассматривать как итог первого предварительного этапа работы полесских лингвистических экспедиций, которые будут продолжены и в будущем и которые ставят своей конечной задачей создание атласа полесских говоров и большого областного полесского словаря.

Ю. В. Кухаренко

ПОЛЕСЬЕ И ЕГО МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН
(По материалам археологических исследований)

Почти все исследователи, занимающиеся вопросами этногенеза славян, в своих теоретических построениях и предположениях придают большое значение Полесью — этой обширной и весьма своеобразной области, находящейся в центре славянского мира. Особый интерес к Полесью проявляли и проявляют лингвисты, которым в решении этногенетических проблем принадлежит решающее слово. Напомню, что в свое время они рассматривали Полесье как прародину индоевропейцев (Т. Пеше), затем появилась теория о полесской прародине славян (Я. Ростафинский, Я. Пейскер, М. Фасмер, Г. Улашин), о так называемом полесском озере — непроходимом болотистом барьере, разделившем в древности славян и балтов и тем самым нарушившем их первоначальное единство (Я. Розвадовский, А. Сенн, В. Кипарский, отчасти С. Б. Бернштейн и Б. В. Горнунг), о том, что Полесье в древности было заселено в основном балтами и лишь в начале средневековья его колонизировали славяне (А. Кочубинский, К. Буга) и т. д. В самое последнее время лингвистами высказывается также мнение, что Полесье следует рассматривать либо как часть славянской прародины — в случае, если последняя находилась в Приднепровье, либо как район первой славянской миграции — если прародину локализировать на западе, в бассейне Вислы и Одера [1].

Но, как известно, чем больше мнений, тем меньше определенности. Сами лингвисты поэтому пришли к выводу, что решение вопроса о месте Полесья в процессе этногенеза славян во многом зависит от археологии, точнее от сопоставления лингвистического атласа Полесья с атласом археологическим [2]. Составлением лингвистического атласа Полесья они и занимаются в последние годы.

---

[1] В. В. Мартынов. *Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение». 1965, № 4, стр. 70.*
[2] В. В. Мартынов. *Указ. соч., стр. 70.*

Археологический же атлас Полесья в основном уже создан и опубликован в виде отдельных выпусков «Свода археологических источников СССР» [3].

До создания этого атласа Полесье, несмотря на то, что на его территории было известно довольно много различных памятников, на археологических картах расселения древних славян выглядело белым пятном [4]. И это понятно, поскольку памятники, известные в то время на территории Полесья, были почти не изучены, а культурно-историческая принадлежность их и время существования не были определены. По сути дела археологи располагали тогда лишь материалами из некоторых средневековых памятников, исследованных в восточных районах Полесья, и случайными вещами, собранными на поселениях каменного века. Памятники же эпохи бронзы и раннего железного века не были известны вовсе. Поэтому археологи утверждали тогда, что Полесье было очень слабо заселено в древности и что в течение длительного времени — с конца неолита и вплоть до первых веков нашей эры — оно вовсе не было заселено человеком [5]. Это обычно объясняли, а некоторые исследователи и теперь объясняют частыми затоплениями, сильной заболоченностью, низким плодородием почв и вообще чуть ли не полной непригодностью Полесья для обитания большого количества людей [6]. Тем самым археологами отрицалась возможность локализации в Полесье прародины славян и утверждалось, что славяне колонизовали эту территорию сравнительно поздно в результате движения с запада, из области распространения лужицкой культуры [7].

Такая гипотеза, конечно, не могла удовлетворить не только лингвистов, но и самих археологов, поскольку она не была подтверждена фактическими материалами, а вытекала из предполагаемого их отсутствия. Отсутствие материалов, которых, кстати сказать, никто тогда и не искал по-настоящему, явилось, таким образом, основанием для далеко идущих исторических выводов о месте Полесья в процессе этногенеза славян и их ранней истории. Вот почему для ответа на этот же вопрос археологам пришлось проделать большую работу по сбору материала и его систематизации, поискам недостающих звеньев в хронологической цепи развития древней культуры Полесья, установлению границ распространения отдельных культур, определению времени их существования

---

[3] *Ю. В. Кухаренко. Первобытные памятники Полесья. М., 1962; он же. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961; он же. Средневековые памятники Полесья. М., 1961.*

[4] *См. например: K. Jażdżewski. Atlas do pradziejów Słowian. Lódź, 1949, карты 2—8.*

[5] *T. Sulimirski. O poleskiej praojczyznie Słowian. ZOW, R. XIV. Poznán, 1939, стр. 33—42.*

[6] *T. Sulimirski. Указ. соч., стр. 33—42; J. Frieman. Polesie nie mogło być praojczyzna Słowian. «Przegląd Archeologiczny», t. XIII, Wrocław, 1961, стр. 108—122.*

[7] *T. Sulimirski. Указ. соч., стр. 33—42; J. Filip. Počatky slovanského osidleni v Československu. Praha, 1946; K. Jażdżewski. Указ. соч., стр. 43—44.*

и т. д. Сейчас эта начальная стадия археологического изучения Полесья завершена. Настало время подвести некоторые предварительные итоги, касающиеся специфики этой территории и характера ее заселения в древности.

Прежде всего следует решительно отбросить как не соответствующие действительности мнения о длительном перерыве в заселении Полесья, вызванном якобы его затоплением, о чрезвычайно слабой заселенности этой территории из-за плохих жизненных условий и т. д. Никаких перерывов в заселении Полесья, вызванных его затоплениями, не было и не могло быть хотя бы потому, что сами эти затопления, по утверждениям геологов, происходили еще до заселения этой территории человеком. Последнее затопление, например, имело место в период отступления ледника [8]. Несмотря на сильную заболоченность, Полесье сравнительно густо заселено теперь и, как показали исследования последних лет, почти столь же густо, притом без каких-либо длительных перерывов, было заселено и в древности. Относительно низкая урожайность почв Полесья компенсируется и, конечно, еще в большей степени компенсировалась в древности почти неограниченными возможностями для выпаса и содержания скота. В сочетании с другими формами хозяйства этого было вполне достаточно для прокормления населения Полесья. Одним словом, условия для жизни в Полесье были нисколько не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше, чем в соседних с ним районах. Вот почему Полесье никогда не пустовало. Чтобы не быть голословным, приведу факты.

Наиболее древние поселения на территории Полесья, судя по имеющимся материалам, относятся к мезолиту. Это, по-видимому, соответствует и действительному времени первоначального заселения Полесья, поскольку в позднепалеолитическое время эта область была затоплена талыми водами отступающего ледника и в силу этого мало пригодна для жизни человека. Обитание было возможно лишь на немногих возвышенностях в пределах Мозырьской гряды. Не случайно именно там, но уже за пределами изучаемой нами территории и была открыта известная позднепалеолитическая стоянка у дер. Юревичи — самое древнее и пока что единственное палеолитическое поселение в Полесье.

Мезолитические поселения Полесья, как правило, располагаются на прибрежных дюнах. Сами эти дюны, по утверждениям геологов, возникли не ранее начала периода дриаса и долгое время подвергались перевеиваниям. Лишь в бореальный период, т. е. примерно в VIII—VII тысячелетиях до н. э., в связи с общим потеплением полесские дюны покрываются лесной растительностью и закрепляются. Но и после этого, вплоть до наших дней, многие дюны в местах, лишеных растительного покрова, продолжают раз-

---

[8] *М. М. Цапенко. К вопросу о геологической природе Полесья. «Известия Академии наук БССР. Серия геологическая», № 2. Минск, 1947, стр. 100—103.*

веиваться. Именно в этих обнаженных ветром местах на поверхности дюн мы и находим следы древнейших мезолитических поселений. Вещи, собранные на поверхности этих поселений (а это исключительно кремневые орудия), в типологическом отношении относятся к двум культурам: свидерской и тарденуазской. Свидерскими по типу, например, являются характерные наконечники стрел из пластинок, боковые резцы, концевые скребки и односторонние нуклеусы. Тарденуазскими — небольшие вкладышевые геометрические орудия в виде высоких треугольников и трапеций и небольшие округлые скребки. Нередко и свидерские и тарденуазские кремневые орудия встречаются вместе, на одних и тех же местах. Поселений с более или менее чистыми сериями вещей известно не много. С этой точки зрения свидерскими поселениями могут быть Нобель, Колодно, Галачево, Добронечь, Шумаки и некоторые другие стоянки западных районов Полесья; тарденуазскими — Прилуки, Заказанка, Пища, Выжва, Хабарище, Невир, Одрижин, Любязь, Буйразь, Конотоп, Березно, Каменное и ряд подобных же стоянок, известных как в западных, так и в восточных районах Полесья. В культурно-историческом отношении мезолитические стоянки Полесья вместе с аналогичными памятниками соседних районов Белоруссии и Литвы ближе всего к памятникам так называемого мазовшанского позднепалеолитического и последовавшего за ним мезолитического циклов Повисленья.

Заселение Полесья, начавшееся в мезолите, продолжалось и в неолитическое время. По сравнению с предыдущей эпохой в этот период число поселений значительно возрастает. Как и мезолитические стоянки, они располагались на прибрежных дюнах, реже, притом только поселения, относящиеся к культуре так называемой гребенчатой керамики,— в поймах рек. На поверхности поселений встречается довольно много кремневых орудий и обломков глиняных сосудов. Среди кремневых орудий чаще всего попадаются различные скребки и ножевидные пластинки, листовидные наконечники стрел, небольшие орудия типа пик и клиновидные топоры. Обломки глиняных сосудов, собранные на поселениях, относятся к трем основным культурам: гребенчатой керамики, воронковидных кубков и шаровидных амфор.

Поселения культуры гребенчатой керамики наиболее многочисленны и распространены по всей территории Полесья. Характерной их особенностью является наличие на многих из них микролитических кремневых орудий мезолитических форм. Некоторые из поселений даже расположены на местах старых мезолитических стоянок (Нобель, Носки, Буйразь, Хильчицы и др.). Еще недавно, исходя из чисто формальных соображений, полесские поселения с гребенчатой керамикой вместе с подобными же поселениями соседних районов Польши, Белоруссии и Прибалтики объединяли в одну группу со стоянками с ямочно-гребенчатой керамикой лесной полосы Европы и Азии и считали их прафинскими. Появле-

ние этих поселений в интересующих нас районах и далее к западу объясняли поэтому вторжением туда прафинов. Исследования последних лет показали, что эти поселения составляют особую культуру, вернее группу родственных культур, сложившуюся на основе местных мезолитических культур (М. Е. Фосс, Т. Сулимирский, А. А. Формозов, А. Гардавский, Д. Я. Телегин). Наиболее вероятное время существования полесских поселений с гребенчатой керамикой — IV—II тысячелетия до н. э.

В отличие от поселений с гребенчатой керамикой, поселения культуры воронковидных кубков немногочисленны и известны только в западных, соприкасающихся с Польшей районах Полесья (Владинополь, Пища, Цытылья, Ковель, Гридки, Сереховичи, Выжва, Божья Воля, Вулька Качинская, Вулька Щитинская, Хабарище, Невир, Ляховичи, Носки, Колки). Самые южные из них расположены на открытых лёссовых участках, остальные, как обычно в Полесье,— на прибрежных дюнах. Раскопки на поселениях не производились. Судя же по подъемному материалу и району распространения, полесские поселения культуры воронковидных кубков вместе с подобными же памятниками соседних районов Волыни и Польши представляют собой окраинную, наиболее удаленную к востоку группу этой культуры, занимавшей тогда в Европе довольно обширную территорию. Долгое время считалось, что эта культура сложилась в Ютландии, а затем распространилась в остальные районы Европы, в том числе и на Полесье (К. Яжджевский). Теперь, после исследований К. Беккера, доказавшего, что памятники Ютландии не являются самыми древними, большинство археологов ищет истоки культуры воронковидных кубков в центральных районах Европы. Т. Сулимирский, например, полагает, что культура эта сложилась в районе между Эльбой и Вислой и что связующим звеном между нею и местными мезолитическими культурами является польская группа культуры гребенчатой керамики (мазовшанская культура). Но как бы ни решился этот вопрос в будущем, в настоящее время почти все исследователи согласны с тем, что в районах к востоку от Вислы, а следовательно, и на Полесье культура эта чуждая, пришлая с запада. Наиболее вероятное время ее появления и существования на нашей территории — середина III тысячелетия до н. э. (Ю. Н. Захарук). Прекращение функционирования поселений культуры воронковидных кубков в восточных районах ее распространения обычно связывают с внезапным вторжением на эту территорию каких-то новых пришельцев (Т. Сулимирский, Я. Ковальчик). Доказательством этого является картина разрушений и пожарищ, наблюдаемая во время раскопок на поселениях соседних с Полесьем районов (Грудек Надбужный, Лежница, Грабова Гора). Полагают также, что пришельцами этими скорее всего были племена культуры шаровидных амфор, памятники которых появляются в Полесье, на Волыни и Подолии в период при-

мерно от 2300 до 2100 гг. до н. э., т. е. сразу же после прекращения функционирования памятников культуры воронковидных кубков.

На территории Полесья пока что известен лишь один памятник культуры шаровидных амфор — погребение у с. Хотешов недалеко от г. Камень-Каширский. Погребение это бескурганное, с трупоположением в каменном ящике.

В самом начале эпохи бронзы на территории Полесья появляются памятники культуры шнуровой керамики. В настоящее время они известны примерно в сорока пунктах. Все это поселения. Фактически же памятников культуры шнуровой керамики на территории Полесья значительно больше, если учесть места находок каменных и кремневых топоров, кремневых наконечников копий и серповидных ножей, которые в подавляющем большинстве случаев относятся, по-видимому, именно к этой культуре. Раскопки на поселениях не производились, однако на всех них в местах выдувов были собраны обломки характерных глиняных сосудов, в том числе и амфор тюрингского типа (Хотивель). Судя по формам и мотивам орнаментации этих сосудов, полесские поселения культуры шнуровой керамики относятся к нескольким различным группам, точнее культурам. Поселения восточных районов Полесья, например, относятся к среднеднепровской культуре — Велемичи, Буйразь, Хильчицы, Рычево, Слепцы, Миробель, Мозырь, Калинковичи. Некоторые поселения юго-западных районов Полесья — к стщижовской (Тур, Гридки). Принадлежность остальных поселений, находящихся в западных районах Полесья, пока что не может быть установлена столь определенно. Но очень возможно, что в дальнейшем там выделится еще одна группа или культура, отличная от стщижовской. В нее войдут поселения вдоль берегов Припяти и района к северу от этой реки, т. е. территории, на которой в Полесье встречаются сверленые клиновидные топоры висло-неманского типа и тюрингские амфоры, т. е. вещи, в целом не характерные для стщижовской культуры. Тюрингские амфоры к тому же и датируются более ранним временем, чем памятники стщижовской культуры.

Датировать полесские памятники культуры шнуровой керамики можно лишь весьма предположительно и только исходя из датировок, установленных для групп, в которые они входят. Более ранними являются памятники восточных районов, т. е. памятники среднеднепровской культуры — 2100—1500 гг. до н. э. (И. И. Артеменко). Памятники западных районов Полесья, те из них, которые входят в стщижовскую группу, датируются обычно периодом от 1800 до 1400 г. до н. э. (Е. Глосик).

На смену памятникам культуры шнуровой керамики в Полесье появляются памятники двух близких культур: тшцинецкой в западных районах и сосницкой — в восточных. В основном это поселения, которые в настоящее время известны уже более чем в

сорока пунктах. Кроме поселений, известно также и погребение — курган у с. Черск на Стоходе, раскопанный в свое время Я. Фитцке. Курган содержал погребение с трупосожжением, в котором находились следующие вещи: бронзовый браслет с двумя спиральными щитками, глиняный сосуд, характерного для тшцинецкой культуры вида, и шаровидный сосуд с двумя ушками. Раскопок на поселениях не производилось. Судя же по обломкам глиняных сосудов, собранным на поверхности поселений, самые восточные из них — Митяевичи, Лутьвье, Буйразнь, Слепцы, Ясенец и Калинковичи — относятся к сосницкой культуре, все остальные, т. е. поселения западных районов Полесья, — к тшцинецкой. По аналогии с лучше исследованными памятниками этих культур в соседних районах, поселения, относящиеся к тшцинецкой культуре, могут быть датированы периодом от 1500 до 1200 гг. до н. э. (А. Гардавский), поселения, относящиеся к сосницкой культуре,— второй половиной II — началом I тысячелетия до н. э. (С. С. Березанская, И. И. Артеменко). Иными словами, тшцинецкие памятники в западных районах Полесья доживают вплоть до появления там памятников лужицкой культуры, а памятники сосницкой культуры в восточных районах, в их позднем лебедивском варианте,— до начала железного века, когда они сменяются там памятниками милоградской культуры.

Памятники лужицкой культуры в западных районах Полесья появляются еще в бронзовом веке. Древнейший из этих памятников — бескурганный могильник с трупосожжением — был случайно открыт в 1935 г. около с. Выжва в верховьях Припяти (А. Цынкаловский). Обломки глиняных сосудов, характерных для лужицкой культуры типов, в разное время находили также на песчаных всхолмлениях у сел Божья Воля и Гридки недалеко от Выжвы, Староселья на Стыри, Ремчиц и Колесова в Погорынье. По-видимому, к лужицкой же культуре относятся и обломки глиняных сосудов, собранные около деревень Борисы на Буге, Ляхвичи на Припяти и Островичи в низовьях Ясельды. Все эти памятники, судя по типам глиняных сосудов, вместе с подобными же памятниками соседних районов Побужья и Волыни составляют особую, самую удаленную к востоку ульвовекскую группу лужицкой культуры. Полагают, что эта группа сложилась в верховьях Вепша и Буга примерно в период между 1200 и 1100 гг. до н. э. (А. Гардавский, М. Гедль), а оттуда вскоре распространилась в районы к востоку от Буга, в том числе и на Полесье (Ю. Костшевский). Существовала эта группа памятников вплоть до начала железного века. На одном из поздних ее памятников — поселении у с. Головно в верховьях Припяти — были произведены небольшие раскопки (И. Савицкая). Вскрыты остатки жилища типа полуземлянки, рядом с которым находилась большая яма хозяйственного назначения. Поселение датируется VI—V вв. до н. э. Лужицкие вещи этого же времени — бронзовые браслеты

становинского типа — были найдены также и у дер. Горбов-Здитов на Ясельде.

На самой южной окраине западных районов Полесья одновременно с лужицкими племенами обитали, по-видимому, и племена высоцкой культуры. Так, судя по сведениям, опубликованным А. Цынкаловским, обломки глиняных сосудов, характерных для этой культуры типов, были собраны в окрестностях с. Городец на Горыни и около г. Сарны на Случи, а у с. Дуброва на Ствиге случайно разрушено высоцкое погребение. Находки вещей, характерных для высоцкой культуры, как будто бы имели место и у с. Милановичи в районе Ковеля. Если правильно определена культурно-историческая принадлежность всех этих памятников, то их, как и всю высоцкую культуру, северной окраиной которой они являются, следует датировать временем примерно от X до VI в. до н. э. Культура эта сложилась в зоне контакта лужицкой культуры с культурами украинской лесостепи и является смешанной по своему характеру. При этом, однако, в ней явно преобладают лужицкие элементы. Может быть, поэтому по-своему правы М. Гедль, предлагающий рассматривать высоцкую культуру как наиболее удаленную к востоку локальную группу лужицкой культуры, и В. И. Канивец, считающий соседнюю с запада ульвовекскую группу лужицкой культуры особым вариантом высоцкой культуры. Несмотря на противоположность этих мнений в обоих случаях по сути дела речь идет об одном и том же — о близком родстве высоцкой культуры с лужицкой и о невозможности в настоящее время провести между ними четкую границу.

В восточных районах Полесья в начале железного века получают распространение памятники милоградской культуры. Среди этих памятников известны городища — древнейшие городища в Полесье вообще (Большая Слива, Красная Горка, Дьяковичи, Холопеничи, Ясенец, Моисеевка), неукрепленные поселения (Червоне Поле, Хильчицы, Слепцы), курганные и бескурганные могильники (Дубой, Вулька Орея, Бор Дубинецкий, Погост, Корост).

Городища довольно велики и почти всегда располагаются среди пойменных лугов. Иногда они размещены попарно, одно около другого (Красная Горка, Ясенец). В таких случаях на одном из них, меньшем по размеру, отсутствует культурный слой. По-видимому, такие городища использовались в качестве загонов для скота. В плане городища округлые, обнесены концентрическими земляными валами. Городище более сложной планировки известно лишь у дер. Моисеевки на Припяти. Оно, кстати сказать, в отличие от всех остальных, и расположено не на лугу, а на мысовидном отроге большой возвышенности. Раскопок на городищах не производилось. Не исследовались и неукрепленные поселения. При шурфовке и на поверхности тех и других были лишь собраны обломки глиняных сосудов, характерных для милоградской культуры типов. На городище у дер. Холопеничи, кроме того, были об-

наружены и обломки сосудов культуры штрихованной керамики, а также найден обломок глиняной поделки, по форме напоминающей известные грузики дьякова типа.

Могильники, как уже упоминалось, встречаются двух видов: бескурганные и курганные. Первые из них содержат погребения с трупосожжениями — урновые и ямные (Погост, Корост), вторые— погребения с трупоположениями. Из курганных могильников наиболее полно исследован нами могильник у дер. Дубой в низовьях Горыни. Он насчитывает около 60 насыпей, 13 из которых нами раскопано. В большинстве из раскопанных курганов захоронения произведены на уровне горизонта, в том числе и в деревянных срубах, в остальных — в неглубоких ямах под центральной частью насыпи. Покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головами к юго-востоку. Во всех случаях у ступней ног покойников стояли глиняные сосуды, а в пяти погребениях под головами находились железные наконечники копий. Курганы, раскопанные на могильнике у дер. Дубой, датируются VI—V вв. до н. э., а могильник у с. Корост — V—IV вв. до н. э. Остальные полесские памятники милоградской культуры, в том числе и могильник у дер. Погост, не могут быть датированы с такой определенностью. Судя же по аналогиям из хорошо изученных памятников приднепровских районов распространения памятников милоградской культуры, все они в целом доживают вплоть до появления в Полесье памятников зарубинецкой культуры, с которыми некоторое время, по-видимому, даже сосуществуют.

В бассейне Случи и Птичи, т. е. на северо-восточной окраине Полесья, известны два поселения, относящихся к культуре штрихованной керамики,— городище у дер. Заградье и селище у дер. Поречье. Обломки глиняных сосудов со штрихованной поверхностью, как уже отмечалось, были обнаружены и на городище милоградской культуры у дер. Холопеничи недалеко от Поречья. Поскольку раскопок на этих памятниках не производилось, время их функционирования мы можем установить лишь весьма приблизительно, исходя из датировок подобных памятников, исследованных в более северных районах Белоруссии. Появляются они там, как известно, примерно в III в. до н. э. и доживают по крайней мере до V в. н. э. (А. Г. Митрофанов). Восточная группа поселений со штрихованной керамикой, в которую входят и упомянутые выше полесские памятники, по своему характеру очень близка к памятникам милоградской культуры и по существу составляет с ними одну культурно-историческую общность.

В западных районах Полесья, там, где в конце эпохи бронзы и в начале железного века обитали лужицкие племена, примерно в III в. до н. э. появляются памятники новой культуры — поморской. Представлены они поселениями и могильниками. Как и лужицкие, поселения неукрепленные, а могильники бескурганные, содержащие погребения с трупосожжениями. Изучены эти па-

мятники сравнительно неплохо. Раскопки, например, производились почти на всех известных могильниках (Тростяница, Скорбичи, Дрогичин, Головно I, Головно II) и на одном из поселений (Кусичи).

На поселении у дер. Кусичи обнаружены остатки наземного жилища, стены которого у основания были обложены камнями. На могильниках вскрыто около 50 погребений. Все они содержали трупосожжения и по особенностям погребального обряда делятся на пять основных типов: ямные, подклешевые, ящичные, урновые и кенотафы. В количественном отношении на всех могильниках преобладают ямные погребения — более половины всех вскрытых. Почти во всех погребениях были обнаружены глиняные сосуды, а в некоторых случаях, кроме того, найдены и фибулы раннелатенской схемы, кольца, крючки, бусы. Среди глиняных сосудов, кроме типов, характерных для собственно поморской культуры, встречаются формы лужицкие и зарубинецкие, т. е. сосуды предшествовавшей поморской и последовавшей здесь за ней культур.

Время функционирования полесских памятников поморской культуры — III—II вв. до н. э. Однако более чем возможно, что самые ранние из них появились еще в конце IV в. до н. э., а самые поздние, если исходить из наличия на них глиняных сосудов зарубинецких типов, доживают вплоть до начала I в. до н. э. Памятники эти вместе с подобными же памятниками соседних районов Волыни и Подолии составляют особую, наиболее удаленную к юго-востоку группу, относящуюся к поморской культуре. Территория, занимаемая ими, совпадает с территорией, на которой до этого были распространены памятники лужицкой культуры. Связаны поморские памятники с лужицкими и генетически, что общеизвестно. Некоторые исследователи полагают даже, что памятники поморской культуры в интересующих нас районах являются по сути дела несколько видоизмененными во времени памятниками лужицкой культуры, позднелужицкими, иначе говоря (А. Гардавский, Я. Домбровский).

В конце II в. до н. э. в Полесье, там, где раньше были распространены памятники поморской культуры, и далее к востоку, южнее Припяти, появляются памятники зарубинецкой культуры. Как и поморские, с которыми они связаны не только хронологически, но и генетически, памятники эти представлены неукрепленными поселениями и бескурганными могильниками, содержащими погребения с трупосожжениями.

Поселения зарубинецкой культуры, как обычно для Полесья, располагаются на небольших песчаных возвышенностях вблизи рек и их притоков или же на окраинах заболоченных речных пойм. В тех случаях, когда около поселений были обнаружены могильники, последние, как правило, примыкали к ним вплотную с напольной стороны. Небольшие раскопки производились лишь на поселениях Велемичи, Рубель и Отвержичи. Открыты остатки

полуземляночных жилищ, около которых находилось большое количество различных ям хозяйственного назначения.

Могильники исследованы гораздо лучше. Два могильника, например, раскопаны почти полностью (Велемичи I—125 погребений, Велемичи II—118 погребений). На остальных могильниках в общей сложности вскрыто еще 111 погребений (Воронино, Отвержичи, Ремель, Буйразь, Черск, Погост). В четырех погребениях были обнаружены остатки трупоположений — по одному только черепу в каждом случае, все остальные погребения содержали остатки трупосожжений. В погребениях с трупосожжением обломки пережженных костей покойников почти всегда ссыпаны непосредственно на дно ямы и лишь в редких случаях находились в глиняных сосудах-урнах. В некоторых погребениях среди обломков пережженных костей покойников или около них находились остатки погребального костра — зола, древесные угольки. В подавляющем большинстве погребений, вскрытых на могильниках, были обнаружены вещи. Чаще всего встречались глиняные сосуды и предметы украшений — фибулы, булавки, подвески, кольца и т. д. Орудия труда и предметы быта попадались редко, состав их весьма ограничен: ножи, пряслица, точильные бруски, обломки зернотерок. Из предметов вооружения найден один лишь железный наконечник копья (Велемичи I, погребение № 116).

Полесские памятники зарубинецкой культуры датируются периодом с конца II в. до н. э. по начало II в. н. э. В территориальном отношении они составляют одну из трех основных групп памятников зарубинецкой культуры. Вопрос о происхождении этой культуры как в Полесье, так и на остальной территории ее распространения до сих пор не решен окончательно. Видимо, культура эта сложилась в Полесье на основе более ранней поморской культуры и оттуда распространилась к востоку, в Приднепровье [9].

В начале, а скорее всего даже в середине II в. н. э. памятники зарубинецкой культуры в Полесье прекращают свое функционирование. На смену им в западных районах Полесья, начиная со второй половины II в. н. э., появляются памятники совершенно иного типа, иной культуры. Я имею в виду могильники Брест-Тришин, Величковичи, Скорбичи, Любомль, Иванчицы, Колки, Велемичи, поселение у с. Милановичи, клад серебряных вещей из Качина, находку известного наконечника копья с рунической надписью на готском языке у с. Сушично и т. д. Могильники эти — бескурганные. Курганное захоронение как будто бы было обнаружено только на могильнике в Колках. Наиболее полно исследован могильник Брест-Тришин, на котором нами вскрыто 70 погребений. Все погребения этого могильника, как и

---

[9] *Подробно об этом см.: Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 289—300.*

погребения, вскрытые на других могильниках Полесья, содержали остатки трупосожжений. В большинстве случаев это ямные захоронения, обломки пережженных костей покойников в которых перемешаны с остатками погребального костра. Огнем повреждены и вещи, сопровождавшие покойников. Реже на могильниках встречаются урновые захоронения. Поселения, одновременные с могильниками, не исследовались.

Время существования этих памятников — вторая половина II—IV в. н. э. — довольно хорошо устанавливается по вещам, найденным в погребениях. Почти все эти вещи представлены типами, характерными для памятников готско-гепидской культуры низовьев Вислы. Много общего между полесскими памятниками и нижневисленскими наблюдается и в погребальном обряде. Полагаю поэтому, что появление этих памятников на Полесье является прямым следствием переселения сюда какой-то части готов и других родственных им племен в период продвижения их к Черному морю.

Памятники готско-гепидской культуры Полесья прекратили свое функционирование в конце IV в. н. э., т. е. после разгрома гуннами готского союза племен в Причерноморье. Население, которому они принадлежали, покинуло эту территорию, разделив, по-видимому, судьбу своих более южных сородичей, с которыми оно было теснейшим образом связано. Старый проторенный путь из низовьев Вислы к Черному морю через Полесье, однако, не был забыт. В начале V в. н. э. именно по этому пути, как об этом свидетельствует клад из с. Качина, возвращалась в Прибалтику какая-то группа германских племен с далекого юга. Заметим, кстати, что этот несомненно германский клад был зарыт чуть ли не в том же самом месте, где почти 200 лет назад было оставлено известное копье с готской надписью «нападение» (Сушично). На этот раз, следуя традиции, на вещах из Качина готы должны были бы написать «отступление».

После ухода готов и связанных с ними племен большая часть Полесья некоторое время, судя по всему, не была заселена. Во всяком случае в районах к югу от Ясельды и Припяти пока что не известно никаких памятников, которые можно было бы датировать V и первой половиной VI в. н. э. Лишь на северо-востоке Полесья, т. е. в районе, занятом до этого памятниками культуры штрихованной керамики, куда не доходили готы, в это время мы находим следы обитания все тех же балтийских племен. На хуторе Виртки, например, незадолго до начала второй мировой войны был случайно разрушен курган, содержавший погребение с трупосожжением. Глиняный сосуд, служивший в этом погребении урной, по форме и технике выделки ничем не отличается от сосудов из восточнолитовских курганов V—VIII вв.

Примерно в середине VI в. н. э. в районах Полесья, не занятых балтами, т. е. к югу от Ясельды и Припяти, впервые появляют-

ся несомненно славянские памятники. Я имею в виду памятники пражского типа. Это бескурганные могильники с трупосожжениями (Хорск, Хотомель), неукрепленные поселения (Вулька Угрузская, Мотоль, Городище, Либлино, Петриков) и небольшие округлые городища (Хильчицы, Хотомель). Последние, впрочем, не являлись местами постоянного проживания, а были какими-то центрами общественно-религиозной жизни для населения целой округи. Они же использовались в качестве убежищ в случае опасности. В отличие от городищ, на которых не было никаких постоянных жилых сооружений, во время раскопок на селищах обнаружены небольшие жилища в виде прямоугольных землянок и полуземлянок. Обломки глиняных сосудов, собранных на всех этих памятниках,— лепные, пражского типа. Такие сосуды в VI—VII вв. н. э. найдены на памятниках всех славянских племен без исключения. Этим же временем, точнее второй половиной VI и VII в. н. э., датируются и наши памятники.

В VIII—X вв. н. э. характер славянских памятников Полесья заметно меняется. Особенно это касается памятников западных районов Полесья, которые в силу своего положения были более тесно связаны с остальным славянским миром. Там в это время появляются небольшие круглые городища, на которых уже имеются жилые сооружения — землянки и наземные срубные постройки (Любомль, Головно), связанные с ними селища и очень своеобразные могильники с парными курганами. Городища и могильники, как правило, располагаются в низких, заливаемых в половодье поймах рек, селища — на склонах припойменных возвышенностей. Могильники невелики и состоят обычно из двух, четырех, шести или восьми курганов, расположенных попарно, большой и рядом с ним — маленький. В курганах, как правило, находятся погребения с трупосожжениями на уровне поверхности древнего горизонта (Перевалы, Головно, Радость). Обломки пережженных костей покойников разбросаны на небольшом пространстве под центральной частью насыпи и всегда перемешаны с остатками погребального костра. Иногда это пространство ограждено со всех сторон каким-то деревянным сооружением в виде сруба (Головно). Вещей в погребениях, за исключением единичных обломков глиняных лепных и гончарных сосудов, не имеется. На городищах же и селищах резко преобладают обломки гончарных сосудов. Лепные сосуды встречаются там лишь в порядке исключения и сами по себе мало выразительны.

В восточных районах Полесья в VIII—X вв. н. э. общая картина также меняется, хотя и не столь резко, как на западе. Здесь в это время продолжают еще функционировать те же старые городища без постоянных жилых сооружений (Хотомель), появляются новые городища подобного же типа (Бабка), около городищ возникают большие селища, на которых рядами, параллельными валу городища, располагаются полуземляночные жилища с

глинобитными печами внутри (Хотомель, Бабка). И на городищах, и на селищах в течение всего этого периода преобладают лепные глиняные сосуды, в том числе продолжают бытовать и сосуды пражского типа. Вместе с лепными сосудами в одних и тех же комплексах встречаются и гончарные сосуды. Могильники, если не считать случая захоронения остатков трупосожжения в урне на городище у с. Бабка, все курганные. Однако, в отличие от могильников западных районов Полесья, они располагаются на возвышенностях и образуют группы по нескольку десятков насыпей в каждой. Погребения, вскрытые на таких могильниках, как правило, содержат остатки трупосожжений (Дружиловичи, Хильчицы, Рычево, Слобода Скригаловская, Борисевичи, Зубковичи). Встречаются как урновые, так и безурновые захоронения.

В этих же восточных районах интересующей нас территории в конце X в. возникает Туров — самый древний город Полесья. Полагают, что возникновение города в этом месте, равным образом как и быстрое его возвышение, объясняется положением на важнейшем торговом пути, связывающем Киев с Балтийским морем (М. Н. Тихомиров). На этом же пути, идущем по Припяти, но далее к западу у г. Антополя, кстати сказать, был найден большой клад саманидских дирхемов, зарытый примерно в середине X в. н. э. Этим же путем шел на ятвягов Владимир, а позже «в лодьях» ходил Ярослав на мазовшан.

Такова в общем археологическая картина районов Полесья, занятых славянами. К сожалению, мы ничего не знаем об археологических памятниках этого времени северо-восточной части Полесья, т. е. районов, заселенных до этого балтами. Оттуда известен всего лишь один клад, найденный у хутора Тесово, недалеко от упоминавшегося уже могильника в Виртках. Клад содержал вещи балтийских типов и был зарыт не позже X в. н. э. (А. Н. Лявданский).

Период XI—XIII вв. н. э. применительно к Полесью вполне можно было бы назвать курганным. Курганов от этого времени осталось великое множество, и распространены они по всей территории Полесья. Располагаются на возвышенностях компактными группами по нескольку десятков насыпей в каждой. К сожалению, не во всех районах Полесья курганы исследованы археологами. В западных районах к югу от Припяти, например, курганы не раскапывались вовсе. Известно только, что в кургане, разрушенном у дер. Радеж в верховьях Припяти, были обнаружены остатки какого-то деревянного сруба. Исследованные курганы остальных районов Полесья делятся на четыре основные группы. Две из этих групп распространены в восточных районах Полесья на землях древлян и дреговичей, две — в западных, на северной окраине земли волынян.

Курганы древлян в полесских районах исследовались в Погорынье, по берегам Ствиги и Уборти (Стыдынь, Корост, Горо-

дец, Видибор, Теребежов, Отвержичи, Велемичи, Рокитно, Рычево, Хильчицы, Тепеница, Олевск, Лопатичи, Зубковичи). Все они содержали погребения с трупоположениями. В подавляющем большинстве случаев захоронения произведены на уровне поверхности древнего горизонта, лишь в курганах самых южных могильников иногда встречаются погребения в неглубоких ямах (Стыдынь, Тепеница, Лопатичи, Зубковичи). Насыпи некоторых курганов на этих же южных могильниках у основания обложены камнями. Отличительной особенностью курганов является наличие в насыпи или же на уровне горизонта, т. е. на уровне захоронения, тонких зольно-угольных прослоек. Линзовидные скопления золы и углей встречаются и между курганами (Велемичи). Среди вещей, найденных в погребениях, кроме глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, чаще всего встречаются железные ножи, кресала, поясные пряжки, полутораоборотные височные кольца, перстни и бусы. В погребениях, вскрытых на самых северных могильниках этой группы, примыкающих к Припяти, кроме того, попадаются крупные металлические зерненые бусы дреговичского типа и трехбусинные височные кольца (Теребежов, Велемичи, Рычево). На этих же северных могильниках около покойников иногда находят черепа лошадей. Известно также и отдельное захоронение лошади рядом с курганом (Велемичи).

В восточных районах Полесья к северу от Припяти, т. е. в земле дреговичей, курганы исследовались около деревень Малые Круговичи, Ясенец, Митяевичи, Юзефин, Будча, Погост, Тесово, Стамогилы, Мильковичи, Дьяковичи, Комаровичи, Ванюжичи, Копаткевичи и Мицуры. Кроме того, судя по всему, к этой же дреговичской группе относятся курганы, раскопанные в свое время В. З. Завитневичем на южном берегу Припяти в районе Мозыря (Глиница, Лешня, Скригалов, Слобода Скригаловская, Борисковичи). По внешнему виду эти курганы не отличаются от древлянских. В насыпях курганов отсутствуют, однако, зольно-угольные прослойки. Почти во всех курганах находились погребения с трупоположениями. Погребения с трупосожжениями, не считая более ранних на могильниках в районе Мозыря, известны лишь на могильниках Малые Круговичи и Погост. Захоронения производились как на уровне поверхности древнего горизонта, так и в неглубоких могильных ямах. На насыпях курганов у Малых Круговичей и Ясенца находились какие-то деревянные сооружения в виде частокола, окружавшего место захоронения. Кроме вещей тех же в общем типов, что и в курганах древлян, в погребениях обычны зерненые бусы дреговичского типа. Известны также шарнирные и стеклянные браслеты и височные кольца со свисающими стеклянными бусами-подвесками. Наиболее вероятное время появления описанных выше курганов в районах к северу от Припяти, т. е. на местах, занятых когда-то балтами, X в. н. э. Курганы эти,

таким образом, представляют собой первые несомненные следы славянского заселения этой части Полесья.

Курганы северо-запада Полесья, т. е. районов к северу от верховьев Припяти, представлены двумя разновидностями: обычные курганы с земляными насыпями и курганы, насыпи которых сложены из камней или же обложены камнями у основания. Первые из них встречаются по всей территории в междуречье Буга и Ясельды и далее к югу вплоть до Волыни. Два таких кургана, к сожалению распаханных, нами раскопано около дер. Ратайчицы на р. Лесной к северу от Бреста. Оба содержали погребения с трупоположениями. Покойники лежали в деревянных гробах, на спине, в вытянутом положении. Один из них ориентирован головой на запад, другой — в противоположную сторону. У черепа последнего находилось бронзовое трехбусинное височное кольцо обычного для славянских курганов типа.

В отличие от земляных, каменные курганы встречаются только в небольшом районе к северу от Бреста и составляют довольно компактную группу (Любашки, Лисовщина, Войская, Угляны, Радость, Баранки, Свищево, Ратайчицы, Тростяница, Горки, Хотиново, Шестаково, Кощаники, Кустичи, Величковичи, Ставы, Яцковичи, Щитники, Раковица, Здитово, Чахец, Деревная). Подобные же курганы имеются на соседней территории Польши, но особенно много их известно к северу от Полесья, в Понеманье. Полесские каменные курганы, таким образом, составляют лишь южную окраину этой большой группы однотипных курганных могильников. В Полесье каменные курганы распространены на той же территории, на которой известны и обычные курганы с земляными насыпями, однако почти всегда они составляют отдельные могильники. В последние годы раскопано более сотни каменных курганов интересующего нас района. Почти во всех этих курганах находились погребения с трупоположениями и только в трех — трупосожжения (Войская, Хотиново). Захоронения в курганах с трупосожжениями и в подавляющем большинстве курганов с трупоположениями произведены на уровне древнего горизонта. Погребения в ямах встречаются редко и лишь на некоторых могильниках. В погребениях с трупоположениями покойники всегда лежат на спине, в вытянутом положении, в большинстве случаев головой к западу, однако почти на всех могильниках встречаются и погребения с обратной ориентировкой. В погребениях довольно много вещей: глиняные гончарные сосуды, височные полутораоборотные и S-овидные кольца, перстни, бусы, пряслица, кресала, ножи, поясные пряжки и т. д. Все эти вещи — XI—XIII вв. н. э. Каменные курганы, таким образом, одновременны с обычными земляными курганами как этого, так и остальных районов Полесья, занятых в то время волынянами, древлянами и дреговичами. По мнению В. В. Седова, они принадлежали ятвягам, что вполне вероятно.

Поселения этого периода, если не считать трех древнерусских городов, на территории Полесья не исследовались, хотя известно их довольно много. Городища этого времени примерно вдвое больше городищ предыдущего периода. Наряду с круглыми городищами, известными раньше, появляются мысовые городища, а также городища, расположенные на кромке берега реки и огражденные с напольной стороны подковообразными валами. Почти у всех городищ имеются одновременные с ними селища. Некоторые из таких городищ послужили зародышами известных в Полесье древнерусских городов.

Как уже отмечалось, к концу X в. относится первое упоминание в летописи о Турове — самом древнем городе Полесья, столице отдельного княжества и важном религиозном центре. В начале XI в. в летописи упоминается Берестье — теперешний Брест, а в конце этого века — Пинск, Турийск и Чарторыйск. Примерно в это же время был основан и Давид-Городок. Несколько позже становятся известными еще три полесских города: Зареческ, Мозырь и Небль. Небольшие раскопки производились только в трех из этих городов — Турове, Пинске и Давид-Городке. Во всех случаях исследовались городища, т. е. самые ранние по заселению участки площади, занятой городами впоследствии.

Во время раскопок в Турове установлено, что древнейшие отложения культурного слоя на городище относятся к концу X в. н. э., что соответствует, как видим, и сведениям летописи о начале города. Жилые сооружения, остатки которых обнаружены на городище, представлены небольшими срубными постройками, внутри которых находились печи, сложенные из кирпича. Открыты также остатки кирпичного храма XII в. — древнейшего каменного здания в Полесье. Кроме многочисленных вещей местного производства в Турове встречаются и импортные вещи византийского, сирийского и среднеазиатского происхождения, относящиеся к XI—XII вв.

На месте городища древнего Пинска обнаружены напластования различных эпох начиная с XI в. н. э. К древнейшему периоду относятся остатки срубных построек, многоярусные деревянные мостовые и большое количество различных вещей, в том числе уникальные майоликовые облицовочные плитки и обломок глиняного сосуда с древнерусской надписью.

Небольшие срубные жилища и улицы, вымощенные бревнами, были обнаружены и во время раскопок на городище в Давид-Городке. Около жилищ, относящихся к начальному периоду существования городища, находились какие-то хозяйственные постройки в виде небольших шалашей. Кроме этих сооружений на городище открыты также остатки двухкамерного деревянного храма и более десяти погребений в деревянных гробах. Помимо обломков глиняных гончарных сосудов на городище найдено

много предметов из металла, кости и дерева. В погребениях сохранились обрывки одежды из шелковой ткани восточного происхождения. Р. Якимович, производивший раскопки на городище, полагал, что оно возникло в конце XI или на рубеже XI—XII вв. и было обитаемо еще в XIII в. н. э.

Почти все древнейшие города Полесья возникли на основных водных путях, связывавших Киев с Польшей (Припятско-Бугский путь) и Волынь с более северными славянскими землями (Горынско-Случский путь). Вдоль этих же путей были найдены и все клады X—XIII в., известные в настоящее время (Антополь, Тесово, Высоцк, Пинск, Людвиши, Брест).

Итак, как видим, нет никаких оснований для утверждений о слабой заселенности Полесья в древности и о перерыве в его заселении, длившемся якобы с конца неолитического времени вплоть до первых веков нашей эры.

Не соответствует действительности и представление о Полесье как о каком-то непроходимом в древности барьере, разделившем балтов и славян и нарушившем тем самым их первоначальное единство. Как уже отмечалось, Полесье довольно густо было заселено и обитаемо начиная уже с мезолита. Причем районы Полесья, занятые различными культурами, а следовательно, и различными этническими элементами, в том числе славянами и балтами, непосредственно соприкасались друг с другом. Никаких пустых, никем не заселенных пространств между ними не было.

В физико-географическом отношении Полесье резко отличается от соседних областей Европы. Казалось, что это должно было бы обусловливать и однообразие культурно-исторических и хозяйственных укладов, возникавших там в древности. Более того, учитывая труднодоступность и известную замкнутость Полесья, можно было бы ожидать также большой стабильности этих укладов и, следовательно, длительного существования и медленного изменения во времени археологических культур, известных нам на этой территории. Одним словом, общая картина исторического развития Полесья должна была бы быть примерно такая же, во всяком случае не менее устойчивая, чем та, которую мы наблюдаем в более северных, сходных по физико-географическим условиям лесных районах Восточной Европы и, в частности, в соседних районах Белоруссии.

В действительности, однако, все обстояло иначе. Одинаковая в общем картина для всего Полесья наблюдается только в древнейший период его истории. Позже, начиная примерно с середины неолитического времени и вплоть до средневековья, Полесье резко делилось на две самостоятельные культурно-исторические области: западную и восточную (рис. 1). Границей между ними на протяжении многих столетий являлась линия, идущая примерно по рекам Ясельде, Припяти (на участке от устья Ясельды до устья Горыни) и Горыни. Бо́льшая часть этой археологической

Дата	Западные районы	Восточные районы		Дата
1000	Волыняне	Древляне	Дреговичи	1000
	Головно	Хотомель	Виртки	
	Пражского типа	Пражского типа		
	Готско-гепидская		Штрихованной керамики	
0	Зарубинецкая	Зарубинецкая		0
	Поморская	Милоградская		
	Лужицкая			
1000				1000
		Сосницкая		
	Тщинецкая			
	Стщижовская	Среднеднепровская		
2000				2000
	Шаровидных амфор			
	Воронковидных кубков			
3000				3000
	Гребенчатой керамики	Гребенчатой керамики		
4000				4000
	Мезолит	Мезолит		

Рис. 1. Сравнительная хронологическая схема смены археологических культур в разных районах Полесья

границы почти в деталях совпадает с границей расселения балтов и славян в древности, установленной по языковым данным. Позже Ясельда и Припять стали границей между украинцами и белорусами.

Обратимся к фактам. Примерно до середины III тысячелетия до н. э. Полесье в археологическом отношении было единым, так как на всей его территории были распространены памятники

одной культуры — гребенчатой керамики (рис. 2). Заметим, кстати, что в это время, как и в предшествующий период, Полесье составляло юго-восточную окраину большой культурно-исторической области, охватывавшей повисленско-прибалтийские районы Европы. Племена культуры гребенчатой керамики, как известно, некоторыми исследователями рассматриваются как какая-то крупная этническая группировка, существовавшая на этой территории с мезолитической эпохи, и даже отождествляют ее с балто-славянской языковой общностью (Д. А. Телегин). Если последняя не мифическое понятие, то перед нами завершающий этап ее существования. Последний, поскольку позже мы уже не встречаем археологических культур, общих для областей, занятых исторически известными балтами и славянами. И это, кстати сказать, более чем наглядно видно на примере Полесья, занимающего как раз пограничную между балтами и славянами территорию.

Начиная с середины III тысячелетия до н. э. положение меняется. В районах Полесья к западу от Ясельды и Горыни появляют-

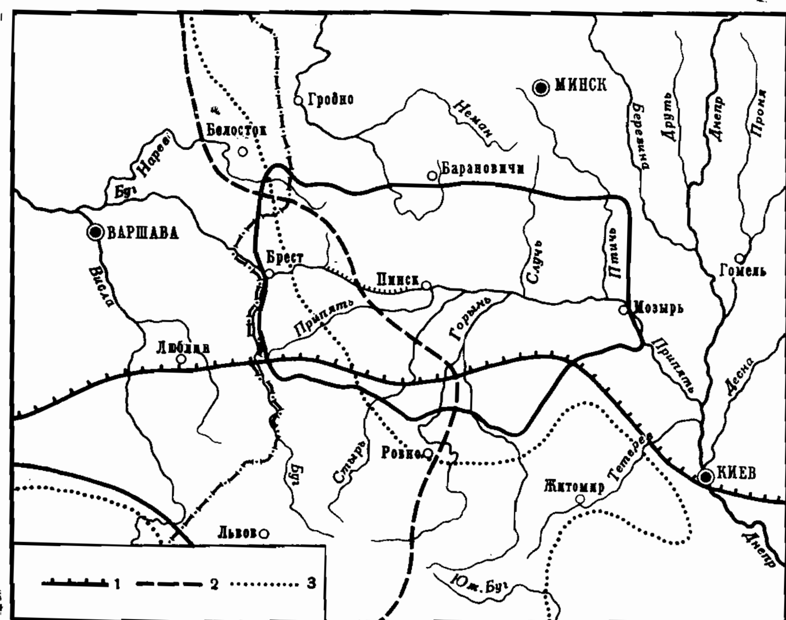

Рис. 2. Полесье в неолитическое время

1 — южная граница распространения культуры гребенчатой керамики;
2 — юго-восточная граница распространения культуры воронковидных кубиков;
3 — юго-восточная граница распространения культуры шаровидных амфор; сплошной линией на этой и на всех последующих картах обозначены границы Полесья

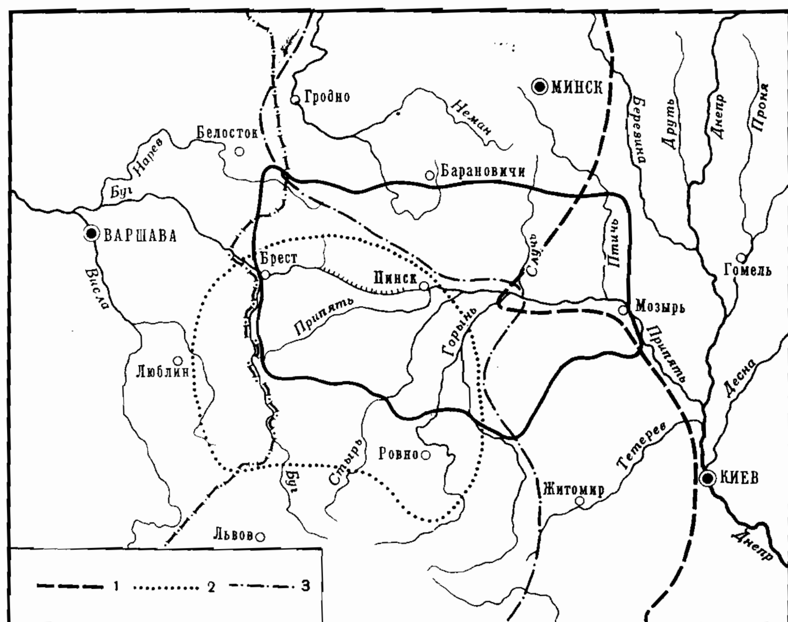

Рис. 3. Полесье в эпоху бронзы

1 — западная граница распространения среднеднепровской культуры; *2* — район, занятый стщижовской культурой; *3* — восточная граница распространения других групп культур шнуровой керамики

ся памятники культуры воронковидных кубков, а затем — шаровидных амфор, основной район распространения которых находился к западу от Полесья (см. рис. 2). В восточных районах Полесья за Ясельдой и Горынью эти культуры неизвестны вовсе, хотя особая, волынская группа одной из них — культуры шаровидных амфор в районах к югу от Полесья — доходит почти до Днепра. Мы ничего не знаем об этнической принадлежности носителей этих культур, однако нельзя не отметить то обстоятельство, что в Полесье, да и в других местах, исключая небольшой район в низовьях Вислы, они не переходят южной границы максимального распространения балтийских племен, установленной по языковым данным. Отсюда следует, что культуры эти явно не балтийские.

В начале эпохи бронзы в Полесье были распространены памятники двух близких культур, входящих в группу культур шнуровой керамики: стщижовская в западных районах и среднеднепровская — в восточных (рис. 3). И опять-таки границей между ними является все та же линия, идущая примерно по Ясельде, Припяти и Горыни. Поскольку основные районы распространения этих

культур выходили за рамки Полесья, последнее, таким образом, находилось на стыке между ними.

Аналогичная же картина наблюдается и позже, когда в западных районах Полесья появляются памятники тшцинецкой культуры, а в восточных — сосницкой (рис. 4). И на этот раз Полесье находится на стыке между двумя разными культурами, а границей между ними является все та же линия, идущая вдоль Ясельды, Припяти и Горыни.

Деление Полесья на две самостоятельные культурно-исторические области — западную и восточную — еще более четко прослеживается в конце эпохи бронзы и в начале железного века. В конце эпохи бронзы, например, в восточных районах Полесья продолжали, по-видимому, еще существовать памятники сосницкой культуры в их позднем, лебедивском варианте. В западных районах Полесья в это время появляются памятники лужицкой культуры, а на самой южной, пограничной с Волынью окраине этих районов — близкие к лужицким и родственные с ними памятники высоцкой культуры (рис. 5). И те и другие продолжали существовать там еще и в начале железного века, затем их место заняли памятники поморской культуры (см. рис. 5), причем

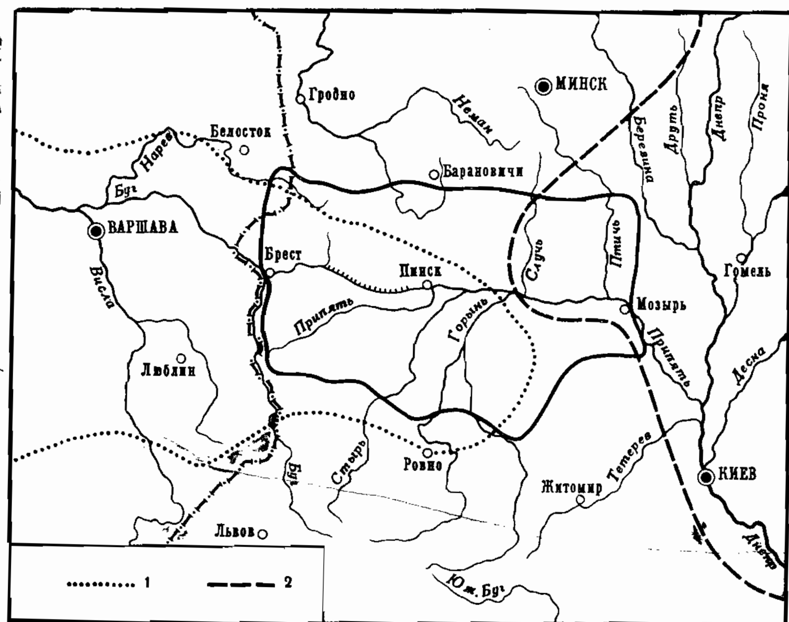

Рис. 4. Полесье в эпоху бронзы

1 — восточная граница распространения тшцинецкой культуры; *2* — западная граница распространения сосницкой культуры

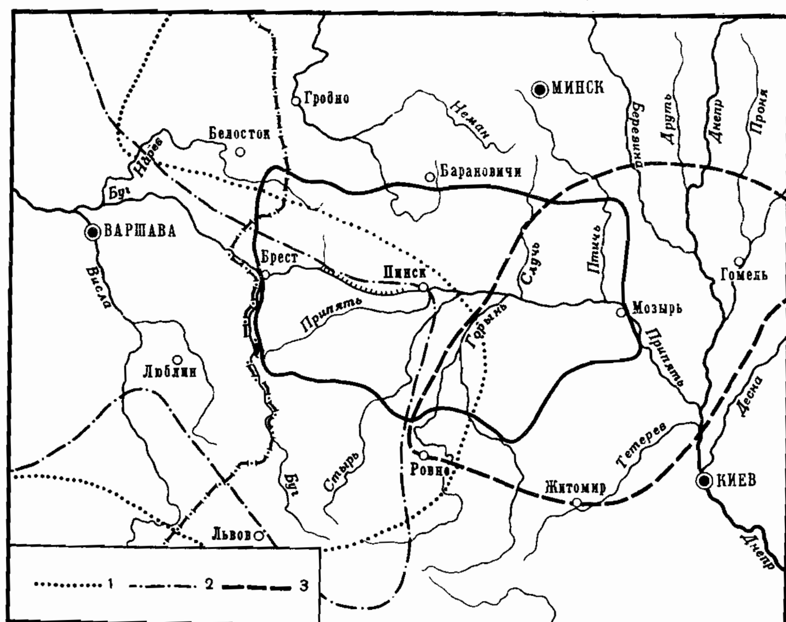

Рис. 5. Полесье в начале железного века

1 — юго-восточная граница распространения лужицкой культуры; *2* —юго-восточная граница распространения поморской культуры; *3* — район, занятый милоградской культурой

территория распространения последних почти до деталей совпадает с территорией распространения памятников лужицкой культуры, с которыми поморские памятники связаны и генетически. Имеются все основания считать эти памятники славянскими. В восточных же районах Полесья в начале железного века распространяются памятники совершенно иного типа — милоградские, а на самой северо-восточной окраине этих районов — родственные им памятники культуры штрихованной керамики (см. рис. 5, рис. 6). Обе культуры принадлежали древним балтийским племенам. Это как очевидный факт признано всеми по отношению к культуре штрихованной керамики и почти всеми — по отношению к культуре милоградской. Как видим, и в это время наблюдается все та же привычная уже для Полесья картина: западные его районы составляют восточную окраину среднеевропейских культур, восточные — являются окраиной культур приднепровских. Граница между ними, как и раньше, проходит по той же линии Ясельда — Припять — Горынь.

Примерно в конце II в. до н. э. на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти появляются памятники зарубинецкой

культуры (рис. 6). Культура эта генетически связана с поморской и по сути дела является ее развитием в новых условиях. В восточных районах Полесья, там, где до этого не было памятников поморской культуры, зарубинецкая культура как бы наслаивается на чуждую ей милоградскую культуру, что в конечном итоге приводит к постепенному исчезновению последней. Со времен неолита, точнее после неолитической культуры гребенчатой керамики, зарубинецкая культура была первой культурой, объединившей на время западные районы и южную часть восточных районов Полесья в одно целое. Неизвестно, к чему бы это привело впоследствии, если бы во второй половине II в. н. э. с северо-запада в Полесье не вторглись готы и другие родственные им германские племена. Довольно быстро они заняли западные районы Полесья, затем, продвигаясь к Черному морю, на время осели на Волыни и Подолии (см. рис. 6). В восточные районы Полесья готы, судя по всему, не заходили. Неизвестно там пока что и других памятников этого времени. Лишь на самой северо-восточной окраине Полесья, в бассейне Случи и Птичи, по-видимому, про-

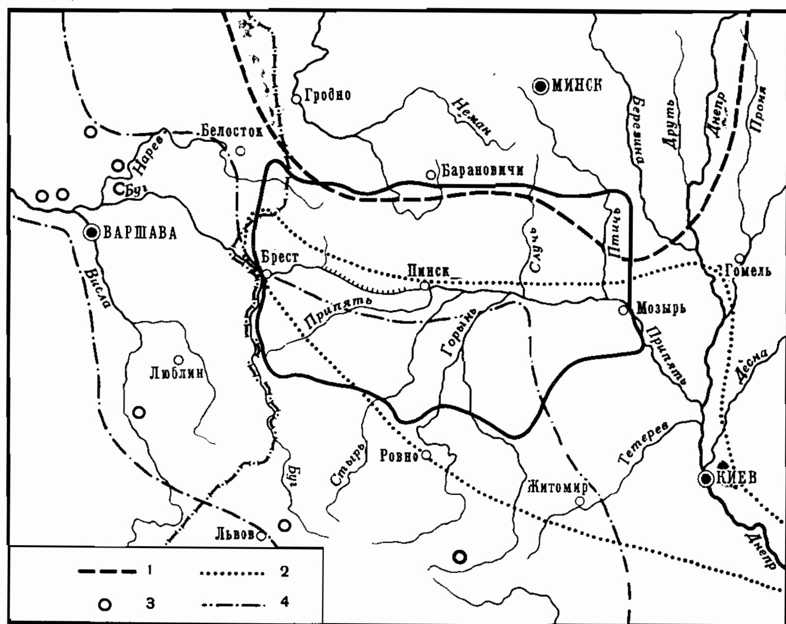

Рис. 6. Полесье на рубеже и в первых веках нашей эры

1 — южная граница распространения культуры штрихованной керамики; *2* — район, занятый зарубинецкой культурой; *3* — германские топонимы (по Т. Лер-Сплавинскому); *4* —юго-восточная граница распространения так называемой готско-гепидской культуры

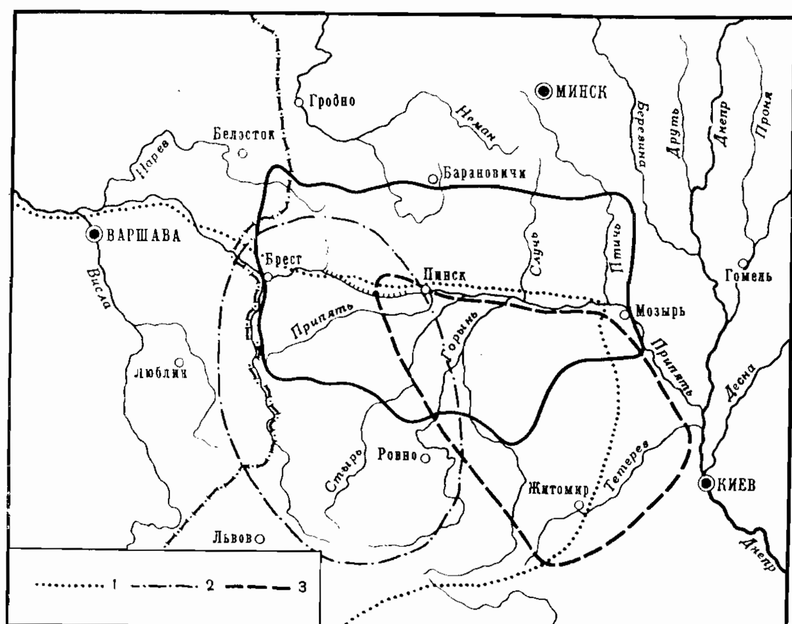

Рис. 7. Полесье в VI—X вв. н. э.

1 — восточная граница распространения памятников пражского типа; *2* — район распространения памятников типа Головно; *3* — район распространения памятников типа Хотомель

должали еще функционировать памятники балтийских племен— поселения культуры штрихованной керамики.

В конце IV в. н. э., после разгрома готов в Причерноморье, прекращает свое существование готско-гепидская культура и на Полесье. Некоторое время вслед за этим Полесье, во всяком случае его районы, занятые до прихода готов памятниками зарубинецкой культуры, было не заселено. Лишь во второй половине VI в. н. э. эти места заселяются вновь. В это время на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти, т. е. там, где в свое время была распространена зарубинецкая культура, появляются памятники пражского типа — первые достоверно славянские памятники вообще (рис. 7). Подобно памятникам зарубинецкой культуры, они, таким образом, снова объединяют западные районы и южную часть восточных районов Полесья в одно целое. Однако, в отличие от зарубинецких, памятники пражского типа в дальнейшем не исчезают бесследно. Они совершенно отчетливо увязываются с более поздними славянскими памятниками VIII—X вв., а через них — и с древнерусскими памятниками последующего пе-

риода. Памятники пражского типа характерны для всех славянских племен того времени. На территории Полесья они вместе с подобными же памятниками соседних с Полесьем районов Волыни составляют восточную окраину территории, занятой славянами в то время.

Применительно к Полесью и Волыни памятники пражского типа вероятнее всего принадлежали дулебам.

После аварского нашествия, когда связи между отдельными племенами ослабли, одинаковые до этого на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти памятники пражского типа распадаются на две различные группы: западную — собственно дулебскую, и восточную — древлянскую. На западе, у дулебов, в конечном итоге это приводит к появлению могильников с парными курганами и поселений типа Головно, на востоке, за Горынью, появляются памятники типа Хотомель, Бабка и т. д., принадлежавшие древлянам (см. рис. 7). Нельзя не отметить при этом то обстоятельство, что как те, так и другие, равным образом как и предшествующие им памятники пражского типа, на севере не распространяются далее линии, идущей вдоль Ясельды и Припяти. Иными словами, судя по тем материалам, которыми мы сейчас располагаем, славяне в это время, т. е. в VI—VIII вв. н. э., в Полесье еще не переходят южной границы расселения древнебалтийских племен, установленной К. Буга по языковым данным применительно ко времени около 500 г. н. э. Когда это произошло впоследствии, мы не знаем. Во всяком случае в V—VIII вв. н. э. балты еще занимали те же самые места к северу от Припяти, на которых раньше жили их непосредственные предки — племена культуры штрихованной керамики. Доказательство этому — могильник на хуторе Виртки.

В самом начале X в. дулебы вместе с другими славянскими племенами, в том числе и со своими восточными соседями древлянами, находившимися тогда уже в составе Киевского государства, участвуют в походе Олега на Царьград. После этого имя их исчезает со страниц наших летописей, уступив место другому наименованию — волыняне. В X—XIII вв. волыняне занимали в Полесье ту же самую территорию к западу от Ясельды и Горыни, что и дулебы в предшествовавший период (рис. 8). На северо-западной окраине этой территории, пограничной с балтами, вместе с волынянами одновременно проживала и какая-то группа ятвягов, оставившая нам каменные курганы (см. рис. 8). Группа эта небольшая и, судя по всему, сильно славянизированная. На западе волыняне граничили с мазовшанами, причем археологическая граница между ними примерно совпадает с языковой границей между поляками и украинцами, установленной К. Ничем для более позднего времени.

В восточных районах Полесья, за Горынью к югу от Припяти, на старых местах продолжали жить в X—XIII вв. и дре-

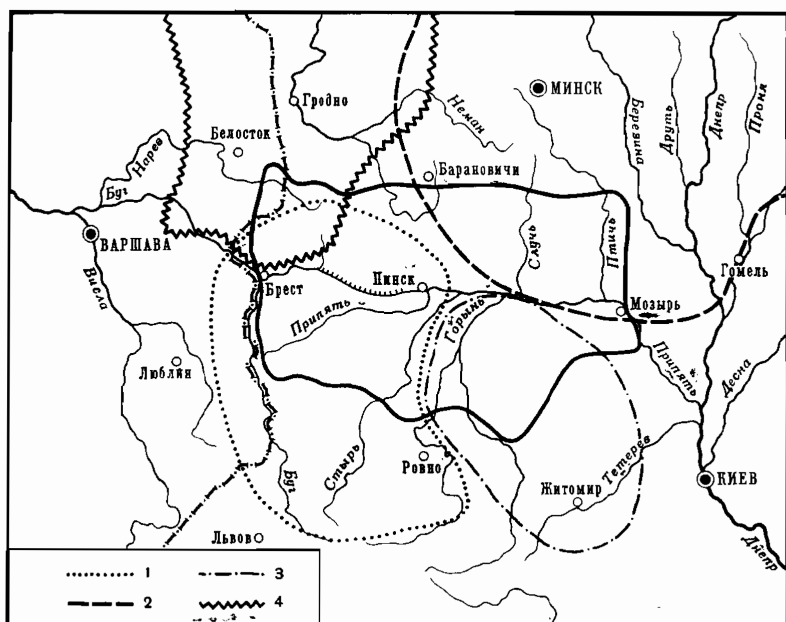

Рис. 8. Полесье в X—XIII вв. н. э.

1 — волыняне; *2* — древляне; *3* — дреговичи; *4* — ятвяги

вляне (см. рис. 8). Археологическая граница между ними и волынянами проходила примерно по Горыни и совпадала с границей между современными западнополесскими, т. е. собственно волынскими, и среднеполесскими говорами украинского языка. На севере граница расселения древлян проходила по Припяти, обходя с юга небольшую территорию в районе Мозыря, и в свою очередь полностью совпадала с языковой границей между украинцами и белорусами. Раньше эта граница, как уже отмечалось, отделяла славян от балтов. С X в. н. э. в районах к северу от Припяти, занятых до этого балтами, мы находим уже памятники славянских племен дреговичей (см. рис. 8.). На западе в районе Полесья дреговичи граничили с волынянами, причем граница между ними, судя по археологическим материалам, проходила примерно по Ясельде. Некоторые исследователи, правда, в область, занимаемую дреговичами, включают и более западные районы Полесья, вплоть до Буга, т. е. до границы с мазовшанами. Но для этого нет решительно никаких оснований. Эти районы, по крайней мере начиная уже с VIII в. н. э., были заняты волынянами, о чем свидетельствует распространение там могильников с парными курганами и поселений того же типа, что и более южные, волынские.

Мы не знаем пока что, когда именно и при каких обстоятельствах дреговичи появились на землях балтов к северу от Припяти. Однако уже теперь можно утверждать, что пришли они туда с юга, из земли древлян. Об этом свидетельствует не только большое сходство между памятниками дреговичей и древлян, но и тот факт, что самые ранние в Полесье дреговичские курганы находятся на южном берегу Припяти, в районе Мозыря. Можно также полагать, что переход дреговичей через Припять, применительно к Полесью во всяком случае, произошел не ранее VIII в. н. э., поскольку ранних славянских памятников пражского типа в районах к северу от Припяти не имеется. Исключение составляет лишь поселение у г. Петрикова, но оно находится на самом берегу Припяти.

К началу II тысячелетия н. э., таким образом, Полесье наконец полностью стало славянским, т. е. одноэтничным. В это же время исчезает и резкое деление Полесья на две различные историко-культурные области — западную и восточную. Уже само по себе это обстоятельство более чем убедительно свидетельствует о том, что указанное деление было обусловлено лишь различием этнической принадлежности обитателей этих областей. Физико-географическими особенностями Полесья, как уже отмечалось, оно не вызывалось.

Деление Полесья на две различные по этнической принадлежности области исключает также возможность локализации в Полесье прародины славян, поскольку последней должна соответствовать единая этническая общность. Мы не знаем, к сожалению, кем именно были обитатели Полесья в глубокой древности. Ясно лишь, что в культурно-историческом отношении западная область Полесья входила в сферу среднеевропейских культур, восточная — в сферу культур приднепровско-балтийских. И только начиная примерно с середины эпохи бронзы этническая картина заселения Полесья становится для нас более или менее понятной. Имеются все основания полагать, что западная его область с момента появления там памятников лужицкой культуры была заселена славянами, а восточная — древнебалтийскими племенами. Поскольку основная территория расселения тех и других в то время находилась за пределами Полесья, последнее следует рассматривать как пограничную между ними зону.

Что же касается локализации прародины славян, то, исходя из археологических материалов и сопоставления карт распространения различных культур, начиная с неолита и вплоть до средневековья, учитывая также установленный лингвистами более поздний характер славянской гидронимики Полесья и Приднепровья по сравнению с Повисленьем и, наконец, принимая во внимание свидетельства самых ранних письменных источников о славянах, можно совершенно определенно утверждать, что прародина эта находилась где-то западнее Полесья, во всяком случае к западу

от неоднократно уже упоминавшейся линии, идущей по Ясельде и Горыни и делившей Полесье в древности на две различные области.

Итак, судя по археологическим данным, следует признать, что только западные районы Полесья в древности входили в область формирования славянской этнической общности. При этом, находясь на периферии этой общности, они не имели решающего значения в процессе этногенеза славян. Поэтому я совершенно согласен с теми из лингвистов, которые рассматривают западные районы Полесья в качестве своеобразного моста, по которому происходило дравнейшее переселение славян с запада на восток, из Повисленья в Приднепровье [10].

---

[10] *В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 70.*

М. И. Лекомцева, С. М. Толстая

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОЛЕССКИМ ДИАЛЕКТАМ[1]

1. Предлагаемая работа не претендует на исчерпывающее описание фонологии диалектов Белорусского Полесья, она ограничивается лишь указанием на некоторые явления или фрагменты фонологических систем, заслуживающие внимания с типологической точки зрения.

Полесье привлекательно, во-первых, как специфически организованный диалектный комплекс, развивший максимум логических возможностей исходной системы, причем современные диалекты Полесья находятся в разном отношении к этой исходной системе, отстоят от нее на разном расстоянии и отмечены различными структурными инновациями. Во-вторых, Полесье дает представление об особенностях функционирования диалектов в условиях, которые в настоящее время следует признать достаточно архаическими, если учесть интенсивный процесс нивелировки современных диалектов.

Включение диалектного материала в типологические исследования, несомненно давно назревшее, сталкивается, однако, с некоторыми методологическими трудностями, связанными, в частности, с характером диалектной нормы и с необходимостью реконструирования диалектной системы из множества идиолектных систем.

Наблюдения над языковой ситуацией в Полесье не подтвержда-

---

[1] *Материалом для этой статьи послужили полевые записи и наблюдения авторов, участвовавших в экспедициях 1963, 1964 и 1965 гг., причем М. И. Лекомцевой собран материал в селах Хоромск (Хр.) Давыдгородского района, Ольманы (Ом.) и Городная (Гр.) Столинского района и Лопатин (Лп.) Пинского района; С. М. Толстой — в селах Олтуш (Ол.), Орехово (Ор.), Радеж (Рд.), Луково (Лк.) Малоритского района, Картелысы (Кр.) на территории Украинской ССР, Сварынь (Св.), Кокорица (Ккр.) Дрогичинского района, Здитово (Зд.), Спорово (Сп.) Березовского района, Зосинцы (Зс.), Кочище (Кч.), Головчицы (Гц.), Буда Головчицкая (Бд.) Ельского района, Голубица (Гл.), Дяковичи (Дк.), Дорошевичи (Др.) Петриковского района. Записи из с. Конотоп (Кн.) Наровлянского района любезно предоставил авторам Н. И. Толстой.*

ют того весьма распространенного мнения, что диалект лишен, в противоположность литературному языку, н о р м ы и с т и л е в о й д и ф ф е р е н ц и а ц и и. Поскольку диалект как средство общения функционирует в условиях междиалектной интерференции и в определенном соотношении сосуществует с литературным языком (в данном случае — с белорусским и русским), постольку диалектная норма становится необходимым фактором, соблюдающим внутреннее единство и относительную устойчивость диалекта и регулирующим его отношения с другими языковыми системами. Диалектная норма проявляется не в том, что некоторые элементы рассматриваются как запрещенные, а в том, что они осознаются как принадлежащие иной системе (соседнего диалекта или литературного языка), причем такое разграничение вполне отчетливо в сознании говорящих на диалекте. Для диалектной нормы вообще характерна малая категоричность и малая стабильность, с чем несомненно связано и большее расхождение идиолектных норм. Степень этого расхождения и категоричность нормы, кроме того, зависит от различной проницаемости разных уровней языка для инородных элементов. Что касается произносительных норм, то они допускают значительную вариативность относительно фонетической шкалы, например, в диалекте Лк.: *кôт — кут — ку^{и}т — кӱт* 'кот' или *п'еч' — пêч' — п'и͡еч'* 'печь'; в диалекте Ом.: *уры́зал, урə́зал, р'ếзал'и, р'е́зал'и, р'и́жэ, р'и͡ежэ*; причем такие параллели не всегда могут быть возведены к фонетике соседних диалектов. Во многих случаях фонетические варианты л е к с и к а л и з о в а н ы, например, взрывное *г* в словах: *газ, газни́к, сага́н, г(в)о́зди, ге́нсор, га́рнэц, геркоты́ты*, иногда также *ного́, черго́, шва́гер* или аканье на фоне сплошного оканья: *аси́на, харошо́.*

Понятие стиля в применении к диалекту может быть конкретизировано ссылкой на тот факт, что говорящие на диалекте, как правило, не смешивают элементы фольклорного и бытового языков (ср. разговорной форме *ка́ч'ка* соответствует в фольклоре *γу́тоўка: сплына́је γу́тоўка по Duна́jу* — из свадебной песни, Хр.), представляющих довольно близкий аналог книжному и разговорному стилям литературного языка. Разговорный стиль диалекта, кроме того, располагает некоторым активным запасом архаических параллелей к современным элементам (прежде всего лексическим). Язык же фольклора, обслуживающий целый комплекс диалектов и выполняющий, таким образом, роль междиалектного (или наддиалектного) «литературного» образования, может быть сопоставлен с некоторыми литературными языками, общими для целого культурно-исторического комплекса (латынь, церковнославянский и т. п.).

2. В Полесье мы встречаемся с тем известным фактом, что фонологическое разнообразие диалектной области обеспечивается прежде всего за счет разнообразия в о к а л и ч е с к и х систем,

тогда как консонантизм оказывается достаточно стабильным. Однако в области вокализма диалектные различия не сводятся к инвентарным и даже к дистрибутивным (в элементарном смысле сочетаемости фонем) различиям, а ощутимы лишь, если оставаться в пределах синхронных отношений, на уровне 1) вокалической структуры целого слова, 2) лексической (или словарной) мощности отдельных элементов фонологической системы [2].

Вокалический инвентарь насчитывает от пяти до семи членов. Суммарная система полученная объединением элементов, входящих в различные позиционные подсистемы разных диалектов, включает следующие звуковые типы:

и	ы	у	ӱ	
и͡е	ы͡э	у͡о	ӱ͡о	ӱ͡и
ê	ô			
е	о			
а				

Фонетическая реализация этих элементов отличается значительной вариативностью даже в пределах одного говора:

ê, *ô* — закрытые напряженные гласные, занимают область от среднего подъема почти до верхнего, иногда слабо дифтонгизируясь и выделяя элементы верхнего подъема в начале и в конце произнесения;

е, *о* — открытые ненапряженные гласные; варианты их располагаются по подъему от среднего до нижнего;

а — варианты *а* располагаются по нижнему подъему от переднего до заднего ряда;

и, *ы* — имеют сближающиеся между собой варианты;

ӱ — передний лабиализованный гласный верхнего подъема (ʋ в международной фонетической транскрипции);

и͡е, *ы͡э*, *у͡о*, *ӱ͡о*, *ӱ͡и* — дифтонги [3].

Фонологический состав вокализма определяется с учетом, во-первых, того, что дифтонги и напряженные гласные фонологически не противопоставлены, а находятся в отношении либо свободного варьирования, либо дополнительного распределения, во-вторых, с учетом фонологического статуса *и* и *ы*. По сравнению с привычной постановкой вопроса об этих фонемах, в данном случае дело облегчается одним дополнительным обстоятельством, свидетельствующим в пользу отнесения различий между ними к палатальности — непалатальности предшествующего согласного: *ы* и *и* не свободны по отношению к открытости слога и ударению, *и* стремится ограничиться ударными позициями и — еще

---

[2] *П. Ивич. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. Сб. «Общеславянский лингвистический атлас». М., 1965.*

[3] *Характеристика полесских дифтонгов дана в статье Т. В. Назаровой, публикуемой в настоящем сборнике.*

более последовательно — закрытым ударным слогом (*хлиў — хлывá*), то же распределение палатальности наблюдается и в других парах, где отношение независимого (согласный) и зависимого (гласный) члена кажется бесспорным (*ж’а́ба — жабáмы*). Таким образом, обязательные элементы фонологической системы: *а — о — у — е — ы*, которыми в большинстве диалектов ограничивается вокалический фонемный инвентарь; дополнительные элементы, присущие меньшему числу диалектов:

ô, ê,
у͡о, и͡е,

к которым можно свести все многообразие напряженных гласных и дифтонгов, приведенных выше.

3. Наиболее регулярные п о з и ц и о н н ы е ограничения в области вокализма связаны в полесских диалектах с тремя признаками: 1) с ударением, 2) с лабиальностью предшествующего согласного, 3) с палатальностью предшествующего согласного, причем эти признаки действуют как изолированно, так и в сочетании друг с другом. Рассмотрим их последовательно (применительно к диалектам с 5-членной системой вокализма).

1) У д а р е н и е. Безударный (в некоторых случаях только предударный) вокализм противопоставлен в большинстве полесских диалектов, причем как акающих, так и окающих, ударному вокализму по ряду признаков, редуцирующих безударную систему на один или два элемента сравнительно с ударной. Этими подверженными редукции элементами являются чаще всего гласные среднего подъема *о* и *е*, устраняемые в безударных позициях в пользу гласных крайних (верхнего и нижнего) подъемов, так что наиболее типичны такие соотношения:

I. Ударн.	Безударн.	II. Ударн.	Безударн.	III. Ударн.	Безударн.
а, о >	а	а	а	а	а
у	у	о, у >	у	о	о
е	е	е	е	у	у
ы	ы	ы	ы	е, ы >	ы

Кроме этих трех безусловно доминирующих типов в полесских диалектах представлены, однако значительно реже и обычно непоследовательно, противоположные системы, в которых элиминируются гласные верхнего или нижнего подъема в пользу средних гласных:

IV. Ударн.	Безударн.	V. Ударн.	Безударн.	VI. Ударн.	Безударн.
а, о >	о	а	а	а	а
у	у	о, у >	о	о	о
е	е	е	е	у	у
ы	ы	ы	ы	е, ы >	е

Схема I, как видим, соответствует простейшему механизму а к а н ь я. Полесское аканье, распространенное в сравнительно небольшой зоне по обе стороны от Припяти, само по себе не нуждается в особой трактовке, отличной от известных трактовок этого явления, однако проблема аканья требует обращения к другим сходным явлениям безударного вокализма, и в этом отношении полесские диалекты представляют весьма благоприятный материал.

Схема IV отражает явление, обратное аканью и развивающееся на стыке акающих и окающих диалектов, вероятно, как гиперизм оканья, воспринятого акающими диалектами.

Многочисленные примеры замены этимологического *а* через *о* (т. е. нейтрализации среднего и нижнего подъемов) в предударном и заударном положении дает диалект с. Конотоп (Кн.) близ Наровли: *спос 'и́бо*, *ноч 'а́ў*, *дола́*, *спола́*, *кожу́*, *Нота́ша*, *накожу́*, *зов 'и́довал ' и*, *зопол 'и́л 'и*, *нозáд*, *но ру́к 'и* 'на руки ', *н 'икок 'и́х*, *н 'у́хот '*, *jе́хот '*, *пла́кот '*, *слу́хоjт 'е*, *поjи́хола*, *са́хор*, *пр 'и́козк 'и* и т. д.

О к а ю щ и е диалекты Полесья лишь в редких случаях воплощают элементарный тип оканья, не налагающий ограничений на состав безударного вокализма сравнительно с ударным. Как правило, безударный вокализм окающих диалектов испытывает весьма сильные ограничения, сопоставимые с аканьем (если понимать его в широком смысле — как некоторый общий принцип организации вокализма). В первую очередь следует отметить так называемое у к а н ь е, т. е. устранение в безударном положении *о* в пользу *у* (нейтрализация верхнего и среднего подъемов, тогда как при аканье — нижнего и среднего). Уканье в его максимальном объеме (сильное уканье) характеризует все безударные позиции за исключением конечного (открытого) слога. Ниже приводится материал диалекта Св. с сильным уканьем: *сул 'о́но*, *бул 'е́зна*, *буруда́*,*на͜ путулку́*, *пулутно́*, *пулувы́на*, *jаγудн 'и́к*, *хвуjина́*, *пу͜ д'е́рыву*, *ур 'и́хи* 'орехи ', *увад* 'овод ', *рубо́та*, *пудло́γа*, *вуjна́*, *пуд снупа́мы*, *уу́с 'а́на* 'овсяная ', *γулува́*, *хуро́шуγо*, *рузγуво́р*, *вурутни́к*, *зузу́л 'а*, *убла́ва*, *самул'о́т*, *вузэ́лы* 'возили ', *буjе́лыс 'а* 'боялись ', *пурус 'е́* 'поросенок ', *пурус 'л 'е́*, *буγа́то*, *буб 'е́*, 'бобы ', *рустэ́* 'растет ', *γулуб 'е́j* 'голубой ', *кура́* 'кора ', *стуjе́лы* 'стояли ', *прэ́мурузок*, *на͜ м 'а́дувц* и т. д. Слабые варианты уканья ограничиваются предударными слогами, из них в большей степени подвержены уканью позиции после губных согласных, затем — после задненёбных и в меньшей степени — после остальных согласных и в абсолютном начале. Общее распределение позиций, релевантных для уканья, выглядит так:

	Предударная	Заударная
Губные	1	5
Заднеязычные	2	6
Остальные согласные	3	7
Абсолютное начало . .	4	

Цифры обозначают степень обязательности уканья в данной позиции от высшей (1) до низшей (7), при этом все семь позиций реализуются только в случае сильного уканья, слабые же варианты уканья могут затрагивать либо 1—4, либо 1,2, либо 1 позиции. Распространенность разных типов уканья в полесских диалектах находится в обратной зависимости от силы, т. е. чаще всего встречается слабое уканье, затрагивающее лишь предударные позиции после губных. Внутри одного диалекта сила уканья может колебаться от идиолекта к идиолекту и даже иногда может быть непостоянной у одного и того же лица.

Среди приведенных выше схем вокализма V схема обратна схеме II, подобно тому как связаны I с IV и III с VI схемы. В действительности, однако, не известны диалекты, которые последовательно воплощали бы тип V, но спорадически такого рода нейтрализация (верхнего и среднего подъема) в безударном положении встречается, ср. *крошы́на* (Св.), *чоγу́н* (Лк.), *кокору́за* (Ол.), *на кост́ах* 'на кустах' (Лк.), *ра́доγа* (Лк.), *на соду́* 'на суду' (Кн.), *роса́лка* (Сп.), *мотн'а́* 'обман' (Сп.), *бојăшник* 'буяшник, куст ягод, называемых буяками' (Дк.), *γромны́ц'и* (Зд.), *подо́ў* 'пудов' (Зд.), *тома́н* (Ор.), *Совбро́ў* (Ор.), *Копа́лэ* 'Купалы' (Ор.), *коку́шка* (Рд.), *боды́нок* (Лк.), *мошчы́ны* 'мужчины' (Лк.), *кони́ца* 'куница' (Лк.), *шчоры́* (Сп.), *чожа́јэ* 'чужие' (Ор.), *кроγа́в'ина* (Гл.), *орожа́ј* 'урожай' (Зс.), *кол'ту́рныје* (Кн.).

Аналогично организована подсистема нелабиализованных безударных гласных (*ы*, *е*), которые также могут 1) различать верхний и средний подъем в одних диалектах, 2) нейтрализовать их в пользу верхнего — в других и 3) в пользу нижнего — в третьих. В последних двух типах неразличения, как и в сфере лабиализованных гласных, играет роль положение безударного слога относительно ударного, однако здесь имеет место противоположная зависимость: заударные слоги в большей степени, чем предударные, подвержены нейтрализации, тогда как в случае лабиализованных гласных — наоборот. Второй тип (схема III) иллюстрируется материалом диалекта Сп.: *сыло́*, *быри́*, *дэ́рывом*, *ныма́*, *умырла́*, *лыжы́т'*, *выдро́*, *двына́сат'*, *жэрыб'ја*, *тыпэ́р*, *шыпту́н*, *нычбо́γы* и т. д. Третий тип (схема VI) представлен в диалекте Ол. и Св.: *сыд'и́тэ* (инф.), *ко́сэ* (им. мн.), *буруда́тэ* (им. мн.), *рузмо́тэвала*, *зробэ́лэ*, *покэ́нулэ*, *поста́вэў*, *бо́ртнэк*, *купэна́*, *сэрота́*, *вы́мэтэ*, *во́зэмо*, *ходы́лэ*, *зэмо́ју*, *збэва́лэ*, *купл'а́лэ*, *зэча́јно*, *вэбрэ́скывало*, *поста́вэлэ*, *вэ́пэсал*, *ву́шэ* 'уши', *пэла́* 'пила', *розвэва́лас'а*, *повэу́брывало*, *прэдэра́јуца*, *мэну́је*, *спэва́лэ*, *запэса́лэ*, *прыхо́дэлэ*, *покрэвэ́лэс'а* 'покривились', *сэджу́* 'сижу', *лэтвэ́н* 'литвин', *γу́лэца* 'улица', *эўу́л'ха* 'иволга'. Вообще генерализация среднего подъема за счет верхнего (или нижнего) в безударных позициях носит, видимо, не самостоятельный характер, а подчинена сходным явлениям ударенного вокализма, о чем будет сказано дальше.

В целом роль признака ударения в полесских диалектах может

быть охарактеризована тем, что он упорядочивает распределение подъемов гласного между ударной и безударной позицией так, что средний подъем устраняется из безударных позиций, а крайние (верхний и нижний), наоборот, утверждаются в них. При этом полесским диалектам чужды ассимилятивные или диссимилятивные отношения ударных и безударных гласных.

2) Л а б и а л ь н о с т ь. Этот признак согласного активно воздействует, во-первых, на лабиальные гласные, повышая их подъем, во-вторых, на высокие гласные, сообщая им лабиальность, т. е. после лабиального

о, у > у   ы, у > у

О стимулирующем воздействии лабиальности предшествующего согласного на уканье говорилось выше; здесь же будет отмечено второе явление, свойственное диалектам Восточного Полесья (к востоку от линии Горынь — Лань), — запрещение сочетаний лабиализованного согласного с нелабиализованным гласным верхнего подъема независимо от ударения. Ср. материал Гц. и Бд.: *худо́бу* (им. мн.), *ба́бу* (им. мн.), *му́ло* ‘мыло’, *γрибу́* (им. мн.), *ву́јдут*, *приву́кну* ‘привыкну’ и т. д. Преимущественно с лабиализацией предшествующего согласного связана и нейтрализация в безударном положении подъемов (нижнего и среднего) у нелабиализованных гласных *а* и *е*: *вало́с’*, *проман’а́ў*, *варсто́ў* ‘вёрст’, *памаша́ет’е*, *у‿пат’о́х* ‘впятером’, *побас’е́доват’*, *с’е́варноју*, *сварну́л*, *баро́за*, *вал’и́ка*, *пудман’и́т*, *ман’е́*, *паск’и́*, *При́пат’*, *бару́т’*, *варх’и́*, *мат’е́л’ица*, *паравас’о́лка*, *памаш’е́н’ије*, *вачэрни́ца*, *мадвэ́дица*, *прыпака́је*, *базру́ка* ‘безрукая’, *сарад’и́на*, *пу́јдам*, *запраша́јет*, *ку́чар*, *помо́γам* ‘поможем’, *крас’ја́н’е* ‘крестьяне’, *пастап’е́нъ*, *γраха́* ‘греха’ род. ед., *ко́ран’*, *зарновы́м*, *нава́жно*, *вэ́рас*, *саб’е́* и т. д.

3) П а л а т а л ь н о с т ь. Признак палатальности предшествующего согласного в полесских диалектах в малой степени участвует в формировании безударного вокализма и не накладывает существенных ограничений на его состав, если не считать яканья и еканья некоторых диалектов восточного Полесья. В ударной же позиции после палатального и *ј* во многих диалектах регулярно нейтрализуется противопоставление *а* и *е* в пользу *е*[4]: *је́γоды*, *ч’ес* ‘час’, *је́лова*, *т’е́γнут*, *д’еўч’е́та*, *св’е́то*, *пје́тница*, *поправл’е́тыс’а*, *пэрэвје́зујеш*, *зајежд͡ж’е́јут*, *пје́ты*, *конопл’е́ны*, *заγл’е́дујем*, *сымн’е́* (им. ед.), *боје́лыс’а*, *је́чны*, *вје́жа* ‘вяжет’, *је́блоко*, *уз’е́ў* ‘взял’, *је́т’ол* ‘дятел’, *γор’е́чы*, *скл’е́нка*, *бл’е́шка*, *подр’е́д*, *з’ет’*, *дэрэўл’е́на*, *вс’е́кы*, *је́сын’* ‘ясень’, *γр’е́дка*, *пје́ны* (Ол. Ор.),

[4] *Противоположное явление — нейтрализация а и е в пользу а — свойственно диалектам нижней Припяти (как вообще диалектам украинского Полесья и части белорусских диалектов) (см. Т. В. Н а з а р о в а. Звук Е (а) в говірках нижньої Прип’яті. «Питання експериментальної фонетики». Київ, 1963).*

так что соотношение ударной и безударной позиции (*jéγода — jаγодн'úк*, *jéсын' — jасэнэ́на*) передается тем же распределением подъемов (средний — нижний), что и в безударном вокализме после твердых согласных.

4. Системы вокализма, содержащие более пяти членов, отличаются от пятичленных только составом ударного вокализма, тогда как в безударном положении дополнительное противопоставление по напряженности в серии средних гласных (*о*, *е* — *ô*, *ê*, или *у͡о*, *и͡е*) нейтрализуется, устраняется в пользу ненапряженных (resp. недифтонгизированных) гласных. Ср. соотношение ударного и безударного вокализма в диалектах центрального Полесья Гр., Ом. и Хр.:

Под ударением			В безударном положении	
и	у		и	у
ê, и͡е	ô, у͡о			
е	о		е	о
а			а	

5. Наиболее яркие диалектные различия на территории Полесья относятся к фактам диахронической фонологии. Именно в диахроническом плане они получают наиболее адэкватную и экономную интерпретацию, тогда как при строгом синхронном описании они могут остаться незамеченными. Речь идет о фонологических процессах, очевидно самых младших в истории отдельных диалектов или групп диалектов, приведших к их существенному расхождению относительно диахронической оси, но не нарушивших грубых парадигматических и синтагматических характеристик фонологических систем этих диалектов. К этим процессам принадлежат переход *е* → *а*, переход *ы* → *е*, а также различная рефлексация правосточнославянского *о* в новых закрытых слогах (*о*, *і*, *ы*, *у*, *у͡о*, *у͡и*), различная рефлексация **ě* и т. п. На первый взгляд, рефлексы таких явлений на синхронном уровне ощутимы лишь при количественных оценках объема или мощности отдельных элементов системы или при формулировании правил фонологического и фонетического перевода с одного диалекта на другой (возможного ввиду идентичности словаря). Однако состояние диалектной статистики не позволяет пока рассчитывать на серьезные результаты. Все же во многих случаях явления подобного рода, отключенные от актуальных фонологических закономерностей, получают отражение на следующей, морфонологической ступени анализа, где фиксируются специфические правила чередований, например, *а — нуль* (*дан' — дн'е*) или *и — а* (*мид — мáду*).

Упомянутый выше переход *е* → *а*, вообще известный в диалектологической литературе по Белоруссии и Украине [5], однако,

[5] *См. «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 32;* Г. Ф. Шило. *Південно-західні говори УРСР (на північ від Дністра). Львів, 1957, стр. 43.*

не описан в его наиболее полном варианте, зафиксированном в ряде полесских диалектов (Ор., Кр.), где он не имеет регулярных ограничений. Ср. *тра́ба*, *зва́рху*, *ва́л ’мо*, *дан ’*, *ў́жа́* ‘уже ’, *ма́н ’чы*, *пан’* ‘пень ’, *на́бо* ‘небо ’, *змарз*, *мэдва́дына*, *да́раво* ‘дерево ’, *бара́зына*, *шча* ‘еще ’, *варх* ‘верх’, *два́ры*, *молода́ј*, *ба́р’эγ*, *ова́чка*, *слона́чник*, *за́рн’ат* ‘зёрен’, *ра́д’ка*, *та́плаја*, *вэча́рэтэ*, *чэтва́р*, *да́вјат’* ‘девять’, *да́с’ат’* ‘десять’, *вра́мн’е* ‘время’, *ова́с*, *дала́ко*, *ода́жа*, *да* ‘где ’, *па́ршиј* ‘первый ’, *тра́пл’ат ’* ‘треплют ’, *за за́мл’у*, *обла́тају*, *р ’а́бра*, *да́рγајут ’*, *вуза́н’кы* ‘узенький ’, *рва́мо*, *паррава́сло* ‘перевясло ’, *тапа́р’ика* ‘теперь ’, *жма́н’а*, *та́рница* ‘терка ’, *тра́мо* ‘трём ’ 1 мн., *са́рцэ*, *γра́чка*, *мэна́* ‘мне ’, *ва́чэр*, *мала́јки*; *бэра́* ‘берет ’, *ида́* ‘идет ’, *роста́*, *мэта́*, *клада́*, *неса́*, *цвета́* ‘цветет ’, *капал ’ў́ш*, *парабро́сыў́с ’а*, *бу́да* 3 ед. от гл. ‘быть ’, *со́нца* им. ед., *вы́сохна* 3 мн., *рашытн’ак’и́*, *клани́на* ‘клен ’, *са́ла* ‘сёла ’, *ма́лыц ’* ‘мелет ’, *ла́хшэ*, *ша́пча* ‘шепчет ’, *попыта́јта* 2 мн. повелит., *ца́рква*, *трасу́т* ‘тресут ’, *тра́т ’а* ‘третья ’, *сало́* ‘село ’, *жыва́* 3 ед., *кра́сныј* ‘крестный’, *зна́јета* 2 мн., *смарт ’*, *по́ла* ‘поле ’, *баз* ‘сирень ’, *старн ’е́* ‘стерня ’, *ста́жка*, *γра́бл ’а* ‘гребля ’, *пова́рныта* ‘повернете ’, *сарп*, *жнац*, *крава́ц* ‘швец ’, *упада́ш*, *вазла́* ‘везла ’. Этот процесс существенно изменил словарное распределение и мощность фонемы *а*, сравнительно с диалектами, где такого процесса не было, но мощность фонемы *е* резко не изменилась из-за сопутствующего перехода *ы* → *е* (известного, правда, и другим диалектам, не знавшим перехода *е* → *а*). Ср. *пэ́шут ’*, *роб э́тэ* (инф.), *прыбэ́ў*, *маш э́ны*[э], *чэ́сты* ‘чистый ’, *дэ́рка*, *корм э́ты*, *ў э́с ’т ’а* ‘листья ’, *бо́ртнэк*, *з‿вэсо́кэмэ*, *нашлэ́*, *лохачэ́*, *бруснэ́цэ* им. мн., *малэ́на*, *орабэ́на*, *зэ́мно*, *э́нэј* ‘иней ’, *дэм* ‘дым ’, *сэрэ́ј* ‘сырой ’, *сэ́пл ’ат* ‘сыпят ’, *вэво́зэлэ*, *жэў* ‘жил ’, *вэ́пэсаў* ‘выписал’, *кэ́да* ‘кидает’, *ву́шэ* ‘уши’, *ў‿маγазэ́нэ*, *копэ́цэ* ‘копны ’, *нэ́з ’ко* ‘низко ’, *нэ́тк ’и*, *тэ́хо*, *прост э́т ’* ‘простит ’, *бэл* ‘бил ’, *столэ́* ‘столы ’, *јазэ́к* и т. д.

6. Вокализм начала слова в большинстве полесских диалектов существенно ограничен. К явлениям начала слова здесь относятся: 1) протетические согласные *в*, *ј*, *γ*, в некоторых случаях свободно варьирующие; 2) отпадение начального гласного; 3) мена начального гласного в связи с разной устойчивостью различных гласных в этой позиции; 4) отпадение этимологических *в*, *ј*, *γ*, восприняятых как протезы, в том числе и перед сонантами *р*, *л*[6]; 5) добавление начального гласного, обычно наиболее устойчивого.

Примеры: 1. *во́γнывo* (Шестовичи), *вуро́л* ‘орел ’ (Св.), *до‿вукра́јны*, *вэ́чэн’* ‘очень ’ (Лк.), *вуружа́ј* (Лк.), *ву́с’т’е* (Сп.) *вужы́* (Зд.), *вучы́тыл ’* (Сп.), *ву́дочк’и* (Др.), *з‿вам’е́рык’и* (Ор.), *вы́спа* ‘оспа ’ (Ор.), *Во́л’а* ‘Оля ’(Ор.), *з‿вуха́мы* (Ор.), *во́зэро* (Св.), *во́ўтуш* ‘Ол-

[6] *Типологически это сходно с распределением густого придыхания в древнегреческом перед гласными и ρ.*

туш ' (Ор.), *вужы́н'н'ик* (Св.), *вэ́хо* (Лп.), *во́струў* (Св.); *jо́ўтуш* 'Олтуш ' (Ол.), *jу́трэн 'н 'а* (Ол.), *jи́ва* (Серые), *jе́н 'иj* 'иней ' (Св.); *γол 'хо́вы* (Ол.), *γу́л 'л 'ик* 'улей ' (Ол.), *γу́лыца* (Ор.), *γи́нчиj* (Рд.), *γо́зэро* (Ор.), *γоли́j* 'масло ' (Ор.), *γэ́ва* 'ива ' (Ор.), *γо́стра* (Сп.), *γэ́ршы* 'ерши ' (Сп.), *γоды́н* 'один ' (Зд.), *γуз 'еро́м* (Сп.), *γондоракы́* 'юбки — андараки ' (Ккр.), *γону́чы* (Ккр.), *γараб 'и́на* (Ляховичи), *γисто́рија* (Лк.). 2. *Л 'л 'е́* 'Илья ' (Св.), *ру́жије* 'оружие ' (Св.), *длэ́γа* 'оттепель ' (Св.), *лими́н* 'алюминий' (Св.), *γо́лка* 'иголка ' (Сп.), *марыка́нцы* 'американцы ' (Лк.), *γр$_{o}$но́ма* 'агронома ' (Лк.), *коло́т* 'околот ' (Св.), *рашта́нт* 'арестант ' (Св.), *γурк 'и́* 'огурцы ' (Сп.), *куше́рка* 'акушерка ' (Ол.), *γли́ца* (Гл.), *л 'е́шына* 'ольха ' (Дк.), *сто́рија* 'история ' (Ол.), *γоро́т* 'огород ', *γоро́днэна* 'овощи ' (Ор.), *кроп* 'кипяток ' (Св.), *ну́ча* 'онуча ' (Ом.), *вэч 'ичк 'и́* 'овечки ' (Гр.); 3. *анд 'у́к* (Ол.), *ана́чы* (Лк.), *антир 'е́сно* (Ол.); 4. *ладышка* 'гладышка ' (Ол.) *эје́ц* 'яиц ' (Сп.), *ихта́р 'иў* 'гектаров ' (Зд.) *озмэ́цца* 'возьмется ' (Зд.), *дов 'е́ц* 'вдовец ' (Зд.), *орноста́j* (Зд.), *орабухы́* 'воробьи ' (Зд.), *рабушчы́к* 'воробей ' (Св.), *рыбу́т* ' 'гребут ' (Сп.), *рэбы́л 'никы* 'гребцы ' (Сп.), *ачме́н* ' (Сп.), *оли́на* 'ветка ' (Зс.), *ру́бка* 'печь ' (Сп.), *ро́шы* 'гроши ' (Др.), *у́воро́т* 'выворот ' (Гл.), *у́jшла* 'вышла ' (Гл.), *риби́* 'грибы ' (Гр.), *рэбjо́нка* 'гребенка ' (Гр.); 5. *изм 'е́шаны* (Ол.), *орабэ́на* 'рябина ' (Ол.), *ардио́л* 'радиола ' (Лк.), *амшари́на* (Гц.).

7. В области консонантизма, в целом достаточно стабильного, в полесских диалектах обращают на себя внимание следующие факты, связанные прежде всего со специфическим проявлением ряда фонологических противопоставлений.

1) З в о н к о с т ь — г л у х о с т ь. На значительной территории [7] противопоставление глухих и звонких согласных осуществляется во всех позициях, в том числе и перед паузой и перед согласными, однако в последних двух случаях представлен вариант, занимающий на шкале звонкости промежуточное положение между соответствующим звонким и глухим. Этот средний вариант может распространяться иногда и на другие позиции, тогда его неустойчивость приводит к свободному варьированию глухости — звонкости: *но́з 'ат* ~ *но́с 'ат* 3 мн. (Ол.), *долека́тно* ~ *долега́тно* (Ол.), *слы́жала* ~ *слы́шала*, *ов 'е́дж 'и* ~ *ов 'е́ч 'и* (Ол.), *грас 'и́вы* ~ *крас 'и́вы* (Ол.), *гл 'ује́* ~ *кл 'ује́* (Ол.), *бол 'а́кэ* ~ *пол 'а́кэ* (Ор.); *рuба́жэчка* (Св.), *габы́ᵊна* 'кабина' (Св.), *ў бедрака́х* 'в батраках ' (Св.), *болта́ўска губэ́рн 'иjа* (Лк.), *по чэртаку́* (Лк.), *скипита́ру* (Ол.), *дуγо́ўка* 'духовка ' (Зд.), *побоγоры́ло* 'погорело, повыгорело ' (Сп.), *хово́рыт* ' (Сп.), *ло́ток* 'лодок ' род. мн. (Сп.) *γму́рно* (Сп.), *ў маказы́н 'и* (Сп.), *холо́дны* 'голодный ' (Сп.), *ху́зка* (Св.), *аўто́бузом* (Гл.), *па́зв'иско* 'пастбище ' (Лк.), *у Ра́дошэ* (Рд.), *хвос 'т 'а́мы* 'гвоздями ' (Зс.); а также, возможно, и формы: *д'е́тушка* 'дедушка ' (Ол.), *жолу́ток* (Ол.), *фла́ка* 'флага ' род. ед. (Ол.),

[7] *См. «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карты № 45, 46.*

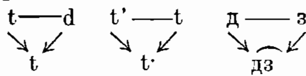
у лóшат'и (Св.), если исключить здесь морфологическое выравнивание основы.

2) Палатальность. В полесских диалектах мощность противопоставления по палатальности весьма невелика, прежде всего за счет позиций перед *е*, *ы*, где в одних диалектах выступают почти исключительно твердые, в других — полумягкие согласные, в третьих наблюдается свободное варьирование твердых и мягких (или полумягких): *с 'ӣено ~ сы͡эно*, *с 'ӣно ~ сы́но* (Гр.), *в 'едрó ~ вэдрó ~ вадрó* (Хр.). В позиции перед гласными заднего ряда, как правило, отсутствует палатальность в группах: 1) *р*, 2) губных, 3) заднеязычных согласных. Показательно, что именно в этих группах, и, кажется, только в них, развиваются этимологически и позиционно не мотивированные палатальности: *р 'éба* 'рыба' (Св.), *р 'укá* (Св.), *ровэр 'á* им. мн. (Лк.), *дохтор 'á* им. мн. (Лк.), *р 'уў* 'ров' (Лк.), *пор 'á* (Лк.), *р 'áма* (Лк.), *костр 'á* род. ед. (Лк.), *др 'óвы* (Лк.); *м 'е* 'мы' (Св.), *м 'éшы* 'мыши' (Св.), *баб 'é* им. мн. (Св.), *баб 'ýў* род. мн. (Св.), *м 'иш* 'мышь' (Зд.), *рук'* род. мн. (Св.), *р 'ик'* 'год' (Св.), *крук'* 'круг' (Св.). В группе шипящих распределение палатального и непалатального вариантов может зависеть от ударения: *ж 'áба ~ жабáмы*, *ж'ӓ́ти*, *ш 'ӓ́пка* (Ор.). В Хр. у одних информантов в ударном слоге *ч* мягкое, а в безударном — твердое: *ч 'áсто ~ зачастýју*, *пч 'óлы ~ у‿пчолы́*, *ч 'от ~ чоты́р'и*, *чоснóк*, *тон 'ч 'éј ~ зачэп 'ӣт'*, *ч 'óрныј ~ чэрн 'ӣцы*, *ч 'ýла ~ чужýју*, *в'éчур*, *ч'óвэн ~ чоўн 'ӣ*, *ч 'ӣсты ~ боɣáтчы*, *хоч' ~ хóчэш*, *ноч' ~ нóчка*; у других информантов, наоборот, в ударном слоге *ч* твердое, а в безударном — мягкое: *чóрныј ~ л 'ӣч 'ица*, *испэчóш ~ ч 'епэ́ц*. Спорадически встречается свободное варьирование твердых и мягких шипящих: *шырóка ~ ш 'ирóка* (Зд.), *ш 'ерóн ~ шэрóн* (Зс.).

3) Аффрикативность. Свистящие и шипящие аффрикаты *ц*(*ц'*), *д͡з*(*д͡'з'*), *ч*(*ч'*), *д͡ж*(*д͡'ж'*) в ряде диалектов вступают в отношение свободного варьирования со своими фрикативными коррелятами *с*(*с'*), *з*(*з'*), *ш*, *ж*. Ср. *цатанá* (Ол.), *конц͡эрвы* (Ол.), *п 'éнција* (Сп.), *авáнцом* (Зд.), *оц 'éчка* 'осечка' (Ол.) — *рыжэ́с* 'рыжец' (Ол.), *хлóпэс* (Зд.); *д͡знáэмо* (Ор.), *мáд͡зат'* (Св.), *под͡зычэ́јут'* (Ол.), *д͡звáмо* (Лк.) *д͡зáјца* (Лк.), *óд͡з 'еро* (Ол.), *ход͡з 'áин* (Ор.); *чоѕ* 'шоссе' (Сп.) — *шты́ры* 'четыре' (Лк.); *д͡'ж 'áрылы* 'жарили' (Ол.), *сад͡жа* (Лк.), *удрод͡жáј* 'урожай' (Гр.) *ход͡жý* 'хожу' (Гр.) и т. п. Аффриката *д͡з*, кроме того, может выступать на месте смычного *д*; *д͡зобрó* (Ол.), *труд͡зодн 'ӣ* (Ол.), *д͡залы́* (Ол.), *ход͡зы́лы* (Ор.), *л 'ýд͡зэ* (Ол.), *д͡зрóва* (Ор.).

В приведенных фактах полесского консонантизма можно видеть отражение того своеобразного состояния системы, при котором кардинальные консонантные противопоставления: по глухости —

звонкости, по палатальности и по прерывности, имеют тенденцию к нивелированию, причем в наиболее независимых позициях:

(где *t* — глухой шумный, *d* — звонкий шумный, *ṱ* — средний между глухим и звонким, *t'* — полумягкий).

4) То же нивелирование противопоставления характерно в ряде случаев для свистящих и шипящих аффрикат и проявляется в фактах цоканья: *γлэ̂цэк* (Ор.), *рукавэ̂цкы* (Ор.), *по цы́м* (Рд.), *п'иц* 'печь' (Рд.), *ц'асы́* (Лк.), *вэ̂ц'ур* (Сп.), *уро́цыско* (Сп.), *јацм'и́н'* (Сп.), *цолов'и́к* (Сп.), с одной стороны, и *чэпа́м'и* 'цепами' (Св.), *хл'и́пча* 'хлебца', род. ед. (Лк.), *танч'у́јут* (Лк.) — с другой.

Свистящий палатальный *с'* довольно часто имеет шепелявый характер: *мэс''у́*, *с''еку́*, *с''в'ие̂жа* (Хр.), *с''еро́н* (Зс.), *с''ип'и́т* (Сп.) и др., однако это обычно не нарушает его фонологической противопоставленности шипящим: *мэс''у́* — *машу́* (Хр.).

5) Весьма неустойчивое положение в консонантизме полесских диалектов занимает *ј*. Об этом свидетельствуют многочисленные взаимные замены *ј* — *н'*, *ј* — *л'*, *ј* — *д'*, не затрагивающие лишь интервокальных позиций и конца слова, ср. *сэмн'у́* 'семью' (Ор.), *је́мцы* 'немцы' (Ол.), *стара́јкују* 'старенькую' (Ор.), *γлы́јаны* 'глиняный' (Сп.), *кул'ту́рјеј* 'культурней' (Ор.); *здоро́вл'е* (Гр.) *ку́л'бышэў* 'Куйбышев' (Ор.), *ју́стро* 'зеркало' (Ол.); *зд'и́ла* 'съела' (Ор., Сп.), *ја́кују* 'благодарю' (Лк.), *јед* 'дед' (Св.), *је́т'ол* 'дятел' (Ол.). Варьирование *ј* — *н'*(*н*) особенно характерно для позиции после губных: *жэрэбја́* — *жэрэбн'е́то*, *румја́нок* — *румн'а́наја*, *спомјану́* — *па́мнэты*, *мјасны́* — *мн'е́со*, *мјак'и́на* — *мн'ак'и́на* и т. д.

6) В тех системах, где *ј* после согласных отсутствует или присутствует только на стыке префикса и корня, можно говорить о наличии геминат. Большая их часть соответствует в других диалектах (или идиолектах) сочетаниям согласный + *ј*[8]: *вес'е̂л'је* (Хр.) — *вес'е̂л'л'е* (Гр.), *з'е̂л'је* — *з'е̂л'л'е* (Гр.), *кут'ја́* — *кут'т'а́* (Гр.), *кор'е́н'је* (Хр.) — *кор'е́н'н'е* (Гр.), *ружјо́* (Ом.) — *ружжо́* (Ол.), *пород'и́л'ја* (Ом.) — *пород'и́л'л'а* (Гр.), *з'ји́с'т'* (Хр.) — *з'з'и́сты* (Гр.).

Но геминаты могут соответствовать и другим сочетаниям: *л'л'а́нэ* (Гр.) — *л'н'а́нэ* (Хр.), *пэрэд‿крэш'а́најем* (Ол.) — *крэшчэ̂н'је* (Хр.), *нэшча́с'с'е* (Ол.) — *шч'а́с'т'е* (Гр.), *тру́нно* — *тру́дно* (Хр.).

В диалекте Гр. обнаруживается связь геминат с ударением: они появляются в позиции непосредственного контакта с ударной гласной: *л'л'а́нэ*, *з'з'и́сты*, *корэ̂н'н'е*, *з'е́л'л'е* и т. д., обязательно перед гласной.

[8] *Поэтому геминаты могут трактоваться как позиционные варианты сочетаний согласных с ј в определенных морфологических условиях.*

В интервокальной позиции встречается немотивированное удвоение согласных: *е́нныј* (Ор.) 'иней', *γу̂л'л'иј* (Ор.) 'улей'.

7) Не затрагивая вопросов слоговой структуры слова в полесских диалектах, хотелось бы отметить лишь одно явление, отражающее, видимо, неустойчивый слоговой статус сонорных *л* и особенно *р*, — редукцию их вокального окружения: *разбру̂* 'разберу' (Ол.), *дрᵊна* 'дерна' (Хр.), *тарᵊло́к* 'тарелок' (Ол.), *бᵊру̂т* 'берут' (Св.), *бурдо́ју* 'бородою' (Св.), *врабушка́* (Св.), *кломэ́троу̂* (Св.), *дрэв'и́на* (Шестовичи), *γр₀но́ма* 'агронома' (Лк.), *дэ́рво* (Лк.), *брчы́т* 'фырчит' (Лк.), *стᵊрн'е́* 'стерня' (Кр.), *дрно́* 'дерн' (Кр.), *зрно* (Кр.), *смрд'и́т* 'пахнет' (Хр.), *пр̊вы* 'первый' (Хр.), *др̊во* (Хр.), *кржо́к* (Хр.), *крст*, *крста́* (Хр.), *твр̊д'ен'к'и* (Хр.), *выврб̊о́чывајут* (Сп.), *па́рбок* 'парубок' (Зд.), *γ̊осподра́* 'хозяина' (Зд.), *прыбрваты* 'вспахивать' (Сп.), *стᵊрла́* 'стрела' (Бд.), *браскл'е́т* 'бересклет' (Бд.), а также обратную этому дополнительную вокализацию: *нара́выцца* (Ол.), *паратыза́ны* (Зд.), *зарън'и́ца* (Бд.) и др.

8) Просодические системы большинства полесских диалектов характеризуются динамическим ударением, подкрепленным противопоставлением систем ударного и безударного вокализма, а иногда и различием в консонантизме ударных и безударных слогов.

В диалекте Ом., по крайней мере у некоторых информантов, ударные слоги выделяются едва заметно.

Противопоставления долгих и кратких гласных не наблюдается, хотя обычно напряженные гласные и дифтонги — долгие, остальные — краткие.

Из особенностей интонации следует отметить своеобразную восходящую фразовую интонацию в диалекте Сп., обычный конец фразы с понижающейся интонацией, после которой идет «*ну*?» с резко повышающейся интонацией. Это же «*ну*?» служит утвердительным ответом на вопрос (Хр.).

Очень интересны модели речитатива, на который переходят в волнующих ситуациях, типы музыкальной интонации жалобы, причитания, почти ритуально построенной ругани, сообщения волнующих новостей. Однако все эти вопросы еще ждут своего экспериментального исследования.

ТЕКСТЫ

1.//а колы́с'/ја чу̂ла так// було́ два бра́ты / од'о́н баγа́ты / друγо́ј н'и́шчы зус'и́м/ ји́сты нэма́ чоγо́//прышо́л вэл'и́кдэн'/посн'и́далы / пушлы́ ба́чыты / тој своγо́ жы́та/тој своγо́//баγа́тыј ка́жэ/ у̂ нас хоро́шэ жы́то/а у̂ моγо́ бра́та/дывы́тыс'а нэ мо́жна//а јоγо́ жы́нка ка́жэ/то ја у̂с'о робл'у̂//оны́ тоγо́ бра́та нэ ба́чылы/а тој брат/у коγо́ нычо́γэ жы́то/чул//у дру̂γоγо вэл'ико́дн'а ци́лу нуч' пыл'нова́л/заси́л у̂ хлыв'и́/прыхо́дыц свин'а́/уз'а́л до́бру шту̂ку/

вы́лиз и заколо́л свин'у́/прышо́л до ха́ты//ра́но захо́дыц до баγа́тоγо ха́ты/јоγо́ жы́нки нэма́//Пыта́је/шо ты сам?/дэ жы́нка?//ка́жэ/нэ зна́ју/шо ў вэ́чур пушла́//ходи́/ја тоб'и́ покажу́/дэ твоја́ жы́нка//о́то так чароўн'ака́м дово́дыц'а//

Луково, 1963.

2*. // ој нэ́ма / нэ́ма / Над' о́чкы ў до́му /
ој по́шла о́на до па́на бо́γа /
за́јшла о́на пуд ра́јскэ двэ́ры /
просы́ты батэ́јка на вэсэлэ́чко /
ој вэсэлэ́с' а / мо́је дыт'а́тко /
ој рад бы ўста́ты / нэ моγу́ замк' и́ў подн'а́ты /
пэ́ршыј замо́чок / тра́ва мура́ва /
дру́γыј замо́чок / жо́ўтыј пэсо́чок /
трэ́т'иј замо́чок / сосно́ва до́ска //
нэ мо́γу ўста́ты и замк' и́ў подн'а́ты //

Олтуш, 1963.

3.//колы́с' вэла́с' така́ја лэге́нда/то́ўста хвоји́на була́/ и о́т дедэ́/на тэс' так'и́х то́ўстэх хвојэ́х/ста́вылэ ву́л'л'а своји́//вот јак в том ву́л'л'ов'и/пч'о́лы роје́ц'ä//и шоў мэдв'и́д'/а ба́ба там поло́ла бу́л'бу/и мэдв'и́д' пра́мо ида́ до та́ј ба́бэ//ба́ба зл'ака́лас'ä по пэ́ршу/но ш'о зро́б'иш/втыка́ты нэ втэча́ш//а в'ин пр'ијшо́ў до тэ́ј ба́бэ/и наста́вл'е јеј ла́пу/ну ба́ба дава́ј дывы́тыс'а на ту ла́пу/и зоба́ч'ила зано́зу//заγна́ў зано́зу тудэ́/нэ мо́жэт в'ин сам добу́ты//ну ба́ба вэ́т'аγнула зано́зу/но/и мэдв'и́д'так подыв'и́лс'ä на ба́бу/и пошо́ў в л'ис/ну пошо́ў в л'ис/забра́ўс'а там/на хво́ји мад/вэ́браў /и пр'ин'и́с тэј ба́бы/одда́ў м'ид.

Орехово, 1962 (Запись Н. И. Толстого)

4.//накача́л одну́ γурбу́ с'н'е́γу/по́тым друγу́ју/и са́жы настрыка́ў/ды во́чы поробы́ў/та́мака нос сса́жы/иста́ўл'аэм и морко́ўку/ а нав'е́рх в'едро́ / ша́пка/ а ру́к'и / ўз'а́ў м'ат'о́ўку/да позастры́каў у пе́ршу γурбу́ / да и ўс'о//и д'е́да так са́мо //

по дубро́в'и рас'т'е́ б'ер'е́з'н'ичок/ трава́ рас'т'е́/сусна́ бува́је/д'е боγа́то зас'а́д'е хво́јн'ику/ сосна́ там сама́ја / там порос'л'а́//хво́јн'ик н'е пуска́је па́росткоў/ ол'ха́/ б'еро́за / пуска́је// хмуз'н'а́к по л'есу́ д'е зас'а́д'е/мно́γо тако́ј дробноты́//из л'е́су воло́ка прот'а́γиваје/ трава́ рас'т'е́/ хмуз'н'а́к ни́зко/ вода́ бува́је/ вэрбн'ичо́к/ бэро́зка/ рак'и́та//

Кочище, 1964.

---

* *В данном поэтическом тексте обращает на себя внимание специфическая расстановка ударений, подчиненная ритмической схеме и отличная от нормальной, свойственной разговорному стилю.*

5. // на ма́слену / весну́ кл’и́кат’ / д’е̂т’и соб’ира́јуца /
јеј весна́ / γе́ј красна́ /
да пок’и́н’ са́н’и /
да бер’и́ кол’о́са /
т’и н’е вы́д’ет /
д’е́воч’ка бо́са /
ч’и н’е сто́ўч’и /
сту́поч’ку про́са /

ф‿кржо́к жо́нк’и/молоды́је и стар’е́јшыје/соб’ира́л’ис’ на шл’аху́/на д’ере́вн’и/ и спува́л’и // на тро́ицу / н’ичо́γо н’е роб’и́лы / кл’о́ном с’е̂кл’и кл’о́н / тата́рн’ик у луз’е̂ рва́л’и /пок’ида́л’и у двор’е́ / ў ха́т’и / за‿о́кна кл’он / γол’је́ с’е̂кл’и / и фтыка́л’и / ко́ло поро́γа//

д’е̂т’и / пе́ред купа́лным ива́ном / ска́ч’ут / кладу́т оγн’а́ / деркаче́ / што ха́ту / мету́т / осто́пк’и / дрова́ / накладу́т н’е́скол’ку γрубе́ј оγн’е́ј д’е́с’ат’ / од’и́н за друγ’и́м / и ска́ч’ут / вро́д’е охо́т’аца / ра́дыје / роγо́ч’ут //

Хоромск, 1965.

6.//колы́с’ / жен’и́х был / закл’учи́л’и пас’т’и́ /жыдо́ўск’и зγо́н / волы́ / жыды́ / плат’и́л’и γро́шы / харч дава́л’и // тој жен’и́х / пас’е́ ўс’е л’е̂то / за пастуха́ // а ба́т’ко з‿ма́т’ер’ју / заду́маўл’и јеγо́ жен’и́т’и и вон / н’е зна́л тује́ д’и́ўк’и // и ба́т’ко и ма́т’и / н’е пыта́л’и јеγо́ / ч’и нра́в’ица / ч’и н’е́/

уре́зал’и хл’и́ба / и поўл’и́тра во́тк’и / пошл’и́ до тоγо́ сва́та / и вы́п’ил’и / хл’и̂б свуј / пок’и́нул’и / а сва́т / свово́ уры́зал // γе́то у‿на́с ка́жут’ / зам’е̂н’ил’и хл’и̂б / вы́сватал’и д’и́ўку / за тоγо́ жен’иха́ / б’еж‿жен’иха́ / запо́ины зроб’и́лы / пр’ихо́д’ит / тој жен’и́х / до‿до́му / по ха́рч’ и перемен’и́т’и од’е́жу // а ма́т’и з ба́т’ком / ка́жут’ / уже мы т’еб’е́ / сыно́к / зап’е̂л’и / н’ев’е́сту т’еб’е́ уз’а́ л’и / а во́н отв’еч’а́је / каку́ же уз’а́л’и / таку́ таку́ уз’а́л’и/а во́н / и слове́чка н’е сказа́ў // н’е л’уб’и́л’ис’а//

Ольманы, 1965.

7. //у друγу́ју н’ед’е̂л’у / зб’ира́л’ис’а / и пр’иγотовл’а́л’и на вес’е̂л’је // моло́л’и жы́то ў жорна́х // коровоја́ / п’ироγ’и́ п’екл’и́ / и ў тој корова́ј / со́х’и р’е́зал’и з‿д’е́р’ева / и цацк’и́ шука́л’и / кве̂тк’и так’и́је / бума́γу р’е̂зал’и / и н’и́ткам’и обмо́товал’и / на ты́је со́тк’и / у то́ј корова́ј // а т’е̂сто хоро́шеје из жы́та // и пр’иγотовл’а́л’и холод’е́ц / с’в’ин’и́ну и́л’и т’ел’о́нка / р’е̂зал’и / и бо́ршч з‿γр’ибáм’и и з‿мја́сом / и р’и́бу / ўс’о ра́зом // сыро́ватку ва́р’ат / пшоно́м засыпа́ј’ут’ / з‿мо̂локо́м ва́р’ат’ / заб’и́лкоју заб’е̂л’ивајут’ / и н’е со́л’ат / бл’инцы́ / п’ирожк’и́ п’еку́т’ / и сыр моч а́јут’ / и са́ло праγу́т’ / сыро́γо са́ла на в’ес’е̂л’је н’е// выволока́јут’ мја́со / и на м’иск’и́ кладу́т’ // обо́јдут’ во́ткоју / и д’е̂л’ат’ корова́ј / дружо́к д’е̂л’и /

н’е стôј/ коровáј у / жы́т’ и /
пôрá т’еб’é розд’êл’и́т’и /
свáт’ејка розγн’ев’ и́т’и /
да трéба јеγó пов’ес’êл’и́т’и /
а коровајá розд’êл’ и́т’и /

да берé / дружóк / пóјас ч’éрес пл’ечá / червóным пóјасом п’ер’е-порáжываjеца / и ножéм р’и́же / и п’éрвы раз /

/ јес’т’ у нáшеγо молодóγо бáт’ка /
прóс’им бóγа /
дарýјем коровајá //

и вон’и́ берýт / и на тар’и́лку / кладýт γрóшы // молоды́ј и молодá с’ид’áт’ на пôсáд’и у двóх / фп’ир’и́т / у молодóγо γул’áјут / и рôд заб’ирáјет молоды́ј / и јéд’ет до молодóј / в’éчур γул’áјут / и заб’ирáјут скры́н’у и молодýју //

Ольманы, 1965.

8. //јак умрé / мы́јут / нарáжываjут пухорóн’н’ика / и кладýт на прот’и́вну лáву ў пóкут’е // је с’в’êч’еч’ка / то пáл’ат // на дрýγ’иј д’ен’ / зб’ирáјут л’уд’éј / да рóб’ат домýўку / т’еп’éр’ / скл’éпом зовýт’ / из душчóк смолóвых / крестá рóб’ат’ / дубóвоγо и́л’и хвојóноγо / и звóн’ат’ /

бы́ў / бы́ў / да немá /
бы́ў / бы́ў / да немá /

пуп и д’ак пр’ихóд’ат / и заб’ирáјут э́тоγо пукóјн’ика у цéрков’ / отпрáву рóб’ат’ / и н’есýт на мóγл’ик’и // закопáјут’ / зан’есýт корóγв’и и крестá / назáт у цéркву / на м’и͡есто / и прыхóд’ат на пом’и́нк’и // и тут прыγотóвл’ено / на двôр’é / в’едрó вôды́ стоúт и квáрта / руч’н’и́к в’ис’и́т / умывáјуца / ут’ирáјуца / и идýт’ / за стóл зал’êзáјут’ / што у коγó је // то и выставл’áје // јак’и́ боγáты умрé / то и вóтк’а / и кáша / и сáло прáжено / сырóватка / борщч / хл’и́ба напекýт п’ирожкóф / а бл’инцóф н’ê // јак б’едн’áк / то кто-н’ибýт’ фс’о однó / н’éкто зан’ес’é / и фс’о однó / навáр’ат борщчý / и кáшы пшóнноj / и п’ироγóф нап’екýт / вóтк’и хут’ однá буты́лка / да постарáјуца // хут’ и быў мед / на пом’и́нк’и н’е выставл’áл’и //на стол’ê / ф’с’а чи́ста стоúт / н’е пр’иб’ерáјут / и вóду / стáв’ат ф‿пóкут’е //

на роздвó / роб’и́л’и γв’éздý / кóло / да обмотáјут бумáγоју / да цв’êтáм’и / б’и́лу / жóлту / с’и́н’у / и запáл’ат с’в’и͡еч’ку / кóло в’ел’и́које / с’и́н’оје / кóло покрýч’ивајут / св’и͡еч’ку ф с’ерéд’ину / зб’ирáјуца и д’и́ўк’и и хлóпцы рáзом / и б’ерýт γв’éздý / и пытхóд’ат пуд‿óкнó до хоз’áина / и γовóр’ат /

дóбри в’éч’ôр томý /
кто в‿э́том домý /
д’áд’ку / д’áд’ку /

ч'и вам засп'ивáт'и /
кол'áтку /

р'игко / ктó н'е хóч'ет / аj / ид'ит'е до‿дóму /

н'емá комý хоровáт' /
да вам п'ироɣ'и даваáт' /

и воны́ отвеч'áјут /

н'ехáј твовó волá /
зјед'áт оводы́ /
што н'е дајóш кол'ады́ /

а кто отв'еч'áје / сп'евáјт'е / и хоз'áјка вынóс'ит п'ироɣá / кáжут'/

тоб'и́ / хоз'áјка /
пуст' рос'т' é колосóк /
јак э́тыј пирожóк /

м'ешкá нос'и́л м'ешкôнýс / д'и́ўк'и н'е нос'и́л'и // на нóвыј ɣуд /
хоз'áин / в окнó стýкајет /

мôрóз / мôрóз /
ход'и́ кут'јé јéс'т'и /
прóс'им бóɣа и т'еб'á /
ход'и́ кут'ји́ јé с'т'и /
јак н'ејд'éш т'еп'éр'а /
то н'ејд'и́ н'икóл' и /
н'и на порос'áта /
н'и на јаɣн'áта /
н'и на т'ел'áта /

јак дóс'иўк'и / то п'екл'и́ бóрону / плýɣа /
клáли у шáн'у / и н'есл'и́ ў пóл'е //

Ольманы, 1965.

// јак жéн'аца / пáл'ат солóму на ýл'ицу / и п'ер'ејéждајут чéрес оɣóн' / на купáлу н'е пал'и́л'и / на штó пал'и́т'?

Ольманы, 1965.

/дóс'еўк'и / јак дос'é̂јут / нап'екýт хл'é̂ба / и разнóс'ат по хатáх// на зáпуск'и коровáј спекýт / на санк'и́ постáв'ат' / и јéз'д'ат/ / в'еснý кл'и́ч'ут' /

в'еснá краснá /
штó ты вы́н'есла /
ч'и кусóк хл'é̂ба /
ч'и кусóк сáла /

на дрýɣ'иј д'ен' / д'еўч'áта појýт / хóд'ат круг с'елá //

Ольманы, 1965.

9. // на роздво́ / кол'адн'ик'и́ / пе́рвово дн'а / кол'аду́ сп'ева́јут' / на шчо́др'ика д'е́лајут' козу́ / шо́пку обкл'е́ивајут' ко́жеј / на рожк'и́ звезду́ / ч'а́сом осла́ и́л'и кон'а́ в'еду́т / на тр'о́х кру' ле́ј / моро́за зову́т /

мôро́з / мôро́з /
ход'и́ кут'т'у́ је̂с'т' /
јак н'ејд'е́ш /
так н'еј д'и́ /
н'е мôро́з' /
и јаγн'уч'к'и́ /
и коз'уч'к'и́/
и хоз'а́ина мово́ /
у доро́з'и //

Городная, 1965.

10. // жен'и́х пр'исыла́јет ма́тку / соγла́сна л'и д'и́ўка / во́тк'ў // венка́ накла́дывајут / ден' ч'и два зде́ржыт'и // дара́т / мушч'и́ны γро́шы / а же́нш'ины / воз'му́т па́лку / сту́кајут наст'ў́л'н'ик / и веду́т до мôлодо́γо // у́тром ўстају́т / с му́зыкој / у хл'ив'и́ / зно́ва беру́т' / пјут' / корова́ја печ'у́т' / и ўс'ў́ј родн'е́ раздаду́т / ўдо́вы н'е м'и́с'ат до корова́ја ит'и́ / то́л'ко ба́б'и шч'ас'л'и́вы / медо́к ста́в'ат' / пта́шок наро́б'ат' / и ска́ч'ут' / чому́ н'е!

Городная, 1965.

11.//на тро́ицу / вод'и́л'и куста́ из кл'о́ну / д'ифч'а́та // поуб'ира́л'ис'а ў кл'ốн / пр'ивја́зывајут круγо́м / адн'и́ γлаза́ ви́дно // то́л'ко адну́ обвја́жут / она́ пос'ер'е́д'ин'е / сп'ева́јут'/

тро́ица / прес'в'ата́ја бôγоро́д'ица /
кто пос'е́је л'о́н /
н'еха́ј заро́д'ица //

Велута, 1965.

12. //на па́ску / порос'о́нка / зако́н буў //исп'еку́т' у п'еч'е́ / на са́ночк'и поло́жут' // н'есу́т до ба́т'ушк'и с'в'ат'и́т' ја́јца / п'иρογ'и́ ис пшен'и́цы своје́ј робо́ты / п'иро́х кру́γлој быў / х'и́тра ба́ба јаи́чком пома́же // на рожесво́ / н'е д'е́лал'и порос'о́нка // мл'ины́ бы́л'и / у ватрака́х ил'и у жорна́ў нам'е́л'е //

ш'одре́чн'ик'и/

до́брыј в'е́чур / пане γоспода́ру /
ты дозво́л'иш п'е́с'н'у засп'ева́т' /
твуј‿до́м повел'ичува́т' /

до́ўγо пoју́т'/

да жывы́ здоро́вы /
со свои́м дру́γом /
и с семе́јкоју /
и с худо́шкоју /

а тоска́ јесл'и / ка́жут' / прова́л'ивајт'е да́л'еј //
из муш'и́нскоγо по́лку / ја са́мыј стар'е́јшыј /
тре́ба уме́рт'и / помро́т'и ф͜ кон'е́ц //

на блаγов'е́шчен'је / н'е́л'γа / колка́ воткну́т' в͜ з'е́мл'у / γр'ех // хресцы́ тре́ба с'п'ект'и́ / со́рок бала́бушкоф / и с'н'ес'т'и́ на по́л'е // јак је́д'ет челов'е́к / вола́м'и о́рат' / у то́рбу / у вере́н'у из лык / бала́бушк'и заберé / п'ер'ехр'е́с'т'ица / γо́спод'и / поблаγослав'и́ / и је́ст бала́бушк'и / јак карто́шчину / ну?

јак л'он с'и́је / ба́ба јаје́ц даст / россы́пл'и с'е́м'а / да ја́ја и појé //

хати́ курны́је бы́л'и / н'е було́ / штоп ко́м'ин быў / подло́γи / да крашо́ныје / ра́н'ше дол был / з'емл'а́ // толоко́ју јак што зробы́т' / по д'е́рву ји́хат' / пр'иγо́с'т'ат' / пла́ты н'ет / то́л'ко уγо́с'т'ат цыбу́л'еју / уку́сно / сма́чно / л'им'ина́д откупур'а́т / мулоко́ //

д'иды́ коўтунова́тыје бы́л'и / у ша́пч'и хо́д'ат / спл'ету́ца так / а на ба́б'е завје́ца / ху́ској закро́је / д'ед на чере́пку заγн'е́т наклад'е́ / γор'и́т оγо́н' / и постолы́ пл'ет'е́ / и воло́к'и ис конопе́л' / постолы́ заборса́т' //

Хоромск, 1965.

13. //хуте́рко бы́ло / козачи́нка до́ўγаја / кла́д (воротник) тут / на ку́з'ич'ках заст'и́г'ивајуца / на с''л'у́т ла́доч'ка / сама́ порыва́ла в͜ в'енка́х / концы́ в'и́с'ат / но то́ уже́ в венку́ // а ра́н'ше пу́хоўк'и / нам'е́тк'и то́н'ен'к'ије / на рошк'и́ пу́хоўка склада́лас'а / дл'а украше́н'а пу́хоўку на до́шч'еч'ку спе́ред'и / прокажу́ / ка́то по весе́л'ах проха́жывала //

на роздво́ / с'е̂на пучо́к на стола́ / пото́м чы́стују ска́терт' / и γе́то с'е̂но худо́б'е // до́ма с'е̂но / до пру́вот л'ежы́т' //

на крешче́н'је у це́рко / и крста́ ро́б'ат' / крыжы́ны ста́в'ат' / в н'их со́сны / и на л'уд выхо́д'ат' //

Хоромск, 1965.

14. //на шч'одре́ц мушчи́ны / ста́рыје и молоды́је од'д'е́л'но и же́ншч'ины од'д'е́л'ны / д'еўча́та од'д'е́л'ны / пр'и́дут г͜ до́му / и поју́т /

по твому́ двору́ /
γоспо́т' ход'и́л /
жы́то род'и́л /

и / в'иноγра́т рос'т'е́ / зна́ла ўс'е п'е́с'н'и // з ма́скам'и / вы́в'ернут' кожу́ха / пужа́коло роб'и́л'и / как л'и́хтар з'з'в'ездо́ју / ўс'а с''м'ешна́ја / што́бы рокота́лы // из бума́γ'и вы́р'ежут / уγо́л'ем / што то́п'имо / бро́в'и ро́бл'ат' / фс'о чо́рным / ф ша́пци / б'и на чо́рта похо́жа была́ / бо́роду зро́бл'ат' / хвоста́ зд'е́лајут' / фс'о то́л'ко мушчи́ны // и кон'а́ зро́бл'ат / пол'е́но об'о́рнут' / γоло́ўку зро́бл'ат' / подведу́т' фо́рму кон'а́ / н'есу́т' да и пу́ст'ат' //

пе́рвово мл'инца́ / исп'ечо́ш на шч'одре́ц / молода́ја д'е́ўка выб'ежы́т на двор / и кл'и́ч'ет

т'у — т'уу́ /
појеш мојý кут'у́ /
а‿јде́ собáки забр'е́шут /
туды́ замуш пôјду́ /

и пото́м соба́ци даст //

јак умре́ поко́јн'ик / ста́вл'ат' кану́н / мет л'јут в‿во́ду холо́днују / и кры́шат п'ироγа́ // уже́ с мо́γл'иц пр'иду́т / сад'а́цца ф'с'е своја́ с'емја́ / и по тры́ ра́за че́рпајет / а пото́м‿уже ф'с'е / своја́ с'емја́ пе́рвој ји́с'т' / пото́м ста́вл'ат' са́ло / мја́со / с'ел'о́тк'и / р'и́бу / борщч / ка́шу ис пшона́ как зако́н / к'ис'е́л' / мл'ино́ў н'е п'еку́т' / то́л'ко п'ироγ'и́ //

на ра́доўн'ицу н'есу́т ја́јца / п'ироγ'и́ / мја́со / ва́реноје са́ло и пе́рвово дн'а / и на дру́γиј / на волочо́ны // јак пом'ина́јут' / то и сыре́ мја́со ре́жут / зро́бл'ат' б'ин'у́к //

по с'ере́д'ин'е поста́ / хр'есцы́ ис‿хл'е́ба с'п'еку́т / и кр'ест л'ежа́л / как пасту́х вы́γон'ит / то ф‿то́рбу даду́т / и са́ло сыре́је // кр'ест то́л'к'и своједму́ пастуху́ / а јак сус'е́дн'иј / то хл'е̂б и са́ло //

на п'етра́ / роб'и́л'и с'еб'е́ колы́ск'и / то́л'к'и на̂ п'етра́ // хло́пцы / жонк'и́ вел'и́к'ије колы́шуца //

на купа́ла поју́т /

т'еп'е́р'а но́ч'ка н'ев'ел'и́ч'ка /
н'евы́спалас'а ч'аровн'и́ч'ка /
т'ип'е́р' купа́јло /
а за́фтра Ива́н //

д'е́ўк'и и хло́пцы / кладу́т оγо́н' // оγо́н' бул'шо́ј / кру́γлыј / в'ехт'а зро́б'ат // в'ехт' / на бул'шо́ј па́лце / высо́ко γор'и́т' // д'е́ўк'и и хло́пцы / постолы́ зб'ира́јут / со с''м'е́тн'ика / и на купа́ла / но́с'ат // осто́пк'и пр'ино́с'ит д'еўчи́нка / пока́ н'ес'от / н'иком н'е γовор'и́ / н'е оз'ира́јс'а / и к'и́нут' в‿оγоро́т / штоп капусту [черви] н'е је́л'и / то́л'к'и чы́ста д'е́воч'ка / и помоγа́јит //

Хоромск, 1965.

Т. В. Назарова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА УКРАИНСКИХ ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКИХ ГОВОРОВ

Для украинской диалектологии противопоставление правобережно- и левобережнополесских (в литературе часто средне- и восточнополесских) говоров является традиционным [1], хотя до широкого обследования территориальных диалектов для атласа украинского языка это разделение основывалось на явно недостаточном материале. В особенности расплывчатым оставались лингвогеографические показатели Правобережного Полесья [2] в связи с крайне слабой изученностью как говоров непосредственно правобережнополесского, или среднеполесского [3], типа, так и говоров северо-западной Волыни (западно- или волынско-полесская группа) и невозможностью поэтому провести более или менее четкие границы смежных ареалов. Завершение части атласа укра-

[1] *См. К. П. Михальчук. Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край», т. VII, вып. 2. СПб., 1877, стр. 490 и карта; Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 63 и карта; он же. Говори української мови. Київ, 1958, стр. 18 и карта.*

[2] *В дальнейшем термином «Правобережное Полесье» обозначается район собственно правобережнополесских, или среднеполесских, ареалов без Волынского Полесья, охватывающего территорию к западу от р. Горыни.*

[3] *Имеются записи П. П. Чубинского, сделанные по программе И. П. Новицкого в нескольких правобережнополесских селах (в 60-х годах XIX в.). Эти записи, содержащие часто отрывочные факты, а также отдельные сведения из неспециальных, преимущественно этнографических, описаний были основным материалом для характеристики Правобережного Полесья в первых обобщающих диалектологических работах (К. П. Михальчука, А. И. Соболевского). Изучение говоров этого края долгое время отставало от других диалектных районов. Из работ более или менее обобщающего характера (хотя и на ограниченном материале) можно назвать лишь статью В. А. Каминского «Отчет о поездке в Волынское Полесье для изучения народных говоров летом 1910 г.» (ИОРЯС, т. XVI, кн. 4. СПб., 1911); остальные работы касаются говоров отдельных населенных пунктов (П. Гладкий. Говірка с. Блиставиці на Київщині. «Український діалектологічний збірник УАН», кн. I. Київ, 1928; П. С. Лисенко. Фонетичні і морфологічні особливості говірок Димерського району на Київщині. В сб. «Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови». Київ, 1954). Говорам северо-восточных районов Правобережного Полесья посвящено несколько опубликованных статей автора и «Лингвистический атлас Нижней Припяти», находящийся в печати.*

инского языка, охватывающей основные районы Полесья и Среднее Поднепровье, а также картографирование говоров Поднестровья, Волыни и соседних земель [4] дает возможность выделить ряд полесских, в том числе специфически правобережнополесских ареалов, и указать на некоторые структурные особенности этой диалектной группы, представляющие из-за архаичности и своеобразия их значительный интерес для восточнославянской диалектологии.

Рассмотрение некоторых из этих специфических правобережнополесских диалектных особенностей в области вокализма на фоне общеполесских ареалов является предметом настоящей статьи [5].

С юга правобережнополесские ареалы достаточно четко очерчиваются общими северноукраинскими изоглоссами, которые в большинстве своем являются границами более широких (северноукраинских – южнобелорусских) ареалов: например, различение ударных и безударных рефлексов *ě*, *ę*, а также *о* и *е* в новых закрытых слогах (далее — tot('), tet(') [6]), отсутствие новой фонемы /i/, оппозиция безударных /е/: /и/, некоторые морфологические и лексические реликты и т. д.

По материалам атласа, эти границы проходят примерно от Днепра севернее Киева на запад, к Новоград-Волынску. Далее они частично загибаются к северу в междуречье Случи и Горыни, достигая на левобережье Горыни границы БССР, частично продолжаются на запад через Луцк и Владимир-Волынск до государственной границы. Собственно правобережнополесские ареалы выделяются между Днепром и Горынью; ареалы к западу от Горыни представляют преимущественно волынско-полесский тип, для которого характерно сочетание северноукраинских и южных, в основном волынских, явлений.

С северной стороны правобережнополесские ареалы либо продолжаются на территории Белоруссии, либо замыкаются на границе с говорами, подвергшимися более или менее интенсивному белорусскому влиянию (в районах нижней Припяти, севернее Овруча Житомирской обл., севернее и северо-восточнее Сарн Ровенской обл.).

В отношении количества фонемных единиц в ударной позиции правобережнополесские ареалы не вычленяются из общеполесских

---

[4] *Атлас украинского языка (Полесье, Среднее Поднепровье и соседние земли) подготовлен к печати отделом диалектологии Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР: картографирование той части атласа, которая охватывает западные области УССР, завершается в Институте общественных наук Львовского государственного университета.*

[5] *Материалом для статьи послужили личные наблюдения в полесских районах Киевской, Житомирской и Ровенской областей УССР, в том числе магнитофонные записи, выполненные совместно с А. Н. Залесским. Использован также рукописный архив и карты атласа украинского языка, находящиеся в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР и в Институте общественных наук Львовского государственного университета.*

[6] *В статье приняты следующие обозначения: t — любые согласные, v — губные, d — переднеязычные зубные, š — шипящие.*

(если считать общеполесскими ареалы, охватывающие и украинское, и белорусское Полесье) и представляют семифонемную систему /$\overset{и}{\text{і}}$/ — /$\underset{\smile}{\text{ie}}$/ — /е/ — /а/ — /о/ — /$\underset{\smile}{\text{уø}}$/[7] — /у/, количественно соотносительную с соответствующей системой белорусского Полесья[8]. Безударный вокализм объединяет украинское Правобережное Полесье с той частью белорусской территории, в говорах которой сохраняется оканье[9] (пятифонемная система /$\overset{и}{\text{і}}$/ — /е/ — /а/ — /о/ — /у/); он отличается от вокализма левобережного (Задесенского) Полесья с недиссимилятивным аканьем.

В ударном вокализме дифференцирующими являются противопоставления лабиализованных — нелабиализованных гласных и гласных различных степеней подъема, причем в противопоставление по подъему включаются и гласные с неоднородным (смена от верхнего к среднему) подъемом /$\underset{\smile}{\text{ie}}$/, /$\underset{\smile}{\text{уø}}$/. В отличие от ударного, в безударном вокализме противопоставление гласных по однородности — неоднородности подъема не реализуется в связи с тем, что сфера функционирования этих фонем во всех полесских говорах ограничена ударением (ударный вокализм), а для /$\underset{\smile}{\text{уø}}$/ — еще и характером слога (новый закрытый слог). Условия дистрибуции других фонем не зависят от ударения и характера слога, однако в некоторых случаях ограничительным является консонантное окружение. Зависимость дистрибуции и звуковой реализации фонем от соседства твердых или мягких согласных рассматривается при характеристике соответствующих гласных фонем.

В связи с различительной ролью ударения, проявляющейся не только при синхронном сопоставлении ударного и безударного вокализма, но и в рефлексации ряда древнейших гласных, особое значение приобретает установление этимологических тождеств между элементами ударного и безударного вокализма. Этимологически тождественные элементы различаются в зависимости от позиционных условий (ударный — безударный слог, твердый — мягкий соседний согласный и т. д.). В связи с этим между ударными и безударными фонемами существуют определенные позиционно-этимологические связи, специфичные для более или менее широкого диалектного ареала. Так, в зависимости от характера рефлексации ě, ę, tot('), tet(') в ударных и безударных позициях, а также учитывая стойкость оппозиций безударных /о/ : /у/, /о/ : /а/,

---

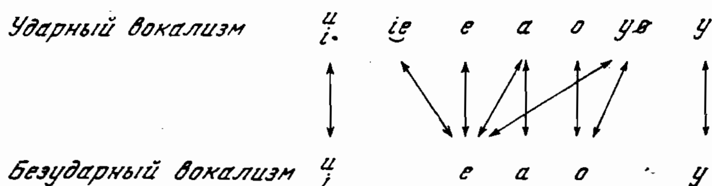
Условно обозначаем как /$\underset{\smile}{\text{уø}}$/ фонемы, соответствующие в конкретных системах рефлексам о, е в сочетаниях tot('), tet и, подобно /$\underset{\smile}{\text{ie}}$/, противопоставленные другим гласным по неоднородности — однородности подъема.

[8] *Ср. «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 14—15 и карта на стр. 20.*

[9] *См. «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Пад рэдакцыяй Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963, карта № 3 (далее — ДАБМ); «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт». Мінск, 1963, стр. 277—282 (далее — ДАБМ, комментарии)*

/е/ : /и/ (в отличие от других говоров, в том числе и полесских).
/і/

устанавливаются следующие позиционно-этимологические связи между ударными и безударными фонемами в Правобережном Полесье (стрелками обозначается соотносительность ударных и безударных гласных):

Для удобства рассмотрения из этой схемы можно выделить (по вертикали) отдельные фонемные группы, представляющие либо этимологические тождества, например /ie/ — /е/ (<ě), /á/ — /е/ (<ę), либо комплексы структурно и этимологически связанных элементов, например /é/ — /е/ — /á/, где тождество /é/ — /е/ (<е, ь) структурно связано (компонентом /е/) с тождеством /á/ — /е/ (<ę).

По характеру структурно-этимологических связей эти группы частично отражают общеполесские и общеукраинские закономерности. Собственно правобережнополесскими являются ареалы, образуемые некоторыми из этих групп и противопоставленные общеполесским ареалам в связи с модификацией элементов на фонемном уровне либо в связи с особенностями звуковой реализации отдельных фонем.

Поэтому в соответствии с задачей настоящей статьи более подробно будут охарактеризованы именно те группы, которые в каком-либо отношении представляются специфичными для Правобережного Полесья; остальным фонемным соответствиям будет дана более общая характеристика.

Противопоставление ареалов вокалических структур в связи с модификацией отдельных фонемных единиц на Правобережном Полесье проявляется лишь в ударной позиции и обусловлено многообразием типов лабиализованных фонем неоднородного подъема (дифтонгов), условно объединенных в схеме знаком /уø/. На основе артикуляционно-акустических признаков в группе /уø/ выделяются фонемы /уо/, /ӱи/, /ӱе/, противопоставленные друг другу по ряду и степени лабиализации и образующие различные микроструктуры /у/ — /уо/ — /о/, /у/ — /ӱи/ — /и/, /у/ — /ӱе/ — /е/[10], как правило, не сосуществующие в одном и том же говоре. Многообразие типов фонем в группе /уø/ связано с вариативностью

[10] *Ф. Т. Жилко. Фонологічні особливості української мови в порівнянні з іншими слов'янськими. Київ, 1963, стр. 12—13.*

рефлексов tot^{‹›}, tet. В безударной позиции /уø/ : /о/, /уø/ : /е/ нейтрализуются в /о/, /е/, т. е. существуют характерные для всего Полесья соответствия /уø/ — /о/ (*куон*', *кӱин*', *кӱен*' — *кон'ка́ — кон'а́*) и /уø/ — /е/ (*пр'ін'у́ос — в'інес*[11] — *пр'інесу́*). Атлас украинского языка показывает достаточно пеструю картину рефлексации tot^{‹›}, tet в полесских говорах, однако бо́льшая часть правобережнополесских диалектов в этом отношении однородна. На Правобережном Полесье выделяется обширный ареал /уо/, простирающийся от Днепра до междуречья Уборти и Случи и далее, разреженный вкраплениями других ареалов, до Горыни. Этот ареал продолжается в белорусском Полесье (см. ДАБМ, карта № 35).

Звуковая реализация /уо/ достаточно разнообразна. Не останавливаясь подробно на генезисе, а также акустико-артикуляционных особенностях полесских дифтонгов[12], выяснение которых требует широкого экспериментально-лабораторного анализа[13], отметим, что неоднородность их артикуляции в большинстве случаев зависит от смены подъема[14] (всегда — от высшего к низшему) в пределах одного ряда[15] в единицу времени, в основном совпадающую с единицей длительности других гласных звуков[16]. Следует также иметь в виду неоднократно отмечавшийся в литературе факт несовпадения каждого из элементов полесского дифтонга с соответствующими гласными звуками ([уо] ≠ [у], [о]; [ie] ≠ [i], [е]) и обычную невозможность вычленения и обособленного произношения этих элементов, а в связи с этим — квалифика-

---

[11] *Формы типа в'ін'уос, в'ін'уок, отмеченные спорадически в Правобережном и Левобережном Полесье, как и некоторые другие с дифтонгами в безударной позиции, объясняются чаще всего морфемной аналогией.*

[12] *Раннюю литературу по этому вопросу, начиная с А. А. Потебни, см.: І. Галюн. Як досліджувано українські дифтонги (нарис з історії дослідів над українською мовою). «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. IX. Київ, 1926; кн. X., XII. Київ, 1927; В. Ганцов. Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку. «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. II—III. Київ, 1923; О. Курило. Спроба пояснити процес зміни о, е в нових закритих складах у південній групі українських діалектів. Київ, 1928; W. Kuraszkiewicz. Z badań nad gwarami północno — małoruskimi, RSL, t. X, 1936. Из позднейших работ см.: Ф. Т. Жилко. Голосні неоднорідного творення («дифтонги») в українській мові. «Українська мова в школі», 1962, № 3; он же. Возникновение дифтонгов в украинском языке (древние о, е в новых закрытых слогах). В сб. «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963.*

[13] *Экспериментально-лабораторное исследование дифтонгов одного говора Черниговской обл. см.: В. М. Брахнов. До акустичної характеристики північноукраїнських дифтонгів. В сб. «Питання експериментальної фонетики». Київ, 1963.*

[14] *Известны случаи, когда неоднородность артикуляции зависит от спада лабиализации в пределах одного подъема, например [ӱі]. Следы такого дифтонга отмечены, например, в говоре с. Пески Кобринского района Брестской обл. БССР (кӱт, стӱл, кӱн').*

[15] *В. Ганцов. Указ. соч., стр. 121.*

[16] *В. М. Брахнов. Указ. соч., стр. 48.*

цию полесских неоднородных гласных как звуков, отличных от известных в некоторых европейских языках дифтонгов (например, нем. [oĭ], [aĭ], [aŭ]), и условность их транскрипционного написания.

В украинских полесских говорах отмечены неоднородные гласные с разным соотношением длительности и интенсивности артикуляции в начальной и конечной ее стадии (т. е. преимущественно на разных подъемах): сохраняется тип гласных, по-видимому более древних, с равной длительностью обоих фаз при сравнительно большей интенсивности артикуляции в начальной или конечной фазе, чем акустически создается впечатление нисходящего или восходящего дифтонга (условно — [у́о], [у́е], [у́и], [і́е], [уе́], [уи́], [іе́], а также гласные с неравной длительностью и интенсивностью артикуляции обеих фаз (условно — [уᵒ], [у̇ᵉ], [у̇ᶦ], [ʸо], [у̇е], [у̇и], [іᵉ], [ᶦе]), где, очевидно, сказывается тенденция к постепенному выравниванию подъема. В пределах каждого из этих звуков акустически различается ряд вариантов, обусловленных степенью выравнивания начальной и конечной фаз [17]. Независимо от акустического сближения с гласными [о], [у], [и], [е], [і] эти варианты в полесских говорах всюду выступают как реализаторы фонем неоднородного образования, сохраняя соответствующие оппозиции [уᵒ] : [у], [ʸо] : [о], [іᵉ] : [і], [ᶦе] : [е] и т. п.

Для Правобережного Полесья наиболее характерной реализацией /уо/ следует считать неоднородные гласные, утратившие равную длительность и интенсивность обеих фаз звука. Более древний тип, как правило [у́о], встречается преимущественно в центральной части ареала (северная Житомирщина), чаще у старшего поколения, однако и здесь, параллельно с [у́о], наблюдаются звуки [уᵒ] и [ʸо]. Еще меньшей стабильностью характеризуются окраины ареала (очевидно, в связи с междиалектными контактами).

Так, в говорах нижней Припяти (северо-восточный край правобережнополесского ареала) отмечены [ʸо], [$\overset{у}{о}$] (в районе интенсивного белорусского влияния) и [уᵒ], [$\overset{о}{у}$] (в полосе, отграничивающей подвергшиеся белорусскому влиянию нижнеприпятские говоры от остальных правобережнополесских): *стʸол*, *кʸон'*, *п$\overset{у}{о}$ст*, *м$\overset{у}{о}$ї*, *гол$\overset{ў}{о}$ўка*, *молодʸо́ї* *жʸо́нци*, *дрʸо́зд*, *жерʸо́бна*, *кʸо́тна*, *порос$\overset{ў}{о}$на*, *кр$\overset{у}{о}$т*, *кор$\overset{ў}{о}$ўн'ік*, *п$\overset{ў}{о}$г$\overset{ў}{о}$н*, *$\overset{і}{о}$ўсишче* (север Чернобыльского района

[17] *Так, в ряду, обозначенном* [ʸо], *можно было бы выделить по крайней мере несколько вариантов* — [ʸо], [ʸо], [$\overset{у}{о}$]... *безусловно различающихся с* [о] *более или менее уловимыми изменениями подъема, напряженностью и т. д. В белорусских полесских говорах наблюдается аналогичная вариативность реализаторов фонем, обозначаемых в белорусской диалектологической литературе* [ê], [ô] *(см. «Нарысы...», стр. 23, 36—37).*

Киевской обл.); *в$\overset{о}{у}$л*, *хв$\overset{о}{у}$ст*, *б$\overset{о}{у}$л'ш*, *м$\overset{о}{у}$ст*, *хв$\overset{б}{у}$їн'ік*, *ст$\overset{о}{у}$г*, *наст$\overset{б}{у}$л'н'-ік*, *з$\overset{б}{у}$рка*, *с$\overset{о}{у}$л'*, *укр$\overset{б}{у}$п*, *ослу$\overset{б}{н}$*, *г$\overset{о}{у}$ст'*, *косог$\overset{б}{у}$р*, *перех$\overset{б}{у}$д*, *ж$\overset{б}{у}$нка*, *гребј$\overset{б}{у}$нка*, *пч$\overset{о}{у}$л*, *нож$\overset{б}{у}$ў*, *кушч$\overset{б}{у}$ў* (юго-восток Чернобыльского района); в некоторых говорах смежной полосы наблюдается параллелизм вариантов [^{у}о] и [у^{о}].

Аналогичное сосуществование [^{у}о] и [у^{о}] замечено и в некоторых других правобережнополесских говорах, хотя в самых общих чертах можно установить следующую относительную зависимость реализации /у͜о/ от общего характера говора (возможны разнообразные отклонения): для территорий, подвергшихся белорусскому влиянию, более характерно [^{у}о], районы, сохраняющие типично украинские правобережнополесские черты, как правило, охвачены ареалом [у́͜о], [у^{о}]. Наибольшей пестротой рефлексов tot$^{(\text{'})}$, tet отличаются говоры западных районов правобережнополесской группы[18]. Ареал [у́͜о], достигая правобережья Уборти, разреживается вкраплениями [^{у}о] и [у^{о}], которые в некоторых говорах акустически весьма приближаются к монофтонгам [о], [у], однако сохраняют соответствующие оппозиции. Например:

[^{у}о] — звук напряженной закрытой артикуляции, утративший смещение подъема[19], но сохранивший спад лабиализации в начальной фазе (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.) — *р^{у}од*: *нарóд*; *с^{у}ок*: *кусóк*; *б^{у}ор*: *борт'*; *г^{у}óрка*: *гóрд$\overset{і}{и}$*; *т '^{у}ок*: *пат'óк'і*;

[$\overset{у}{о}$] — звук однородного, среднего (с небольшим повышением) подъема, ровной лабиализации (в отличие от [^{у}о]), закрытый, напряженный (с. Копище[20] Олевского района Житомирской обл., 2 км от белорусской границы) — *ст$\overset{у}{о}$л* : *стóл 'а*; *г$\overset{у}{о}$д*: *погóда*; *вор$\overset{ý}{о}$т*: *вор$\overset{ý}{ó}$та*; *шчотка*: *шчóк 'і*;

[^{у}о] — параллельно с [у^{о}] — звуком высокого подъема с ослаблением лабиализации в конечной фазе (с. Сехи[21] (Томашгород)

[18] *П. І. П р и с т у п а. Рефлекси давнього наголошеного о в нових закритих складах на території західних говорів української мови. «Дослідження і матеріали з української мови», т. II. Київ, 1962, стр. 135—142 и карта.*

[19] *У старшего поколения смещение подъема иногда сохраняется: пок^{у}óт, р^{у}од, к^{у}он' и т. д.*

[20] *Записи В. Каминского из с. Копище (1910 г.) в соответствующих позициях фиксируют [у͜о], [у] (см. В. К а м и н с к и й. Отчет о поездке в Волынское Полесье..., стр 90—91). Сопоставление разновременных записей может свидетельствовать об активной монофтонгизации [у͜о] и падении лабиализации монофтонга за 50 лет, однако не исключена возможность, что обозначения В. Каминского в какой-то мере индивидуальны; так, например, в его записях дифтонги встречаются и в позициях, исключающих их органическое (открытые безударные слоги) или аналогическое возникновение. Современное обследование выявило в этих позициях слабое уканье (в$\overset{у}{о}$нá, п$\overset{у}{о}$јéхаў̆).*

[21] *В записях из с. Сехи, приведенных П. П. Чубинским (см. «Труды этнографическо-статистической экспедиции...», стр. 543—544), соответствующий рефлекс обозначен уы.*

Рокитновского района Ровенской обл.) — *постуол*, *кубпка*, *колуодка*, *решуотка*, *жуонка*, *лебјуодка*, *вуон*, *двуор*, *нуож*, *руоуни*, *пануоу*, *ворогуоу*. В подобных говорах удается проследить некоторую позиционную зависимость: [уо] чаще сохраняется после губных и перед [ў] (возможны и отклонения);

[уо] — звук высокого подъема с понижением его и незначительным ослаблением лабиализации в конечной фазе (с. Селец Дубровицкого района Ровенской обл.) — *плуот*: *плут*; *руок* : *рук* (род. п. мн. ч.); *суок* : *сук*; *пуоп* : *пуп*.

Ареалу /уо/ (в разных звуковых реализациях) фонологически противопоставлен ареал неоднородного гласного /ӱи/, различающегося с /уо/ по месту образования (передне-средний ряд) и отсутствию лабиализации в конечной фазе. По данным атласа, компактный ареал /ӱи/ находится на Левобережье, где выделяется, помимо того, еще и ареал /ӱе/ (неоднородный гласный среднего ряда со спадом лабиализации в конечной фазе). На Правобережье отмечены лишь вкрапления /ӱи/, изредка — /ӱе/, причем в районах, соседних с территориями монофтонга [і] (< *о*, *е*) — в Волынском Полесье [22], на Брестщине [23], в Подлясье [24], а также и в западной части исследуемого Правобережного Полесья [25], преимущественно по нижней Случи и Горыни (вкрапления /ӱи/). Например, [ӱи] — звук неоднородного (высокого — среднего) подъема, с более интенсивной артикуляцией в конечной фазе и с начальной лабиализацией (с. Немовичи Сарненского района Ровенской обл.): *плӱит*, *вӱйкна*, *вӱин*, *стӱиг*, *снӱип*, *рӱист*, *крӱип*; у некоторых информаторов наблюдается смещение ряда: [уы] — *суым*, *домуыўка*, *коруыўка*, *вуыз*.

Отдельные вкрапления в ареал неоднородных гласных представляют немногочисленные говоры по Горыни и Случи, в которых наблюдается весьма интересная особенность — своеобразная консонантизация начальной фазы дифтонга, т. е. развитие на его основе сочетания согласного с гласным. Такой тип рефлексации известен в некоторых украинских говорах Воронежской обл. (*ствег*, *квен* ʾ, *свел*, *ствиг*, *квин* ʾ, *свил* ʾ параллельно с *стуег*, *куен* ʾ, *суел* ʾ, *стуиг*, *куин* ʾ, *суил* ʾ); он истолковывается как результат своеобразного развития дифтонгов [уé], [уи́] в условиии изолированных го-

---

[22] В. А. Каминский. Отчет о поездке по Волынскому Полесью для изучения народных говоров летом 1913 года. ИОРЯС, т. XIX, кн. 2. СПб., 1914, стр. 79—80, 87.

[23] ДАБМ, комментарии, стр. 386, 387, 391.

[24] M. Kondratiuk. Wokalizm białorusko-ukraińskich gwar powiatu Hajnowskiego. «Slavia orientalis», r. XIII, 3. Warszawa, 1964, стр. 340.

[25] П. І. Приступа. Указ. соч., стр. 140.

воров в иноязычном окружении [26]. О наличии подобного рефлекса в говорах Правобережного Полесья можно было бы предполагать на основании скупых и малонадежных сведений, приводимых А. И. Соболевским [27], но дополненные указаниями В. Каминского [28] эти факты рассматривались как свидетельство существования в полесских говорах звука [у͡е́] [29].

Записи 1965 г. в с. Сарны Сарненского района Ровенской обл. выявили соответственно t[o]t'', t[e]t звукосочетание t[we]t (с билабиальным согласным), либо у молодежи — t[ве]t (с лабиодентальным согласным). Например (от информаторов разных поколений):

после зубных: *стwел* 'стол', *тwек* 'ток', *здwер* 'здор', *Антwен* 'Антон', *свел* 'соль', *свем* 'сом', *свек* 'сок', *возвéў* 'возов' (род. пад.), *жеребцвéў* 'жеребцов' (род. пад);

после губных: *пwел* 'пол', *мwест* 'мост', *бwек* 'бок'; в говорах Воронежской обл. после губных и сонорных консонантный элемент выпадает (*пел*, *вен*, *ослéн*) [30], в говоре с. Сарны он выпадает лишь после [в] преимущественно у молодежи (*вел* 'вол', *вез* 'воз'), у старшего поколения сохраняется слабый консонантный призвук (*в^{w}ел*, *в^{w}ез*, изредка даже *вwез* 'воз');

после сонорных: *рwест* 'рост', *грwем* 'гром', *порвéг* 'порог', *дрвет* (укр. дріт), *поклвéн* 'поклон', *лвéжок* (укр. ліжко), *сл'вез* 'слез' (род. пад);

после шипящих и [j]: *жвéнка* 'жонка', *шчвéтка* 'щетка', *jвеj* 'ей' (дат. пад.);

после [г], [к], [х]: *квен'* 'конь', *квéшка* 'кошка', *гвест'* 'гость', *пастухвéў* 'пастухов' (род. пад.).

Характер согласного в сочетании [we] подтверждается различением [we]: [ве] — *грwем* 'гром': *рвем* (1 л. мн. ч. глагола), *поклwéн* 'поклон': *вéна*, но *вез* 'воз'—*овéс* (различение отсутствует). Лабиодентальный характер согласного у молодежи подтверждается отсутствием соответствующего различения (*грвем* — *рвем*, *свек* 'сок' — *свéкор*).

Прослеживаемое на сравнительно небольшом отрезке времени изменение [w] > [в], а также явно недавняя утрата согласного

---

[26] А. Бескровный. *К вопросу о природе дифтонгического рефлекса о в переходных сев.-украинских говорах Воронежской губернии. «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 149, 151*; Л. П. Комісарова. *До питання про рефлекси давніх о, е в говорах української мови. В сб. «Праці XI Республіканської діалектологічної наради». Київ, 1965, стр. 178*; Г. Т. Солонська. *Склад голосних фонем південно- та північноукраїнських говірок Воронежчини. В сб. «Питання літературознавства і мовознавства», вип. I. Харків, 1965, стр. 75—76.*

[27] А. И. Соболевский. *Опыт русской диалектологии. Литографированное издание. Малорусское наречие. Киев, 1911, стр. 27—29.*

[28] В. А. Каминский. *Отчет о поездке в Волынское Полесье..., стр. 79, 83.*

[29] См. О. Курилова. *До питання про походження північноукраїнських рефлексів о — ие, we, wy, е. «Збірник комісії для дослідження історії української мови», т. I. Київ, 1931, стр. 80—81.*

[30] А. Бескровный. *Указ. соч., стр. 149.*

элемента после [в] (*вез*, *вел*) свидетельствует о достаточно быстром развитии данного рефлекса, предположительно [у͡é] > [ў͡е] > [we], хотя по данным, приведенным А. И. Соболевским, приходится признать, что уже к 80-м годам прошлого века в сарненском говоре в соответствующих позициях [у͡é] уже, по-видимому, не отмечалось [31].

Записи для атласа выявили аналогичный рефлекс также в с. Смородск Дубровицкого района Ровенской обл. [32]: *твик* ᵉ 'ток', *пвижн'а* ᵉ́ 'пожня' *грецквӣᵉй̆ј* (укр. 'грецковье'), *свишка* ᵉ́ 'сошка', *рвидни* ᵉ́ ⁱ 'родный', *пвизно* ᵉ́ 'поздно' и т. д.

Единичный пример консонантизации начальной фазы [у͡и] отмечен в говоре с. Немовичи (*тwик* 'ток' при последовательном *к͡ʸин*', *в͡ʸиз* и т. д.).

Все указанные факты свидетельствуют о консонантизации первой и прояснении в монофтонг последующей фазы неоднородного гласного. Однако имеются случаи консонантизации, при которой сохраняется неоднородность гласного либо наблюдается тенденция к прояснению первой его фазы. Подобные факты отмечены нами спорадически в говоре с. Речица Гощанского района Ровенской обл., где при преимущественном [уᵒ] < *о*, *е* у женщин пожилого возраста наблюдалось [ву͡ᵒ], [в͡ʸо], [ву] ᵒ < *о*, *е*: *твук* ᵒ и *тв͡ʸок*, *ствул* ᵒ и *ств͡ʸол*, *порвуг* ᵒ́, *рву͡ᵒг*, *поквус* ᵒ́ (кроме позиций после губных и [л] — *пу͡ᵒп*, *лў͡ᵒжок*). Наличие параллельных структур с [в͡ʸо] и [ву͡ᵒ], а также обычное для более молодых информаторов указание на прежнее распространение структур типа *кwот*, *тwок*, склоняет к предположению о закономерном развитии [в͡ʸо], [во] < < [у͡ó], сосуществующем в этом говоре с [уᵒ] < [ў͡о], возможно, в результате междиалектных контактов. Структуры типа *квут* ᵒ, *тву͡ᵒк* представляются результатом контаминации этих двух типов развития неоднородных гласных, хотя рефлекс [уᵒ] оказался более жизнеспособным, так как отсутствие консонантного элемента поддерживается единством фонемной структуры морфем. Сочетание [вʸо] представляет, по-видимому, начальную стадию консонантизации. Подобный единичный факт отмечен также в с. Тынное (*квӯйн'ми* твор. пад. от *конь*).

Консонантизация как результат расщепления дифтонгов с интенсивной конечной фазой — единичное явление в полесских

[31] *А. И. Соболевский приводит замечание издателя песен из с. Сарны, напечатанных в «Волынских губ. ведомостях» 1880 г., № 2—8, о том, что дифтонг уе произносится как ве, но что «уе правильнее выражает народное произношение» (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 29). Возможно, имеется в виду [у͡е] или [wе].*

[32] *П. І. Приступа. Указ. соч., стр. 140.*

говорах. Выясняя его причины [33], следует учесть тот факт, что исчезновение дифтонга с консонантизацией вокального элемента изменяет количественный состав системы вокализма и может рассматриваться как проявление тенденции к упрощению фонемного состава в количественном отношении, подобное которому наблюдается иногда при взаимодействии структурно противопоставленных явлений [34]. В данном случае естественно предположить контакты системы с меньшим количеством элементов (недифтонгические говоры) и системы с неоднородными гласными. Пограничное (на рубеже дифтонгических и недифтонгических ареалов) положение говоров с консонантизацией элемента дифтонга подтверждает это предположение (см. карту). Однако для большинства полесских говоров подобное развитие дифтонга нехарактерно. Типичным является процесс постепенного выравнивания артикуляции неоднородного гласного путем ослабления начальной или конечной его фазы. Как уже отмечалось, в большинстве правобережнополесских говоров этот процесс не приводит к ликвидации соответствующих оппозиций; собственно монофтонгизация, т. е. неразличение гласных по признаку однородность — неоднородность подъема, наблюдается преимущественно на окраинах исследуемого ареала, т. е. в зонах междиалектного взаимодействия. Так, южный рубеж (Ровно — Новоград-Волынск — севернее Киева) представлен монофтонгом [и], широкой полосой отграничивающим северные говоры от южных (с монофтонгом [і]) не только на Правобережье, но и на Левобережье Днепра (*кин* ', *вил*, *виз*, *стил*, *порйг*). Кроме того, на окраинах правобережнополесских дифтонгических говоров, на рубеже их с монофтонгическими ([и] или [і]) единичными вкраплениями выделяются монофтонги [е] (*вел*, *вез*, *вен*, *стег*, *стел*, *леї*, *рег*, *реў*, *же́нка*, *слез* 'слёз ', *поре́г*, *посте́л* — юго-восточная часть Правобережного Полесья [35]), а также, шире, [у] (*вуз*, *вул*, *вун*, *стуг*, *стул*, *луї*, *руг*, *руў*, *жу́нка* — западные районы исследуемого ареала [36]). По данным атласа, монофтонг [у] отмечен и в говорах правобережья Сейма (близ г. Глухова на Сумщине), на рубеже говоров с монофтонгами [і], [и], [о]

---

[33] *Объяснение [ўе], [we] польским влиянием, предложенное О. Курило (указ. соч., стр. 82), вряд ли приемлемо прежде всего потому, что призвук [ў] в польских говорах, развивших сочетания [ўо], [ўе] и подобные, возникал перед о независимо от характера слога (это*
о е
видно и из примеров, приводимых О. Курило, — puole, guyra), в таком случае неясна его позиционная ограниченность (только в tót‹'›, tét) в П̂олесье (см. K. Nitsch. Wybór pism polonistycznych, t. IV. Pisma dialektologiczne. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 34—35).

[34] *Например, при взаимодействии аканья и оканья (см. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 147).*

[35] *Материалы атласа указывают на [е] в селах Котовка Радомышльського района Житомирской обл. (параллельно с [и]), Новая Гребля Бородянского района Киевской обл., Обуховичи Иванковского района Киевской обл.*

[36] *По данным атласа, центральные и северные районы Ровенской обл. (см. П. І. Приступа. Указ. соч., стр. 138 и карта).*

([о] образует ареал, вытянутый узкой полосой вдоль северо-восточной границы УССР и связанный, очевидно, с восточнобелорусским и южнорусским соседством). Помимо этого четко очерченного ареала, монофтонг [о] спорадически рассеян в Полесье параллельно с вариантами [у͜о], однако его возникновение объясняется чаще внешними причинами (преимущественно степенью зависимости от русского или белорусского, а иногда и украинского литературного языка [37]).

Монофтонгические говоры, распространенные отдельными вкраплениями или очерченные изоглоссами на рубеже дифтонгического ареала, также представляют собой признаки проникновения вокалической (ударной) системы с меньшим [38] числом компонентов в систему с большим числом и являются, следовательно, показателями контактов этих систем. В этом плане говоры с расщеплением и с монофтонгизацией дифтонгов можно рассматривать как полярные проявления одного процесса — разрушения дифтонгической системы в результате контактов разноколичественных систем вокализма. Влияние междиалектного взаимодействия на разрушение полесской дифтонгической системы тем возможнее, что в Полесье оказались заторможенными те внутренние структурные преобразования, которые привели к исчезновению дифтонгов в других украинских говорах и были следствием тенденций, противоположных вызвавшим в свое время дифтонгизацию. Ввиду этого естественно предположить усиление роли внешних факторов. Специфику общих проявлений тенденции к расшатыванию дифтонгической системы помогает раскрыть характеристика отдельных фактов монофтонгизации.

Монофтонг [у] во многих правобережнополесских говорах определяется позиционными условиями (после губных, перед [ў]), темпом речи или возрастом говорящего (старшее поколение чаще сохраняет варианты /у͜о/) и сосуществует с [у͜°], [уͦ], даже [у́͜о] [39],

---

37 *В дифтонгических говорах влияние украинского литературного «икавизма» проявляется либо в замещении диалектного рефлекса литературным* [і], *что наблюдается редко, либо чаще в активизации процесса органической монофтонгизации* ([у͜о́] > [у], *иногда* [у͜ó] > [о]). *Так, например, в с. Каменка Олевского района Житомирской обл. при* [оͮ], [͜ᵘо] *у большинства информаторов наблюдалось* [о] *у школьников. Чаще* [о] *свидетельствует о наслоении русских элементов (см. Ф. Т. Жилко. Фонологічні особливості..., стр. 19).*

38 *При условии возникновения монофтонга в позициях ів́, іе́т' — уменьшение числа фонем на две единицы.*

39 *Параллелизм* [у], [у͜о́] *в западной части Правобережного Полесья см. П. І. Приступа. Указ. соч., карта. Есть основания предполагать, что в говорах северо-восточной Сумщины, где материалы атласа отмечают* [у], *также встречается* [уͦ] *(см. В. Белявский. Народный говор уездного гор. Глухова (Черниговской губернии). РФВ, 1903, № 3—4, стр. 300).*

сохраняя тем самым оппозицию /уо/ : /у/. Тенденция к количественному выравниванию контактирующих вокалических систем, таким образом, проявляется здесь на звуковом уровне, что составляет, по-видимому, первый этап разрушения дифтонгической системы. В лингвогеографическом отношении ареалы [у] недостаточно четки, разрежены, выделяются с известной степенью условности.

Монофтонг [и] характером выявления значительно отличается от [у]. Его ареал компактен, четко очерчивается на территории густого пучка изоглосс, разделяющих издавна контактирующие диалектные группы, лишь в некоторых говорах южной Черниговщины [и] отмечается параллельно с вариантами /ўи/ независимо от позиционных условий (т. е. сосуществуют системы с /и/ и /ўи/). В правобережнополесских районах [и] выступает последовательно, в большинстве случаев не противопоставляясь [и] < *ы*, *і* (*кин* ' 'конь' — *кин*' 'кинь', *тик* 'ток' — *тйкати*, *вил* 'вол' — *вйла*, западнее Горыни [и]-рефлексы *о* и *і*, *ы* различаются).

Традиционно [у], [и], [е] возводятся к дифтонгам: с более интенсивной начальной артикуляцией — для [у] ([ýо], [ýи]), с интенсивной конечной артикуляцией — для [и], [е] (соответственно [ўй], [ўé]) [40]. Характер выявления [у] не оставляет сомнения в органическом его развитии из вариантов /уо/. Аргументом для подобного развития [и] служит существование в центральной и юго-восточной Черниговщине ареала [ўи], на который наслаивается ареал [и]. Однако в Правобережном Полесье, кроме отдельных случаев в западной его части, не отмечено [ўи] и, ввиду преимущественного распространения [уо], окаймление с юга широкой полосой [и] без промежуточного между [уо] и [и] ареала [ўи] является, с точки зрения органического развития дифтонгов, немотивированным. Кроме того, при органическом происхождении [и] < [ўи], учитывая последовательность выявления [и] на четко очерченном ареале, можно было бы ожидать по крайней мере в соседней с [и] с севера полосе дифтонгических говоров распространения неоднородных гласных с более интенсивной конечной артикуляцией и со спадом начальной лабиализации. Однако для большинства правобережнополесских говоров в этом отношении трудно установить определенную закономерность, хотя в целом преобладает тип с более интенсивной начальной артикуляцией и лабиализацией [41]. В черниговских говорах [ўи] также является зву-

[40] *Ф. Т. Жилко. Нариси..., стр. 66.*

[41] *Так, например, в говоре поселка Малин Житомирской обл., расположенного в южной части дифтонгического ареала на границе с ареалом* [и], *материалы атласа фиксируют неоднородный гласный с более интенсивной начальной артикуляцией: ву*^{о}*з, ру*^{о}*г, лу*^{о}*й, дому́*^{о}*ўка, сту*^{о}*л и т. д.*

ком с преимущественной начальной интенсивностью артикуляции [42]. В связи с этим возникает предположение, что монофтонг [и] не только фонетически развивался из [ўи] (такой процесс, очевидно, происходил в некоторых говорах, например в черниговских), но и мог возникать иным путем.

По материалам атласа, монофтонг [и] распространен в тех северных говорах, где рефлексом tě, tét' является [i] (*т'ін'*, *т'іло*, *д'ід*, *с'іно*, *л'іс'*, *хл'іб*, *п'ішк'і* и *пјішк'і*, *в'ітер* и *вјітер*, *к'іс'іл'*, *с'ім*), т. е. где, в отличие от дифтонгических (из ě) говоров, сформировалось различение слогов с [i](<*ě*, *е*), [и] (<*i*, *ы*)— —[t'i]: [tи] (*л'іс*: *лис*, *т'іло*: *потúлиц'а*, *с'іно*: *сúн'ії*). В соседних с юга говорах, где *о*, *е* > [i], эта оппозиция охватывает и [t⁽ʼ⁾i] < tot⁽ʼ⁾; tet, т. е. *л'іс*, *осл⁽ʼ⁾ін*: *лис*, *лúне*; *т'іло*, *т⁽ʼ⁾ік*: *потúлиц'а*, *тúкати*; *с'іно*, *с⁽ʼ⁾іл'*: *сúн'ії*, *сúла*. Исходя из установленного факта несовпадения во времени формирования [i] <*ě* и [i] < *о*, *е* [43], можно предположить, что в период возникновения в этих говорах [i] < *о*, *е* рефлексация *ě* > [i] охватила не только южные говоры, но и соседнюю с ними полосу на границе с Полесьем, говоры, где еще сохранились к тому времени рефлексы tot⁽ʼ⁾, tet, противопоставленные [i] (дифтонги или монофтонги, возникшие фонетически). В результате этих преобразований на южной границе полесского ареала оказались смежными говоры со следующими оппозициями слогов: с севера — [t'i] (<(tě): [tи] (<ti, ты) при [tyot], [tўиt], [tyt] и т. д. из tot⁽ʼ⁾, tet; с юга — [t'i] (<tě), [t⁽ʼ⁾i] (<tot⁽ʼ⁾, tet) : [tи] (< ti, ты), т. е. в южной группе рефлексы *о*, *е* (tet) в новых закрытых слогах утратили различение с рефлексами *ě*, *е* (tet') и оказались втянутыми в оппозицию /i/ : /и/. Благодаря междиалектным контактам на рубеже этих групп возникла переходная полоса, где под влиянием южной группы оппозиция /i/ : /и/ также распространилась на рефлексы tot⁽ʼ⁾, tet. Однако, в отличие от южных говоров, здесь сохранилось свойственное полесским диалектам различение рефлексов tot⁽ʼ⁾, tet и tě, tet', поэтому оппозиция /i/ : /и/ в переходной группе реализовалась противопоставлением следующих слогов — [t'i] (<tě): [tи] (<t'i, ты), [tи] (<tot⁽ʼ⁾, tet). Произошло, следовательно, замещение рефлекса tot⁽ʼ⁾, tet, противопоставленного [i] независимо от однородности или неоднородности артикуляции, монофтонгом [и], также противопоставленным [i].

Из этого следует:

1. Монофтонгу [и], возникшему нефонетически, в результате замещения фонемных единиц, мог предшествовать любой неодно-

---

[42] *См. свидетельство В. М. Ганцова о нисходящем характере дифтонгов в Остерском и Козелецком районах Черниговщины, т. е. в районах, смежных с районами распространения [и] (В. Ганцов. Указ. соч., стр. 136—137).*

[43] *См., например, О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовтобрюх, С. П. Самійленко, І. Й. Тараненко. Історична граматика української мови. Київ, 1962, стр. 155.*

родный гласный либо фонетически развившийся монофтонг (не [і]). Это в особенности существенно для Правобережного Полесья: на Левобережье естественно допустить и процесс фонетического образования [и] < [$\overset{\frown}{\text{уи}}$][44].

2. Монофтонг [и] нефонетически мог развиваться лишь в говорах, взаимодействующих с говорами ареала «икавизма». Этим объясняется его компактная распространенность в пограничной южнополесской полосе, а также рассеянная — на Волынском Полесье. Последний факт может служить одним из доказательств полесской основы в Волынском Полесье и разрушения ее благодаря экспансии с юга говоров с монофтонгом [і]. Естественно, что образование [і] в южных говорах во времени предшествовало возникновению южнополесского [и][45]. Отмеченные в некоторых говорах южной части ареала [и] монофтонги [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$], [$\overset{\text{и}}{\text{і}}$] < tot'', tet (*$\overset{\text{і}}{\text{в}}$из*, *$\overset{\text{і}}{\text{в}}$ин*, *ст$\overset{\text{і}}{\text{и}}$л*, *т$\overset{\text{и}}{\text{і}}$к*, *пор$\overset{\text{и}}{\text{і}}$г*) представляют собой, очевидно, результаты дальнейшего взаимного влияния ареалов с [і] и [и][46].

Монофтонги [е], [$\overset{\text{и}}{\text{е}}$], известные в отдельных говорах юго-восточной окраины Правобережного Полесья на рубеже с ареалом [и], являются, по-видимому, следствием фонетического развития [$\overset{\frown}{\text{уé}}$], однако наблюдается тенденция к замещению [е] > [и]. Так, например, в говоре с. Новая Гребля Макаровского района Киевской обл. у старшего поколения при медленном темпе речи [е] < tot', tet и [е] < *е* не различается: *вел*, *вез*, *стел*, *тек*, *кен'*, *двер*, *шчéтка*, *жéнка*, *лед* и т. д. Однако более типично для говора противопоставление [$\overset{\text{и}}{\text{е}}$] : [е], заметное при нормальном темпе речи у большинства информаторов — *т$\overset{\text{и}}{\text{е}}$к* 'ток': *Тéкл'а*; *ст$\overset{\text{и}}{\text{е}}$л* 'стол' — *тéлиц'ц'а*; *дв$\overset{\text{и}}{\text{е}}$р* 'двор': двéри. У молодежи часто [и]: *двир*, *стил*, *кин'* и т. д.

Таким образом, для дифтонгов с интенсивной начальной артикуляцией фонетически закономерной является монофтонгизация с редукцией конечной фазы; для дифтонгов с интенсивной конечной

---

[44] *См. Ф. Т. Жилко. Південночернігівські говірки, перехідні до полтавських. «Діалектологічний бюлетень», вип. V. Київ, 1955, стр. 48—49.*

[45] *О сравнительно позднем возникновении [и], например на юге Черниговщины, свидетельствует анализ местных исторических документов XVIII в., фиксирующих дифтонги (написания с у) и изредка монофтонг [и] (см. Г. І. Філіпова. Деякі особливості вокалізму говірок Прилуччини Чернігівської обл. «Наукові записки Харківського державного педінституту ім. Г. С. Сковороди», т. XXV, Філологічна серія. Харків, 1957, стр. 109—110).*

[46] *Материалы атласа фиксируют [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$], [$\overset{\text{и}}{\text{і}}$], например, в селах Корытище Черняховского района Житомирской обл., Гостомеле Киево-Святошинского района, Заборье, Крушинка, Васильковского района на Киевщине. О монофтонгах [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$], [$\overset{\text{и}}{\text{і}}$] см. также Ф. Т. Жилко. Голосні неоднорідного творення..., стр. 21.*

артикуляцией — расщепление либо редукция начальной фазы. Во всех случаях возможно замещение нефонетически развившимся монофтонгом [47].

Лабиализованные дифтонги	у̑о	у̑и́	у̑е́	у̑о́	у̑и́	у̑е́
Монофтонгизация	у	у	у	о*	и	е
Расщепление	—	—	—	во	ви	ве
Замещение **	и	и	и	и	и	и

* [о] — чаще нефонетического происхождения.

** Для всех дифтонгов возможно несистемное замещение монофтонгом [i].

Дифтонги с более интенсивной конечной стадией могли развиваться двояко; однако консонантизация нарушает единство фонемной структуры морфемы независимо от парадигматических изменений. Очевидно, поэтому в говорах с расщеплением дифтонга наблюдается замена сочетания «[в] + гласный» монофтонгом [48]. Помимо того, редукции начального элемента без консонантизации его способствует и тенденция к замещению различных по характеру рефлексов монофтонгом [и], сравнительно близким в артикуляционно-акустическом отношении к конечному элементу гласных [у̑и], [у̑е]. На Правобережном Полесье между дифтонгическими говорами и волынско-полесским ареалом [i] не развилось четкой переходной полосы [и] подобно южной окраине дифтонгической территории. Возможно, еще и поэтому в отдельных западных говорах Правобережного Полесья проявилось расщепление как весьма своеобразный тип развития неоднородных гласных, не возникший (а может быть, и не сохранившийся) в других районах контактов дифтонгических и недифтонгических систем, где следствием этих контактов был ареал [и].

Специфика звуковой реализации некоторых фонем в правобережнополесских говорах выясняется при характеристике неоднородных гласных в позициях tě́, tét'.

В правобережно- и левобережнополесских говорах в этих позициях выступают варианты /ȋe/. Безударное соответствие tě, tet' — звук [е] : *д'iед — деди*, *л'ȋес — л'"есóк*, *камȋен'н'е — кáмен'*.

[47] *Имеются в виду правобережнополесские говоры, для которых не характерны неоднородные гласные переднего ряда типа [у̑i], могущие фонетически развиваться в [i].*

[48] *Помимо указанного выше параллелизма структур типа кв^{у}от, кву^{о}т, ку^{о}т (с преимуществом последних) в говоре с. Речица Гощанского района Ровенской обл., интересны факты, приведенные П. Поповым из говоров окрестностей Путивля (Сумской обл.), где наблюдается замещение монофтонгом [е] дифтонгического рефлекса типа [у̑е], который, по свидетельству П. Попова, акустически воспринимается как [ве]: сквек 'скок' квéшка 'кошка' (см. П. Попов. Діалектологічні спостереження на північно-східному кордоні України. «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. VII—VIII. Київ, 1926, (отдельный оттиск), стр. 8).*

В отношении смен подъема и большей или меньшей интенсивности артикуляции между вариантами /i͜e/ и вариантами лабиализованных неоднородных гласных существует относительное соответствие, т. е. реализаторами /i͜e/ выступают звуки [í͜e], [i͜é], [i^{e}], [^{i}e], [$\overset{e}{i}$] [$\overset{i}{e}$] (переднего ряда со смещением подъема от высокого к среднему). Как и лабиализованные неоднородные гласные, варианты /i͜e/ отражают тенденцию к постепенному выравниванию подъема. Подобно вариантам /у͜о/, звуки [í͜e] и [i͜é] наблюдаются непоследовательно и преимущественно в центральной части ареала. В территориальном распределении [i͜^{e}] и [^{i}͜e] можно установить лишь самые общие, часто нарушаемые закономерности: в говорах, подвергшихся белорусскому влиянию, заметнее [^{i}͜e], [$\overset{i}{e}$], ближе к южным окраинам полесского ареала часты [i^{e}], [i]. В особенности заметна монофтонгизация [i͜e] > [i] в юго-западных и отчасти западных говорах Правобережного Полесья, где, в отличие от центральной части исследуемой территории, ареалы вариантов /у͜о/ и /i͜e/ не всегда совпадают. Так, например, в говоре с. Рудня Дубровицкого района Ровенской обл. отмечено: *п$\overset{у}{о}$л*, *к$\overset{у}{о}$т*, *гр^{у}ом*, но *л'íто*, *п'íсн'а*, *д'íд*, *т'íло* [49].

Варианты /i͜e/ выступают после этимологически мягких согласных, поэтому хотя позиция перед [i͜e], в отличие от [у͜о], [у̊͜и], [у̊͜е], является позицией неразличения согласных по твердости — мягкости, однако имеются большие возможности для звуковой вариативности реализаторов /i͜e/ благодаря отвердению согласных. Для многих украинских говоров характерно неразличение твердости — мягкости некоторых согласных фонем, в частности губных, шипящих, /р/ в связи с отвердением соответствующих звуков. В Правобережном Полесье процесс диспалатализации нескольких групп согласных, в отличие от большинства других украинских говоров, охватил и позиции перед ударными рефлексами *ě́*, *е* (перед t'), благодаря чему возникло несколько специфически правобережнополесских ареалов звукосочетаний, соответствующих tě́, tét'.

1. Сочетания рефлексов *ě́*, *é* с губными (v).

В правобережнополесских говорах представлено несколько типов сочетаний — соответствий *vě́*, *vé* (t'). Для северной части

[49] *В некоторых говорах, по материалам атласа — монофтонгических с* [*i*], *удается проследить едва заметное понижение подъема в конечной фазе артикуляции* — [*i*$^{(e)}$] (*благодаря противопоставлению с* [*i*] *в заимствованных или русских словах — сат'ін*: *ті*$^{(e)}$*н'*, *м'іл'íц'еја*: *л'і*$^{(e)}$*с — с. Речица Гощанского района Ровенской обл.*). *Оппозиция* [*t'i*] : *t'i*$^{(e)}$] *здесь представлена весьма ограниченно из-за отвердения согласных перед* **i**.

ареала преимущественно характерны сочетания губных (различной степени мягкости, чаще — полумягких) с [ie], [i^e], [^ie],

[e], [i]: *в'iера*, *п'i^eшк'i*, *б'i^eли*, *б'^iедни*, *міра* и т. д. Иногда, в зависимости от степени мягкости предыдущего [v], первый компонент [ie] несколько расширен: [ie], [иe]: *в'iехот'*, *п'iесн'а* (с. Старая Красница Чернобыльского района Киевской обл.). В отдельных говорах, южнее ареала [v'ie], [v'ie], благодаря диспалатализации губных возникают позиционные варианты /ie/ — звуки

[иe], [и^e], [^иe], [и], [e]. Ареалы [vиe] наблюдаются, например, на севере Киевской обл.: *б^иели*, *б^иегт'i*, *в^иетер*, *п^иеч* (с. Толстый Лес Полесского района Киевской обл.), *свѝ^eжи*, *пѝ^eна*, *мѝ^eсто* (с. Стечанка Чернобыльского района), *пѝесн'а*, *вѝетер*, *квѝетка*, *лобѝеі* (с. Мартыновичи Полесского района), а также в западной части Правобережного Полесья.

Наибольшим и характерным для Правобережного Полесья является ареал сочетаний [vjie], [vji], развившихся благодаря расщеплению исконного *v'* > [*vj*] (диспалатализация с выделением мягкости в самостоятельную артикуляцию) и охвативших почти всю северную Киевщину, значительную часть северной Житомирщины и отдельные говоры Ровенщины: *вjіера*, *вjі^eтер*, *вj^iеник*, *вjіхот'*, *бjіели*, *бjіедно*, *обjі^eд*, *побj^iег*, *пjісн'а*, *пjі^eшк'і*, *пjі^eч*, *мjіесец* (и *мн'іесец*). Параллелизм [vjie] // [vиe], [vji] // [vи] возникает, как правило, лишь в результате аналогического выравнивания основ в пределах парадигмы (*тобjі^e* // *тобѝ^e*, *на вербjі* // *на вербѝ*): сочетания [vиe], [vи] преобладают над [vjie], [vji] после согласных (*с'ʼмѝ^eт'т'е*, *с'ʼми^eх*, *з'ʼви^eр*). Отдельные вкрапления [vjie], [vji] перед рефлексами *ě* известны кое-где на Черниговщине и на Сумщине (южнее Глухова) [50], однако лишь на Правобережном Полесье они составляют характерную черту значительного диалектного массива.

2. Сочетания рефлексов *ě*, *е* с [р].

Отсутствие фонематической мягкости /р/ в правобережнополесских говорах отразилось и на позиционной мягкости перед рефлексами *ě*, *е*. Для большей части ареала характерны сочетания [рие], [ри^e], [р^иe], [ри], [ри]: *горѝех*, *рѝ^eдко*, *тар^иелка*, *горилка*, *грих*, *на горѝ* (по материалам атласа, изоглосса [р] в

[50] В. Белявский. Указ. соч., стр. 303.

этой позиции проходит южнее других границ специфически правобережных ареалов и доходит до Житомира). Широта и компактность ареала диспалатализованного [р] в этой позиции обусловлена не только тенденциями украинских правобережнополесских говоров, но и влиянием соседних белорусских диалектов [51]. Лишь в немногих переходных говорах на украинско-белорусской границе в районе нижней Припяти отмечены сочетания [р˙iе], [р˙iе] как реликт, заторможенный междиалектными контактами.

В говорах устья Припяти и нижнего Тетерева перед рефлексами ě, é (ť) распространены сочетания [рj], [р˙j]: *рjíечка*, *рjíедко*, *грjiех*, *на горjí*. Это связано с аналогичным развитием исконной мягкости *р'* и в позиции перед ударенным рефлексом *ę* (благодаря чему возникло различение *рад*: *рjад*; *раз* : *грjаз'*) на рубеже с обширным левобережным ареалом различения /р/ : /р'/ перед [а]. Развитие двухфонемных сочетаний из исконно мягких согласных — результат диспалатализации, хотя и специфической, поэтому с фонетической точки зрения оно не противоречит тенденции к отвердению *р'*, характерной для правобережнополесских говоров. Однако выделение [j] сохраняет различение /р/ : : / рj / перед [а], что фонологически сближает эти говоры с говорами соседнего Левобережья, где /р/ : /р'/ перед [а]. Следовательно, возникновение сочетаний [рjiе], [рji] в данном случае отражает тенденции обеих соседних диалектных групп и является показателем междиалектных контактов [52].

3. Сочетания рефлексов ě, é с [ж], [ч], [ш], [дж] (š) и [ц]. Диспалатализация шипящих охватила указанные позиции во многих говорах северной Киевщины, Житомирщины, частично Ровенщины и способствовала возникновению сочетаний [šие], [šие], [šие] (*чи́епок*, *на кл'учи́е*, *шиест'*, *коши́ел'*, *у коуши́е*, *на межи́е*, *ножие́*, *обручие́*), хотя ареал [šие] ([šи́е], [šие́]) у́же и разреженнее ареала [рие] ([рие], [рие]...). То же можно сказать и об ареале [цие] (*ци́ели*, *циеп*, *ци́еўка*, *у молоцие́*), разреженном вкраплениями [ц˙iе] с позиционно смягченным [ц˙] на территории последовательной диспалатализации [ц'] во всех позициях (*хлбпец*, *ву́лица*, *ца́цка* и т. д.), которая распространена не только в Правобережном Полесье (от р. Стыра до Днепра у устья р. Тетерева), но и на Левобережье. Как и [рие], сочетания [šие], [цие] поддерживаются белорусским соседством.

[51] *ДАБМ, комментарии, стр. 381—382.*

[52] *Отмеченное в нижнеприпятских говорах [р˙ʲiе] (р˙ʲiечка, чер˙ʲiен, постр˙ʲiенкi) — свидетельство незавершенности [р'] > [рj], связанной, быть может, со сравнительно поздним возникновением этого процесса.*

В целом гласный [ие] (с вариантами, обусловленными разной интенсивностью артикуляции) после согласных, подвергшихся диспалатализации и в других позициях, составляет характерную особенность Правобережного Полесья. Сочетания [рие], [šие], [цие], ареалы которых продолжаются в Белоруссии, могут объясняться общими процессами диспалатализации в соседних украинских и белорусских говорах, однако развитие [vjie], [vji] замкнутым ареалом в украинском Правобережном Полесье свидетельствует и о специфических локальных тенденциях.

4. Своеобразны сочетания рефлексов *ě́*, *é*(t') с группой зубных согласных [д], [т], [з], [с], [н] (d) и [л]. В отличие от рассмотренных выше [v], [š], [ц], [р], группа [d] и [л] последовательно сохраняет различение по твердости — мягкости во всех украинских говорах и подверглась позиционной диспалатализации лишь перед исконным *i*, а также *е* (кроме позиций tet(’’)). Перед рефлексами *ě́*, *é*(t') большинство правобережнополесских, как и других украинских диалектов, сохраняет исконную мягкость [d'], [л']: *д'ieд*, *д'i^{е}ўка*, *д'^{i}ело*, *т'iело*, *т'i^{е}сто*, *на ноз'iе*, *на коз'^{i}е*, *с'iено*, *с'^{i}етка*, *на кон'iе*, *стерн'iе*, *л'iес*, *л'i^{е}то*. Исключение составляют говоры южнее и юго-восточнее Сарн (Сарненский, частично Рокитновский и Березновский районы на Ровенщине, юго-запад Олевского района на Житомирщине)[53], где распространен сравнительно компактный ареал [dие] (чаще варианты
   е   и   и
[dи^{е}], [dи], [dи], [d^{и}е], [die], [di]).

Например: *ди^{е}д*, *ди́^{е}жка*, *ди́^{е}ўка*, *ди́^{е}ло*, *ти^{е}н'*, *ти́^{е}сто*, *кози́^{е}*, *си́^{е}но*, *си^{е}м*, *к'іси́^{е}л'*, *сни^{е}г* (с. Немовичи Сарненского райо-
                е   и   и́   е́   е́   и   и́ і
на Ровенской обл.); *дид*, *дед*, *недел'а*, *подит'*, *тило*, *тело*, *тесни*,
е   и   и   и
сиў, *сеjат'*, *сусед*, *снег* (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.); *ти́ло*, *ди́жка*, *суси́д*, *си́но* (с. Тынное Сарненского района Ровенской обл.).

Диспалатализация [d'] перед рефлексами *ě́* отмечена также в отдельных говорах Брестщины и на Подлясье (по краям брестского ареала, выделенного ДАБМ)[54].

Материалы атласа свидетельствуют о взаимосвязи сочетаний [dие] с характером согласного перед рефлексом *ě* в безударной позиции: сочетания [dие] отмечены в тех говорах, где согласные

---

[53] *Далее условно — Сарненская группа говоров.*

[54] *ДАБМ, карта № 57 (учесть опечатки); ДАБМ, комментарии, стр. 474—476; см. также П. П. Чучка. Деякі особливості українських говірок Брестського району Білоруської РСР. «Праці XI Республіканської діалектологічної наради». Київ, 1965, стр. 164; W. Kuraszkiewicz. Ukraińska dyspalatalizacja w gwarach podlaskich. «Z polskich studiów slawistycznych», seria II. Warszawa, 1963, стр. 32—33, M. Kondratiuk. Указ. соч., стр. 341.*

[d] перед *е*, *i* отвердели и, следовательно, соответственно *dě* в безударной позиции выступает [de]: *деди*, *деўк'i*, *тела́*, *сенокос*, *седло́*, *у снегу́*. Сопоставление соответствующих карт ДАБМ также выявляет сочетания [dие], [dи] лишь в говорах с отвердением согласных [d'] перед безударным рефлексом *ě*: *дыжка*, *дыўка*, *тысто*, *те́ло — стена́*, *стына́*, *сыдло́*, *дыл'а́нка*[55]. Показательны в этом отношении сочетания [лие]: их ареал меньше по сравнению с [dие] и также выявляет структурную связь сочетаний [л] + + *ě* и [л] + *i*, *е*. В западной части правобережнополесских говоров смягчение [л] перед *i*, *е* заходит южнее, чем смягчение группы [d], т. е. имеется ряд говоров, где сосуществуют сочетания [dи], [de], [л'i], [л'е] : *тихо*, *дик'i*, *ходил'i*, *тече́*, *дела́*, *сила*, *село́*, *ни́тка*, *несу*, но *л'iхо*, *л'iст*, *л'ежа́т*, *л'ебед'* (села Томашгород, Сновидовичи Рокитновского района Ровенской обл.); [d'i], [de], [л'i], [л'е] : *ход'iл'i*, *зерно́*, но *зел'е́ни* (с. Миляч Дубровицкого района Ровенской обл.).

Ареал [л'i], [л'е] при [dи], [de] в правобережнополесских говорах является продолжением соответствующего ареала, окаймляющего говоры Брестщины[56], и свидетельствует о позднейшем отвердении группы [d'] сравнительно с [л'] перед гласными переднего ряда[57].

Ареалы [dие] и [л'i], [л'е] частично взаимно перекрещиваются; в районах совмещения обоих ареалов распространены сочетадия [dие], [л'iе], например в с. Немовичах: *дие́д — дедо́к*, *ди́еўка — деўк'i*, но *л'iес — л'есо́к*, *л'íезти — пол'еза́ї*, *кал'íна — кол'iе́но* и т. д.[58]

В говорах, сохраняющих [л̇] перед *i*, *е*, отмечено сочетание [л̇iе]: *у сел̇iе*, *л̇iес*, *л̇iето — л̇iпа*, *л̇iхо*, *л̇еўшу́н*.

Иногда [л̇] акустически настолько близок к [л'], что при отсутствии оппозиции /л̇/ : /л'/ перед гласными переднего ряда лишь сопоставление с [л'i] других говоров либо с [л'i] в русской речи дает возможность определить характер сочетаний: *л̇'iес*, *хл̇'iеб*, *хл̇'iеў*, *нал̇'iе́во*, *кол̇'iе́но*, *пол̇'iе́но — л̇iхо*, *л̇iпа*, *л̇ека́jе* при *ɓиед*, *тиен'* и т. д. (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.). В говорах с [ли], [ле] перед ударенными рефлексами *ě* выступает

[55] *Ср. ДАБМ, комментарии, стр. 326, 328, 474—476.*

[56] *Ср. ДАБМ, карты № 48, 56; W. Kuraszkiewicz. Ukraińska dyspalatalizacja..., стр. 34.*

[57] *Z. Ossowski. Zagadnienie językowe Polesia. В кн. «Pierwszy zjazd sprawozdawczo-naukowy, poświęcony ziemiom wschodnim w Warszawie». Warszawa, 1936, стр. 9 и сл.*

[58] *То же в подляшских говорах, соседних с брестскими (см. M. Kondratiuk. Указ. соч., стр. 341—342).*

е е е і і
[л]: *хлиў*, *хлиб*, *лис*, при *липа*, *лихо* (с. Тынное Сарненского района Ровенской обл.).

Приведенные факты свидетельствуют о существовании определенной связи между характером сочетаний *dě*, *лě* и сочетаний *di*, *de*, *лі*, *ле*. Так как в полесских и частично в волынско-полесских говорах оппозиция /ě/ : /e/ в безударном положении нейтрализовалась в /e/ с закономерным для системы говора качеством согласного перед [e], можно предположить, что развитие [dие͜], [ли͜е] в говорах с сочетаниями [de], [ле] является результатом аналогии к последним, т. е., очевидно, прежде всего к позициям с безударным *ě*. Происходит выравнивание качества согласных перед ударным и безударным *ě*. Однако отсутствие подобных фактов в большинстве говоров с [de], [ле] и локализация их на сравнительно небольшой территории западной части правобережнополесского ареала заставляет искать причины действия названной аналогии.

Объяснение этого явления, достаточно своеобразного для восточнославянских диалектов, видимо, следует искать, сопоставляя сочетания *dě* в ударных и безударных позициях в соседних с правобережнополесской диалектных группах, с которыми западные правобережнополесские говоры находились в контактах. Соответственно с противопоставлением ареалов твердости — мягкости согласных перед рефлексами *ě* в ударной и безударной позиции можно выделить следующие группы сочетаний *dě́* — *dě* в Правобережном Полесье и соседних с ним диалектах, указанные в табл. 1.

Таблица 1

Говоры	Рефлексы ě с предшествующими согласными		
	ударная позиция	безударная позиция	Примеры
Украинские правобережнополесские (центральная часть)	d'i͜e	de	д'i͜ед — деди́
Сарненская группа	dи͜е	de	ди͜ед — деди́
Белорусские правобережнополесские	d'i͜e	d'e	дз'ед — дз'еди́
Волынско-полесские (в том числе брестские)	d'i	dи, dи^е	д'iд — диди́, ди^еди́
Волынские и другие южные	d'i	d'i	д'iд — д'iди́

Из указанных в таблице выделяются три группы с идентичными (относительно твердости — мягкости) согласными перед ударными и безударными рефлексами *ě*: сарненская, белорусско-полесская и волынская (южноукраинская). Лингвогеографическое сопоставление их ареалов показывает, что сарненская группа поч-

ти соприкасается на юго-западе и на северо-востоке соответственно с волынским и белорусским ареалами (в данном случае к белорусскому типу относим ареал [d'i], [d'e], распространившийся на северо-восточных окраинах Ровенщины и на северо-западе Житомирщины). Образованию сочетаний [dие] по аналогии с [de] (<*dě*) могло способствовать двустороннее влияние этих диалектных групп, в особенности волынской, воздействие которой проявляется и в некоторых других особенностях, как, например, в распространении в западной части Правобережного Полесья протетического [г][59] (*горáти*, *Гóл'ка*, *Гандриӯ*, *гóзеро* — с. Немовичи Сарненского района Ровенской обл.).

Взаимодействие говоров, имеющих соотношение [d'íe] — [de], с говорами, характеризующимися соотношением [d'ĭ] — [d'i] или [d'*íe*] — [d'e], способствовало распространению принципа неразличения согласных перед ударными и безударными рефлексами и в тех говорах, где это различение сохранялось. Более активной, таким образом, оказалась тенденция к выравниванию фонемной структуры морфем, однако в связи с закономерными для этих говоров диспалатализованными сочетаниями [de] выравнивание происходило путем отвердения [d'] перед ударными рефлексами *ě* по аналогии с [d] перед безударными соответствиями *ě*.

В Подлясье сочетания [die], [dие], [di], [dи] также развились на рубеже говоров с диспалатализацией и с палатализацией [d] перед *i*, *e*[60]. Это подтверждает предположение о возникновении этих сочетаний в результате выравнивания с безударными позициями в условиях контактов с ареалом палатализации [d] перед [*ě*] независимо от ударения.

В отдельных случаях наблюдается расщепление [d'] > [dj] перед рефлексами ударных *ě*, *e* (t') (как переходный этап отвердения): *дjед*, *дjед*, *дjéӯка*, *дjети*, *дjéти*, *дjежка*, *тjéло*, *тjéсто*, *седjéт'*, *ходjéм*, *сjено*, *л'jéс*, *хл'jеб*, *л'jéзти*, *хл'jеӯ*, *обручjé*, *ножjé*, *ковал'jé*, *сподниц'jé* (с. Сарны)[61].

---

[59] *Я. В. Закревська. Явище протези в західних говорах української мови. «Дослідження і матеріали з української мови», т. IV, Київ, 1961, карта 2.*

[60] *W. Kuraszkiewicz. Ukraińska dyspalatalizacja..., карта; M. Kondratiuk. Указ. соч., карта на стр. 343.*

[61] *В связи с расщеплением в этом говоре лабиализованных неоднородных гласных [ве] < [ӯе] может возникнуть предположение о консонантизации начального элемента [ié] > [je] через стадию [ĭe]. В таком случае [je] должно было бы последовательно сохраняться во флексиях после мягкого согласного основы (т. е. должны были бы существовать формы типа на земл'jé, на стернjé, немá земл'jé подобно существующим в говоре формам на вербjé, на травjé при пjеч, вjéник и т. д.). Однако во всех формах существительных с основой на мягкий зубной согласный в парадигме ед. ч. заметно выравнивание основ, т. е. сохранение их мягкости: на стерн'é, на земл'е при л'jес, снjег. Это в данном случае свидетельствует о «консонантном» происхождении [j]. Кроме того, если допустить развитие [je] < [ié], останутся неясными причины отвердения [d'] перед [je].*

Помимо рассмотренных ареалов специфическими правобережнополесскими являются ареалы реализаторов фонемы /$\text{і}^{\text{и}}$/ (<*і*, *ы*). В отличие от других украинских диалектов, в том числе и полесских (украинских и белорусских), для правобережнополесских говоров характерна фонема /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/, которая реализуется в звуке [$\overset{\text{и}}{\text{і}}$] — переднего ряда высокого подъема или [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$] — переднего ряда, высокого, чуть пониженного подъема [62] (оба варианта не смягчают предшествующих согласных). Дистрибуция /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/ не ограничивается ударением или соседством твердых — мягких согласных, хотя качество предыдущей согласной влияет на звуковую реализацию /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/: вариантом после мягких согласных выступает звук [і].

Ареал /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/ примерно совпадает с территорией распространения /$\underset{\smile}{\text{іе}}$/ (в Правобережном Полесье), однако в этих пределах территориальное распределение звуковых реализаторов /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/ зависит от позиции.

После переднеязычных для северных районов Правобережного Полесья в говорах, не смягчающих [d] перед *і*, чаще отмечен звук /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/: *д$\overset{\text{и}}{\text{і}}$м*, *д$\overset{\text{и}}{\text{і}}$к'і*, *д$\overset{\text{и́}}{\text{і}}$т$\overset{\text{и}}{\text{і}}$на*, *т$\overset{\text{и́}}{\text{і}}$н*, *т$\overset{\text{и}}{\text{і}}$хо*, *н$\overset{\text{и́}}{\text{і}}$тка*, *н$\overset{\text{и}}{\text{і}}$ва*, *с$\overset{\text{и}}{\text{і}}$р*, *ко́з$\overset{\text{и}}{\text{і}}$*; чем ближе к южным окраинам ареала, тем последовательнее наблюдается [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$]: *д$\overset{\text{і}}{\text{и}}$хаје*, *д$\overset{\text{і}}{\text{и}}$ку́н*, *т$\overset{\text{і}}{\text{и}}$*, *т$\overset{\text{і}}{\text{и}}$хо*, *пан$\overset{\text{і}}{\text{и}}$*, *с$\overset{\text{і}}{\text{и}}$ч*, *моро́з$\overset{\text{і}}{\text{и}}$*. В крайних северных районах, где распространено смягчение [d] перед *і* под влиянием соседних белорусских говоров, звуки [$\text{і}^{\text{и}}$], [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$] выступают соответственно *ы*: на месте *і* после смягченных согласных позиционным вариантом является [і]. Различительная функция принадлежит согласным — *т$\overset{\text{і}}{\text{и}}$*: *т'іхо*; *с$\overset{\text{и}}{\text{і}}$н*: *с'ін'і*; *д$\overset{\text{и}}{\text{і}}$м*: *д'ік'і*; *ко́з$\overset{\text{и}}{\text{і}}$*: *з'іма́* (север Чернобыльского района Киевской обл., северо-запад Овручского и север Олевского районов Житомирской обл., бо́льшая часть Рокитновского и Дубровицкого районов Ровенской обл.). В отдельных говорах на рубеже ареалов [d'i] и [d$\overset{\text{и}}{\text{i}}$] наблюдаются сочетания [d$\dot{}\overset{\text{и}}{\text{i}}$] (<*di*): *с˙$\overset{\text{и́}}{\text{і}}$н'і*, *с˙$\overset{\text{и}}{\text{і}}$ла*, *н˙ітка* (Лелев Чернобыльского района Киевской обл.).

В говорах с отвердением [d] перед *і* звук [і] как позиционный вариант /$\overset{\text{и}}{\text{і}}$/ выступает в некоторых флексиях в результате морфологических процессов: *нема́ п'$\underset{\smile}{\text{іе}}$сн'і*, *на ту$\underset{\smile}{\text{ої}}$ в'ішн'і*.

После шипящих — [$\overset{\text{и}}{\text{і}}$] преимущественно в северных районах, [$\overset{\text{і}}{\text{и}}$] — в южных, хотя четкую закономерность установить трудно:

[62] J. Ziłyński. *Opis fonetyczny języka ukraińskiego.* Kraków, 1932, стр. 15.

живу́от, *жіву́от*, *шіт*⁽'⁾, *шит*⁽'⁾, *шупшина*, *чита́т*⁽'⁾. В некоторых говорах, близких к белорусскому ареалу, спорадически наблюдается частичное смягчение [ч], [ш] перед *і* — архаизм, задержанный, возможно, междиалектными контактами: *ч̇істо*, *ч̇іта́т'*, *ш̇іро́к'і* (Чистогаловка Чернобыльского района Киевской обл.).

После [ц] в говорах с диспалатализацией *ц'* — последовательно [и]: *циган*, *циркýн*, *хлопци*, *цикат*⁽'⁾; с приближением к ареалу [ц'] учащаются сочетания [ці], [ц̇і] (*хло́пці*, *сподниц̇і*).

После губных наиболее типичной реализацией /і/ является [і] с незначительным смягчением [v]: *б̇іт*⁽'⁾, *п̇іт*⁽'⁾, *б̇ік*, *п̇іта́т*⁽'⁾, *в̇іт*⁽'⁾, *в̇і*, *м̇іт*⁽'⁾, *м̇іло*, *м̇і* [63], хотя бывают случаи отвердения губных: *біт*⁽'⁾, *міт*⁽'⁾, *міло*. Сочетания губных с [і] заходят южнее других сочетаний с [і]; чем ближе к южным окраинам ареала, тем заметнее расширение [і] > [и]: *ви*, *вилк'і*, *миша*, *пила́*, *била*. На северной границе правобережнополесского ареала распространены сочетания [v'і] < *vі*, *vы*: *в'і*, *м'і*, *м'іло*, *м'іли*, *м'іт*⁽'⁾, *б'іт*⁽'⁾, *б'ік*, *м'іша*, *п'іл*, которые частично заходят и на территорию белорусского Полесья [64].

После [р] реализация /і/ подобна позициям после [v]: на северных окраинах — [р'і]: *р'іс*, *тр'і*, *р'іба*, *кр'іша*, *кр'іса*, с удалением на юг — постепенное расширение [і] > [і] > [и]: *гр̇іб*, *р̇іба*; *ріс*, *го́рі*, *ріт*⁽'⁾; *рис*, *три*, *рика́je*.

После [л], [л̇] для большей части ареала характерно [и]: *липа*, *лихо*, *лиси*, *воли*; *л̇ицé*, *кол̇и*, *стол̇и*, *м̇іл̇иje*. Своеобразную особенность представляет микроареал в западной части Правобережного Полесья. Как уже говорилось, сочетания [л'і] здесь заходят далее на юг, чем [d'і], т. е. существуют говоры с [dи], [л'і]. В таких говорах (часть Сарненского и Рокитновского районов на Ровенщине) в соответствии с неразличением *ti* — *tы* не различаются сочетания *лі*, *лы*, которые, в связи с мягкостью [л'] перед *і* реализуются в [л'і] < *лі*, [л'і] < *лы*: *л'іхо*, *л'іст* — *постол'і*, *стол'і*, *вол'і* (имен. пад. мн. числа), *б̇іел'іje*, *м̇іл'іje*, *б̇іел'іх*, *м̇іл'іх* (Сновидовичи, Томашгород, Ельно Рокитновского района, Сарны, Немовичи Сарненского района). В го-

[63] *Определить характер сочетаний* [v'і] *помогает сопоставление с русским* [v'і].

[64] *См. Н. Т. Вайтовіч. Аб рэалізацыі ненаціскнога гука ы ў беларускіх говорках. «Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР», вып. VII. Мінск, 1960, стр. 118.*

ворах с различением [d'i]: [dи] соответственно [л'i] : [ли] (*л'іст: лиси*; *кол'í : м'ілиje*).

После заднеязычных, как и в других полесских говорах, выступает чаще всего [i] со смягчением предыдущего согласного: *рýк'í*, *пастух'í*, *к'ісли*, *х'ітри*, *нбг'í*.

Артикуляционно-акустические признаки /$\overset{и}{\text{i}}$/ свидетельствуют прежде всего о тенденции к сохранению в правобережнополесских говорах старого *i*, что характерно и для соседнего белорусского ареала, однако на украинском Полесье, в отличие от белорусского, согласные перед *i* в большинстве случаев отвердели. Кроме того, возникновение /$\overset{и}{\text{i}}$/ < *ы* в Правобережном Полесье дает основание предполагать здесь несколько иной, по сравнению с другими украинскими говорами, путь формирования фонемы — заместителя *ы*, *i*. Если для большинства украинских говоров решающими в звуковом совпадении *ы* и *i*, т. е. сочетаний *ti*, *ты*, были артикуляционные изменения старого *i*, структурно связанные с диспалатализацией согласных [65], то в правобережнополесских говорах общеукраинский процесс слияния *ы*, *i* выразился в артикуляционном сближении *ы* с *i* при определенной стойкости звукового ряда *i*. Если допустить, что в северных украинских говорах отвердение согласных перед *i*, *е* могло развиться несколько позже, чем в других украинских диалектах (учитывая некоторые общие тенденции в развитии полесских украинских и белорусских говоров), то можно предполагать, что общеукраинский процесс ликвидации различения *ti* : *ты* мог распространяться в Правобережном Полесье при условии сохранения некоторыми согласными смягчения перед *i* (возрастающего с приближением к белорусскому ареалу).

Распространение неразличения *ti* — *ты* в говорах, сохранявших [v˙], [p˙], [š˙] либо развивших под белорусским влиянием [v'], [p'], [л'] перед *i*, способствовало возникновению специфических сочетаний [v'i], [v˙i] < *vы*, [p'i], [p˙i] < *pы*, [л'i] < < *лы*. Микроареалы [v'i] известны и в некоторых других районах, в частности на украинско-белорусском пограничье Черниговщины и Сумщины [66], они также объясняются распространением общеукраинской закономерности в говорах, где в условиях междиалектных контактов существовали сочетания [v'*i*] < *vi*.

Возможно, что замедленная диспалатализация некоторых согласных в правобережнополесских говорах была тесно связана с характером полесского *i*, с отсутствием тенденции к его пониже-

[65] А. Крымский. *Украинская грамматика, т. I, вып. 2. Киев, 1908, стр. 208в — 209а*, Е. Ф. Карский. *К вопросу об отвердении (неумягчительности) звуков е и и в малорусском наречии. Киев, 1904, стр. 4*; О. Шахматов, А. Кримський. *Нариси з історії української мови. Київ, 1924, стр. 65*.

[66] См. П. Попов. *Указ. соч., стр. 3*.

нию и расширению, в чем можно видеть одно из общих украинско-белорусских полесских проявлений. Предположительно стойкость звукового ряда *і* могла поддерживаться отсутствием /і/ < *ě*, tot, tet [67] — структурная связь, сохранившаяся в украинских правобережнополесских говорах по причине их архаичности и стабильности.

Рассмотренные ареалы составляют специфику Правобережного Полесья в области вокализма. Остальные группы соотносительных в ударной — безударной позициях фонем отражают более общие закономерности.

Соотношение /á/ — /е/ этимологически восходит к *ę*, *'а* в ударной и безударной позициях. Зависимая от ударения рефлексация *ę* — характерная черта правобережных и левобережных полесских говоров: *св'áто — свети*, *мјáсо — месојіед*, *кн'аз' — кнежи*, *чел'áдник — чéл'"ед'*, *рад — реди*, *пјат' — пети*, *дес'áти — десетина*, *гл'áну — глед'іет'"*, *колóдез' — колод'áжни*, *зерн'áтко — зéрнето*, *кол'áдка — кóл'"еди* и т. д. Как и рефлексы *ě*, соответствия *ę* в полесских говорах отражают старые различения *ě* : *е*, *ę* : *е*, которые в соответствии с системой диалектов — предков полесских говоров (в связи с дифференцирующей в отношении гласных среднего подъема ролью ударения) на определенном этапе были ограничены ударной позицией.

В известной связи с рефлексацией *ę* находится характерная для правобережно- и левобережнополесских говоров зависимость от ударения сочетаний [já] — [je] (<*ја*): *јак — јек'í*, *јáйца — јейцé*, *јáдра — једрó*, *јáшни — јечміен'*, *јаз' — јез'іе*, *јáрма — јермó*, *јáлоўка — јелоўник*. По данным атласа, территория соотношений [*já*] — [je] ýже, по сравнению с [t'á] — [te] (<*tę*), и на южной окраине ареала окаймляется полосой [já] — [ji]: *јáйц'а — јійцé* [68]. В западных районах Правобережного Полесья соответствие ареалов [t'á] — [te] (<tę] и [já] — [je], [ji] (<*ја*) нарушено. Однако и в центральной части правобережнополесского ареала [е] < *ę* отмечено последовательнее по сравнению с [je] <*ја*, лишь на южных окраинах наблюдаются отклонения [і] < *ę* (*колод'із'*)[69]; сочетания [je], [ji] <*ја* часто выступают параллельно с [ja], [ja]: *јейцé — јайцé*, *јек'í — јак'í*. Предположительно соотношение

[67] *На структурную связь рефлексации ě и і неоднократно указывали (см. П. Житецкий. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876, стр. 125; М. Ф. Наконечний. До вивчення процесу становлення й розвитку фонетичної системи української мови. В сб. «Питання історичного розвитку української мови». Харків; 1962, стр. 137—138; О. П. Безпалько и др. Історична граматика..., стр. 162; Ф. Т. Жилко. Голосні неоднорідного] творення..., стр. 19; он же. Фонологічні особливості..., стр. 17—18).*

[68] *П. Гладкий. Говірка с. Блиставиці..., стр. 101.*

[69] *Там же.*

[ja] — [je] (<*ja*) возникло в результате распространения различения рефлексов *ę* в зависимости от ударения на позиции с этимологическим корневым *'a* (*ja*), т. е. по аналогии с безударным рефлексом *ę* звук ['a] (<*'a*, *ja*) > ['e] [70].

Диспалатализация перед [e], с одной стороны, усиливает различение морфем с корневым рефлексом *ę* (различаются гласный и согласный элементы [t'á] — [te]), с другой стороны, в морфемах с соответствиями *ja* ([já] — [je]) оставляет различительным лишь гласный. В связи с этим тенденция к единству фонемной структуры морфем могла более интенсивно проявиться в выравнивании сочетаний [já] — [je], и между структурами с рефлексами *ę* и структурами с соответствиями *ja* возник определенный разрыв. Этим, возможно, объясняется несовпадение ареалов [t'á] — [te] и [já] — [je] в некоторых районах Полесья, а также частый параллелизм безударных [je], [ja]. Нужно учесть также и лучшие фонетические условия для [je] > [ji], по сравнению с [te] > [t'i].

Выравнивание сочетаний [t'á] — [te] также наблюдается в особенности в тех случаях, когда диспалатализация охватила позиции перед [a]: *гра́дка — греда́ > града́*; *рад — реді > раді*. В членах парадигм с подвижным ударением возможны изменения [te] > [t'a] по аналогии к другим словоформам в связи с выравниванием основ членов парадигмы: *т'агти*, *т'агну́* (ср. *т'а́гне*, *т'а́гнеш*...), *д'ад'к'і* (*д'а́д'ко*, *д'а́д'ку*...).

Таким образом, в правобережно- и левобережнополесских говорах этимологическая основа /e/ весьма расширена именно в безударной позиции в связи с зависимой от ударения рефлексацией ряда гласных среднего подъема. Дистрибуция /e/ ограничена диспалатализацией согласных (кроме безударных [je]); в говорах, развивших под влиянием соседних белорусских сочетания [t'e], реализаторы /e/, напротив, отмечаются лишь после мягких согласных (за исключением позиций типа *го́ле по́л'е*, *те д'іт'а́*).

Соотношения [t'á] — [te], [já] — [je], [ji] в известной мере ограничивают дистрибуцию фонемы /a/, которая, независимо от ударения сочетаясь с твердыми согласными, в позициях после мягких согласных выступает преимущественно под ударением. Сфера безударного ['a] ограничена флексиями, заимствованиями и позициями, подвергшимися аналогическому выравниванию.

---

[70] *Возможно, соотношению [já] — [je] в известной мере способствовало частое сохранение в правобережно- и левобережнополесских говорах сочетаний [je] < je в начале слова (Jеўдо́ха, Jере́ма, Jеўтух, jелина), изменившихся в [ja], [jo] во многих других диалектах. По аналогии к исконному [je], а также к [je] < ja безударный [e] спорадически возникает и на месте [и] в начале слова, если перед ним развился протетический [j]: jеко́на 'икона', jендик 'индюк', jержа́ (укр. 'іржа'), jержа́т'' 'ржать'. Материалы атласа отмечают такие структуры во многих правобережнополесских говорах.*

Соотношения /а́/ — /а/ (после твердых согласных), /о́/ — /о/, /у́/ — /у/ в правобережнополесских говорах не имеют специфических особенностей и отражают более архаическое состояние, не подвергшееся влиянию инноваций. Так, для Правобережного Полесья в целом не характерно нарушение оппозиций безударных /о/: /у/ (уканье) и /о/ : /а/ (аканье), например *дошит*⁽ʼ⁾ : *душит*⁽ʼ⁾; *істоп'іт*⁽ʼ⁾: *іступ'іт*⁽ʼ⁾; *соч'іт*⁽ʼ⁾: *сучіт*⁽ʼ⁾; *ради* : *роди* : *руди*; *воли* : *вали*; *сомá* : *самá*; *коті* : *кати*; *доју́* : *дају́*. Несистематические изменения [о] > [о] наблюдаются лишь в западной части правобережнополесского ареала в определенных позиционных условиях (в соседстве с губными или [ў]): *пошóў*, *побрáў*, *роўчáк*, *вонá*, *сповáк*, *бот'в'ін'н'е* (с. Копище Олевского района Житомирской обл.). Аканье заходит на Правобережное Полесье лишь в крайней северо-восточной оконечности ареала [71], в целом в исследуемых говорах оно встречается лексикализованно, в отдельных структурах (*батв'іна*, *матов'іло*, *начбўк'і* [72]).

Что касается дистрибуции указанных фонем, то, помимо /а/, ограничения соседством мягких согласных имеет фонема /о/. Независимо от ударения сфера функционирования [ʼо] ограничена флексиями (формы типа *кон'óм*, *земл'óју* и *конéм*, *землéју* употребляются параллельно с преимуществом последних; безударные флексии *-оју*, изредка *-ом* более распространены в западной части ареала: *долóн'оју*, *в'ішн'оју*, редко — *колóдез'ом*), а также заимствованиями и прочими случаями несистематического характера. Лишь на северных окраинах ареала под влиянием соседних белорусских говоров спорадически встречается [ʼó] < [ʼé] (*з'ел'óни*, *с'óл*., *оз'óра*).

Указанные особенности украинского правобережного вокализма с учетом дистрибуции фонем и этимологических связей изложены в табл. 2.

Завершая характеристику специфики украинского правобережнополесского вокализма, следует также отметить, что, несмотря на общеполесский (украинско-белорусский) характер многих важнейших явлений, в Правобережном Полесье развились локальные ареалы, выделяющие его, даже на основе лишь вокальных черт, в самостоятельную единицу среди полесских и других украинских говоров. Сопоставляя эти ареалы с соседни-

---

[71] *Об этом подробнее см. Т. В. Назарова. Акання в говірках Нижньої Прип'яті. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962. Здесь не рассматриваем случаев перехода безударного* [а] > [о], *связанного с взаимопроникновением аканья и оканья.*

[72] *Структуры хал'áва, качáн, багáти, манастúр, хамýт свойственны и другим украинским диалектам.*

Таблица 2

Общеславянские соответствия	Фонемы	Звуковая реализация		Примеры
		после t	после t'	
Ударный вокализм				
	и	и і		и й і́ і
і, ы	і	і, и	'і	дім, дік'і, тихо, ти, в·і, р˙íба, х'íтр˙'і
		і		
ě, t[e]t'	і͜е	и͜е, и͜е	'і͜е	ди͜ед, ри́͜едко, л'і͜ес, с'і͜ено, пјі͜ешк'і
				и
е, ь	е	е	—	іде́, Те́кл'а, мете́, несе́, верх, ре́д'ка
а, ę	а	а	'а	ба́т'ко, дат‘’,рад, д'а́д'ко, т'а́гне, ја́дра
о, ъ	о	о	'о **	до́л'а, сто́л'а, во́л'а, кон'о́м
t[o]t', t[e]t	у͜о*	у͜о	'у͜о	сту͜ол, ку͜он', жу́͜онка
	у̇͜е	у̇͜е	'у̇͜е	сту̇͜ел, ку̇͜ен', жу̇́͜енка
	у̇͜и	у̇͜и	'у̇͜и	сту̇͜ил, ку̇͜ин', жу̇́͜инка
				і
у, ǫ	у	у	'у	дух, ту́ча, ву́лица, л'у́ди, пју
Безударный вокализм				
				и і̣й і і
і, ы	и і	и і і, и	і	го́ді, диміт, сто́лик,ципл'а́, і́ си́н'і, житн'і, л'і͜етн'і
е, ь, ę, ě, ја	е	е	(ј)е	тел'а́, несу́, ведро́, беда́, і́ па́мет', јелина, јеї̆це́
				і́ і́
а, ę		а	'а **	бат'к'і́, ради, с'абри
о, ъ	о	о	'о **	стог'і́, корова́ї̆, доло́н'оју, сон
у, о	у	у	'у	душа́, курча́, л'ушн'а́, за́муж

* Варианты неоднородных гласных, связанные с различной интенсивностью артикуляции, не приводятся.

** Реализация ограничена флексиями и случаями несистематического употребления.

ми белорусскими, можно заметить, что некоторые из них сформировались в результате тесных контактов и общих тенденций в развитии полесских говоров украинского и белорусского Правобережья. Такими являются ареалы, продолжающиеся на Белорусском Полесье, например ареалы сочетаний [ри͜е], [šи͜е], возникшие в результате диспалатализации согласных [73].

[73] *Подобный более широкий ареал, охватывающий и белорусские и украинские полесские (в том числе и левобережные) говоры, образует диспалатализация* [ц'].

Для некоторых замкнутых украинских правобережнополесских ареалов в качестве подосновы также усматриваются тенденции, общие для диалектов — предков полесских (украинских и белорусских) говоров. Так, предполагаем, что подосновой для возникновения фонемы /$\overset{\text{и}}{\text{i}}$/, отличной в артикуляционно-акустическом отношении от фонемы — заменителя *і*, *ы* в других украинских говорах, была характерная и для белорусских говоров тенденция к сохранению в Полесье давнего *і* и смягчения (полумягкости или, вблизи современных белорусских ареалов, мягкости) некоторых предшествующих согласных. При этих условиях развитие общеукраинского неразличения *ti* — *ты* в украинском Правобережном Полесье способствовало возникновению специфически правобережнополесских сочетаний с /$\overset{\text{и}}{\text{i}}$/.

Эти факты можно рассматривать как одно из свидетельств существования в древности большего диалектного единства украинского и белорусского Полесья, выражавшегося в большем количестве общих ареалов (в данном случае — вокальных и частично консонантных) сравнительно с современным состоянием. Дифференциация украинских и белорусских процессов в области вокализма и прежде всего развитие общеукраинского неразличения *ti* — *ты* и белорусского различения [t'i] : [ты], связанного с палатализацией согласных перед гласными переднего ряда, способствовали самостоятельному развитию некоторых явлений при сохранении многих общих ареалов. Эти предварительные выводы тем более нуждаются в подтверждении анализом материала на других уровнях [74], что именно Правобережное Полесье представляется одним из наиболее стабильных в лингво-этническом отношении районов, изоглоссы которого могут отражать чрезвычайно древние диалектные отношения.

Интересно также развитие некоторых инноваций в западной окраине правобережнополесского ареала, что, очевидно, отражает контакты с говорами южной группы, распространившимися и в Волынском Полесье. Следует отметить общность некоторых явлений (например, диспалатализация [d] перед ě́,

---

[74] *Так, например, в своеобразной зависимости от фонетических процессов (образования сочетаний [t'i] — [$t\overset{\text{и}}{i}$] < ti находится оформление некоторых грамматических категорий, в частности инфинитива в Правобережном Полесье. Развитие территориально противопоставленных соответствий ti — сочетаний [t'i] (белорусские говоры) — [$t\overset{\text{и}}{i}$] (украинские говоры) вызвало противопоставление инфинитивов на -т'і: -т$\overset{\text{и}}{i}$ (копáтi': копáт$\overset{\text{и}}{i}$). Распространение известной многим восточнославянским диалектам тенденции к сокращению инфинитивного суффикса привело к преобразованию этих фонетически противопоставленных форм (копáт'і : копáт$\overset{\text{и}}{i}$ > копáт' : копáт), что подтверждается совпадением изоглосс [t'i] : [$t\overset{\text{и}}{i}$] и копáт' : копáт в Правобережном Полесье. Подробнее см.* Т. В. Назарова. *Інфінітиви на -т у середньополіських говорах. В сб. «Питання граматики і лексикології української мови». Київ, 1963.*

é (t') для западных районов Правобережного Полесья и окраин брестского ареала, где также взаимодействовали говоры полесского и южного типа).

ОБРАЗЦЫ ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

сперва́ худа́мент кладе́це / тод'іе пудва́лини / потуом арца́б'і ста́вет / тод'іе ошч^{и}е́п'іни / на ошч^{и}е́п'іни кладу́цце трамк'і / становецце кро́кв'і // пот^{у}о́м прила́тујеце ла́там'і // до трамк^{у}о́ў прыб'іва́јеце коро́бочка / шоб не було́ просв'іетоу // зак'іда́јуце ст'іенк'і / мох кладу́т ме́жду до́сок шчоб тепл^{і}еі // лу́гк'і на о́кна / ра́ма ста́ўл'еjут // пове́рх трамка́ накрива́јут сто́л'у / тод'іе опшал'о́вујут лу́тк'і / око́ници ро́бет / усере́дин'і шчекоту́рет // две́ри зашче́пл'ујуце за́шчепкоју / колис були і за́ре шче је ў кого́ за́крутк'і / а то кл'а́мк'і // ха́ту крыјут хто чим мо́же / соло́моју // шихвером / черепіцоју / очере́том / го́нтоју / дране́ју // пјіеч ро́бет / у печие је за́слонка / печу́орка / че́л'уст'а / чери́^{е}н / ку́чка // ју́шка затика́т ко́м'іна / а колис було́ за́ткало // тре́ба загре́бти з печи жар / по́пел в'ігребат тре́ба / да тре́ба нак'ідат дро́ва // це ўже јак пјіеч ізро́бет / то ха́та гото́ва //

(Записано в 1962 г. в с. Бобер Полесского района Киевской обл. от Грищенко Марии Хоминичны, 1907 г. рождения, малограмотной).

Отрывок из сказки

було́ два бра́ти / бага́ти і бие́дни // бага́ти живе́ до не зна́је / шо јого́ ізјіести / шо јого́ іспі́т / а у бие́дного куска́ хл'іеба нема́је / а д'іети ро́деце / з го́лоду ста́ли ўже д'іети ум'іра́т // вуон пошо́ў до бага́того бра́та і ка́же / позич мен'іе / бра́те / хл'іеба / бо д'іети ум'іра́јут // а бага́ти ка́же / ја тобие не позичу / а јак в'іколиш одне́ о́ко / дак дам чве́ртку хл'іеба // бие́дни віколоў собие дне о́ко // и тої даў јому́ хл'іеба //

(Записано в 1962 г. в с. Мартыновичи Полесского района Киевской обл. от Самойленко Евдокии Александровны, 1900 г. рождения, малограмотной).

Рис. 1. Основные изоглоссы украинского правобережнополесского вокализма

1 — $\overset{и}{\text{l}}$ < *i*, *ы*; *2* — рефлексы *tot*<'>, *tet*, противопоставленные /і/, /и/; *3* — t[уи]t, t[уе]t < *tot*<'> , *tet*: куин', куен'; *4* — t[и]t < *tot*<'>, *tet*: кин'; *5* — t[we]t, t[wo]t, t[вe]t, t[вo]t < *tot*<'>, tet: kweн', kwoн', квен', квон'; *6* — [d] перед [e], [и] < ě: деди́, тила́; *7* — [d] перед [ие], [и] <' ě: диед, ти́ло; обозначения за пределами УССР нанесены на основе источников, указанных в тексте

и́
ја вам раскажу́ / јак хл'ᶦеб печу́т' / ул'іла́ воді / розмеша́ла
и і у и́ і
ў дежци з мукóју́ / за ноч ук'ісло / јак суха́ дежка // ура́нци нал'і-
і и и́ і
ла́ води і замесіла / шоб л'еп'іт' у рука́х / а тоди в'іробл'а́јем бó-
и
хона та ў печ //
с е́ і і
ка́жут' / с'ої бу́з'ко с чоловика пошóў // було́ три бра́ти / јім
даў бог — одному́ дну робóту / другóму — дру́гу / а тре́т'ому
и́
даў шоб вужᶦе́ / йашчерк'і / жаб'і / черепа́х'і да ў мешóк позб'і-
і
ра́ў // шоб не було́ с'ойе па́кости // бог с'ому́ даје́ мешка́ // на /
і і
да занеси / шоб ук'інуў у ја́мку да шоб воно́ там задушилосо //
тої н'ᵞос / н'ᵞос / а јому́ інтересу́је / шо воно́ там је ў мешку́ // ја
і і і
розјажу́ мешка́ да поба́чу / нихтó не зна́тиме / да пóтим закапа́ју //
и́ и́
йому́ бач схотелосо // розјаза́ў — і розбеглосо те ўсе по ўс'ої
і е
земл'ᶦе́ // а тоди бог поста́в'іў його́ бу́з'ком / шоб зб'іра́ў да јіў /
и
то // јес' јіх і за́ре //

(Записано в 1965 г. в с. Каменка Олевского района Житомирской обл. от Мидловец Василины Никифоровны, 1907 г. рождения, малограмотной).

А. С. Соколовская

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ ДИАЛЕКТОВ

(на материале названий одежды и обуви Припятского Полесья)

Близость диалектов друг к другу в сфере лексики или их различия описываются обычно путем выделения небольшого числа отдельных, чаще всего изолированных лексем. Для каждой лексемы устанавливается ее наличие или отсутствие в конкретной группе говоров, на конкретной территории. Таким же образом определяется и различие в семантике.

Наиболее четко такой метод применяется в лингвогеографических исследованиях, где на каждое слово (от лексемы к семеме или от семемы к лексеме [1]) составляется карта и вычерчиваются изоглоссы. Затем производится работа по выявлению возможного пучка изоглосс.

Перед лингвистикой (resp. диалектологией), однако, стоит задача определения лексической (и лексико-семантической) близости не на основе отдельных фактов, а на основе сравнения целых групп лексики обширных семантических полей, насчитывающих в своем составе значительное число лексем. Необходимость такого сравнения очевидна. Оно требует при этом использования статистического метода.

При изучении лексики Полесья были приняты определенные критерии степени лексической близости диалектов внутри полесской диалектной зоны, между лексически достаточно однородными зонами, разнородными зонами и так называемыми «смежными», т. е. зонами некоторого лексического смешения.

Вычисление производилось по трем формулам.

---

[1] *Здесь и в дальнейшем термины «лексема» и «семема» употребляются в понимании Н. И. Толстого (см. Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1).*

Первая формула[2]:

$$Q = \frac{ad - bc}{aa + bc},$$

где Q — показатель степени лексической близости говоров A и B; a — количество лексем, которые есть и в говоре A и в говоре B; b — количество лексем, которые есть только в говоре A; c — количество лексем, которые есть только в говоре B; d — количество лексем, которые отсутствуют в говорах A и B.

Подобным образом устанавливается степень лексической близости говоров попарно. Числовые данные для a, b, c, d получаются из сводной таблицы, которая составляется по следующему принципу:

Лексема	Семема	Населенные пункты		
		A	B	C
X	α	+	+	—
Y	β	—	+	—

Следует отметить, что в эту сводную таблицу включались не все лексемы, зафиксированные в обследованных пунктах, а только те, которые обозначали реалии, отмеченные на территории всех говоров данной диалектной зоны. В качестве единицы счета принималась лексема, манифестирующая одну семему. На основании вычислений по первой формуле была составлена табл. 1.

Эти данные могут быть представлены на карте (рис. 1).

Вторая формула[3]:

$$P = \frac{k + 1}{n + 2},$$

где P — показатель степени лексической близости говоров A и B;
k — количество лексем, общих для говоров A и B;
n — количество реалем, общих для говоров A и B.

В сводную таблицу, из которой брались числовые данные для вычислений по второй формуле, в отличие от сводной таблицы для подсчетов по первой формуле, включались и лексемы, обозначающие реалии, отмеченные не во всех пунктах обследованной зоны, т. е. учитывалось соотношение лексики и реалий. Но если в первом случае в сводную таблицу включались и абсолютные синонимы, то вычисления по второй формуле предусматривали

---

[2] *Эта формула была использована Чекановским для определения генетической близости языков на материале фонетики и грамматики (J. C z e k a n o w s k i. Wstęp do historyi Słowian. Poznań, 1957, стр. 71).*

[3] *Эту формулу использовал Ю. Тарнацкий для определения степени близости говоров Западного Полесья на материале лексики (J. T a r n a c k i. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1937, стр. 36).*

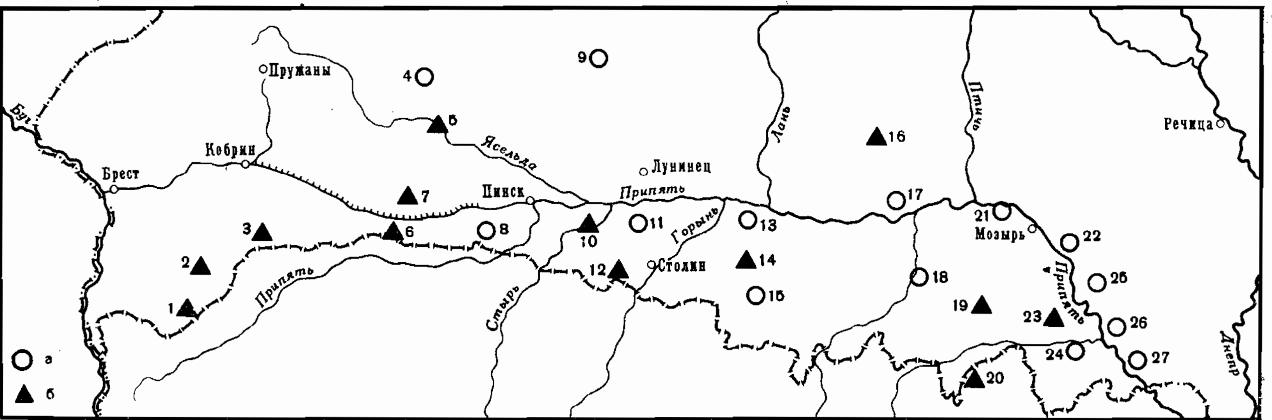

Рис. 1. Степень лексической близости говоров (по формуле Чекановского)

а — с 781 по 720; *б* — с 719 по 616; *1* — Орехово; *2* — Олтуш; *3* — Луково; *4* — Здитово; *5* — Спорово; *6* — Сварынь; *7* — Заречка; *8* — Одрижин; *9* — Велута; *10* — Лопатин; *11* — Боричевичи; *12* — Городная; *13* — Рубель; *14* — Ольманы (с 781 по 720); *15* — Велье; *16* — Пуховичи; *17* — Голубица; *18* — Злодин; *19* — Кочище; *20* — Зосинцы; *21* — Шестовичи; *22* — Бибики; *23* — Головчицы; *24* — Антонов; *25* — Конотоп; *26* — Дерновичи; *27* — Довляды

Населенные пункты	Боричевичи	Конотоп	Голубица	Велута	Шестовичи	Довляды	Велье	Дерновичи	Одрижин	Бибики	Здитово	Рубель	Антонов
Боричевичи		832	852	767	827	769	826	785	900	782	910	950	784
Конотоп	832		900	849	861	934	824	990	786	901	778	761	912
Голубица	852	900		815	895	830	786	802	831	896	839	781	866
Велута	767	849	815		803	840	869	854	762	822	695	871	765
Шестовичи	827	861	895	803		805	787	772	805	852	792	717	820
Довляды	769	934	830	840	805		783	991	773	883	705	702	904
Велье	826	824	786	869	787	783		773	818	749	851	909	716
Дерновичи	785	990	802	854	772	991	773		746	848	740	693	880
Одрижин	900	786	831	762	805	773	818	746		738	883	811	695
Бибики	782	901	896	822	852	883	749	848	738		756	681	711
Здитово	910	778	839	695	792	705	851	740	883	756		791	695
Рубель	950	761	781	871	717	702	909	693	811	681	791		651
Антонов	784	912	866	765	820	904	716	880	695	711	695	651	
Злодин	752	886	881	816	866	877	746	834	727	941	625	648	935
Городная	811	810	750	867	752	737	852	806	764	759	817	868	716
Ольманы	856	741	702	927	766	680	905	692	799	710	716	901	651
Лопатин	822	807	778	897	815	766	866	815	754	753	719	837	752
Заречка	910	756	852	642	779	719	848	710	863	716	919	788	706
Орехово	791	668	711	718	746	726	817	667	785	683	801	718	626
Пуховичи	795	809	877	778	819	792	736	758	832	880	717	691	840
Кочище	764	843	865	833	833	847	650	848	689	858	581	655	859
Сварынь	816	650	725	787	749	628	782	582	828	637	847	780	657
Головчицы	736	857	796	730	831	872	602	857	677	843	640	636	840
Зосинцы	754	741	795	782	809	780	655	790	751	797	701	682	796
Луково	792	601	590	708	681	590	518	660	726	623	752	708	635
Спорово	817	721	724	731	642	651	826	618	776	666	928	751	586
Олтуш	761	637	600	687	591	627	717	595	613	598	650	712	628

соотношение «реалема — лексема», как 1 : 1, т. е. если было несколько лексем, выражающих одну семему, то бралась только одна лексема, и при этом та, которая была тождественна русской литературной лексеме, исключалась.

В результате подсчетов по второй формуле была составлена табл. 2.

Эти данные могут быть представлены на карте (рис. 2).

Средний показатель степени лексической близости каждого говора ко всем остальным — среднее арифметическое показателей степени лексической близости одного говора к остальным.

На основании подсчетов по первым двум формулам была установлена степень близости говоров друг к другу внутри изучаемой диалектной зоны. Говоры с наибольшим средним показате-

Таблица 1

Злодин	Городная	Ольманы	Лопатин	Заречка	Орехово	Пуховичи	Кочище	Сварынь	Головчицы	Зосинцы	Луково	Спорово	Олтуш	Средний показатель степени лексической близости говоров
752	811	856	822	910	791	795	764	816	736	754	792	817	761	781
886	810	741	807	756	668	809	843	650	857	741	601	721	637	773
881	750	702	778	852	711	877	865	725	796	795	590	724	600	766
816	867	927	897	642	718	778	833	787	730	782	708	731	687	763
866	752	766	815	779	746	819	833	749	831	809	681	642	591	756
877	737	680	766	719	726	792	847	628	872	780	590	651	627	749
746	852	905	866	848	817	736	650	782	602	655	518	826	717	749
834	806	692	815	710	667	758	848	582	857	790	660	618	595	745
727	764	799	754	863	785	832	689	828	677	751	726	776	613	742
941	759	710	753	716	683	880	858	637	843	797	623	666	598	740
625	817	716	719	919	801	717	581	847	640	701	752	928	650	735
648	868	901	837	788	718	691	655	780	636	632	708	751	712	729
935	716	651	752	706	626	840	859	657	840	796	635	586	628	727
	645	708	706	692	672	785	857	631	827	778	635	538	580	726
645		831	803	809	660	755	601	742	602	651	681	738	619	721
708	831		893	763	752	631	720	802	655	772	688	626	583	721
706	803	893		671	712	681	735	659	694	721	605	635	531	720
692	809	763	671		775	699	570	876	656	661	787	723	682	719
672	660	752	712	775		640	638	836	696	721	905	667	926	706
785	755	631	681	699	640		765	611	771	698	595	652	474	704
857	601	720	735	570	638	765		566	502	828	566	421	566	698
631	742	802	659	876	836	611	566		556	546	862	750	782	692
827	602	655	694	656	696	771	502	556		827	500	448	495	686
778	651	772	721	661	721	698	828	546	827		496	471	506	685
635	681	688	605	787	905	595	566	862	500	496		681	894	647
538	738	626	635	723	667	652	421	750	448	471	681		621	643
580	619	583	531	682	926	474	566	782	495	506	894	621		616

лем степени лексической близости в данном случае находятся на востоке Припятского Полесья (по Припяти от Петрикова до пересечения Припятью границы БССР с УССР). Это значит, что лексика этих говоров является наиболее общей по отношению ко всем остальным изучаемым говорам. На западе Припятского Полесья находим говоры с наименьшим показателем степени лексической близости, т. е. говоры, лексика которых является более специфической по отношению к лексике остальных изучаемых говоров.

При наличии определенных изменений в системе названий важно знать, как осуществилось перераспределение семем внутри семантического поля [4]. Для этого оно разбивается на пары

[4] *См. Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 36.*

Населенные пункты	Голубица	Дерновичи	Конотоп	Боричевичи	Довляды	Пуховичи	Бибики	Злодин	Антонов	Спорово	Здитово	Кочище	Шестовичи
Голубица		731	724	691	731	815	747	727	700	685	645	761	786
Дерновичи	731		920	675	899	731	761	809	800	637	647	743	621
Конотоп	724	920		687	852	713	761	798	802	628	644	765	659
Боричевичи	691	675	687		608	642	654	642	625	725	741	641	696
Довляды	731	899	852	608		700	753	780	773	618	644	742	678
Пуховичи	815	731	713	642	700		591	674	714	670	663	684	685
Бибики	747	761	761	654	753	591		785	833	652	652	755	666
Злодин	727	809	798	642	780	674	785		826	641	596	783	685
Антонов	700	800	802	625	773	714	833	826		604	598	764	678
Спорово	685	637	628	725	618	670	652	641	604		822	655	667
Здитово	645	647	644	741	644	663	652	596	598	822		615	640
Кочище	761	743	765	641	742	684	755	783	764	655	615		704
Шестовичи	786	621	659	696	678	685	666	685	678	667	640	704	
Лопатин	698	631	631	815	614	674	640	613	494	696	685	568	652
Зосинцы	753	733	712	654	674	685	700	720	708	563	581	725	708
Одрижин	641	576	511	711	560	618	580	542	543	745	723	571	655
Головчицы	696	744	730	580	744	666	728	734	798	511	591	728	648
Велье	655	687	700	560	670	685	652	656	629	609	622	625	652
Заречка	624	555	563	695	559	619	574	552	570	691	705	553	579
Городная	607	631	619	642	621	645	595	560	562	644	626	568	582
Сварынь	584	552	559	663	540	581	544	565	557	641	638	545	555
Велута	648	614	631	662	580	659	636	576	590	655	633	552	629
Рубель	625	666	614	629	619	587	568	591	584	580	637	580	618
Ольманы	616	578	561	617	570	622	563	544	558	555	577	529	545
Луково	595	562	600	654	549	563	558	552	506	682	552	524	585
Орехово	531	500	513	658	519	518	506	488	507	622	646	525	580
Олтуш	459	470	470	577	458	442	482	460	506	553	557	476	506

семем, в пределах которых происходит перегруппировка лексем.

Теоретически возможны три основных типа семантической перестройки:

а) перестановка

$$\begin{matrix} X - \alpha & \overrightarrow{\ } & Y - \alpha \\ Y - \beta & & X - \beta, \end{matrix}$$

где X, Y — лексемы, α, β — семемы;

б) генерализация:

$$\begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix} \quad X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \quad \text{или} \quad Y < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$$

Таблица 2

Лопатин	Зосинцы	Одрижин	Головчицы	Велье	Заречка	Городная	Сварынь	Велута	Рубель	Ольманы	Луково	Орехово	Олтуш	Средний показатель степени лексической близости говоров
698	753	641	696	655	624	607	584	648	625	616	595	531	459	647
631	733	576	744	687	555	631	552	614	666	578	562	500	470	647
631	712	511	730	700	563	619	559	631	614	561	600	513	470	643
815	654	711	580	560	695	642	663	662	629	617	654	658	577	633
614	674	560	744	670	559	621	540	580	619	570	549	519	458	632
674	685	618	666	685	619	645	581	659	587	622	563	518	442	627
640	700	580	728	652	574	595	544	636	568	563	558	506	482	627
613	720	542	734	656	552	560	565	576	591	544	552	488	460	626
494	708	543	798	629	570	562	557	590	584	558	506	507	506	623
696	563	745	511	609	691	644	641	655	580	555	682	622	553	619
685	581	723	591	622	705	626	638	633	637	577	552	646	557	618
568	725	571	728	625	553	568	545	552	580	529	524	525	476	618
652	708	655	648	652	579	582	555	629	618	545	585	580	506	617
	620	702	618	596	645	677	609	677	645	653	605	585	512	613
620		613	751	633	558	589	522	562	600	555	523	500	467	608
702	613		602	628	747	656	717	634	577	630	686	619	540	605
618	751	602		595	542	533	527	562	550	568	494	440	425	596
596	633	628	595		602	634	571	581	660	674	518	488	480	595
645	558	747	542	602		623	723	620	559	620	654	658	577	591
677	589	656	533	634	623		577	624	630	700	536	524	506	582
609	522	717	527	571	723	577		577	543	630	774	667	655	578
677	562	634	562	581	620	624	577		570	589	548	459	488	576
645	600	577	550	660	559	630	543	570		674	500	494	447	568
653	555	630	568	674	620	700	630	589	674		536	494	459	563
605	523	686	494	518	654	536	774	548	500	536		712	666	563
585	500	619	440	488	658	524	667	459	494	494	712		777	535
512	467	540	425	480	577	506	655	488	447	459	666	777		496

в) внешняя замена:

$$\begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix} \quad \begin{matrix} X - \alpha \\ Z - \beta \end{matrix} \quad \text{или} \quad \begin{matrix} Z - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix},$$

где Z — лексема, перешедшая из другой пары семем [5].

Остальные типы представляют собой различные комбинации трех основных.

За исходные типы пар семем избираются наиболее частые:

$$\begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix} \text{ и } X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$$

[5] *Ср. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 79*

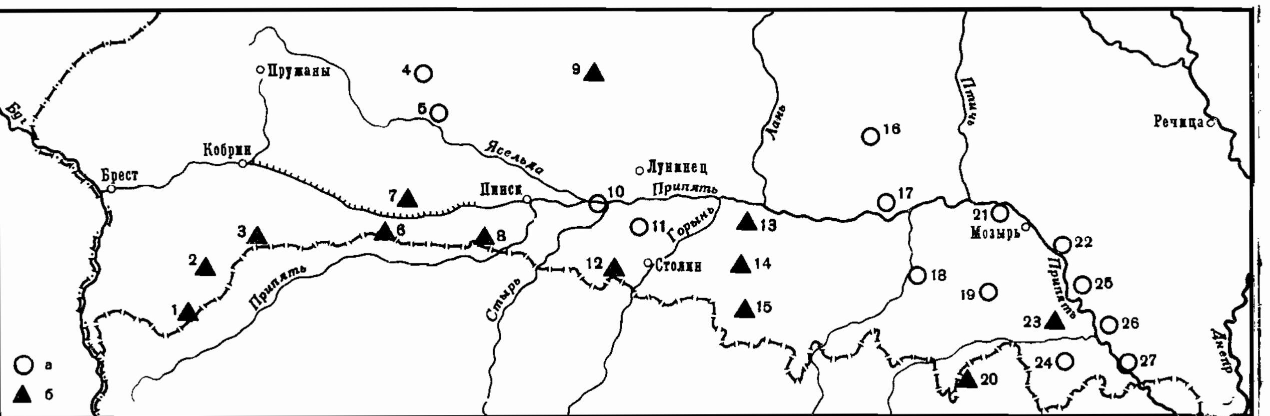

Рис. 2. Степень лексической близости говоров (по формуле Тарнацкого)

а — с 647 по 613; *б* — с 612 по 496; список пунктов тот же, что на рис. 1

Семемные пары, в которых одной семеме соответствуют две и более лексемы, и пары с однокоренными лексемами не брались за исходные, так как на основании эмпирических данных они не являются частыми. Исходная семемная пара различным образом изменяется в говорах. Эти изменения могут быть выражены как определенная операция или сочетание операций. Возможные виды операций приведены в табл. 3.

Таблица 3

№ п/п	Виды операций	Примеры операций		Веса операций *
1	Прибытие ** одной однокоренной лексемы	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$XX_1-\alpha$ $Y-\beta$	2
2	Прибытие одной лексемы другого корня	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$XZ-\alpha$ $Y-\beta$	3
3	Прибытие двух однокоренных лексем	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$XX_1-\alpha$ $YY_1-\beta$	4
4	Прибытие двух лексем другого корня	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$XZ-\alpha$ $YV-\beta$	5
5	Частичная перестановка . . .	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$X-\alpha$ $XY-\beta$	6
6	Полная перестановка	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$Y-\alpha$ $X-\beta$	7
7	Выбытие одной лексемы . . .	$X-\alpha$ $Y-\beta$	$X<^{\alpha}_{\beta}$	8
8	Выбытие двух лексем	Данная операция возможна лишь в сочетании с другими операциями		9

* Веса приписываются соответственно сложности операций. Сочетание операций оценивается как сумма весов простых операций. Отсутствию перестройки семантической семемной пары для данного говора приписывается вес 1.

** Понятия «прибытие» и «выбытие» имеют относительный характер.

Число теоретически возможных сочетаний операций равняется 255. Но не все возможные сочетания операций осуществимы в данном случае. Это происходит в силу того, что, например, такие операции, как полная перестановка и выбытие одной лексемы, не могут сочетаться, а выбытие двух лексем реализуется только в сочетании с другими операциями. Поэтому число лингвистически осуществимых сочетаний операций для данного материала значи-

Таблица 4

КОЗЫРО́К $<$ α 'мужской летний головной убор с козырьком' β 'козырек фуражки'

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Одрижин	козыро́к	лопа́тка	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop Y-\beta}$	9
Орехово	"	копэто́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop Y-\beta}$	9
Боричевичи	"	ко́зыр	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop X_1-\beta}$	8
Заречка	"	козырни́ц'а	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop X_1-\beta}$	8
Луково	"	пазу́р	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop Y-\beta}$	9
Олтуш	"	козыро́к копыто́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop XY-\beta}$	3
Сварынь	кузэро́к кузэ́рка	рамущо́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop Y-\beta}$	9
Шестовичи	козыро́к	козыро́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Здитово	" козы́рка	пиро́	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop Y-\beta}$	9
Спорово	козыро́к	козырно́	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X-\alpha \atop X_1-\beta}$	8
Бибики	казыркóўка	казыро́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X_1-\alpha \atop X-\beta}$	8
Антонов	козырко́ваjа ша́пка	козыро́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {Y-\alpha \atop X-\beta}$	9
Злодин	козыро́к	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Голубица	"	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Пуховичи	козыркóўка	ко́зыр	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {X_1-\alpha \atop X_2-\beta}$	12
Зосинцы	козыро́к	козыро́к	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Кочище	фура́жка	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {Y-\alpha \atop X-\beta}$	9
Головчицы	"	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow {Y-\alpha \atop X-\beta}$	9
Дерновичи	козыро́к	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Довляды	"	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1
Конотоп	"	"	$X<^{\alpha}_{\beta}\rightarrow X<^{\alpha}_{\beta}$	1

Окончание таблицы 4

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Лопатин	"	"	$X < {\alpha \atop \beta} \to X < {\alpha \atop \beta}$	1
Городная	козе́рок	козе́рок	$X < {\alpha \atop \beta} \to X < {\alpha \atop \beta}$	1
Велута	козыркóва ша́пка	козырóк	$X < {\alpha \atop \beta} \to {Y - \alpha \atop X - \beta}$	9
Рубель	казырóк	казырóк	$X < {\alpha \atop \beta} \to X < {\alpha \atop \beta}$	1
Ольманы	козы́рка	"	$X < {\alpha \atop \beta} \to {X_1 - \alpha \atop X - \beta}$	8
Велье	"	козы́рык	$X < {\alpha \atop \beta} \to {X_1 - \alpha \atop X - \beta}$	8

тельно меньше числа возможных сочетаний операций в математическом смысле. Оно равно 49.

Степень лексической близости говоров исследуемой диалектной зоны к смежным зонам была установлена по третьей формуле[6].

$$\delta = \left(\sum_{i=1}^{n} \sqrt{p_i q_i} \right)^2,$$

где δ — показатель степени лексической близости говоров A и B; p — веса семантических перестроек для пункта A; q — веса семантических перестроек для пункта B.

Для сравнения было взято 18 пар семем, которые по-разному преобразовывались в говорах:

1) козырóк $X < {\alpha \atop \beta}$ α ‘мужской летний головной убор с козырьком’
β ‘козырек фуражки’

2) одэ́жа X — α ‘общее название одежды’
пла́це Y — β ‘белье’

3) с’ви́тка X — α ‘длинная верхняя одежда из домотканого сукна’
ку́ртка Y — β ‘короткая верхняя одежда из домотканого сукна’

4) кожу́х X — α ‘длинная одежда из овчины’
поўшу́бок Y — β ‘короткая одежда из овчины’

5) ку́ртка X — α ‘верхняя короткая суконная одежда, род пиджака, из домотканого сукна’
андара́к Y — β ‘юбка из домотканого сукна’

[6] *Ю. И. Левин. Система лингвистических объектов, обладающих общими свойствами. «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 115.*

Таблица 5

ОДЭ́ЖА X — α 'общее название одежды' ПЛАЦЕ Y — β 'белье'

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Одрижин	одэ́жа	одэ́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Орехово	ода́жа	ода́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Боричевичи	одэ́жа	пла́це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Заречка	"	одэ́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Луково	"	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Олтуш	пла́ц'ц'а	пла́ц'ц'а	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to Y<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Сварынь	одэ́жа	одэ́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Шестовичи	одзе́жа	пла́ц'е	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Здитово	одэ́жа	одэ́жа пла́ц'а	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\XY-\beta\end{matrix}$	6
Спорово	"	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\XY-\beta\end{matrix}$	1
Бибики	адз'о́жа	пла́це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Антонов	одзе́жа пла́це	" ла́ток	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}XY-\alpha\\YZ-\beta\end{matrix}$	9
Злодин	одз'о́жа	пла́ц'це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Голубица	одзе́жа	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Пуховичи	"	пла́це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Зосинцы	" пла́це	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}XY-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	6
Кочище	"	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}XY-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	6
Головчицы	одзе́жа пла́це	одз'е́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}XY-\alpha\\X-\beta\end{matrix}$	6
Дерновичи	оде́жа	пла́ц'ц'а	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Довляды	"	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Конотоп	"	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix} \to \begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Лопатин	оде́жа	пла̀ц'це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Городная	од'о́жа	пла́ц'це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Велута	одзе́жа	"	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Рубель	одзе́жа	пла̂це	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}$	1
Ольманы	одз'о́жа	одз'о́жа	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$	8
Велье	одзе́жа	бел'о́	$\begin{matrix}X-\alpha\\Y-\beta\end{matrix}\rightarrow\begin{matrix}X-\alpha\\Z-\beta\end{matrix}$	11

6) сподни́ца $X-\alpha$ ‘несуконная юбка’
хварту́х $Y-\beta$ ‘фартук’
7) нога́вицы $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘нижние мужские штаны’
‘верхние мужские штаны’
8) коўни́р $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘воротник’
‘пояс юбки’
9) коўни́р $X-\alpha$ ‘воротник’
појасни́ца $Y-\beta$ ‘пояс фартука’
10) коўнир $X-\alpha$ ‘воротник’
појасни́ца $Y-\beta$ ‘пояс штанов’
11) коўнир $X-\alpha$ ‘пояс юбки’
појасни́ца $Y-\beta$ ‘пояс штанов’
12) коўни́р $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘пояс юбки’
‘пояс фартука’
13) појасни́ца $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘пояс фартука’
‘пояс штанов’
14) клин $X-\alpha$ ‘клин в пройме рукава’
крэ́сла $Y-\beta$ ‘клин в штанах’
15) ро́спорка $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘разрез у пояса штанов’
‘разрез у пояса юбки’
16) учку́р $X-\alpha$ ‘завязки у штанов’
поўро̀зы $Y-\beta$ ‘завязки у юбки’
17) учку́р $X-\alpha$ ‘завязки у штанов’
поўро́зы $Y-\beta$ ‘завязки у фартука’
18) поуро́зы $X<\begin{matrix}\alpha\\\beta\end{matrix}$ ‘завязки у юбки’
‘завязки у фартука’

Для этих 18 пар семем были вычислены веса семантических перестроек (см., например, таблицы 4, 5).

Таблица 6

№ таблиц семемных пар	Населенный пункт																										
	Одрижин	Орхеново	Боричевичи	Заречка	Луково	Олтуш	Сварынь	Шестовичи	Здитово	Спорово	Бибики	Антонов	Злодин	Голубица	Пуховичи	Зосинцы	Кочищи	Головчицы	Лопатин	Городная	Велута	Рубель	Ольманы	Велье	Дерновичи	Довляды	Конотоп
1	9	9	8	8	9	3	9	1	9	8	8	9	1	1	12	1	9	9	1	1	9	1	8	8	1	1	1
2	8	8	1	8	8	8	8	1	6	1	1	9	1	1	1	6	6	6	1	1	1	1	8	11	1	1	1
3	1	14	1	1	14	14	11	11	11	11	1	13	1	1	1	11	13	5	1	11	11	11	1	11	1	1	1
4	1	8	8	1	8	8	1	11	1	1	1	6	1	1	1	10	1	2	1	1	1	11	1	1	10	10	10
5	11	14	11	3	11	14	11	1	11	11	1	14	3	11	11	11	17	17	11	14	11	14	11	14	1	1	1
6	1	8	1	11	11	11	11	11	1	11	1	1	13	13	11	11	1	11	1	1	1	1	1	11	1	1	1
7	1	9	1	1	1	1	1	11	1	1	13	13	13	11	11	11	13	13	1	9	1	11	11	11	11	11	13
8	9	1	9	9	1	1	1	9	5	9	3	3	3	11	9	1	1	3	9	1	9	8	1	1	1	1	1
9	3	8	1	11	8	8	8	1	3	11	16	16	16	3	8	1	1	1	1	8	11	1	8	8	1	1	1
10	9	8	1	11	8	10	8	1	5	1	1	1	1	3	8	1	2	1	13	8	11	1	8	8	1	1	1
11	13	1	11	11	1	1	1	13	13	13	3	3	3	13	9	9	9	3	9	1	19	19	1	1	9	9	9
12	9	8	8	12	8	10	8	11	17	8	2	2	2	17	7	1	2	6	12	8	10	10	10	10	1	1	1
13	5	11	1	11	11	13	11	1	3	9	11	11	11	3	11	1	2	1	11	11	11	1	11	11	1	1	1
14	14	14	12	14	18	14	14	11	14	14	1	3	13	1	11	11	11	1	14	14	10	11	11	11	14	12	14
15	3	11	1	1	9	11	1	11	13	11	13	13	13	11	11	1	13	9	1	11	9	11	1	13	9	13	13
16	12	12	14	13	14	11	14	8	—	—	1	—	1	—	—	12	8	8	14	14	14	14	11	10	1	1	1
17	12	12	14	13	14	11	14	8	—	—	1	—	1	—	14	12	1	8	13	13	12	12	11	10	1	1	1
18	11	11	11	3	11	11	11	1	—	—	1	1	1	—	—	11	9	1	11	11	11	13	11	10	1	1	1

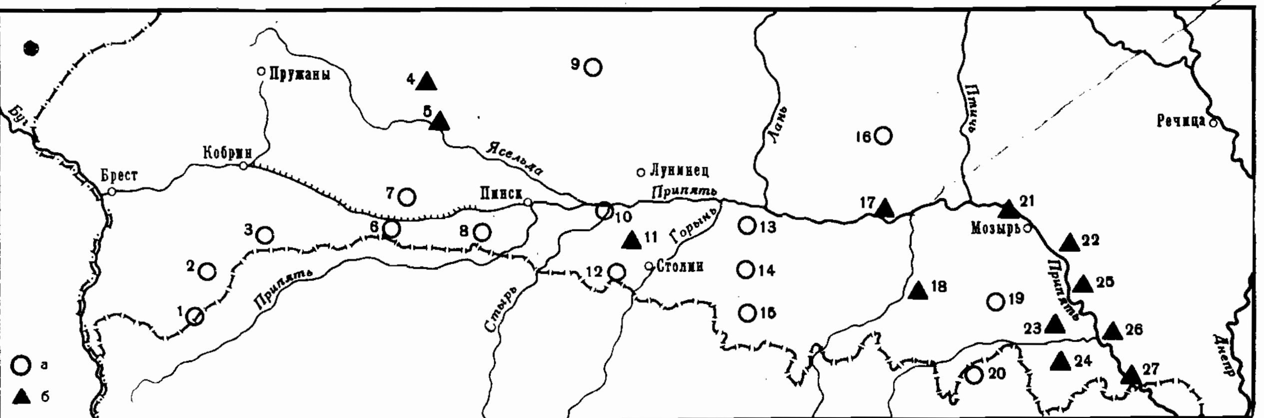

Рис. 3. Степень лексической близости говоров (по формуле Левина)

а — с 154 по 102; *б* — с 101 по 52; список пунктов тот же, что на рис. 1

Населенный пункт	Орехово	Луково	Велье	Велута	Олтуш	Рубель	Городная	Сварынь	Заречка	Одрижин	Ольманы	Пуховичи	Зосинцы
Орехово . . .		266	246	234	252	199	216	216	177	177	193	161	164
Луково . . .	266		266	222	256	180	231	225	188	177	177	151	159
Велье	246	266		210	243	180	202	246	174	169	228	166	154
Велута	234	222	210		210	199	190	188	196	193	188	156	137
Олтуш	252	256	243	210		180	202	207	177	164	164	144	146
Рубель	199	180	180	199	180		161	139	137	159	188	125	159
Городная . . .	216	231	202	190	202	161		159	161	142	156	130	130
Сварынь . . .	216	225	246	188	207	139	159		169	156	159	123	132
Заречка . . .	177	188	174	196	177	137	161	169		169	144	144	110
Одрижин . . .	177	177	169	193	164	159	142	156	169		151	125	112
Ольманы . . .	193	177	228	188	164	188	156	159	144	151		119	103
Пуховичи	161	151	166	156	144	125	130	123	144	125	119		90
Зосинцы . . .	164	159	154	137	146	159	130	132	110	112	108	90	
Кочище . . .	164	151	161	154	135	149	135	123	102	119	110	102	110
Лопатин . . .	156	149	151	177	156	146	139	117	151	151	130	112	104
Шестовичи	146	139	137	135	132	164	112	104	117	90	83	114	112
Боричевичи	137	139	123	149	125	149	110	110	121	123	108	90	123
Спорово . . .	125	125	128	135	123	66	94	100	110	94	72	125	69
Антонов . . .	144	123	139	108	121	102	102	94	83	79	92	108	76
Головчицы	144	132	123	114	123	123	102	110	98	96	92	102	96
Здитово . . .	121	114	121	128	112	104	90	92	98	100	77	104	62
Злодин	117	112	119	100	108	83	94	88	94	69	97	108	66
Голубица . . .	90	77	94	92	81	88	69	61	83	69	58	104	53
Бибики . . .	90	77	86	81	74	62	71	64	71	55	67	81	40
Конотоп . . .	79	69	71	71	64	83	59	48	53	61	49	64	61
Довляды . . .	76	67	67	67	64	79	56	48	52	61	46	61	58
Дерновичи	74	66	66	66	48	77	55	48	52	59	46	59	58

На основании таблиц семемных пар была составлена сводная табл. 6, из которой брались числовые данные для *p* и *q*.

Результаты подсчетов по формуле Ю. И. Левина представлены в табл. 7.

Эти данные представлены также на карте (рис. 3).

Подсчеты по формуле Левина показывают, что зона с наибольшим средним показателем степени лексической близости говоров располагается в западной части Припятского Полесья (между пунктами Орехово — Одрижин). В данном случае средний пока-

Таблица 7

Кочище	Лопатин	Шестовичи	Боричевичи	Спорово	Антонов	Головчицы	Здитово	Злодин	Голубица	Бибики	Конотоп	Довляды	Дерновичи	Средний показатель степени лексической близости говоров
164	156	146	137	125	144	144	121	117	90	90	79	76	74	154
151	149	139	139	125	123	132	114	112	77	77	69	67	66	150
161	151	137	123	128	139	123	121	119	94	86	71	67	66	150
154	177	135	149	135	108	114	128	100	92	81	71	67	66	144
135	156	132	125	123	121	123	112	108	81	74	64	64	48	142
149	146	164	149	66	102	123	104	83	88	62	83	79	77	127
135	139	112	110	94	102	102	90	94	69	71	59	56	55	125
123	117	104	110	100	94	110	92	88	61	64	48	48	48	122
102	151	117	121	110	83	98	98	94	83	71	53	52	52	120
119	151	90	123	94	79	96	100	69	69	55	61	61	59	116
110	130	83	108	72	92	92	77	97	58	67	49	46	46	113
102	112	114	90	125	108	102	104	108	104	81	64	61	59	110
110	104	112	123	69	76	96	62	66	53	40	61	58	58	103
	100	96	92	88	102	88	96	72	66	56	64	61	59	102
100		94	121	76	59	76	77	64	55	45	48	45	45	102
96	94		94	92	79	92	85	81	83	53	76	72	71	98
92	121	94		67	58	79	69	53	52	38	45	45	45	91
88	76	92	67		104	88	114	90	94	62	50	50	49	89
102	59	79	58	104		85	94	86	76	79	52	50	48	87
88	76	92	79	88	85		76	66	72	49	45	42	41	87
96	77	85	69	114	94	76		66	72	48	50	48	46	84
72	64	81	53	90	86	66	66		71	69	49	48	46	78
66	55	83	52	94	76	72	72	71		66	44	41	40	69
56	45	53	38	62	79	49	48	69	66		34	32	31	59
64	48	76	45	50	52	45	50	49	44	34		49	48	55
61	45	72	45	50	50	42	48	48	41	32	49		45	53
59	45	71	45	49	48	41	46	46	40	31	48	45		52

затель степени лексической близости определялся по количеству и сложности перестроек семемных пар. Эмпирические наблюдения показывают, что эти перестройки возникают под влиянием внешних контактов. Таким образом, полученные данные могут быть интерпретированы как результат наибольшей близости говоров Западного Полесья к говорам неполесских смежных территорий.

Л. Т. Выгонная

К СИСТЕМНОМУ ОПИСАНИЮ ПОЛЕССКИХ НАЗВАНИЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ

Настоящая статья ставит своей задачей показать возможности системной интерпретации полесской земледельческой лексики, собранной нами во время Полесской лингвистической экспедиции 1963—1965 гг. [1]

Земледельческая терминология (и ее часть — наименования земельных угодий) организована в виде не строго замкнутой микросистемы, связанной с микросистемами географического ландшафта, сельскохозяйственных культур и т. п. При этом микросистема названий земельных угодий, находясь в зависимости от системы организации внешнего мира (от географических, экономических и социальных факторов), обладает некоторой автономностью, т. е. чисто внутрилингвистическими особенностями своей структуры.

Этот факт выдвигает ряд дополнительных требований к методике сбора и описания материала. Наиболее ответственным моментом работы является корректный, построенный на едином основании семантический анализ. Точная регистрация значений требует в каждом конкретном случае установления места слова в лексической системе (микрополе) говора. Поэтому и при полевой работе, и при обработке материала в виде словарных статей или иных лексикологических штудий требуется не только толкование или перевод слова, но и выяснение тех отношений, в которые вступает данное слово с другими словами, служащими для номинации элементов внешнего мира (реалем и гносем).

При таком подходе к материалу необходимо использовать ряд положений и приемов анализа, выработанных в целях типологического рассмотрения славянского словарного состава и требующих выделения и сравнения ряда семантических микрополей [2].

---

[1] *См. Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968.*

[2] *Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. ВЯ, 1963, № 1; В. В. Мартынов. Проблемы славянского этногенеза и*

При описании семантических изменений или сдвигов, широко наблюдаемых и в исследуемых нами полесских говорах, целесообразно использование таких терминов-понятий, как лексема (звуковая оболочка слова) и семема (значение слова, его содержание).

Теория микрополей позволяет по-новому взглянуть на сложные лексико-семантические процессы и описывать их в ряде случаев в терминах семантических дифференциальных признаков и их иерархических отношений, устанавливая лингвистическую сегментацию ограниченного семантического пространства (микрополя) и корреляцию лексем в пределах сегментов (микросетки).

Обращаясь к названиям-терминам земельных угодий, зафиксированным в полесских диалектах, мы можем установить, что они различаются на основании ряда семантических дифференциальных признаков, располагающихся в определенном иерархическом порядке: 1) ‘обрабатываемость’; 2) временной признак — ‘постоянно обрабатываемый’ (‘необрабатываемый’); 3) признак величины (’небольшой’ — ‘большой’); 4) признак географического положения (‘лесной’ — ‘нелесной’).

Первый признак — ‘обрабатываемость’ — является в данной группе предельно обобщающим. Выделение других видов земельных угодий производится на основе более частных семантических дифференциальных признаков ‘обрабатываемости’ (‘необрабатываемости’).

Как правило, обработанные участки называются *полем*. Например: «Поора́ли грутка́, дрэ́нину вы́робиў на по́ле» (Лк.) [3]. То есть, прежде чем стать *полем*, земля должна быть обработана. Или: «Би́ў за́пуст, запусти́ли по́ле, до́вго нэ го́рэцца» (Лх.). То есть, с прекращением обработки *поле* перестает быть *полем*, а превращается в *полеток*, *запуст*, *злог* и т. д.

Лексемой, выражающей семему ‘необработанный участок вообще’, является лексема *гора*.

Географический термин *гора*, вовлекаясь в систему наименований земельных угодий, часто утрачивает свое основное значение — ‘высокое место’ — и обозначает ‘непригодные для обработки участки’, ‘редко обрабатываемые участки’. Притом такой участок не используется не из-за возвышенного характера местности, а из-за бедности почвы или по ряду других причин. Например: Гора́ дэ́ выгора́је (Рх.) [4]. Более того, согласно экономико-

---

методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4.

[3] *Список сокращений населенных пунктов: Вт.— Велута, Вл.— Велье, Гр.— Городная, Дк.— Дяковичи, Кн.— Конотоп, Лп.— Лопатин, Лк.— Луково, Лх.— Ляховичи, Ол.— Олтуш, Ом.— Ольманы, Рб.— Рубель, Рх.— Рухча, Смн.— Симоновичи, Хр.— Хоромск.*

[4] *Сообщено В. Л. Вереничем. В дальнейшем примем сокращение Рх.*

географической характеристики Полесья, гряды и холмы[5] служат здесь основными площадями пахотной земли[6].

Подобная оценка рельефа сообщена также информаторами из дер. Олтуш. «Очэн' нúскаја мéснос'ц' не даје́ ржано́је, хлúбноје по́лэ. Жы́тницка се́јут на вы́шшых места́х, на аржано́м по́ли, дэ́ высо́ко, лу́бин и жы́та, л'о́н на срэ́дних пол'а́х, крэ́пко нúско не мо́жа бы́ц', по́ нúшшых мéснос'ц'ах сады́ты барбо́ли». В той же дер. Олтуш в разговоре о полях записано: «Јакэ́ та́м по́ле — одна́ гора́». В действительности по высоте в Олтуше *поле* ничем не отличается от *горы*. Единственным различительным признаком этих участков является 'обрабатываемость'. В других полесских пунктах такое представление о *горе* как 'необрабатываемой земле' выражено также достаточно четко. «Гора́ за то́, шш'о́ покúнулы се́јаты јего́» (Лп.). «На горы́ не ро́дзиц', у гúч идзе́, бо́ та́м нúско, вода́ стојúц'» (Дк.).

Показательно также, что *гора* часто используется для объяснения значения других наименований необрабатываемых участков, подобно тому, как *поле* для обрабатываемых. Например: «Пле́шја́к гора́: песо́к на јо́ј, не ро́дзиц', јак о́рут', то́ јего́ не чапл'а́јут'» (Вл.). «Полúток, то́ го́ры лежа́т', а чэрэ́с годы́ тры́ горэ́ изно́ў» (Гр.). «Пэшчуга́ — то го́ры такúје, вы́гоны» (Гр.). «Пы́джар — то́ плоха́ја земл'а́, гора́» (Рб.) и др.

Следовательно, по первому признаку земельные участки разделяются на *поля* и *горы* ('не поля'). Следующим семантическим дифференциальным признаком, разграничивающим термины земельных угодий, является длительность 'обрабатываемости' ('необрабатываемости'). Среди *полей* выделяются, с одной стороны, *старополица* 'давно обрабатываемый участок', с другой — *новина* 'впервые обрабатываемый участок', а среди необрабатываемых — *злог* 'некоторое время необрабатываемый участок'[7] и *паша* 'постоянно необрабатываемый участок'.

Затем актуальными становятся признаки величины и местонахождения участка (в Полесье, как правило, положение участка относительно леса).

Например, *новина*, если она расположена в лесу, называется *протеребом*, а если прибавлена к нелесному массиву — *выдранкой*, *придером* и т. д. *Старополица* небольшого размера в лесу именуется *нивой*, не в лесу — *резочкой*; а большого размера соответственно — *бором* и *ланом*.

---

[5] *Как географический термин в Полесье гора — холм или гряда.*

[6] *См. характеристику рельефа Полесья, данную Ю. Г. Саушкиным: «Песчаные формы рельефа занимают значительную часть Полесья. По большей части песчаные гряды и холмы покрыты лесами, но они же служат местами расселения жителей Полесья, на них находится почти вся пашня» (Ю. Г. Саушкин. Географические очерки. М., 1947, стр. 120).*

[7] *Другие наименования временно необрабатываемых участков см. Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая лексика. «Лексика Полесья». М., 1969.*

Систему терминов можно представить при помощи следующего дерева:

Фрагмент I

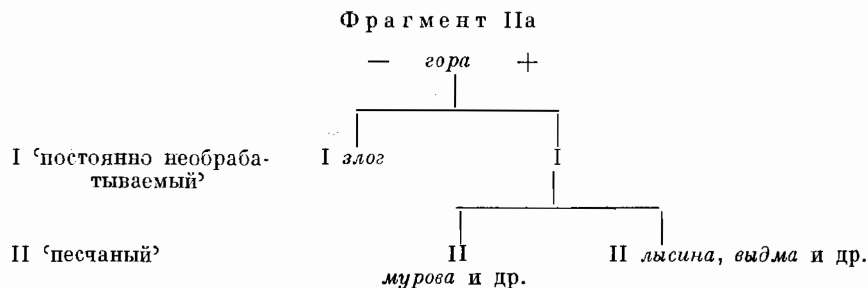
— земля +

I ‘обрабатываемый’ · II ‘постоянство состояния’ · III ‘небольшая величина’ · IV ‘лесное положение’

- I — *гора*
  - II — *злог* и др.
  - II + *паша* и др.
- I + *поле*
  - II — *новина*
    - IV — *придер* и др.
    - IV + *протереб* и др.
  - II + *старополица*
    - III —
      - IV — *рез*
      - IV + *нива* и др.
    - III +
      - IV — *лан*
      - IV + *бор* и др.

Кроме этой группы признаков для характеристики земельных участков существенны еще некоторые, менее связанные между собой группы признаков, соотносимые с отдельными звеньями дерева. Так для характеристики необрабатываемых земель релевантен признак качества участка (’песчаный ’ или ‘непесчаный ’).

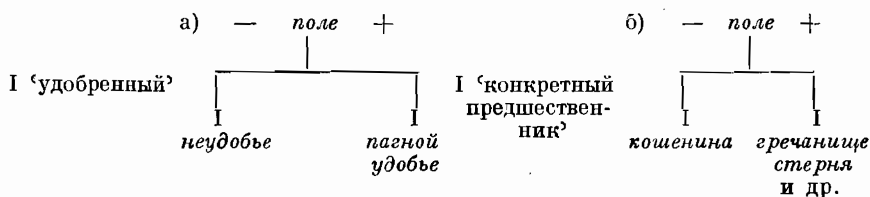
Фрагмент IIa

Для дифференциации обрабатываемых земель тоже используются признаки, связанные с качеством почвы, с помощью которых участки оцениваются в зависимости от а) удобренности, видов на урожай и б) культуры — предшественницы в севообороте.

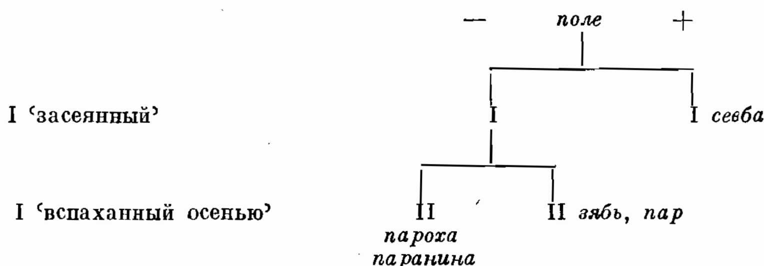
Соответствующий фрагмент дерева отражает эти два возможных варианта:

Фрагмент IIб

Обрабатываемые участки дифференцируются также в зависимости от конкретного вида их обработки.

Фрагмент III

Перечисленные группы признаков применимы лишь к части терминов — названий земельных угодий, так как существуют термины, связанные с различного рода социальной оценкой земель [8].

Реальные лексико-семантические различия между отдельными полесскими говорами (группами говоров) проявляются в 1) наборе лексем, 2) инвентаре семем и 3) дистрибуции лексем в ограниченном семантическом пространстве [9].

Одни лексемы, обозначающие земельные участки, известны на всей полесской территории: *загон* 'определенной величины вспаханный участок'; *зябь* 'участок, вспаханный осенью'; *полянка* 'небольшой лесной участок'; и т. д. Другие лексемы характерны только для восточного или только для западного (например, *злог* 'временно необрабатываемый участок', *выдма* 'песчаный участок') Полесья. Наконец некоторые лексемы зафиксированы только однажды: *запуст* 'временно необрабатываемый участок,

---

[8] *Во многих полесских пунктах еще помнят достаточно обширную терминологию, связанную с частным землевладением, с использованием примитивных сельскохозяйственных орудий. Например, среди названий, передающих меры в зависимости от полевых работ, — гони, загон, покос и др.; названия земель общего пользования — сервитут, частного пользования — грунт, морг, надел и др.*

[9] *См. Н. И. Толстой. Указ. соч.*

(Лх.), *здуховина* ‘постоянно необрабатываемый участок’ (Вт.) и др.[10]

На основе дифференциальных признаков, рассмотренных выше, различия в инвентаре семем и дистрибуции лексем можно представить в виде дерева, матрицы и сетки-модели. Для наглядности построим фрагмент сетки-модели, основанный на двух дифференциальных признаках: ‘величины’ и ‘положения’. Возможные сочетания признаков представлены в табл. 1.

Таблица 1

№ п/п	‘лесной’	‘небольшой’	
1	+	—	‘в лесу большого размера’
2	—	+	‘не в лесу небольшого размера’
3	—	—	‘не в лесу большого размера’
4	+	+	‘в лесу небольшого размера’
5	+	×	‘в лесу безотносительно к размеру’
6	×	+	‘небольшого размера безотносительно к положению’
7	—	×	‘не в лесу безотносительно к размеру’
8	×	—	‘большого размера безотносительно к положению’

Табл. 2 отражает лексико-семантические различия, существующие в девяти полесских пунктах.

Она же позволяет на едином основании проводить сравнение лексико-семантических особенностей отдельных говоров одновременно по ряду показателей.

1. По тому, какие лексемы используются для обозначения одних и тех же семем в говоре, по их количеству.

В нашем случае можно констатировать, что общий список лексем: *бор*, *нива*, *пасека*, *поле*, *полянка*, *резочка*. Максимальное число лексем, зафиксированных в одном пункте, пять (Кн.).

[10] *Западным Полесьем считается территория западнее границы Ясельда — Припять — Горынь.*

Таблица 2*

№ п/п	Рх.Хр.	Рб.	Лл.Ол	Вл.Ол.	См.	Кн.
1	—	—	—	бор	—	—
2	нива	нива	—	—	—	резочка
3	—	—	—	—	—	—
4	полянка	полянка	нива, полянка	нива, полянка	нива, полянка	полянка
5	—	—	—	—	бор	пасека
6	—	—	—	—	—	—
7	—	поле	—	поле	нива поле	нива
8	поле	—	поле	—	—	поле

* *Порядковый номер данной таблицы соответствует одному из сочетаний дифференциальных признаков, представленных в табл. 1. Минус означает, что «простая лексема» для данного участка сетки-модели не отмечена (см. Н. И. Толстой. Указ. соч., тр. 36). Например, в дер. Рубель 'большой земельный участок' называется вэ́ликэ по́ле (клетка 3,8), 'небольшой участок' безотносительно к положению — малэ́је по́ле (клетка 8), большой участок в лесу' — вели́ка лесна́ ни́ўка (клетка 1) и т.д.*

Как видно из таблицы, одинаковый набор лексем не всегда говорит о существовании тождественных отношений. Например, в деревнях Рубель и Олтуш при наличии одних и тех же лексем — *нива*, *поле*, *полянка* — наблюдается разный набор семем: в дер. Рубель — ‘не в лесу небольшого размера’, ‘не в лесу безотносительно к размеру’ (в таблице вторая и седьмая клетки) и ‘в лесу небольшого размера’; а в дер. Олтуш — ‘в лесу небольшого размера’, ‘большого размера безотносительно к положению’ (в таблице четвертая и восьмая клетки). Разный набор семем при одинаковом наборе лексем отмечен также в деревнях Велье и Симоновичи.

2. Сравнение можно проводить и по набору семем (см. количество и порядковые номера заполненных клеток).

В нашем случае набор семем колеблется от двух (Ол.) до пяти (Кн.). При этом одной семеме в одном и том же пункте соответствуют одна или две «простых лексемы». Например, ‘небольшой участок в лесу’ в дер. Конотоп — *полянка*, а в дер. Олтуш — *полянка* и *нива*.

Если в каком-то говоре наблюдается существование двух лексем, соответствующих одной семеме, то при этом система разли-

чительных признаков может усложняться путем редупликации уже использованного признака. Например, в дер. Велье *нива* и *полянка* ‘небольшие участки в лесу’, но *нива* — участок больший, чем *полянка*, т. е. снова используется признак величины для дальнейшей градации по размеру.

3. На основе таблицы можно также установить амплитуду колебания[11] отдельных лексем. Наиболее «устойчивыми» элементами в анализируемой группе терминов являются лексемы *полянка*, *пасека*, *резочка*. Все остальные лексемы оказываются более «подвижными». Например, *бор* ‘в лесу большого размера’ и ‘в лесу безотносительно к размеру’, *поле* ‘не в лесу безотносительно к размеру’ и ‘большого размера безотносительно к положению’. Наибольшей амплитудой колебания обладает лексема *нива* (в таблице во второй, четвертой, седьмой клетках).

Рассмотрение выбранной нами группы сельскохозяйственной лексики приводит к выводу, что ее специфичность следует искать в первую очередь не в наборе лексем, а их распределении (*поле*, *нива* и др.).

Поэтому важно выяснить ту систему семантических дифференциальных признаков, с помощью которых можно описать целую группу сельскохозяйственных терминов. Очевидно, что существенными признаками значения слова следует считать такие, которые лежат в основе противопоставления каждой отдельной лексемы другим лексемам, составляющим вместе с нею один предметно-синонимический класс.

Установление набора семантических дифференциальных признаков связано с определенными трудностями, однако позволяет осуществить описание материала на едином основании.

Полученный таким образом материал дает возможность проводить сопоставление с данными других диалектов с учетом тех сложных лексико-семантических отношений, которые существуют в каждом говоре (группе говоров).

---

[11] *Н. И. Толстой. Указ. соч., стр. 36.*

В. А. Московин

ИЗ ПОЛЕССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

(опыт типологического сравнения семантического поля цветообозначений в полесских говорах с говорами других славянских и контактирующих с ними языков)

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

В настоящей статье представлена попытка разрешения следующих задач:

1) разработать методику типологического сравнения семантических полей цветообозначений различных говоров;

2) провести на основе этой методики типологическое сравнение нескольких групп говоров;

3) определить некоторые закономерности семантического варьирования отдельных лексем на территории рассматриваемого лингвогеографического ареала;

4) изучить вопрос о проницаемости разных слоев исследуемой лексики при языковом контакте.

Эти задачи разрешаются в основном на материале белорусских и украинских говоров полесского и карпатского ареалов с привлечением по мере необходимости материала говоров других языков этих ареалов [1].

2. ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

При непосредственной записи фиксировался номер образца цвета и соответствующее ему название. В целях типологии семантического поля разных говоров удобно представить этот материал в форме таблицы (см. табл. 1). По вертикали и горизонтали размещаются семь цветовых компонентов: 1) красный, 2) желтый, 3) зеленый, 4) синий, 5) белый, 6) черный, 7) серый. Каждый из

---

[1] *Всего исследуется 36 различных типов семантических полей. Список говоров и часть собранного материала представлены в третьем и четвертом разделах статьи. Материал собран автором во время диалектологических экспедиций 1958—1964 гг.*

компонентов имеет три модификатора: a) светлый, b) средней светлоты, c) темный. Все названия говора размещаются внутри таблицы. Например, название фиолетового цвета попадет в квадрат с координатами: 4a, b, c, × 1b, название коричневого цвета — в квадрат 1a, b, c × 7b и т. д.

В таблице отмечаются лишь слова общей подсистемы. Слова специализированных подсистем указываются только в виде индекса, поскольку они терминологичны и типологически иррелевантны.

Если особых лексем, не совпадающих с лексемами общей подсистемы, в говоре более семи, система получает индекс ОР — очень разветвленная, если их более четырех — Р — разветвленная, менее четырех — НР — неразветвленная [2].

Помимо индекса разветвленности, указывающего на количество особых лексем в специализированных подсистемах, желательно отразить при типологической характеристике черту, обратную разветвленности — меру использования лексем общей подсистемы в специализированных подсистемах. Назовем эту черту шириной дистрибуции. Выделяются лексемы, лексическая дистрибуция которых от говора к говору варьирует в пределах выражения одного и того же цвета. Каждая из этих лексем характеризуется своей амплитудой колебания лексической дистрибуции. Место лексемы данного говора в сетке — максимальной амплитуде дистрибуций служит характеристикой ширины дистрибуции. Строятся три сетки амплитуд — для лексем *сивый*, *рудый*, *гнедой*. Для этого фиксируются все их дистрибуции в рассматриваемых говорах. Каждая из этих дистрибуций занимает одну из клеток сетки. Затем материал каждого говора в отдельности накладывается на сетку, и по конфигурации лексем на сетке мы судим о ширине дистрибуции лексемы. Если во всех трех сетках дистрибуция лексем широкая, т. е. одна и та же лексема занимает клетки и общей, и специализированной подсистемы, то семантическому полю данного говора приписывается индекс ШД — широкая дистрибуция; широкой дистрибуции в двух сетках соответствует индекс СД — средняя дистрибуция; в одной сетке или при отсутствии широкой дистрибуции во всех трех сетках — УД — узкая дистрибуция [3].

Материал специализированных подсистем — названия мастей животных, цвета лица и волос человека — не отражается в форме таблиц и сеток. Это в основном терминология, не имеющая первостепенного значения для типологической характеристики семантического поля. Малоинтересная в этом отношении, она, од-

---

[2] *Границы степеней разветвленности установлены эмпирическим путем, и потому они не вполне строги.*

[3] *Описанный выше метод разработан Н. И. Толстым в статье «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (ВЯ, 1963, № 1, стр. 29—45).*

Таблица 1

Образец заполненной таблицы типологии семантического поля цвета (переходный украинско-белорусский говор дер. Орехово Брестской обл.) *

			1 (красный)			2 (желтый)			3 (зеленый)			4 (синий)			5 (белый)			6 (черный)			7 (серый)		
			a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c
1 (красный)	a												☒										
	b	☒		☒									☒		☒	☒		☒				☒	
	c																						
2 (желтый)	a																						
	b	☒	☒																☒				
	c																						
3 (зеленый)	a																						
	b	☒																					
	c																						
4 (синий)	a	☒																					
	b	☒																					
	c																						
5 (белый)	a																						
	b	☒																					
	c																						
6 (черный)	a																						
	b	☒																					
	c																						
7 (серый)	a																						
	b	☒																					
	c																						

* 1 — чырвóный, 2 — жŏўтый, 3 — зыл'óный, 4а — н'ебéсный, 4b, с — сы́ний, 5 — би́лый, 6 — чóрный, 7 — сы́вый, 1b, с × 4b — лохачóвый, 1а × 4b — сыр'éн'евый; 1 × 7b — ры́жый, 1b × 6а — бурачкóвый, 1b × 5а огон'кóвый, 1b × 1b — вышн'óвый, 1а, b × 5b ружóвый, 2b × 1а — пама́ранчóвый, 2b × 6b цыглóвый.

нако, заставляет взглянуть на семантическое поле цвета с новой точки зрения — с точки зрения меры общности этой лексики в говорах географически близких и далеких. Она обращает внимание и на проблему проницаемости лексики при языковом контакте в свете взаимоотношения языка и культуры. Лексемы специализированных подсистем приводятся в виде списков.

3. ОПИСАНИЕ ОБЩИХ ПОДСИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РАССМАТРИВАЕМЫХ НАМИ ГОВОРАХ[4]

Украинско-белорусские говоры Полесья

I. Дер. Орехово Малоритского района Брестской обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зыл'óный, 4а н'ебéсный, 4b, с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b, с × 4b лохачóвый, 1а × 4b сыр'éн'евый, 1 × 7b ры́жый, 1b × 6а бурачкóвый, 1b× 5а огон'кóвый, 1b × 1b вышн'óвый, 1а,b × 5b ружóвый, 2b × 1b помаранчóвый, 2b × 6b цыглóвый.

II. Дер. Здитово Березовского района Брестской обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зыл'óный, 4а голубóвый, 4b, с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b сырéн'евый, 1 × 7b т'мáный, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b × 5b рóзовый, 1b × 1b вышн'óвый, 2b × 7b цыгл'áный, 2b × 5b килóвый.

III. Дер. Спорово Березовского района Брестской обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зыл'óный, 4а голубóвый, 4b, с сы́ний 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b сырéн'евый, 1а × 7b ры́жый, 1b,с× 7b т'мáный, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b× 5b рóзовый, 1b × 1b вышн'óвый, 2b × 6b цыглóвый.

IV. Дер. Симоновичи Дрогичинского района Брестской обл. Запись Ф. Д. Климчука. 1 чырвóный, 2 жóвтый, 3 зыл'óный, 4а голубы́й, 4b,с сы́ный, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b јагодóвый, 1 × 7b ры́жый, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b × 5b рóзовый, 1b × 1b вышн'óвый, 2b × 6b кырпи́чный, 4b × 4b волошкóвый 1b × 1с черн'áвый.

V. Дер. Борычевичи Пинского района Брестской обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зыл'óный, 4а н'ебéсный, 4b, с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1 × 4b бэзóвый, 1 × 7b т'мáный, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b × 5b рóзовый, 1b × 1b вышн'óвый, 2b× 6b цыглјáный, 4b × 4b волошкóвый, 2b × 7b полóвый.

VI. Дер. Шестовичи Петриковского района Гомельской обл. 1 чырвóны, 2 жóўтый, 3 зыл'óный, 4а голубóй, 4b,с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b сыр'éн'евый, 1 × 7b kары́чный, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b × 5b рóзовый, 1b × 1b вышн'ó-

[4] *Из-за недостатка места мы не приводим описания всех обследованных говоров, а ограничиваемся только белорусскими и украинскими говорами.*

вый, 2b × 6b кирпи́чный, 2b × 1a ора́нжовый, 4b × 4b васыл'ко́вый, 4b × 6b карандаши́новый, 7b × 7a чма́рый. [5]

Украинские говоры на территории Прикарпатья и Карпат

VII. С. Залисся Чортковского района Тернопольской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́втый, 3 зыл'о́ный, 4a н'еб'е́сный, 4b, с сы́ний, 5 би́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b гранато́вый, 1 × 7b бронзо́вый, 1b × 6a бурачко́вый, 1a,b × 5b ружо́вый, 1b × 1b вышнэ́вый, 2b × 1a помаранчо́вый, 7b × 5b попел'а́вый, 2b × 6b цэгл'а́ный.

VIII. С. Шуро-Копиивка Тульчинского района Винницкой обл.[6] 1 чырво́ный, 2 жо́втый, 3 зэлэ́ный, 4a голубы́й, 4b,c сы́ний, 5 би́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b фиолэ́товый, 1 × 7b руды́й, 1b × 6a бурачко́вый, 1a,b ×5b ружо́вый, 1b × 1b вышнэ́вый, 2b × 1a помаранчо́вый, 4b × 4b васил'ко́вый.

IX. С. Яремча, Яремченского района Ивано-Франковской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́ўтый, 3 зэлэ́ный, 4a сы́ний, 4b,c голубы́й, 5 би́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b филэто́вый, 1 × 7b каво́вый, 1b × 6a бурачко́вый, 1a,b × 5b ружэ́вый, 2b × 1a помаранчко́вый, 1b × 1b вышнэ́вый, 2b × 5b нэла́йный, 4b × 5b нэб'а́с'кый.

X. С. Луги Раховского района Закарпатской обл. 1 чырво́ный /чэрвэ́ный, 2 жо́ўтый, 4 зылэ́ный, 4a ја́сный, 4b,c голубы́й, 5 би́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 3b × 5b травны́й, 1b,c × 4b лило́вый, 1 × 7b брума́ткый / каво́вый, 1b × 6a бура́чный, 1a,b × 5b ружо́вый, 2b × 1a наранджэ́вый, 7b × 5b каминны́й, 2b × 6b тыгло́вый, 2b × 5b дурна́, 4b × 5b ныбо́вый, 1b × 1b вышнэ́вый.

XI. С. Йспас Вижницкого района Черновицкой обл. 1 чырлэ́ный, 2 жо́ўтый, 3 зылэ́ный, 4a сы́ний, 4b,c голубы́й, 5 би́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b лилиjо́вый, 1 × 7b кафо́вый, 1b× 6a бурачко́вый, 1a,b × 5b ружэ́вый, 1b × 1b вышнэ́вый / жа́рый, 2b × 1a помаранчо́вый, 2b × 5b цытроно́вый, 2b× 6b цыгло́вый, 4b × 5b нэбэ́сный, 2a × 1a кукурудз'о́вый / куру́дз'аный, 2b × 6a палэ́ный, 3a × 5b трав'jаны́й, 1a × 4b багро́вый, 2b × 5 кремо́вый [7].

---

[5] *Почти без изменений система цветообозначений говора дер. Шестовичи повторяется и в говорах украинского Восточного Полесья. Это показали результаты ответов на вопросник, разосланный по нашей просьбе преподавателем Житомирского педагогического института Н. В. Никончуком (контрольные пункты: Житомирская обл.— с. Гошив Овручского района; с. Старая Котельня Попельнянского района; с. Стриева Новоград-Волынского района; с. Слипчыци Черняховского района; Киевская обл.— с. Пинчуки Васильковского района).*

[6] *Эта система характерна и для других пунктов Подолии— с. Кашперивка Казатинского района, с. Яруга Ямпольского района и др.*

В течение 1958—1964 гг. мы провели сплошное обследование говоров Черновицкой обл., охватив около 90 населенных пунктов. В украинских говорах Буковины существуют две системы названий цвета, имеющих много общего. Гуцульские и буковинские говоры,

XII. С. Волчинец Глубокского района Черновицкой обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зылэ́ный, 4а сы́ний, 4b,с голубы́й, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b лилиjóвый, 1 × 7b бýрый, 1b × 6а бурачкóвый, 1b × 6b бурдóвый / багрóвый, 2а × 1а курýз'аный, 2b × 6а пры́крый, 2b × 5b ламóвый, 1b × 1b пычэ́ный, 1b × 5с дывизиjóвый, 7b × 6а зилизн'áвый, 7b × 5b си́рый.

XIII. С. Иванкивци Кицманского района Черновицкой обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зылэ́ный, 4а сы́ний, 4b,с голубы́й, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b лилиjóвый, 1 × 7b кафóвый, 3а × 5b трав'jаны́й, 3а × 2а салатóвый, 2а × 1а куруз'áный, 2b × 1а памаранчóвый, 1b × 1b вышнэ́вый / пры́крый 2b × 6а палэ́ный / горэ́ный, 2b × 5с кре́мовый, 4b × 5b н'еб'óский, 4b × 6а гранатóвый, 1 × 7а бронзóвый, 1b × 6а бурачкóвый, 2с × 2с багрóвый, 7а × 6а бýрый.

XIV. С. Грозинцы Хотинского района Черновицкой обл. 1 чырлэ́ный, 2 жóўтый, 3 зылэ́ный, 4а голубóвый, 4b,с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 7 сы́вый, 1b,с × 4b лилиjакóвый, 1 × 7b коришкóвый / кафóвый, 2b × 1а сконтиjóвый, 3а × 5b травны́й, 3а × 5а капуст'áный, 1а,b × 5b рóзовый, 2а × 1а кукурýз'аный, 1b × 1b вышнэ́вый, 1b × 6b бурачкóвый, 1а × 4b багрóвый, 2а × 1а гарбузóвый, 2с × 2с жáрый, 4b × 4b каминцэ́вый.

XV. С. Сокиряны Сокирянского района Черновицкой обл. 1 чырвóный, 2 жóўтый, 3 зылэ́ный, 4а голубы́й, 4b,с сы́ний, 5 би́лый, 6 чóрный, 6 си́рый, 1b,с × 4b бузкóвый / лилиjóвый, 1 × 7b кофэ́йный, 1b × 6а бурачкóвый, 1а,b × 5b рожэ́вый, 1b × 1b вышнэ́вый / жáрый, 2b × 1а орáнжовый, 2b × 5b солóм'jаный, 1b × 6а скумпиjóвый.

Русские говоры

XVI. С. Белая Криница Глубокского района Черновицкой обл.
XVII. Дер. Савальня Кирсановского района Тамбовской обл.

Румыно-молдавские говоры

XVIII. С. Острица Черновицкого района Черновицкой обл.
XIX. С. Мольница Герцаевского района Черновицкой обл.
XX. С. Станилешти Новоселицкого района Черновицкой обл.
XXI. Г. Сороки Сорокского района Молдавской ССР.

Путильского, Вижницкого, Сторожинецкого, Вашковецкого, Заставнянского, Кицманского и Садгорского районов характеризуются одной системой названий цвета; северобессарабские говоры Хотинского, Кельменецкого и Сокирянского районов — другой.

Изоглосса, разделяющая ареалы этих систем, совпадает с административной границей Садгорского и Хотинского районов (бывшая — 1812—1918 гг.— государственная граница России и Австро-Венгрии). Это позволяет допустить, что отличительные признаки обеих систем развились именно в период государственного разделения и являются следствием частичного прекращения контактов говоров в это время.

Мы приводим здесь в целях экономии места лишь наиболее характерные системы цветообозначений гуцульских и северобессарабских говоров.

Говоры идиш

XXII. С. Лугины Олевского района Житомирской обл.
XXIII. Г. Борщев Борщевского района Тернопольской обл.
XXIV. С. Вильховец Каменец-Подольского района Хмельницкой обл.
XXV. С. Яруга Могилев-Подольского района Винницкой обл.
XXVI С. Вистерничены Молдавской ССР.
XXVIII. Г. Болград Болградского района Одесской обл.
XXVIII. Г. Хуш Ясской обл. Социалистической республики Румынии.
XXIX. Г. Черновцы УССР.

Болгарский говор

XXX. Г. Болград Одесской обл.

Албанский говор

XXXI. С. Каракурт Болградского района Одесской обл.

Гагаузский говор

XXXII. С. Кубей Болградского района Одесской обл.

Польские говоры

XXXIII. Говоры Малопольши.

Сербохорватские говоры

XXXIV. С. Самобор, срез Загреб, Хорватия

Цыганские говоры

XXXV. Карпатско-цыганский говор
XXXVI. Говоры северного диалекта.

4. ТИПОЛОГИЯ ОБЩИХ ПОДСИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Проведенное нами унифицированное описание семантических полей цвета в ряде говоров позволяет перейти к оценке типологической близости этих семантических полей.

Для этого необходимо последовательно рассматривать каждую пару говоров, выделять совпадающие и несовпадающие цветообозначения и по их соотношению определять меру соответствия семантических полей друг другу.

Измерение типологической близости удобно проводить при помощи формулы

$$\delta_1 a,b = \frac{s^2}{kl}, \qquad (1)$$

где δ_1 a, b — мера близости семантических полей говоров a и b; k — количество цветообозначений в говоре a; l — количество

цветообозначений говора b; s — количество цветообозначений, общих для a и b.

Формула (1) применима в тех случаях, когда все элементы семантического поля равноценны по значимости. Однако в нашем случае различия двух говоров по одним цветообозначениям более существенны, чем различия по другим. Если в одном говоре для обозначения синего цвета употребляется два слова, а в другом — только одно, то это различие намного характернее такой, предположим, черты, как наличие в первом говоре отдельного слова, обозначающего малиновый цвет, и отсутствие подобного слова во втором. Для того чтобы учесть различную значимость цветообозначений, мы приписываем каждому цветообозначению определенный вес. Основным цветообозначениям — компонентам нашей таблицы припишем вес 2. Так как все остальные цветообозначения кодируются в таблице как сочетание двух основных, выразим их вес величиной вдвое меньшей — 1.

Подсчитав для каждой пары говоров сумму весов совпадающих цветообозначений [8] и суммы весов всех цветообозначений каждого из говоров в отдельности, можно вычислить меру близости семантических полей с учетом весов их элементов по формуле:

$$\delta_2 a,b = \frac{\left(\sum\limits_{(a,b)} m_i\right)^2}{\sum\limits_{(a)} m_i \cdot \sum\limits_{(b)} m_i}, \qquad (2)$$

где $\delta_2 a,b$ — мера близости a и b; $\sum\limits_{(a,b)} m_i$ — сумма весов элементов, совпадающих в a и b; $\sum\limits_{(a)} m_i$ — сумма весов всех элементов a; $\sum\limits_{(b)} m_i$ — сумма весов всех элементов b [9].

Формула (2) представляет собой формулу (1), усовершенствованную в том отношении, что она дает возможность учитывать различную значимость рассматриваемых элементов. δ_1 a,b может принимать значения от 0 до 1.

В результате вычислений по формуле (2) мы получили 630 цифр, характеризующих меру близости каждой пары описанных нами говоров (табл. 2). Сравнение этих цифр приводит к следующим выводам:

1. Общее количество цветообозначений каждого говора характеризует его типологическое своеобразие в отношении данного семантического поля: чем больше цветообозначений в говоре, тем система цветообозначений данного говора более удалена от ос-

---

[8] *Совпадающими считаются только цветообозначения, занимающие одну и ту же клетку типологической таблицы.*

[9] *См. Ю. И. Левин. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами. ВЯ, 1964, № 4.*

Типологическая близость семантических

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
I		0,77	0,78	0,79	0,73	0,79	0,82	0,79	0,78	0,65	0,69	0,63	0,55	0,65	0,73	0,63	0,64	0,45
II			0,93	0,88	0,88	0,78	0,92	0,96	0,84	0,85	0,73	0,62	0,54	0,69	0,66	0,68	0,69	0,46
III				0,88	0,88	0,85	0,84	0,88	0,77	0,78	0,67	0,61	0,53	0,69	0,72	0,80	0,69	0,43
IV					0,83	0,81	0,88	0,83	0,80	0,81	0,70	0,65	0,51	0,66	0,69	0,71	0,66	0,45
V						0,74	0,80	0,76	0,73	0,74	0,64	0,58	0,51	0,60	0,62	0,64	0,59	0,39
VI							0,78	0,89	0,78	0,75	0,68	0,57	0,55	0,64	0,67	0,63	0,64	0,44
VII								0,88	0,84	0,78	0,74	0,62	0,59	0,63	0,73	0,68	0,70	0,50
VIII									0,88	0,74	0,70	0,64	0,62	0,66	0,75	0,71	0,80	0,45
IX										0,85	0,80	0,68	0,65	0,64	0,72	0,82	0,69	0,56
X											0,62	0,69	0,60	0,59	0,67	0,69	0,64	0,50
XI												0,60	0,67	0,66	0,69	0,65	0,56	0,43
XII													0,53	0,51	0,64	0,55	0,62	0,32
XIII														0,81	0,84	0,58	0,59	0,37
XIV															0,90	0,62	0,63	0,35
XV																0,70	0,60	0,46
XVI																	0,75	0,54
XVII																		0,48
XVIII																		
XIX																		
XX																		
XXI																		
XXII																		
XXIII																		
XXIV																		
XXV																		
XXVI																		
XXVII																		
XXVIII																		
XXIX																		
XXX																		
XXXI																		
XXXII																		
XXXIII																		
XXXIV																		
XXXV																		
XXXVI																		

тальных говоров, чем меньше цветообозначений в говоре, тем меньше индекс его удаленности.

2. Мера типологической близости соответствует генетической классификации говоров: украинские, русские, болгарский, польский и сербохорватский говоры ближе друг к другу, чем к румыно-молдавским, обнаруживающим в свою очередь тесную близость между собой.

3. Языковые контакты вызывают разрушение генетической близости: из говоров идиш, исключительно близких друг к другу

Таблица 2

полей цвета рассматриваемых говоров

XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV	XXXVI
0,41	0,41	0,43	0,55	0,52	0,77	0,73	0,55	0,55	0,45	0,48	0,81	0,51	0,54	0,77	0,66	0,46	0,62
0,43	0,39	0,39	0,53	0,55	0,84	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,55	0,59	0,77	0,79	0,50	0,67
0,39	0,39	0,42	0,53	0,49	0,84	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,55	0,59	0,77	0,79	0,50	0,67
0,45	0,45	0,52	0,56	0,53	0,87	0,83	0,56	0,56	0,52	0,55	0,83	0,58	0,62	0,80	0,74	0,52	0,70
0,36	0,36	0,44	0,49	0,45	0,79	0,75	0,49	0,49	0,45	0,48	0,75	0,43	0,48	0,73	0,66	0,42	0,70
0,41	0,41	0,38	0,56	0,52	0,77	0,74	0,56	0,56	0,45	0,48	0,81	0,51	0,55	0,78	0,66	0,58	0,62
0,45	0,45	0,52	0,60	0,56	0,84	0,79	0,60	0,60	0,49	0,52	0,83	0,55	0,59	0,84	0,71	0,50	0,67
0,41	0,46	0,49	0,63	0,59	0,79	0,83	0,63	0,63	0,52	0,54	0,91	0,58	0,62	0,80	0,83	0,66	0,70
0,42	0,50	0,42	0,60	0,56	0,83	0,80	0,60	0,60	0,49	0,52	0,87	0,55	0,59	0,84	0,71	0,56	0,67
0,46	0,46	0,48	0,56	0,52	0,77	0,81	0,58	0,58	0,46	0,48	0,81	0,51	0,55	0,85	0,73	0,52	0,62
0,40	0,40	0,42	0,48	0,45	0,67	0,64	0,48	0,48	0,45	0,42	0,70	0,44	0,47	0,73	0,57	0,45	0,53
0,31	0,35	0,33	0,54	0,50	0,67	0,71	0,47	0,47	0,50	0,46	0,71	0,49	0,46	0,62	0,70	0,38	0,59
0,35	0,34	0,40	0,52	0,49	0,65	0,63	0,52	0,52	0,49	0,46	0,63	0,43	0,46	0,59	0,61	0,44	0,52
0,41	0,37	0,53	0,50	0,47	0,69	0,66	0,50	0,50	0,41	0,43	0,73	0,46	0,49	0,63	0,66	0,45	0,55
0,38	0,43	0,50	0,58	0,54	0,79	0,75	0,58	0,58	0,48	0,51	0,75	0,47	0,51	0,72	0,68	0,48	0,57
0,45	0,50	0,41	0,54	0,50	0,74	0,71	0,54	0,54	0,44	0,46	0,78	0,49	0,53	0,75	0,71	0,45	0,59
0,40	0,39	0,47	0,60	0,49	0,83	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,48	0,52	0,69	0,71	0,50	0,67
0,72	0,88	0,82	0,65	0,68	0,43	0,47	0,65	0,65	0,61	0,64	0,49	0,63	0,72	0,48	0,46	0,67	0,36
	0,82	0,64	0,74	0,70	0,53	0,44	0,47	0,47	0,63	0,60	0,40	0,63	0,60	0,50	0,38	0,56	0,34
		0,60	0,68	0,71	0,47	0,49	0,68	0,68	0,63	0,67	0,45	0,71	0,52	0,50	0,43	0,63	0,38
			0,72	0,63	0,47	0,49	0,72	0,72	0,61	0,64	0,44	0,61	0,57	0,48	0,54	0,59	0,32
				0,95	0,66	0,69	1	1	0,85	0,90	0,61	0,85	0,76	0,60	0,59	0,75	0,38
					0,60	0,64	0,95	0,95	0,90	0, 5	0,64	0,90	0,85	0,49	0,62	0,79	0,48
						0,95	0,66	0,66	0,61	0,65	0,87	0,60	0,57	0,92	0,86	0,55	0,73
							0,69	0,69	0,64	0,68	0,82	0,55	0,52	0,79	0,90	0,51	0,76
								1	0,85	0,90	0,61	0,85	0,80	0,60	0,66	0,75	0,45
									0,85	0,90	0,61	0,85	0,80	0,60	0,66	0,75	0,45
										0,95	0,56	0,79	0,75	0,49	0,70	0,63	0,47
											0,59	0,84	0,79	0,52	0,66	0,67	0,50
												0,63	0,67	0,79	0,81	0,45	0,43
													0,95	0,55	0,61	0,71	0,53
														0,67	0,57	0,67	0,50
															0,71	0,44	0,67
																0,49	0,84
																	0,37

($\delta_2 > 0,90$), выделяются говоры XXIV и XXV, резко приблизившиеся к славянским говорам (мера близости к славянским говорам от 0,65 до 0,87, к говорам идиш — от 0,61 до 0,69).

Карпатский говор цыганского языка более близок к романским ($\delta_2 > 0,56$) и германским ($0,51 < \delta_2 < 79$) говорам, оказывавшим на него сильное влияние, чем к славянским ($0,38 < \delta_2 < 0,65$), влияние которых было слабее. Наоборот, говоры русских цыган ближе к славянским говорам ($0,52 < \delta_2 < 0,70$), чем к романским ($0,32 < \delta_2 < 0,36$) и германским ($0,45 < \delta_2 < 0,50$).

Генетически неродственные говоры могут сильно сблизиться в результате интенсивного контактирования. Так, например, очень близки друг к другу говоры населения в районе г. Болград, находящиеся в контакте около 150 лет: албанский и гагаузский ($\delta_2 = 0{,}95$), албанский и болгарский ($\delta_2 = 0{,}63$), албанский и идиш ($\delta_2 = 0{,}85$), гагаузский и болгарский ($\delta_2 = 0{,}67$), гагаузский и идиш ($\delta_2 = 0{,}80$).

4. В результате языкового контакта типологическое своеобразие говоров нивелируется. Характерно, что типичным говором для описанных нами говоров оказывается не «чистый» тип, а «смешанный» говор идиш XXV (наименьшая близость к другому говору $\delta_2 = 0{,}44$).

5. В зонах языкового контакта с разносторонними влияниями разных языков на данную группу генетически родственных говоров возможно увеличение своеобразия каждого из этих говоров и их типологическое удаление друг от друга.

Так, например, произошло с украинскими говорами Буковины. Говор XII, находящийся в изоляции в районе сплошного массива румынских говоров, значительно удалился от говора XIII, подвергавшегося польским влияниям ($\delta_2 = 0{,}53$), и говора XIV, испытывавшего и русское и румынское влияние ($\delta_2 = 0{,}51$).

6. Отсутствие контактов с другими языками или равномерное контактирование разных говоров с одним и тем же близкородственным языком приводит к их типологической близости при сохранении своеобразия каждого из них.

Украинские говоры, Полесья (I—VI), Волыни (VII), Подолии (VIII) и Галиции (IX), находившиеся в течение ряда веков в контакте с польским и русским языками при отсутствии сильных иных влияний, обнаруживают поразительную близость друг к другу ($0{,}73 < \delta_2 < 0{,}96$), несмотря на наличие характерных особенностей у каждого из них.

Полученные нами меры близости семантических полей разных говоров дают основание для построения типологии плана содержания.

Более детально мы остановимся на типологическом описании рассматриваемых говоров в следующих разделах в связи с характеристикой специализированных подсистем цветообозначений и их взаимоотношений с общей подсистемой.

5. ШИРИНА ДИСТРИБУЦИИ И РАЗВЕТВЛЕННОСТЬ СИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ РАССМАТРИВАЕМЫХ ГОВОРОВ

Для характеристики ширины дистрибуции цветообозначений рассматриваемых говоров материал каждого из них накладывается на три сетки — амплитуды лексических дистрибуций лексем *рудый*, *сивый* и *гнедой*:

	а	б	в	г
1) *сивый*	вообще «серый»	о волосах	о глазах	о коне

	а	б	в
2) *рудый*	вообще «темно-красный»	о волосах	о собаке

	а	б
3) *гнедой*	вообще «коричневый»	о коне

При изложении мы не будем каждый раз рисовать эти сетки, а опишем факты, относящиеся к первой сетке, под номерами 1а, б, в, г, ко второй — 2а, б, в и к третьей — 3а, б.

Разветвленность семантического поля цвета выясняется при перечислении особых лексем следующих специализированных подсистем; лицо, глаза, волосы, коровы, кони, свиньи, собаки, овцы, птица. Наряду с прилагательными цвета указываются и соответствующие существительные — клички животных [10].

I. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) сы́вый г) сы́вый
2) а) ры́жый б) ры́жый в) руды́й
3) а) ры́жый б) гныды́й

Л и ц о: гныды́й, румја́ный, бл'е́дный; в о л о с ы: ру́сый, гныды́й, ры́жый; к о р о в ы: поло́ва — Полову́ха, Гныда́ја, Лэ́сја, Гны́д'ја, пэр'и́'ста — Пэри́нја («латки́ би́лого на ний»), дружко́ва — Дружкко́ («коро́ва перепа́сана попэрэ́к би́лым»), бу́ра; к о н и: п'о́стры — Пэстра́вка, р'абы́й («би́ла ла́тка и чырво́на»), бу́рый, поло́вый, кашта́новый, була́новый; с о б а к и: руды́й («то руды́й, то т'и́л'ки соба́ку называ́јут' руды́й»); с в и н ь и: жы́рый.

Индексы системы: УД, ОР.

II. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) с'и́рый г) сы́вый
2) а) ры́жый б) ры́жый в) руды́й
3) а) ры́жый б) кашта́новый

Л и ц о: бл'е́дный, румја́ный; в о л о с ы: ру́сый, русја́вый, ры́жый; к о р о в ы: паскова́та, чорнорја́ба, каштанова́та, дэришова́та («бысы́ва, ми́шана, чырвоносы́ва»), поло́ва, г'ны́да, Жу́чка — «чо́рна», Малы́на — «чырво́на з би́лым», Зо́р'ка — «чо́рна з би́лым», Чы́рва «кра́сна з лы́сынкою», Рја́бка, Красу́лја. К о н и: гны-

[10] *Как и в разделе 3, из-за недостатка места мы опускаем описание материала говоров XVI—XXXVI.*

ды́й («сы́вый»), була́ный, каштанова́тый, мыша́к («сам сы́вый, а спына́ чо́рнаја»), мыша́сты, руды́й; с о б а к и: руды́й.

И н д е к с ы: УД, ОР.

III. 1) а) сы́вый	б) сы́вый,	в) с'и́рый	г) сы́вый
2) а) ры́жый	б) гныдо́й	в) ш'а́рый	
3) а) ры́жый	б) гныдо́й		

Л и ц о: бл'е́дный, гныдо́й; г л а з а: си́ри, ка́ри; в о л о с ы: русја́вый, чернја́вый, гныды́й, ш'а́рый, пудж'а́рысты; к о р о в ы: пыр'и́ста, лы́са, раба́ја, пудла́сыста, полова́ја, мурова́ста (мурова́ста — «это похо́жа на т'и́гру, була́ колы́с' в Оксе́н'и коро́ва, то пасо́к гнидо́го, пасо́к чо́рного, пасо́к гнидо́го, пасо́к чо́рного»), Ла́стовка — «јак сама́ чо́рна, а чэ́рыво б'и́лэ», Соро́ка — «јак латкы́, б'и́лобо́ка, й б'и́лэ по чо́рному», Красу́лја, Вы́шнја — «јак чырво́на», Зо́р'ка — «на ло́бови мал'е́н'ка ла́точка», Пырывја́зыста, Сва́ха — «јак чы́рыз спы́ну и чы́рыз бо́кы б'и́лый пас, та́бы ручны́ком обв'а́зана», Жу́ка — «јак чо́рна», Гныда́ја, Пыр'и́н'а, Б'е́лка —«јак б'и́ла»; к о н и: гныды́й, лы́вый, мышова́тый, була́ный, гырышова́тый («чырво́на и по шырсты́ни б'и́ла, або чо́рна и по шырсты́ни б'и́ла»), рубл'а́стый, пыр'и́стый; с о б а к и: Жу́чык, Жу́чка — «чо́рный», Му́рза — «бы руды́й», Бу́рык — «бы сы́вый», Лыска — «з лы́сынкоју», Ш'а́рык — «ш'а́рый», Ра́бчык — «пыр'и́стый», пуджа́рыстый, мурова́стый.

Индексы: УД, ОР.

IV. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) с'и́рый	г) сы́вый
2) а) т'ма́ный	б) ры́жый	в) ры́жый	
3) а) т'ма́ный	б) гниды́й		

Л и ц о: румја́ный, руды́й, бл'и́дный; г л а з а: с'и́ри, ка́ри; в о л о с ы: ры́жый, ру́сый; к о р о в ы: Красу́лја — «чырво́на», Пэри́ста — «би́ла чырво́на», Лы́са — «ус'а́ чырво́на и голова́ лы́са» Жу́ка — «чо́рна», Гн'еда́ја — «бы то т'о́мночырво́на», Полова́ја — «от сказа́ты бы нэ вэ́л'мы му́цно би́ла то полова́ја», Зо́р'ка, Гн'е́дка, Пудла́ска — «јак па́хвы би́ли, а спына́ чо́рна»; к о н и: дэрышова́тый — «а́ни чырво́ный, а́ни поло́вый, такы́й бы руды́й», поло́вый, рубл'ова́тый, с'и́рый — «а́ни сы́вый, а́ни чо́рный», гныды́й, лы́сый; с о б а к и: руды́й — «одна шерсты́на чо́рна, дру́га жо́ўта».

Индексы: УД, ОР.

V. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) с'и́рый	г) сы́вый
2) а) ры́жый	б) ры́жый	в) ры́жый	
3) а) т'ма́ный	б) гныды́й		

Л и ц о: румја́ный, бл'и́дный; г л а з а: с'и́ри, ка́ри; в о л о с ы: ры́жый, русја́вый, билја́вый, чорнја́вый; к о р о в ы: Жу́ка — «чо́рна», Красу́лја — «чырво́на», Вы́шнја — «му́цно чырво́на», Пэри́ста — «чо́рна ла́тка, би́ла ла́тка», Поло́ва — «ни к чо́рну, ни к б'е́лу, жо́ўтују подо́бнују», Гнида́ја — «бы чырво́на му́цно, бы

чо́рна кро́хи»; к о н и: мышова́тый, гэрышова́тый, ка́штан, каштанова́тый, була́ный, ры́жый, пэри́стый, гниды́й, с'и́рый — «до б'е́лого подб'ира́ет'ся», сы́вый — «бу́дто т'маный сы́вый», лы́сый; с о б а к и: Жук — «чо́рный», Ру́дык — «бы то сы́ва в jо́го шэ́рст', и такы́й вун jе, как ти́гра, таки́ хва́л'ки иду́т», поджа́рыстый — «звэ́рху рыжова́та полоса́, а пу́до спу́дом — жо́ўтый».

Индексы: УД, ОР.

VI. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) с'и́рый г) сы́вый
2) а) черво́ный б) ры́жый в) руды́й
3) а) кары́чный б) гныды́й

Л и ц о: румjа́ный, бл'и́дный; г л а з а: с'и́ри; в о л о с ы: ры́жый, ру́сый; к о р о в ы: гн'ида́, поло́ва, бу́ра — «jak у мэни́ вул бу́ў, то у н'о́го полоса́ св'е́тла, полоса́ т'о́мна, то jо́го зва́ли бу́рый», голуба́, голу́бка — «на кра́сному би́лые ла́тки», чма́ри, ры́жи, ру́ди; к о н и: гныды́й, була́ный, р'абы́й, чма́рый; с о б а к и: руды́й, Ша́рик, Бу́рык; с в и н ь и: жэ́рый, рабы́й.

Индексы: УД, ОР.

VII. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) сы́вый г) сы́вый
2) а) бронзо́вый б) ры́жый в) ры́жый
3) а) бронзо́вый б) гниды́й

Л и ц о: румjа́ный; г л а з а: ка́ри; в о л о с ы: ры́жый; к о р о в ы: кра́си — «з ла́тками», чо́рнокра́си, червo̓нокраси; к о н и: ка́штан — «чэрво́ный», гниды́й — «чэрво́ный и чо́рный, тэ́мночэрво́ный», шпак — «би́лый з сы́вым», ка́рый — «чо́рный», бу́рый — «жо́ўта маст'», була́ный.

Индексы: УД, ОР

VIII. 1) а) си́вый б) си́вый в) си́рый г) си́вый
2) а) руды́й б) ры́жый в) руды́й
3) а) руды́й б) гниды́й

Л и ц о: румjа́ный, бронзо́вый; г л а з а: ка́ри, си́ри; в о л о с ы: ры́жый; к о р о в ы: руда́, раба́, поло́ва, лы́са, пэри́ста; к о н и: гниды́й, ка́рый, шпак — «сы́вый кин'», була́ный, пэри́стый, ра́бый, ка́штан; с о б а к и: Жук — «чо́рна», Сирко́ — «сы́ва», Ша́рик.

Индексы: УД, ОР.

IX. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) сы́вый г) сы́вый
2) а) чырво́ный б) руды́й в) руды́й
3) а) каво́вый б) кра́сый

Л и ц о: румjа́ный; в о л о с ы: руды́й; к о р о в ы: кра́си — «черво́ни», лы́си, чола́ви — «жо́ўта и би́лэ лыцэ́», ла́си — «черво́на, би́ли поjасы́ ма́jе», ба́гри — «чо́рни», ми́н'ка — «би́ла», плэшка́ва — «би́ла, жо́ўти латкы́ ма́jе»; к о н и: каштаны́; с о б а к и: руды́й.

Индексы: УД, ОР.

X. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) сы́вый г) сы́вый
2) а) тыгло́вый б) ры́жый в) ры́жый
3) а) каво́вый б) чырво́ный

Л и ц о: румја́ный; в о л о с ы: ры́жый; к о р о в ы: тарка́ти, мантыфо́на — «кра́сни, шы́ју вэлы́ку ма́јут'»; с о б а к и: ры́жи, букулаји́сти; о в ц ы: лаји́ста — «чо́рна», голуба́ — «сы́ва», вакиши́ста — «ма́је паскы́ на лыци́», букулаји́ста — «на лыци́ чо́рна», бразэ́ста — «лыцэ́ би́лэ».
Индексы: УД, ОР.

XI. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) си́рый г) сы́вый
2) а) бурачко́вый б) руды́й в) руды́й
3) а) кафо́вый б) чырво́ный

Л и ц о: румја́ный; в о л о с ы: рузја́вый, чырлэ́ный; к о р о в ы: Флори́ка — «капкы́ би́лого, капкы́ чо́рного», Ружа́на — «цвиты́ ма́је јак ру́жа», Ми́на, Ми́н'ка — «би́ла», Бала́ја — «би́ла», тарка́та (таро́листа), Таро́лја, Лы́са, Била́нја, Голуба́нја, Жовта́нја [11], Приа́на — «сы́ва», Олача́нја — «сы́ва коро́ва з би́лыми паска́ми» [12]; к о н и: Дэ́рэш — «кин',а́ни чырлэ́ный, а́ни сы́вый», Цы́ган — «чо́рный», Шы́мыл' — «би́лый», Фу́кс — «тарка́тый, би́лый з чырлэ́ным».
Индексы: УД, ОР.

XII. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) с'и́рый г) сы́вый
2) а) багро́вый г) ры́жый в) ры́жый
3) а) бу́рый б) чырво́ный

Л и ц о: румја́ный; в о л о с ы: бл'о́ндый; к о р о в ы: тарка́ти, таро́ли — «би́ли з чырво́ным», цымэнта́л'ни — «би́ли», Бала́ја, Ружа́на, Флори́ка, Лы́са, Малы́нка — «ни жоу̌тја́ва, ни чырво́на така́ја»; к о н и: була́ный, фу́кс, чым'е́л'е — «а́ни би́лый, а́ни сы́вый», бу́би — «кин' чырво́ный тэ́мный».
Индексы: УД, ОР.

XIII. 1) а) сы́вый б) сы́вый в) с'и́рый г) сы́вый
2) а) чырво́ный б) ры́жый в) руды́й
3) а) кафо́вый б) гниды́й

Л и ц о: румја́ный, бронзо́вый; г л а з а: ка́ри, с'и́ри; в о л о с ы: ры́жый, русја́вый; к о р о в ы: тарка́ти, сымэнта́л'ни — «и нэ би́ли, и нэ жо́у̌ти», Бала́ја, Ружа́на, Флори́ка, Красу́лја — «чырво́на», Калы́нка — «тэмночырво́на», Таро́лја — «чырво́на з би́лым»

[11] *Эти клички зарегистрированы и украинским писателем М. М. Коцюбинским в описываемом районе во время его поездок по Карпатам (1910—1912 гг.). См. его «Тени забытых предков» в кн. «Повести и рассказы» (М., 1953, стр. 688, 690).*
[12] *Ср. В. Ш у х е в и ч. Гуцульщина, ч. 2. Львов, 1902, стр. 260.*

Ласи́ја, Ми́н'ка; к о н и: була́ни, тарка́ти, гниди́, каштано́ви, бу́би, лы́си, Цы́ган, Дэ́рэш, Лы́с'ко, Чи́пил', Су́ра, Кашта́нка; с о б а к и: Му́р'ек, Цы́ган, Бо́бчик, Му́шка, Тэ́ркуш, Фи́фи, Га́рик, Лыс'ко́; о в ц ы: Малы́нка, Сы́вэн', Зи́рка, Га́л'ка, Чу́ла; п т и ц а: куры — Руса́лка, Була́нја, Малы́на, Жо́ўтобрју́шка.

Индексы: УД, ОР.

XIV.	1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) с'и́рый	г) сы́вый
	2) а) ры́жый	б) ры́жый	в) руды́й	
	3) а) ры́жый	б) гниды́й		

Л и ц о: румја́ный; г л а з а: ка́ри, си́ри; к о р о в ы: Бала́ја, Ружа́на, Флори́ка, Красу́лја, Калы́нка, Таро́лја, Ми́н'ка; к о н и: гниды́й, фу́кс, шы́мыл', була́ный, каштано́вый.

Индексы УД, ОР.

XV.	1) а) си́рый	б) сы́вый	в) си́рый	г) си́рый
	2) а) чырво́ный,	б) ры́жый	в) руды́й	
	3) а) кафо́вый	б) гни́дый		

Л и ц о: румја́ный; г л а з а: ка́ри; в о л о с ы: русы́й, ры́жий; к о р о в ы: р'або́, поло́ва, пэриста, му́ра, гнида́; к о н и: була́ный, гидо́й, каштано́вый, ры́жый.

6. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПОДСИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ. ИХ СВЯЗЬ С ОБЩЕЙ ПОДСИСТЕМОЙ

Сопоставление индексов ширины дистрибуции и разветвленности семантического поля цвета в разных говорах позволяет сделать следующие выводы:

1. Каждая генетически родственная группа говоров характеризуется определенным соотношением ширины дистрибуции и разветвленности: все славянские говоры отличаются сильной разветвленностью при узкой дистрибуции, румынские — сильной разветвленностью при средней дистрибуции.

2. При языковом контакте жесткое соотношение между уровнем разветвленности и шириной дистрибуции, свойственное данной группе родственных говоров, нарушается. До контакта со славянскими говорами говоры идиш, вероятно, характеризовались широкой дистрибуцией при неразветвленности. Это состояние сохранилось в говорах XXVIII и XXIX, находящихся вне сферы влияния славянских языков, и в говоре XXIII, испытывавшем это влияние. Остальные говоры идиш в той или иной мере сблизились со славянскими говорами: в говорах XXII и XXV узкая дистрибуция и разветвленность, в говоре XXIV — узкая дистрибуция и неразветвленность, в говорах XXVI и XXVII — средняя дистрибуция и разветвленность.

3. Между шириной дистрибуции и разветвленностью существует, вероятно, обратно пропорциональная зависимость: при уз-

кой дистрибуции наблюдается сильная разветвленность (славянские говоры), при широкой — неразветвленность (некоторые говоры идиш), при средней — разветвленность (албанский, гагаузский и другие говоры). Эта зависимость нарушается при языковом контакте, причем разветвленность оказывается более динамичным свойством, чем ширина дистрибуции (ср. среднюю дистрибуцию при сильной разветвленности в цыганских говорах), но и менее устойчивым (ср. узкую дистрибуцию при разветвленности в говорах идиш XXII и XXV и узкую дистрибуцию при неразветвленности — в говоре XXIV).

4. Разветвленность является более изменчивой переменной, так как ее характер тесно связан с типом культуры носителей говора. Говоры городских жителей отличаются неразветвленностью (говоры идиш XXIII, XXVIII, XXIX), говоры сельских — разветвленностью и сильной разветвленностью (остальные говоры идиш, за исключением говора XXIV, где тип хозяйства городской). Ширина дистрибуции независима от типа культуры [13].

5. Разветвленность связана с типом культуры еще и в том отношении, что она проявляется только в тех специализированных подсистемах, которые развиты в связи с наличием соответствующей отрасли хозяйства. Наиболее яркий пример — сильная разветвленность цыганских говоров в области коневодства и отсутствие специфической лексики в других подсистемах. В славянских говорах Полесья имеются особые слова для обозначения масти свиней в связи с развитием свиноводства, но отсутствует терминология овцеводства. Противоположное явление наблюдается в славянских говорах Закарпатья, где овцеводство играет в хозяйстве первостепенную роль.

7. О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДАХ

Генетически родственные говоры, несмотря на географическую удаленность друг от друга, обнаруживают тенденцию к сохранению одного и того же типа плана содержания. Так обстоит со славянскими и румынскими говорами. Только интенсивное воздействие окружающих языков с несколько иным построением плана содержания может способствовать изменению первоначального типа. Это видно на примере говоров идиш XXIV и XXV. Тем не менее тенденция к сохранению типа плана содержания заметна и здесь — все остальные говоры идиш обнаруживают общие черты их первоначального типа.

При чрезвычайной устойчивости структуры плана содержания план выражения оказывается очень подвижным. Украинский и сербохорватский говоры, типологически эквивалентные друг

[13] *Термин «культура» используется здесь в том смысле, который ему придают в этнолингвистике.*

другу, различаются однако лексемами, заполняющими типологическую решетку. Таким образом, одни и те же лексемы в разных говорах связаны с различными точками плана содержания.

Возникает задача определения закономерностей семантического развития одной и той же лексемы в группе генетически родственных говоров, территориально удаленных друг от друга. Разрешение этой задачи должно проводиться в три этапа: 1) выделение списка лексем, изменяющих свои значения; 2) классификация полученного материала; 3) интерпретация материала.

Следует заметить, что цветообозначения как группа лексики отличаются особым непостоянством и расплывчатостью значений, что заставляет составителей этимологических словарей отказываться от поисков закономерностей изменения значений этих слов. Обычно считают, что здесь «все переходит во все». Этот факт заставляет с большой осторожностью делать выводы по имеющемуся у нас материалу. Кроме того, по этой причине целесообразно ограничиться лишь кругом одной группы говоров, привлекая остальные лишь как типологические параллели. Поскольку славянский материал представлен в нашей работе шире, чем материал остальных языков, изберем его в качестве основного.

Выделим сильные и слабые звенья системы цветообозначений. Сильными назовем звенья, сохраняющиеся по всей славянской территории, слабыми — обнаруживающие в разных говорах замены другими лексемами. Общеславянскими лексемами, не изменяющими своих значений, являются названия белого, черного, желтого и зеленого цветов [14].

Слабыми звеньями являются названия оттенков вышеперечисленных цветов, а также названия серого, голубого, синего, красного, фиолетового и коричневого цветов и их оттенков. В этой обширной зоне слабых звеньев системы цветообозначений происходят семантические изменения соответствующих лексем. Таким образом, дивергенция славянских говоров заранее ограничена наличием сильных звеньев системы и семантические переходы становятся возможными лишь в определенной зоне слабых звеньев. Можно попытаться определить те основные пути в плане содержания, которые проходят лексемы при семантических изменениях. Движение лексем по этим путям происходит в обоих направлениях. Поэтому, зная конечную точку семантического изменения лексемы и пути ее движения к этой точке, можно восстановить весь ход ее семантического развития [15].

---

[14] *Эти лексемы типологически наиболее устойчивы. На этом основании они включаются во все списки наиболее сохраняемых слов, использующихся в целях глоттохронологии (+ название красного цвета) (см. О. С. Широков. Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии). ФН, 1962, № 4, стр. 26—36).*

[15] *Классификация типов семантических изменений, приведенная здесь, не вызывает сомнений. Однако в силу того, что мы рассматриваем один и тот же синхронный срез разных говоров, отнесение некоторых изменений к тому или иному типу не всегда бесспорно.*

Семантические изменения как результат потери или прибавления одного семантического компонента

При составлении типологической таблицы мы исходили из понимания цветообозначений как системы, построенной на принципе сочетания семи основных компонентов. Анализ путей семантических изменений цветообозначений подтверждает правомерность такого подхода. Ряд семантических изменений происходит как потеря цветообозначением одного из компонентов значения. Оставшийся компонент и составляет новое значение лексемы. Сюда отнесем тот случай, когда лексема со значением «коричневый» (т. е. красный + серый) приобретает значение «серый»:

укр. *рудúй* 'коричневый' (VIII) — *рудúй* 'загорелый' (IV, V) — *рудúй* 'серый' (о полотне) (I—VI) [16];

укр. *гныдúй* — 'коричневый' (I) — *гныдúй* 'загорелый' (тот же говор);

рум. *murg* 'гнедой' (о коне) (пункты 72, 182, 192, 605, 728, 928 и др.) — *murg* 'серый' (о коне) (пункты 84, 414, 574, 886 и др.) [17];

рум. *вúныта* 'фиолетово-коричневый' (говоры XVIII, XIX, XXI) — *вúныта* 'серый' (о корове) (говор XX).

Потеря компонента произошла и в следующих случаях:

укр. *бáгрый* 'темно-красный' (о корове) (VII) — *бáгрый* 'черный' (о корове) (IX);

рум. *roib* 'гнедой' (о коне) (пункты 64, 130, 791, 876 и др.) — *roib* 'серый' (о коне) (пункт 723) [18];

рум. *castaniu* 'каштановый' (общерум.) — *castaniu* 'серый' (о коне) (пункт 899) [19].

Семантическое изменение может идти и в противоположном направлении — путем приобретения лексемой еще одного компонента значения:

укр. *т'мáный* 'сероватый' (III) — *т'мáный* 'коричневый' (т. е. красный + серый) (IV и V);

---

[16] *В деревнях Здитово и Спорово Березовского района Брестской обл. нами была записана широко распространенная на Украине песня:*

Ой ты, рýда, хóды сјýда,
А ты, чóрна, пóстуй там,
А з рудэ́ју поговóрју
А до тэ́бэ прúјду сам.

Из-за того, что рудый обозначает в этих деревнях «загорелый», информанты не понимали смысла песни, основанного на противопоставлении брюнетки рыжей девушке.

[17] *Atlasul lingvistic romîn, Serie nouă, vol. 2. București, 1956, карты 275, 276.*

[18] *Там же.*

[19] *Там же.*

рум. *negroiu*, *negru* ‹серый› (о коне) (пункты 105, 284) — *negroiu*, *negru* ‹гнедой› (о коне) (пункты 310, 316) [20];

сербохорв. *murc* ‹серый› (о коне) (пункт 991) — *mîrc*, *mr̂c* ‹гнедой› (о коне) (пункты 36, 37, 47) [21];

турецк. *g'oк* ‹серый› (о коне) — *g'oк* ‹гнедой› (о коне) [22];

джагатайск. *böz* ‹серый› — *böz* ‹гнедой› (о коне) [23].

Механизм приобретения лексемами новых семантических компонентов может быть удовлетворительным образом объяснен как результат действия принципа экономии. В говоре I, где *т'мáный* известен только в значении «сероватый», «темноватый» информант уточнил значение слова «бурачковый» следующим образом: *это краснот'мэ́ноjе такеjе*. В результате многократного повторения подобного рода сложных слов один из его компонентов мог быть утрачен, а оставшийся принимал значение прежнего сложного слова. Таким образом осуществлялись следующие семантические переходы:

польск. *blady* ‹бледный› (общепольское) — *blady* ‹розовый› (в районе г. Лович) — очевидно как сокращение из *bladoczerwony*[24];

польск. *jasny* ‹светлый› (общепольск.) — *jasny* ‹голубой› (Великопольша, Мазовия, Силезия) — из сокращения *jasnomodry* [25];

укр. *jáсный* ‹светлый› (общеукр.) — *jáсный* ‹голубой› (X);

польск. *swiatły* ‹светлый› (общепольск.) — *swiatły* ‹голубой› (Силезия) [26];

польск. *białawy*, *białasy* ‹беловатый› (общепольск.) *białawy*, *białasy* ‹голубой› (на границе Польши и Чехословакии) [27].

Вероятно, подобным же образом возникло и румынское *albastru* ‹синий› из *alb* ‹белый›. Процесс этого перехода уже полностью окончен, о чем свидетельствует широкое употребление конструкции *alb albastru* (XIX) ‹голубой цвет, очень яркий› (дословно, по внутренней форме — ‹белый — беловатый›).

Смежность беловатых, сероватых и сизоватых оттенков в реальном мире приводит к чрезвычайной легкости семантических переходов между названиями этих цветов. К этой группе переходов можно отнести помимо уже перечисленных следующие:

польск. *siwy* ‹серый› (общепольск.) — *siwy* ‹синий› (Малопольша);

---

[20] *Там же.*

[21] *Там же.*

[22] *J. Laude-Cirtautas. Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in den Turkdialekten. Wiesbaden, 1961, стр. 69.*

[23] *Там же, стр. 88.*

[24] *A. Zaręba. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954, стр. 150.*

[25] *Там же, стр. 36.*

[26] *Там же, стр. 40.*

[27] *Там же.*

рум. *sarg* ‘желтоватый’ (о коне) — *sergočoi* ‘серый’ (о коне) (пункт 316) [28];

татарск. *kük* ‘синий’, ‘зеленый’ — *кик* ‘желтовато-серый’ (о лошади) [29];

рум. *сур* ‘серый’ — болг. *сур*. ‘белый’ (о коне) (XXX) [30];

словенск. *siny* ‘синий’ — — *siniasty* ‘серый’ [31];

сербохорв. *modar* ‘синий’ — рум. *modur* ‘серый’ (о коне) (пункт 2) [32];

сербохорв. *sinji* ‘синий’ — *sinjast*, *sinjav* ‘пепельно-серый’ (о сукне) [33];

укр. *голубы́й* ‘синий’ (IX—XIII) — рум. *hulub* ‘серый’ [34].

Все указанные выше примеры можно объяснить как результат утери или приобретения нового семантического компонента. Трудность восстановления пути семантического развития заключается в данном случае в исчезновении промежуточного звена. Разумеется, переход «синего» в «серый» происходил потому, что первоначальное название обозначало не только чисто синие, но и нейтральные синевато-серые тона. Всегда при семантическом переходе необходимо отыскать то промежуточное звено, в котором присутствуют оба семантических компонента, помогающих объяснить путь семантического изменения [35].

Многочисленны факты механического присоединения нового семантического компонента при сохранении прежнего. Эти примеры не требуют разъяснений:

словенск. *žari* ‘ярко-красный» [36] — укр. *жа́рый* ‘яркокрасный’ (с. Шиловцы Новоселицкого района Черновицкой обл.) [37] — *жэ́рый* (о свиньях) ‘свиньи в полоску — черную и коричневую вдоль хребта’ (I, VI) [38];

укр. *руды́й* ‘рыжий’ (общеукр.) — *руды́й* ‘тигровой масти’ (о котах, собаках) (IV, V);

---

[28] «Atlasul...», карты 275, 276.

[29] J. Laude-Cirtautas. Указ. соч., стр. 79.

[30] Ср. Э. И. Полтораднева-Зеленина. Словарь говора села Суворово Одесской обл. УССР. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 5. М., 1954, стр. 65—144.

[31] M. Kalal. Slovensky slovnik. Banska Bystrica, 1924.

[32] «Atlasul...», карта 276.

[33] F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.

[34] P. Jitariu. Glosar regional. «Limba romîna», 1963, № 5, стр. 534.

[35] Это звено легко восстановить в следующих случаях: словенск. *ruměni* ‘красный’ — словенск. *ruměni* ‘желтый’ (М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901). Идиш. *гил’* ‘желтый’ (XXII) — *гил’* ‘рыжий’ (о собаке) (XXII).

[36] М. Хостник. Указ. соч.

[37] Зарегистрировано в этом же значении в других украинских говорах (см. J. Janów. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskiej. Lwów, стр. 220).

[38] Зарегистрировано и в других пунктах Полесья (см. Cz. Pietkiewicz. Polesie rzeczyckie, cz. I. Kraków, 1928, стр. 70). Весьма вероятно влияние литовского языка. См. литовск. *degti* ‘гореть’ и *degla* (о свиньях) желто-белой масти (С. Субачюс, район Купишкис Литовской ССР, сообщил А. И. Скупас).

польск. *murdzuś*, *murziasty* ‘корова темной масти’ [39];

укр. *мурýгый* ‘темно-серый’ (о корове) [40] — болг. *мургá* ‘вороной’ (о коне) (XXX) — укр. *мурýгый* ‘полосатый’ (о животном) (XV) [41];

укр. *крáсый* ‘красный’ (о корове) (IV, V, IX) — *крáсый* ‘пестрый’ (о корове) (VII).

Семантические изменения, не входящие в вышеперечисленные схемы

Мы перечислили все основные пути изменения значений названий цвета. Сейчас попытаемся найти объяснение некоторым раритетам, представляющим, однако, несомненный интерес.

Рассмотрим следующий случай:

Лексема *голубый* имеет обычно значения «синий», «голубой». Однако в специализированных подсистемах ряда говоров она употребляется в иных значениях:

1) *гóлуба* (о корове) ‘серая’ [42];
2) *голубá* (об овце) ‘серая’ (X);
3) *голýба* (о корове) ‘белая’ [43];
4) *голубá* (о корове) ‘красная с белыми пятнами’ (VI).

Первые три употребления лексемы *голубый* объясняются очень просто как потеря одного из семантических компонентов — «голубовато-серый» → «серый», «светлый + синий» → «белый». Сюда примыкают и те случаи, когда лексемы «зелен» и «син» употребляются в значении «серый» (о конях, овцах) [44].

Четвертое употребление лексемы *голубый* не вмещается ни в одну из вышеописанных схем семантических изменений. Тем не менее это употребление не кажется при серьезном разборе вопроса удивительным. Вспомним, что система цветообозначений каждого говора состоит из ряда подсистем: общей и нескольких специализированных, терминологических. Подсистемы относительно независимы и замкнуты. Это и делает возможным использование любой лексемы общей подсистемы в другом значении в рамках специализированной подсистемы. Входя в специализированную подсистему, лексема оказывается под влиянием новых факторов. При четкой дифференциации мастей коров в говоре VI *красная*

---

[39] *S. Lukasik. Pologne et Roumanie. Aux confins des deux peuples et des deux langues. Paris, 1938, стр. 205.*

[40] *Там же, стр. 205.*

[41] *Ср. О. Н. Трубачев. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 27.*

[42] *В одном из хорватских говоров (см. M. G. Grujić. Imena goveda (Lika). «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb, knj. 26, sv. 2, 1928.*

[43] *В одном из говоров Боснии (см. T. Kanaet. Podvelžje i podvelešci. «Naučno društvo nr Bosne i Hercegovine». Djela, kn. 6, Sarajevo, 1955).*

[44] *См. Т. Kanaet. Указ. соч., а также Ст. М. Мијатовиħ и Т. Бушетиħ. Технички радови Срба селака у Левчу и Темниħу. «Српски етнографски зборник», кн. 32. Београд, 1925, стр. 61—62.*

корова оказывается общим названием, слово *краснопестрая* неприемлемо в силу принципа экономии, поэтому и открывается возможность слову общей подсистемы *голубáја* занять пустую клетку в специализированной подсистеме. Несколько необычное значение лексемы *голубáја* в специализированной подсистеме объясняется самой природой специализированных подсистем. Каждая специализированная подсистема цветообозначений наименований мастей животных состоит из двух слоев слов: прилагательных цвета — имен нарицательных и соответствующих им существительных — кличек животных по масти, имен собственных. Клички животных обычно образуются от названий мастей. Эта тенденция настолько последовательна, что даже родовое название собаки в славянских языках *пьсъ* возводят к корню *pьstrъ*, т. е. «пестрый» [45]. Клички животных как имена собственные не имеют предметного значения, они не значат, а называют. Поэтому столь част отрыв смысла кличек животных от смысла соответствующих им цветообозначений. В обследованных нами румынских говорах Буковины *Ружáна* обозначает либо красную корову, либо красную корову с белыми пятнами и ассоциируется со словом *рýжа* ‘роза’, *Флорјáна* обозначает красную корову с белыми пятнами и связывается со словом *флóри* ‘цветы’. В молдавском говоре XXI произошло переосмысление: *Флорјáна* — это корова, родившаяся либо на троицу (*ла флóри*), либо в среду, либо в пятницу. Примерно такое же развитие претерпела лексема *Флорјáна* в румынских говорах Олтении, где она означает корову, родившуюся в троицын день (*наскýта ла флóри*). В этих же говорах *Ружáна* обозначает корову, родившуюся в вербную неделю (*наскýта ла русулú*) [46].

Можно предположить, что подобный же путь прошла и лексема *голубá*. В говоре III засвидетельствована лексема *голýбка* — кличка любой красивой коровы. Эта же лексема отмечена нами и в говоре VI со значением «краснопестрая корова». Вполне вероятно, что носители данного говора считали краснопестрых коров наиболее красивыми и перенесли на них кличку *голýбка*. Впоследствии под влиянием этой клички прилагательное общей подсистемы *голубы́й* стало ассоциироваться с краснопестрой мастью коров и приобрело новое значение в рамках специализированной подсистемы [47].

---

[45] О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 19—20.

[46] См. St. Pașca. Nume de persoane și nume de animale in Țara Oltului. Academia Romîna. Studii și cercetari, vol. 26, 1936, p. 152.

[47] *Подобного рода энантиосемия не согласуется с тенденцией к логической непротиворечивости значений одного и того же слова. Поэтому в ряде случаев сосуществование столь противоположных семантем ведет к формальному расщеплению прежде единой лексемы. Литовское литературное žãlas ‘красный’ (о корове) формально обособилось от лексемы žalias ‘зеленый’. То же произошло и в латышском языке: zaļš ‘красный’ (о корове), zaļš ‘зеленый’ (см. E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Lief. 17, 1963).*

Конкретные пути приобретения словами общей подсистемы новых значений могли варьироваться, но весьма важен основной принцип: лексема приобрела «необычное» значение потому, что переходила в специализированную подсистему, где само распределение элементов диктовало изменение значения.

Внимательное изучение всех случаев наличия у одной лексемы-цветообозначения двух несовместимых цветовых значений приводит к выводу, что сосуществование этих значений является возможным только из-за их принадлежности к разным подсистемам — общей и специализированной. Изолированность этих подсистем относительно друг друга, а также своеобразная организация каждой из них способствуют психологически нечувствительному для носителей говора одновременному сосуществованию двух разных значений у одной лексемы.

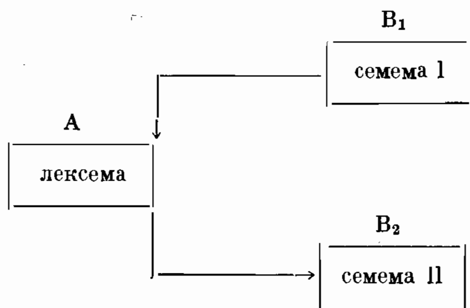
Из семантических изменений, выходящих за пределы поля цвета, отметим три наиболее показательных:

1. Название породы — название цвета: укр. *сымэнтáл'с'ка корóва* ‘порода коров, вывезенных из Симменталя» (Швейцария)— укр. *сымэнтал'на* ‘желтоватая корова’ (XI—XV) — рум. *цыментáлэ* ‘желтоватая корова’ (XVIII—XX); польск. *rasowy byk* ‘племенной бык’ — укр. *расóвый бык* ‘бык красной масти’ (IV, V); рум. *svaițaru* ‘швейцарский’ — рум. *svait*, *svaițaru* ‘пестрый’ (о коне).

2. Цвет поверхности предмета (животного) — иное свойство поверхности предмета (животного): сербохорв. *rud* ‘красноватый’ — *rudast* ‘густой’ ‘кудрявый’ (о шерсти овец); укр. *рунúстый* ‘курчавый’ (о шерсти) (I, III и др.) — укр. *рунúстый* ‘зеленый’ (о жите) (VI).

3. Название цвета — название политической принадлежности: укр. *крáсный* ‘красный’ (VI) — укр. *крáсный* ‘советский’ (VI); укр. *сов'éтский* ‘советский’ (I) — укр. *сов'éтский* ‘яркокрасный’ (о полотне) (I).

При любом семантическом изменении происходит установление связи лексемы с новым содержанием — с новой семемой. Этот сдвиг можно изобразить графически следующим образом:

Слово в первоначальном значении представляет собой единство лексемы А и семемы B_1, слово в изменившемся значении — единство лексемы А и семемы B_2. Изменение значения происходит как установление связи между лексемой А и семемой B_2. Если обе семемы B_1 и B_2 принадлежат к семантическому полю цвета, то они могут связываться с одной и той же лексемой при наличии у них хотя бы одного общего семантического компонента. Семантическое изменение происходит либо путем прибавления к семеме B_1 семантического компонента (B_2 — B_1), либо путем утери семемой B_1 семантического компонента (B_1 — B_2). Оба цветовых значения — и прежнее, и новое — могут сохраняться в смысловой структуре слова (А B_1 B_2) при том условии, что одно из значений относится к общей подсистеме цветообозначений, а второе — к одной из специализированных подсистем.

Любое семантическое изменение происходит в результате некоторого опосредствованного, прошедшего через человеческое сознание, сближения соответствующих семемам B_1 и B_2 предметов или свойств действительности. Если обе семемы принадлежат к одному и тому же семантическому полю, изменение обязательно произойдет путем прибавления или потери семантического компонента, так как семемы семантического поля связаны между собой общими семантическими компонентами. Эта закономерность недействительна в том случае, когда семемы B_1 и B_2 относятся к разным семантическим полям. Семемы B_1 и B_2 не имеют при этом общих семантических компонентов, поэтому семантическое изменение приводит к установлению новых связей между двумя семантическими полями. Если связь двух семем, принадлежащих к разным семантическим полям, оказывается универсальной для многих языков, то можно говорить о семантической закономерности. Таковы пары семем «зеленый» — «молодой», «белый» — «хороший», «черный» — «плохой».

Системная организация семантического поля накладывает ограничения на свободу семантических переходов. Когда семема B_2 уже связана с какой-то лексемой A_2, семантическому переходу B_1 — B_2 через лексему A_1 ставится препятствие в виде слова A_2B_2. Связь системности семантического поля со свободой семантических изменений внутри этого поля можно показать следующим образом[48]:

№ пункта	'Темно-красный' (о коне)	'Серый' (о коне)	'Пестрый' (о коне)
414	roib	murg	pag
886	roib	murg	bălţat
723	murg	roib	balţat
899	murg	castaniu	dereş
928	roib, murg	bučiu	bălţat
872	roib	dereş	bălán
193	vereş	murg	rotat

[48] *«Atlasul...», карты 275—277.*

В пункте 928, например, обе лексемы *murg* и *roib* оказались синонимами, поскольку клетка «серый» оказалась занятой. В пунктах 414, 886, 723 эти лексемы связаны с разными семемами, так как обе клетки оказались свободны. Один семантический сдвиг может вызвать «цепную реакцию» сдвигов в семантическом поле. В пункте 899 лексема *murg* заняла клетку «темно-красный», а в пустую клетку — «серый» — попала лексема *castaniu*, первоначальное значение которой — «каштановый». Семантические изменения, как и фонологические, происходят путем заполнения пустых клеток системы. В пункте 192 лексема *murg* связана с семемой «серый», а пустая клетка — семема «темно-красный» — была заполнена заимствованием из венгерского языка — лексемой *vereş*. В пункте 872 в незаполненную клетку «серый» устремилась лексема *dereş*. При занятии ею этой клетки осуществился семантический переход «пестрый» — «серый».

Вопрос о закономерностях семантических изменений представляет особый интерес для типологии семантики. Изучение путей семантического развития может в ряде случаев послужить основой для построения в целях типологии семантики моделей — эталонов семантических микрополей [49]. Однако мы здесь не идем по этому пути, так как в рамках нашего семантического поля модель — эталон была получена более легким способом. Тем не менее полученный нами материал о закономерностях семантических изменений может быть использован и для построения типологии семантики на иных основах.

8. ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА ПЕРЕСТРОЙКУ СИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ И НА НАПРАВЛЕНИЕ ИЗОЛЕКС

Под языковым контактом мы понимаем здесь взаимодействие двух языков (говоров) на лексическом уровне, ведущее к взаимному сближению семантики этих языков (говоров). В предыдущих разделах мы уже рассмотрели вопросы, связанные со сближением семантических структур полей цвета двух говоров, а также их характеристик — разветвленности и ширины дистрибуции — при контактировании этих говоров.

Сейчас мы перейдем к описанию процессов, происходящих при лексическом заимствовании — результате языковых контактов, и влияния языковых контактов на географическое размещение тех или иных лексем на определенных территориях. Эти проблемы касаются не только плана содержания, но в первую очередь плана выражения рассматриваемой нами группы слов и потому не могли быть освещены раньше.

При заимствовании лексики критерий существования сильных и слабых звеньев системы цветообозначений оказывается не-

[49] *См. Н. И. Толстой. Указ. соч.*

действительным. Вся система цветообозначений в целом подвергается интенсивному воздействию иной системы цветообозначений. Конечный пункт этого воздействия — полная унификация обеих систем. Поэтому каждая пара рассматриваемых нами систем находится на пути к такой унификации. Воздействие одной системы на другую чаще, чем это можно было бы предполагать, носит односторонний характер.

Например, говоры идиш и цыганские говоры подвергались иноязычному влиянию, в свою очередь не оставляя заметного следа на окружающих говорах. Литературные языки самым радикальным образом разрушают структуры диалектной лексики, не испытывая обратного влияния. Отсутствие обратной связи вызывается обычно целым комплексом условий социально-культурного плана. Почему южнорусский говор с. Белая Криница (говор XVI), находящийся в течение нескольких веков в изоляции среди украинских и румынских говоров, заимствовал множество лексем, ничего не дав взамен? Очевидно, потому, что социально-культурная эволюция определялась в целом большим коллективом народонаселения и изолированный островок иноязычного старообрядческого населения (село состоит из 200 дворов), стойко сохранявший свой жизненный уклад, подвергся общим тенденциям, не будучи в состоянии оказать обратное влияние хотя бы в силу своей малочисленности.

Случаи взаимовлияния отмечены нами на Буковине (украинско-румынские) и в Южной Бессарабии (украинско-гагаузско-болгарско-молдавско-албанские). В последнем случае это взаимовлияние носит неглубокий характер и ограничивается преимущественно лексикой специализированных подсистем.

Рассмотрим основные результаты влияния одной системы цветообозначений на другую. Результаты этого влияния вызывают изменения в форме, значении и дистрибуции слов. Когда в говоре В, подвергающемуся влиянию говора А, отсутствует слово, равное по значению заимствованному, то:

а) слово проникает в говор В, сохраняя и прежнюю форму, и прежнее значение:

польск. *granatowy* — укр. *гранатовый* (VII, XIII);

польск. *pomarańczowy* (XXIII) — укр. *помаранчо́вый* (XI, XIII);

польск. *liliowy* — укр. *лилиjо́вый* (XII, XIII);

польск. *cytronowy* — укр. *цытроно́вый* (XI);

польск. *kremowy* — укр. *кремо́вый* (XI);

русск. *ора́нжевый* — идиш *ора́нжевы* (XXII, XXV, XXVI, XXVII);

укр. *бурачко́вый* — идиш *бурачко́вы* (те же говоры);

б) заимствованное слово сохраняет прежнее значение, но фонетически значительно изменяется в соответствии со звуковым строем говора В:

рум. *аламыу* (XVIII, XIX, XX) — укр. *ламо́вый* (XII);

польск. *kawowy* (XXXII) — укр. *кафо́вый* (XI, XIII, IV);
укр. *ро́зовый* (VI) — рум. *ро́зиви* (XX);
польск. *bronzowy* — идиш *бро́нз* (XXIV);
рум. *аламы́у* (XVIII—XX) — укр. *нэла́јный* (IX);
польск. *brunatny* — укр. *брума́ткый* (X);

в) заполняется та же клетка семантического поля, но материалом говора В — слово калькируется (полная замена формы при сохранении значения):
рум. *ченуши́у* (XVIII—XX) — русск. *золо́вый* (XVI);
рум. *памынто́с* (XIX) — укр. *зэмн'ань́й* (X);
укр. *цыгло́вый* (XI) — рум. *карамизи́у* (XIX).

Если при заимствовании место заимствованного в говор В слова уже занято, то возможны следующие случаи:

а) оба слова сосуществуют и употребляется попеременно (две лексемы «обслуживают» одну семему): *чэрво́ный/чырлэ́ный* (XIV),
кра́сный/черво́ный (I—VI),
корычнэвы́й/т'ма́ный (II, IV),
кирпи́чный/цыглја́ный (II),
фиолетовы́й/бэзо́вый (II),
кори́чневы/бројн (XXII);

б) дистрибуция слова говора В сужается, и освободившееся место занимает заимствованное слово (незначительное фонетическое изменение лексемы при изменении дистрибуции семемы): *гру́в* (только о волосах) — *с'е́ры* (обо всем остальном) (XXVI, XXVII); *сы́вый* (обо всем, кроме глаз) — *с'и́рый* (только о глазах) (II);

в) значение слова говора В сужается, и это место занимает заимствованное слово (незначительное изменение формы при сужении объема значения): *сы́вый* 'темно-серый' — *с'ерый* 'светло-серый' (IV); *рожо́вый* 'темно-розовый' — *ро́зовый* 'светло-розовый' (с. Кокорица Дрогичинского района Брестской обл.); *черлэ́ный* 'светло-красный' — *чэрво́ный* 'красный' (с. Нова Жадова Сторожинецкого района Черновицкой обл.).

Все вышеперечисленные случаи являются тривиальными, и мы их приводим лишь как иллюстрацию различных путей проникновения слов из одной системы в другую при контакте. Подлинно научное освещение вопросов контактирования должно, как нам кажется, проводиться в рамках вначале отдельного изучения двух «чистых» типов, а затем изучения их интерференции в «смешанном» типе.

К сожалению, совершенно неясны критерии выделения «чистых» и «смешанных» типов, а сама процедура полного описания даже микросистем настолько трудоемка, что лингвисты, на словах декларируя необходимость такого подхода, редко идут дальше фонологического уровня [50].

---

[50] *Программу подобного рода исследований можно найти в кн. И. W e i n r e i c h. Languages in contact. New York, 1953.*

Мы попытались провести очень несовершенный опыт изучения взаимодействия двух систем цветообозначений на материале влияния украинского литературного языка на украинский говор с. Нова Жадова Сторожинецкого района Черновицкой обл. Система цветообозначений этого говора идентична уже описанной нами системе говора XI. Отметим необычайное богатство системы цветообозначений в этом районе, что в значительной мере объясняется тонко развитым чувством цвета у местного населения [51]. Цветообозначения говора были собраны путем опроса 27 информантов — женщин в возрасте 40—60 лет, никогда не выезжавших из села. В какой-то мере это служило гарантией того, что нам удалось получить «чистый» тип. Поскольку «чистота» определялась только относительно украинского литературного языка, контактировавшего с говором не более 16 лет (наш эксперимент проводился в сентябре 1959 г.), можно быть уверенным в достоверности результатов опроса. Затем путем анализа произведений украинской художественной литературы был выделен список цветообозначений украинского литературного языка. Мы должны были по нашей стандартной схеме установить систему цветообозначений современного украинского литературного языка. С этой целью было опрошено 16 преподавателей украинского языка в средней школе. При опросе испытуемые были предупреждены, что крайне желательно получить факты литературной нормы. Списки слов, извлеченных из художественной литературы и полученных от информантов, были сравнены и общие для них элементы включались в систему цветообозначений литературного языка.

Система цветообозначений украинского литературного языка

1	червоний	1b, c × 4b	фіолетовий
2	жовтий	1 × 7b	коричневый
3	зелений	1 × 6a	бурачковий
4a	блакитний/голубий	1b × 1b	вишневий
4b, c	синій	2b × 1a	оранжовий
5	білий	2b × 6b	цегельний
6	чорний	2c × 2c	жовтогорячий
7	сірий	3a × 2a	салатовий
		4b × 7b	сизий
		1a,b × 5b	рожевий

[51] *«Гуцульская колористика проявляется в многогранных формах, например, в цветной мозаичной инкрустации на изделиях из дерева и мягких металлов; в «плетенках» и «гердонах» с геометрическими узорами, выплетенными путем мастерского нанизывания мелких разноцветных бусинок; в весенне-пасхальных «писанках» с узорами, выполненными тонким рисунком в природных красках на яйцах; в вышивках на сорочках; в производстве цветных узорчатых ковров; в утонченности орнаментально-цветной посуды; в эстетическом оформлении отдельных частей мужской и женской одежды и т. д. и т. п.» (Б. В. Кобилянський. Діалекти і літературна мова. Київ, 1960, стр. 212).*

1b × 7a	рудий	4b × 4b	ультрамаріновий
2b × 5b	золотий	1b × 4a	малиновий
1a × 4b	бузковий	1c × 4c	чорнильний [52]

С. Нова Жадова расположено в 17 км от районного центра Сторожинец, в стороне от путей сообщений, к моменту проведения эксперимента не было радиофицировано. Это изолированное положение позволяет считать, что украинский литературный язык еще не смог оказать здесь сильного влияния. Поэтому мы избрали объектом нашего эксперимента не взрослых, а школьников Новожадовской семилетней школы. Это учащиеся 5—7 классов, уже испытавшие через школу и чтение художественной литературы влияние литературного языка [53]. Усвоив вначале в семье диалектную систему цветообозначений, учащийся сталкивается в школе с новой для него системой цветообозначений литературного языка. Как это противоречие разрешается в языковой практике школьников в возрасте 9—13 лет?

Был проведен индивидуальный опрос 70 учащихся по обычной процедуре. Если обозначить употребление слова литературного языка +, диалектизма — и выразить количество положительных и отрицательных ответов в процентах (имеется в виду, что 100% — это согласие в ответах всех 70 испытуемых, 50% — 35 испытуемых и т. д.), то полученные данные представляются следующим образом: 1 + чэрвóный 100%, 2 + жóўтый 100% 3 + зэлэ́ный 100%, 4a + голубы́й 50% — сы́ний 50%, 4b, c + сы́ний 50% — голубы́й 50%, 5 + би́лый 100%, 6 + чóрный 100%, 7 + си́рый 70% — сы́вый 30%, 1b, c × 4b + фиолэ́товый 18% — лилиjóвый 72%, 1 × 7b + коры́чнэвый 24% — кафóвый 66%, 1b × 6a + бурачкóвый 100%, 3 a × 5b — трав'jаны́й 50%, 2a × 1a — кукурудз'óвый 42%, 1a, b × 5b + рóзовый 40% — ружэ́вый 60%, 1c × 4 c + чорны́л'ный 80% 2b × 1c + ора́нжовый 100%, 2b × 5b + лимóновый 100% 1b × 1b + вышнэ́вый 100%.

Цветообозначения, основанные на сравнении с цветом конкретного предмета (типа *вышнэ́вый*), совпадают обычно с литературным языком, и потому полностью исчезают из речи детей лишь те слова, где исчезает основа этого сравнения (названия *помаранчóвый*, *цытронóвый* исчезли из речи учащихся потому, что *помара́нч* они уже называют *апельсином*, а *цытры́ну* — *лимоном*).

---

[52] *Как обычно, приведены лишь те названия, которые были названы без колебаний большинством испытуемых (и которые отмечены и в художественной литературе — в данном случае).*

[53] *Возникает типичная для билингвизма ситуация. Учащиеся общаются с учителями только на украинском литературном языке, на котором ведется преподавание. Литературный язык и говор четко дифференцируются учащимися в соответствующих ситуациях. При опросе учащихся мы просили дать название образцу цвета и по истечении 30 секунд после показа образца цвета записывали ответ.*

Очень трудным являлся для наших испытуемых выбор между названиями *сы́ний* и *голубы́й*. В то время как в говоре *голубы́й* обозначает «синий», в литературном языке его значение — «голубой». Обратное явление — со словом *сы́ний*. Как видно из цифры 50%, лишь половина испытуемых усвоила литературную норму. Легко было усвоено учащимися новое для них слово *чорны́л'ный* (+80%), тесно связанное со школьным обиходом. Вытеснялись слова *кукурудз'о́вый* (— 42%) и *трав'jаны́й* (— 50%), не имеющие соответствия в литературном языке. Диалектные *кафо́вый* и *лилиjо́вый* начинают также уступать свои позиции. Вытеснено и слово «*сы́вый*» (— 30%).

Попытаемся определить меру сдвига системы цветообозначений говора по направлению литературного языка, пользуясь обычной формулой измерения типологической близости семантических полей. Будем считать, что если 50% и более испытуемых назвали слово литературного языка, то данный элемент говора совпал с литературной нормой. Близость между системой цветообозначений взрослых носителей говора и системой цветообозначений литературного языка равна 0,55, а между «смешанным» типом и литературным языком 0,64, причем «смешанный» тип остался ближе к «чистому» типу говора, чем к литературному языку — их близость 0,74. Таким образом, как и «смешанный» тип любого явления, система, подвергшаяся влиянию, сохраняет компромиссное положение между обоими полюсами.

После проведения эксперимента в течение всего 1959/60 учебного года на уроках украинского языка мы систематически проводили с испытуемыми упражнения на усвоение и закрепление лексики литературного языка, в частности цветообозначений. Будучи заранее уверенными в том, что учащиеся окончательно перешли к системе цветообозначений литературного языка, мы провели в мае 1960 г. повторный эксперимент. Результат эксперимента оказался, однако, неожиданным. Мы получили те же данные (с незначительными колебаниями в ту или иную сторону), что и в первый раз. Очевидно, уже ко времени первого эксперимента семантическая система языка учащихся достигла под влиянием литературного языка какого-то промежуточного между литературной нормой и говором устойчивого состояния. Это устойчивое состояние является, по всей вероятности, оптимальным компромиссным вариантом между двумя системами и нарушить его трудно. Мы не учитывали и того факта, что большинство времени дети находятся не в школе, а дома — в среде говора.

Можно предположить, что при всяком языковом контакте с сохранением состояния билингвизма и одинакового престижа обеих конкурирующих систем достигается некоторое устойчивое промежуточное состояние «смешанной» системы, когда в дальнейшем контактирование не вносит существенных изменений в «смешанную» систему.

Последнее, на чем мы остановим свое внимание,— это размещение тех или иных лексем на определенных территориях под влиянием языковых контактов. Как уже отмечалось, лексика общей подсистемы цветообозначений легко проницаема при языковом контакте. Например, в результате влияния польского языка в украинских говорах Буковины появились слова *помаранчо́вый*, *цытроно́вый*, *гранато́вый*, *н'ебес'кий*, под влиянием румынского — *ламо́вый*, *сконтиjо́вий*. Локализация слов, заимствованных из польского языка, в ареале территорий, находившихся на границах бывшего Царства Польского, является самоочевидным фактом.

Лексика специализированных подсистем цветообозначений гораздо более проницаема при языковом контакте, чем общая подсистема. Это обусловлено более тесной связью терминологии с явлениями культуры. Коневодство занимает в хозяйстве тюркских народов исключительную роль. В результате сравнительно давнего контакта с тюркскими языками в славянских языках появились заимствования в терминологии коневодства: *карый*, *бурый*, *буланый*, *чалый*. Однако эти слова отмечены лишь на территориях, находившихся под татаро-монгольским игом [54]. В южнославянских языках вышеуказанные лексемы не появились. Характерно, что не знает их и румынский язык.

С другой стороны, позднейшее влияние тюркских языков сильно сказалось на коневодческой терминологии южных славян, причем были заимствованы уже другие лексемы: *сур*, *калеш*, *алат*, *jурук*, *чиласт* и др. Интересен ареал распространения слова *дэ́рэш*, пришедшего в славянские языки из венгерского. Положение Венгрии в центре славянского языкового мира обусловило распространение этой лексемы во всех направлениях — она попала в южные, западные и восточные славянские языки и в румынский. Два других венгерских слова *шарг* и *таркат* проникли в румынский и цыганский языки, а в славянском мире отмечены в говорах Буковины и Закарпатья, куда они попали не без посредничества румынского языка.

Дальнейшее их продвижение в сферу славянского языкового мира было задержано, очевидно, из-за наличия в славянских языках твердо установившихся обозначений соответствующих мастей — *буланый* и *пестрый*. Это предположение подтверждает тот факт, что лексема *шарг* засвидетельствована и в южнославянских языках, где лексема *буланый* отсутствует [55].

Лексема *дэ́рэш* закрепилась в славянских языках, так как она обозначает сложную масть, для которой у славян не было особого слова. Распространение породы лошадей соответствующей окраски вызвало, однако, необходимость в специальном обозначении.

---

[54] *W. Kuraszkiewicz. Nazwy maści końskich dziś i w 1595 r. «Język polski», 1960, t. 29, N 4, стр. 153.*

[55] *См., например, «Zb. za narodni život...», knj. 20. Zagreb, 1915, стр. 230—231.*

Заимствование специальной терминологии ускорилось за последнее столетие из-за расширения торговли и обмена между различными областями. Таким образом попали в славянские языки из немецкого названия мастей *Schimmel*, *Fuks*, *Schwarz*. Шт. Пашка пишет по этому поводу: «Конь, корова, овца, попавшие на рынок из удаленных областей и купленные там румынским крестьянином, приносят с собой в румынское село иностранное имя, данное им прежними владельцами» [56].

Лексемы, взятые из немецкого языка, распространены на территории бывшей Австро-Венгрии — в славянских говорах Югославии, Чехословакии и Буковины [57] — и их заимствование было вызвано включением этих областей в экономическую общность с германоязычными областями [58].

Как уже отмечалось, специализированные системы цветообозначений состоят из двух наборов лексем: прилагательных — названий мастей и существительных — кличек животных по масти. Первоначальное состояние специализированных подсистем хорошо сохранилось в литовских говорах, где субстантивированные прилагательные — названия цвета служат кличками животных. Такое же состояние наблюдается и в говорах Полесья, где исконная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде. Оно характерно и для южнославянских языков. Можно перечислить следующие полесско-сербохорватские изолексы: ла́са — *lasa* (*lasko*) [59], *пыр'и́ста* (*Пыри́нја*) — *perova*, *peroňa* [60], *поло́ва* — *plava* (*plavuša*, *plavoňa*) [61], *рыжа* *riđa* (*riđovka*) [62], *ру́да* — *ruda* (*rudova*, *rudońja*) [63], *си́ва* — *siva* (*sivonja*) [64], *краса* (*Красу́лја*) — *krasa* (*Krasuja*) [65], *гныда́ја* —*gneda* [66], *лы́са* — *lisa* (*liska*) [67].

Эти изолексы проходят через все славянские территории. Существует, однако, весьма любопытная зона, где часть изолекс прерывается — район Буковины и части Закарпатья.

---

[56] *St. Pașca. Указ. соч., стр. 151.*

[57] *См. «Zb. za narodni život...», knj. 20; A. Gregor. Slovnik nářeči slavhovskobučovického. Praha, 1959; J. Malina. Slovnik nářeči mistřického. Praha, 1946. Об этих лексемах о германских говорах см. O. Heilig. Tiernamen und Verwandtes in der Mundart von Ballenberg. «Zeitschrift für deutsche Mundarten», 1910, Heft 4, стр. 359—367.*

[58] *Наличие этих лексем в районе польской Силезии объясняется подобными причинами.*

[59] *J. Kralić. Krale (u turskoj Hrvatskoj). «Zb. za narodni život...». Zagreb, zv. I, I pol., стр. 96—97.*

[60] *F. Ivanišević. Polica. «Zb. za narodni život...» Zagreb, knj. 9, zv. I, 1904, стр. 25—144.*

[61] *J. Kralić. Указ. соч.*

[62] *M. G. Grujić. Указ. соч.*

[63] *Там же.*

[64] *T. Kanaet. Указ. соч.*

[65] *Там же.*

[66] *«Zb. za narodni život...», knj. 20; Д. Молеров и К. Молеров. Народописни материали от Розложско* С—НУ XLVIII. *София, 1954, стр. 552.*

[67] *J. Kralić. Указ. соч.*

Здесь наблюдается полный разрыв между двумя наборами лексем специализированных подсистем цветообозначений. Клички животных по масти — *Бала́ја*, *Ружа́на*, *Флори́ка*, *Ми́н'ка* не имеют соответствующих им прилагательных — цветообозначений (XI—XIV). Это в особенности характерно для терминологии овцеводства и крупного рогатого скота. Носители этих говоров вместо того, чтобы пользоваться двумя наборами лексем, обходятся только одним. Поэтому тщетны были наши попытки выявить при опросе информантов соответствующие прилагательные — их в этих говорах не оказалось.

Своеобразное явление исчезновения прилагательных в специализированных подсистемах объясняется сильным влиянием на украинские говоры Карпат румынских говоров. Румынский элемент был основным в волнах валашской колонизации, приходивших в северные Карпаты с юга. Валашская скотоводческая терминология была заимствована многими говорами восточных и западных славян. Она проникла и в Словакию [68], и в Южную Польшу [69], и в Чехию [70] — во все те районы, куда доходили валашские пастухи. Она определила и характер терминологии скотоводства в зоне ее непосредственного влияния — в украинских говорах Буковины и Закарпатья.

Во время собирания наших материалов на Буковине нам часто приходилось делать записи в румынском селе, а затем — в соседнем украинском. И всегда оказывалось так, что названия животных по масти в обоих говорах совпадали.

Вытеснение лексемами румынского языка прежнего состава специализированных подсистем славянских говоров и привело к своеобразной ситуации, когда носители говоров обходятся только одним набором лексем — кличками животных, ставя им при необходимости в соответствие лексемы общей подсистемы цветообозначений — такие, как *чо́рный*, *би́лый* и др.

Скотоводческая терминология в румынских говорах сложилась в свою очередь под влиянием южнославянских языков [71]. Об этом свидетельствуют лексемы — клички животных в румынских говорах: *Pistra*, *Breaza*, *Breazona*, *Bala*, *Siva*, *Plava*, *Plavuica*, *Murga*, *Lisei*, *Mura*, *Pintena* и др.[72] Кроме того, в румынских говорах имеются и заимствования из других балканских языков:

---

[68] *G. Horák. Narečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 183; D. Cranjală. Rumunske vlivé v Karpatech. Praha, 1938.*

[69] *B. Kopczyńska-Jaworska. Das Hirtenwesen in den polnischen Karpaten. «Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa». Budapest, 1961, стр. 433.*

[70] *J. Belič. Dolska nářeči na Moravě. Praha, 1954, стр. 183.*

[71] *Z. Gołąb. Генетички врски мегу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскијот елемент во ова подрачје. «Македонски јазик», 1959, кн. 1—2, стр. 21—22.*

[72] *P. Gradea. O culegere de cuvînte bănătene. «Materiale și cercetari dialectale», I. București, 1960, стр. 140—141; T. Teaha. Graiul din valea Crișului Negru. București, 1961.*

laie (и отсюда *balaie*, *bucalaie*) [73] и собственно румынские слова: *Florana*, *Oacheșa*, *Rujana*, *Cincș* и др. [74] Вся эта лексика влияла на скотоводческую терминологию карпатских славян. Клички овец по масти полностью обязаны своим происхождением румынскому влиянию (X).

Названия мастей крупного рогатого скота только частично подверглись перестройке. Существуют карпатско-южнославянские изолексы типа *чола́ва*, *бу́ба*, *ла́са*, в отношении которых трудно решить, являются ли они древними изолексами, или же обязаны румынскому посредничеству.

Таким образом, контакт украинских карпатских говоров с румынским языком вызвал изменения в географическом размещении рассматриваемых нами лексем. Помимо чисто внутриструктурных преобразований в семантическом поле отдельного говора, языковые контакты вызывают и территориальную перегруппировку лексем.

9. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что при типологическом сравнении семантики говоров первостепенное значение имеет продуманная методика сбора диалектных данных. От качества и формы записи зависит сама возможность типологии семантики, причем требуется большее проникновение исследователя в материал говора, чем при сборе данных в целях изучения других уровней языка.

Желательна унифицированная методика опроса информантов и всесторонняя проверка достоверности записанных материалов. Последний факт приобретает особое значение потому, что именно в области семантики на основе непроверенных данных часто делаются далеко идущие заключения об особенностях мышления народа, говорящего на данном языке, о специфике его мировоззрения и т. д.

В целях типологии семантики особый интерес составляет изучение группы близкородственных говоров. Здесь можно учесть минимальные различия говоров как в плане выражения, так и в плане содержания, изучить возможную связь хозяйственного уклада и типа культуры носителей данного говора с особенностями семантики этого говора. В этом плане многое могут показать характеристики ширины дистрибуции и разветвленности семантических полей говора.

Полесье представляет собой своеобразную лингвистическую область. Интенсивность языковых контактов здесь намного ниже, чем в карпатском ареале. Этим, в частности, объясняется необычай-

---

[73] *S. Pușcariu. Laie, Bucalaie. «Dacoromania», 4, 1924—1926 стр. 720—735.*
[74] *T. Teaha. Указ. соч.*

ная близость семантики полесских говоров на фоне других славянских говоров.

Языковые контакты менее всего исказили реальную картину первоначальных взаимоотношений этих говоров, и этим самым намного повышается важность полесского диалектного материала для реконструкции предшествующих этапов развития славянских языков. Наше исследование иллюстрирует это наличием стойких полесско-карпатско-балканских изолекс — названий мастей животных.

Наблюдения, приводимые в настоящей работе, носят по необходимости частный характер, будучи ограничены рамками одного семантического поля — цветообозначений. Однако сравнение их с другими материалами этого сборника показывает, что ряд выявленных закономерностей носит более общий характер, чем это могло бы показаться на первый взгляд [75].

---

[75] *Автор выражает свою искреннюю признательность коллективу авторов этого сборника — участникам полесской экспедиции — за постоянное дружеское внимание и поддержку на всех этапах подготовки работы и за существенную критику некоторых спорных положений, содержавшихся в ней.*

А. А. Кривицкий

ИЗ СЛОВАРЯ ПОЛЕССКИХ РЫБОЛОВОВ

Одним из подсобных трудовых занятий белоруса-полешука было до последнего времени *рыбакаванне*, т. е. рыболовство. Ловля рыбы при этом являлась не просто охотничьим увлечением только нескольких человек в селении или постоянным промыслом группы местных жителей или, наконец, приятным отдыхом и развлечением. Это была дополнительная довольно тяжелая (чаще ночная) работа по добыче пропитания, которой почти круглый год занимались мужчины в каждом крестьянском дворе, если поблизости протекала речка, либо было озерцо или даже болото. Вылавливалась рыба прежде всего для своего стола. Вместе с тем она, как и ягоды и грибы, была, так сказать, важнейшим товаром местного «экспорта» на ближайшие рынки (в частности, вяленые вьюны).

Естественно поэтому, что словарь и фразеология местного рыболовства — это не какое-то особое дополнение к местной системе общеупотребительных языковых средств, известное только тонким знатокам этого дела, и тем более не «язык избранных», как, например, профессиональный жаргон ремесленников, а в подавляющем большинстве своих единиц языковые средства широкого местного употребления и повседневного общения. Такой характер имеют, в частности, обозначения трудовых процессов, связанных с ловлей и обработкой рыбы, названия частей тела рыбы, деталей и элементов рыболовных орудий, названия вспомогательных приспособлений, описательные выражения и пр. При обозначении предметов и процессов, связанных с рыболовством, очень широко используются общеупотребительные слова в переносном, фигуральном или условном значении типа *перо* (плавник рыбы), *гребень* (спинной плавник рыбы), *клещи* (клешни рака), *мотыль* (блесна-вертушка, или вообще дорожка), *вилка* или *сохор* (двурогий держак, к которому крепится сачок), *пробка* (поплавок), *молоток*, *довбня* (специальное приспособление для глушения рыбы подо льдом), *сердце* (проход в ловушку), *прутянка* (снасть из лозовых прутьев), а также слова типа *головка*, *шейка*, *спинка*, *ручка*, *ножка*, *крыло*, *хвост*, *задник*, *вершок*, *спод*, *лапа*, *нос*, *чере-*

во, *ключ*, *шесток*, *цепок* и многие другие подобные им в соответствии с хорошо известным широким терминологическим значением этих слов.

Конечно, как с процессом ловли и обработки рыбы, так и с понятиями о деталях и элементах рыболовных орудий связано много своеобразных, узко «рыбацких» слов и терминологических словосочетаний (выражений). Но больше всего их в номенклатуре местной ихтиофауны и снастей, иначе говоря, среди названий различного рода рыб местных водоемов и названий местных видов рыболовных орудий. Соответствующие сферы более специализированы по относящейся к ним лексике, чем другие. Материалы по словарю полесских рыболовов и содержат преимущественно этого рода лексику [1]. Из лексики, зарегистрированной как названия рыб, дается около 60 слов. Это не все то, что было отмечено (а тем более, что имеется в говорах). Помещены из числа зарегистрированных названий только те, о значении которых у нас есть определенные данные, и эти данные не вызывают сомнений.

По свидетельству специалистов, водоемы Полесья населяет около 40 видов рыб [2]. Однако местные названия относятся в основном к 25—30 видам. Остальные виды рыб не называются (по крайней мере по имеющимся материалам) либо потому, что не замечаются или не отличаются от других в связи с отсутствием к ним особого практического интереса (минога, гольян, подкаменщик, горчак и прочая мелочь), либо потому, что уже давно не встречаются местным рыболовам (осетр, стерлядь, вырезуб, сазан и др.). Последние, конечно, если и не называются сейчас, то имели, очевидно, свои местные обозначения в прошлом. Эти названия иногда сохраняются в воспоминаниях. Но их значение лишено предметной определенности (*осец'ȏр говбрац' такáјa ры́ба булá*, *што сêтку рêжэ*(?!) — дер. Шестовичи).

Членение рыб на виды и разновидности, или, так сказать, местная систематика рыб, набор названий и их распределение в разных пунктах имеет свои особенности. Но по представленному материалу об этом судить нельзя. В нем отразились не только местные различия в систематике и названиях рыб, но и разница в полноте и объеме собранного материала в обследованных селениях.

Среди местных названий рыб отмечаются два типа лексических обозначений. Одни лексические обозначения представляют собой

---

[1] *Кроме собственных записей (деревни Лопатин, Велута, Ольманы, Рубель, Хоромск, Шестовичи, Боложевичи) использованы материалы, собранные другими участниками полесских экспедиций — Г. Вешторт (деревни Одрижин, Власовцы, Заречка), Л. Железняк (деревни Конотоп, Дерновичи, Довляды), В. Кочановским (деревни Пуховичи, Голубица, Злодин, Антонов, Здитово, Спорово) и П. Сигедой (деревни Олтуш, Луково, Сварынь).*

[2] *В. С. Пенязь. Состав ихтиофауны и темп роста промысловых рыб белорусского Полесья. «Труды комплексной экспедиции по изучению водоемов Полесья». Минск, 1956; А. Ф. Ляшенко. Рыбы нижнего течения р. Припяти. «Труды Института гидробиологии АН УССР», № 23. Киев, 1929.*

как бы собственные имена видов рыб (типа *щука*), иначе говоря, между словом и понятием (или представлениями) о виде рыбы наблюдаются непосредственные отношения или прямая связь. Другие лексические обозначения видов рыб выступают в качестве названий благодаря наличию в них особого промежуточного общего значения рыбы с определенными признаками (типа *верховодка*, *плотка*). Это значение как бы опосредствует то, что данный вид рыбы имеет данное название, и наоборот. В материалах эти типы названий различаются характеристикой значения. К названиям первого типа дается только общепринятое в специальной литературе на русском языке название рыбы [3] и его латинский эквивалент. Названия второго типа, кроме соответствующих указаний на то, что они называют, сопровождаются дополнительной описательной характеристикой своего значения.

Из лексических названий различных рыболовных орудий представлено около 50 слов.

Рыболовные орудия полесских рыболовов предварительно, по имеющимся материалам, можно разделить на три группы — крючковые, сеточные и ударные.

Крючковые орудия для ловли рыбы — это различные рыболовные снасти в виде шнуров с одним или несколькими крючками на конце, на которых засекается рыба (сама или рыболовом), заглотнув маскирующую крючок естественную или искусственную приманку. Разновидностей крючковых рыболовных снастей, распространенных в Полесье, известно пока, по имеющимся материалам, немного. Это различного рода удочки (см. *удка*, *кормак*, *мотыль*) и переметы (см. *перемет*, *перепона*).

Значительно больше различных видов снастей со своими особыми названиями среди сеточных рыболовных орудий. К ним относятся рыболовные снасти с ячеистыми нитяными или густыми лозовыми стенками, куда рыба попадает сама или загоняется рыболовами. Основных типов сеточных снастей два — ловушки и сети.

Ловушки — это небольшие воронкообразные, бочкообразные или даже корытообразные приспособления для захода рыбы из сетевого полотна или лозовых прутьев. Различаются прежде всего передвижные и ставные ловушки.

Передвижные ловушки — наиболее простая сеточная снасть. Они представляют собой обычно приспособления с открытым входом. Ими ловят рыбу у берега в траве, в мелких закоряженных местах, находясь со снастью в воде и загоняя рыбу в нее ногами или ставя снасть с берега, лодки (см. *кошица*, *кломля*).

Ставные ловушки несколько сложнее и многообразнее. Они отличаются от передвижных тем, что имеют, как правило, закры-

---

[3] *Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. М.— Л., ч. I, 1948; ч. II, III, 1949; П. И. Жуков. Определитель рыб БССР. Минск, 1960.*

тый или, точнее, глухой вход. Вход у них, иначе говоря, имеет конусообразную вставку с узкой горловиной в конце (см. *сердце*), через которую попадает рыба внутрь ловушки. Найти этот проход и выйти обратно она уже в большинстве случаев не может.

Различаются ставные ловушки между собой тем, что могут иметь один вход (вход с одной стороны, см. *вентер*, *коробка*) или два входа (входы с разных, противоположных сторон, см. *кадушка*).

В отличие от ловушек, сети представляют собой ячеистые полотна, которыми перегораживается водоем или отгораживается часть его.

Сети могут быть одностенные, из одного полотнища, и двухстенные или трехстенные, т. е. из двух и трех сетевых полотнищ.

Одностенные сети приспосабливаются обычно для ловли передвижным способом (волоком) путем отгораживания какого-либо участка водоема и постепенного сокращения его сближением стенок сети (см. *крыга*, *лата*). Двухстенные и трехстенные сети используются и как передвижные и как ставные. Это позволяет их устройство. Они состоят из одного мелкоячеистого сетевого полотнища и одного или двух крупноячеистых полотнищ по бокам мелкоячеистого. Рыба, пытаясь пройти вперед, проталкивает вместе с собой мелкоячеистое полотно в ячею бокового крупноячеистого полотнища и застревает, запутываясь в полотнищах (см. *сетка*).

Имеются также различные комбинации сетей с ловушками или ловушек с сетями. Одни из них, в которых ловушка играет основную роль, а сеть вспомогательную, являются усложненными ловушками [4]. Такие комбинированные с сетью ловушки, как правило, ставные (см. *жак*, *мережа*, *крылач*). Другие представляют собой сети, комбинированные с обычной ловушкой. Эти снасти передвижные (см. *невод*, *лата*).

Что касается орудий рыболовства последней группы, то это интересные, но мало связанные друг с другом приспособления для накалывания рыбы [5], глушения подо льдом и пр. Ими пользовались в определенное время, применяя разные дополнительные средства передвижения по водоему, подсвечивая или затемняя. Теперь они применяются редко или находятся под запретом.

Эта предварительная систематика известных по собранным материалам полесских рыболовных орудий с ее условными обозначениями понятий была использована при характеристике значений соответствующих названий конкретных рыболовных снастей.

---

[4] *Кстати говоря, сетевые полотнища или крылья в такого рода ловушках можно рассматривать как трансформацию гаток, т. е. загородок, которые делаются из кольев и ветвей и перегораживают реку в том месте, где ставится обычная ловушка (кош, вентер, кадушка).*

[5] *Между прочим, в дер. Велута сохранились воспоминания о деревянных трехзубых острогах.*

Кроме названий рыб и снастей, материалы по словарю полесских рыболовов содержат также некоторые специфические названия частей и деталей рыболовных снастей, вспомогательных инструментов и приспособлений рыболовов, а также отдельных действий.

[басий] басы́j *м.* Ол. *см.* коробка.

[безряжка] безр'а́жка *ж.* Лк. ставная сеть *см.* выкиданка.

[белюга] бел'у́га *ж.* Влц. Лп. Рб. Хр., бели́зна *ж.* Рб. Хр. Бл. Кн. Дн. Дв. жерех Aspius aspius L.

[березовка] беро́зовка *ж.* Ол. Лк. Зд. *см.* обляк.

[берест] бе́рест *м.* Ол. Лк. *см.* глазок.

[берце] бе́рцэ *с.* Сп. Хр. Гл., би́л'цэ Ол. Пх., бе́л'цэ Зд. деревянная пластинка для формирования ячеек при вязаньи рыболовных сетей *ср.* вилица.

[бирулька] бiру́л'ка *ж.* Рб. Хр., би́рцэ *с.* Зл. деревянная пластинка в крыле ставных рыболовных ловушек *ср.* берце.

[биться] би́цца *несов.* (о рыбе) Рб. Хр. нерестовать (*см*).

[бобырь] бобы́р *м.* Сп., бабу́р Гл. обыкновенный ерш *см.* ёрш.

[бредень] брэ́ден' *м.* Ол. Лк. Св. Влц. Кн. Дв. *см.* волок.

[бродник] бродни́к *м.* Лп. Рб. Хр. Ом. Дн. *см.* крыга.

[бублица] бу́блица *ж.* Ан. *см.* ябрынь.

[вага] вага́ *ж.* Рб. Ом., важо́к *м.* Од. Вт. *см.* груз, *ср.* потопец.

[вентер] ве́нцер *м.* Зд. Сп. Пх. Гл. Зл. рыболовная ставная ловушка с одним глухим заходом (нитяная или лозовая) *см.* ятер, нерета, верша, кош *ср.* кошица, кадушка, жак, мережа.

[веретенница] вераце́л'ница *м.* Бл. минога Lampetra planeri Bloch или ее личинка.

[верховодка] верхово́дка *ж.* Лп. Рб. Хр. Гл. Зл., верхово̂д *м.* Рб. Хр. уклея Alburnus alburnus L. или вообще небольшая рыбка, держащаяся верхнего слоя воды, *см.* уклея, верхолетка.

[верхолетка] верхол'о́тка *ж.* Зр. Лп. Ом. *см.* верховодка.

[верша] ве́рша *ж.* Ол. Лк. Сп. Зд. *см.* вентер.

[вершек] ве́ршок *м.*, уве́ршок Рб. Хр., ове́ршэк Гл. *см.* сердце.

[вилица] ви́лица *ж.* Сп. Рб. Хр. Гл., ви́лочка *ж.* Зл. Ан. деревянный ручной челночек для вязанья рыболовных сетей *см.* иглица *ср.* берце.

[волок] во́лок *м.* Влц. Лп. Вт. Рб. Ом. средняя передвижная рыболовная одностенная сеть с заходом см. тяганка, бредень, лата *ср.* невод.

[волошня] воло́шн'а *ж.* Рб. Хр. Ом., волошн'а́ Сп., воло́с'н'а Лк. Зд., волос'н'а́ Св. Гл., волосе́н' *ж.* Кн. прочная волосяная нить для крючковых рыболовных снастей *см.* жилка, шнур *ср.* удка, перемет, перепона, кормак.

[вьюн] вjун *м.*, вjуно́к *м.* Ол. Лк. Св. Зд. Зр. Сп. Влц. Лп. Вт. Ом., уjу́н, уjуно́к Рб. Хр. Пх. Ан. Кн. Дн. Дв. вьюн Misgurnus fossilis L.

[выкиданка] выкида́нка *ж.* Зд. Сп. ставная одностенная или трехстенная сеть *см.* перемета, безряжка *ср.* сетка.

[гачок] гачо́к *м.* Лк. Св. Зр. Влц. *см.* крючок.

[глазок] глазо́к *м.* Дн. Дв. берестяный поплавок (*см.*) в сетевых рыболовных снастях.

[головач] голова́ч *м.* Лп. Ом., голове́шка *ж.* Рб. Хр. голавль Leuciscus cephalus L.

[гонка] го́нка *ж.* Ол. *см.* сетка 1.

[груз] груз *м.* Ол. Гл. Ан. Кн. Дн. небольшие хорошо тонущие в воде специальные предметы, прикрепляемые к нижней части рыболовных снастей для улучшения их погружения при рыбной ловле *см.* потопец, лазок, вага *ср.* поплавок.

[днянка] дн'а́нка *ж.* Ан. *см.* обляк.

[долголычик] доўголы́чык. Рб. Хр. *см.* остронос.

[дрыгавица] дрыгави́ца *ж.* Ол. *см.* сетка 1.

[еброзь] jе́броз' *ж.* Влц., *см.* обляк.

[ёрш] jерш *м.* Зд. Сп. Влц. Вт. Рб. Хр. Ш., jорш Пх. Зл., jорж Зр., жэрш Св., джэрш Ол. Лк., жгир *м.*, джгир Ш., джеѓи́р Дн., джегу́р Кн. ёрш Acerina cernua L.

[жак] жак *м.* Ол. Лк. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Гл. Зл. Кн. Дн. Дв. рыболовная ставная ловушка с одним глухим заходом и сетью (крылом) *ср.* вентер, мережа, крылач; ◇ [∽ однокрылый] ∽ однокры́лы две ловушки по краям общей сетки (крыла). [∽ двукрылый] ∽ двухкры́лы одна ловушка с расходящимися от входа сетями (крыльями).

[живчик] жы́вчык *м.* Св. *см.* моль.

[жилка] жы́лка *ж.* Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Гл. Бл. Кн. капроновая нить для крючковых рыболовных снастей *см.* волошня.

[жмака] жма́ка *ж.* обычно жма́ки *мн.* Гл. поплавок в сетях см. поплавок.

[жугавка] жуга́вка *ж.* Гл. Бл. Ш. *см.* синявка.

[зазубец] за́зубец *м.* Лп. Рб. Ом. Бл. Ш. за́зубен' *м.* Св. Сп. Гл. Зл. Ан. *см.* крючок.

[заставня] застаўн'а́ *ж.*, за́стаўка *ж.* Рб. Хр. *см.* кломля.

[заступ] за́ступ *м.* Рб. Хр. зазубрина на рыболовном крючке *см.* зуб.

[зуб] зуб. *м.* Сп. Гл. Зл. Ан., зубе́ц *м.* Пх., зубо́к *м.* Зд. *см.* заступ.

[иглица] игли́ца *ж.* Ол. Пх., гли́ца Лк. Св. *см.* вилица.

[играть] игра́ти *несов.* (о рыбе). Св. нерестовать (*см.*)

[икра] икра́ *ж.* Зд. Сп. Лп. Вт. Хр. Пх. Гл. Ан., кра Влц., уикро́ *с.* Зр. икра самки рыбы *см.* пуп.

[инструмент] стру́мент *м.* Лк. Св. *см.* статки.

[каблук] каблу́к *м.* Ол. Лк. Зд. Сп. *см.* калач.

[кадушка] каду́шка *ж.* Ол. рыболовная ставная ловушка с двумя противолежащими глухими заходами (нитяная или лозовая) *см.* наставня *ср.* вентер.

[калач] кала́ч *м.* Рб. Ом. круглое ребро в рыболовных ловушках *см.* каблук, обруч.

[калиновка] кали́наўка *ж.* Пх. *см.* краснопёрка.

[карась] кара́с' *м.* Ол. Лк. Св. Зрч. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. карась Carassius; ◇ [∽ дикий, желтый, простой] дз'и́ки, жо́ўты, про́сты ∽ карась золотой Carassius carassius L. [∽ белый] бе̂лы ∽ карась серебряный Carassius auratus gibelio Bloch *см.* карпик.

[карп] карп *м.* Ол. Лк. Зд. Влц. Лп. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Ш., ко́роп Бл. Кн. Дн. карп Cyprinus carpio L.

[карпик] ка́рпик *м.* Ом. *см.* карась.

[клейка] кле́јка *ж.* Зд. Сп. *см.* плотка.

[кломля] кло́мл'а *ж.* Гр. Лп. Дн., кло́мн'а Ол. Зд. Влц., кло́ўн'а Ол. Лк. Св. Сп. Влц. Зл., ко́мл'а *ж.* Лп. Рб. Хр. Зл. Ан. Кн. Дв., ко́мела *ж.* Рб. Хр. рыболовная передвижная ловушка с открытым заходом для ловли рыбы вдвоем в неглубоких местах *см.* кобоша, заставня, колыска *ср.* кошица; ◇ [∽ прутеница] ∽ прутени́ц'а Лп. кломля из лозовых прутьев.

[клопать] клопа́ц' *несов.* Кн. Дв., хлопа́ц' Дн. ловить сомов на квок.

[коблик] ко́блик *м.* Рд. Ол. Лк. Зд. Влц., ко́бел' *м.* Ол. Зд. Сп., ско́блик *м.* Св., ко́ўбик *м.* Лп. *см.* печкур *ср.* снопурха.

[кобоша] кобо́ша *ж.* Гл. Дн. Дв., хобо́ша Кн. *см.* кломля.

[кожушек] кожу́шок м., кожу́шек, кожу́шка *ж.* Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. щука вообще и щука средней величины *ср.* щука, щупак.

[колок] коло́к *м.* Лк. Гл. *см.* тычка.

[колыска] колы́ска *ж.* Од. *см.* кломля.

[коравка] кора́ўка *ж.* Зл. *см.* ябрынь.

[кормак] корма́к *м.* Гл. Дн. Дв. длинный шнур с тяжелым скользящим грузом и одним-двумя прочными крючками с наживкой, привязанными на поводках к концу лесы *ср.* перемет, перепона.

[коробка] коро́бка *ж.* Бл. Дн. рыболовная ловушка в виде ящика или решета с дыркой в дне для захода рыбы (ставится зимою в прорубях) *см.* кошалка, решето, решотка, басий.

[корок] ко́рок *м.* Рб. Хр., ко́ры *только мн.* Рб. Хр. Бл. *см.* поплавок.

[кош] кош *м.* Св. Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан.

Кн. Дн. Дв. такой же, как и «вентер» (*см.*), но обычно лозовый *ср.* кошица.

[кошалка] коша́лка *ж.* Лп. *см.* коробка; ◇ [накрыть духи ∽ = ою] накры́ц' духи́ ∽ = оју Лп. поставить в прорубь снасть.

[кошар] коша́р *м.* Ол. *см.* кошица.

[кошица] кошы́ца *ж.* Лп. Вт. Хр. Ом. рыболовная передвижная ловушка с одним открытым заходом (обычно лозовая) *см.* топтуха, сак, кошар, нелька *ср.* кош, кломля.

[красноперка] краснопе̂рка *ж.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., краснопе̂ра *ж.* Ол. Влц. Рб. Хр., красноп'о́рка *ж.* Зл. Ш. Ан., краснопе̂руха *ж.* Лп. красноперка Skardinius erythrophthalmus L. *см.* калиновка, черемуха *ср.* плотка.

[круглик] кру́глик *м.* Рб. Хр. *см.* стовбец.

[крупель] крупе́л' *м.* Ол. Лк. Влц., круге́л' Рб. Хр. небольшой лещ (*см.*) *ср.* лесковка.

[крыга] кры́га *ж.* Ш. Бл. Кн. Дн. Дв. рыболовная передвижная ловушка с широким открытым заходом или небольшая передвижная сеть для ловли рыбы втроем в траве охватом или у берега *см.* бродник *ср.* кломля.

[крылач] крыла́ч *м.* Зд. Сп. рыболовная ставная ловушка с одним или двумя противоположными глухими заходами (*ср.* вентер, кадушка) и с одним или двумя крыльями (сетью).

[крючок] кручо́к *м.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Кн. Дн. Дв. металлическая деталь крючковых рыболовных орудий с острой загнутой бородкой, на которую насаживается приманка для рыбы *см.* зазубец, гачок *ср.* удка, перемет, перепона, кормак.

[лазок] лазо́к *м.* Зд. Сп. *см.* груз.

[лата] ла́та *ж.* Рб. Хр. Ом. *см.* волок.

[лесковка] ле́скоўка *ж.* Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., л'а́скоўка Ом. Бл. Ш. Ан., ласки́р *м.*, пласк'и́р Бл., пле́скаўка *м.*, плеска́ўка Бл., ле́шчаўка Лк. Ан., лешча́вочак *м.* Зд. Сп. густера Blicca Bjoerkna L., небольшой лещ (*см.*) *см.* крупель, подлещовка.

[леток] л'о́то́к *м.* Ол. Лк. горловина «серца» (*см.*).

[лещ] лешч *м.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв., лешчу́к *м.* Зл. Ан. лещ Abramis brama L. *ср.* крупель, лесковка, подлещик.

[линь] лин *м.* Лк. Зр. Зд. Сп. Вт. Пх. Гл. Бл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., лино́к *м.* Св. Зр. Зд. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., ли́ник *м.* Ол. Лк., лин'о́к *м.* Влц. линь Tinca tinca L.

[лобач] лоба́ч *м.* Рб. Хр. Ом. небольшая щучка *ср.* кожушек, шчупачка, синявка.

[марена] марэ́на *ж.* Бл. Кн. Дн. Дв., маро́на Рб. Хр. усач Barbus barbus L.

[мень] мен'о́к *м.* Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Влц. Лп. Рб. Хр. Ом.

Гл. Зл. Ан. Дв., мен' *м.* Рб. Хр. Бл., менту́з *м.* Зр. Влц. Вт. Дв., ментус, Кн. налим Lota lota L.

[мережа] меро́жа *ж.* Ол. Лк. Влц. Пх., мерэ́жа Зд. Сп. Зл. две рыболовные ставные ловушки с подходом и глухим заходом, связанные общей сетью (крылом), *ср.* жак, крылач.

[метка] м'о́тка *ж.* Вт. Рб. Хр. Ом., ме́тка Св. Лп. низка рыбы *ср.* троск.

[меточница] мето́чница *ж.*, мента́чка *ж.* Дн. маленькая щучка *ср.* синявка.

[молоко] молоко́ *с.* Ол. Зр. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Пх. Гл. Зл. Ан., молочко́ Сп. Зр. Влц., моло́ч *ж.* Св., моло́сеј *м.* Зд. семя самца рыбы, молоки.

[моль] мол' *ж.* Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Кн. Дн. Дв., мо́л'ка *ж.* Лп. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., мол'у́га *ж.* Лк. Влц. малек, мелкая рыбешка *см.* живчик.

[мотыль] моты́л' *ж.* Бл. блесна на шнуре, движущаяся в толще воды за лодкой (для ловли хищных рыб).

[накладка] накла́дка *ж.* Рб. рыболовная наживка для насаживания на крючки, насадка.

[наставня] наста́ўн'а́ *ж.*, на́стаўка *ж.* Рб. Хр., наста́ўка, наста́ва *ж.* Сп. Влц. Кн. Дн. Дв. *см.* кадушка.

[невод] не́вод Ол. Лк. Св. Лп. Вт. Ом. Рб. Хр. Ом. самая большая передвижная рыболовная одностенная сеть с заходом *ср.* бредень, сетка, волок.

[ненька] не́н'ка *ж.* Лк. *см.* кошица, ◇ [∽ прутяная] ∽ пру́т'ана лозовая снасть, [∽ сеченая] ∽ с'и́чена нитяная снасть.

[нерестовать] нерэстова́ц' *несов.*, нерэсц'ицца *несов.* Лк. Св. Зд. Влц. Гл. Зл. Ан. выпускать икру и молоки (о рыбе) *см.* нершить, биться, играть, пуп.

[нерета] неро́та *ж.* Лп. Вт. Кн. Дн., нерэт *м.* Ан. *см.* вентер.

[нершить] нершы́ц' *несов.* Зд. Сп. *см.* нерестовать.

[низка] ни́зка *ж.* Ол. связка нанизанных предметов, в частности связка рыбы, *см.* метка.

[обляк] обл'а́к *м.* Гл. Бл., во́блица *ж.* Кн. Дн. мелкая плотва *см.* еброзь, березовка, днянка *ср.* плотка.

[обруч] обру́ч *м.* Пх. Зл. Ан. *см.* калач.

[окунь] о́кун' *м.* Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв., окуне́ц *м.* Рб. Хр. Ом., оку́н'чык *м.* Лк. Св. окунь Perca fluviatilis L.

[оловянка] олов'а́нка *ж.* Ол. *см.* груз.

[оплет] опл'о́т *м.* Пх. покрытие рыболовных снастей из лозы.

[ости] о́сти *только мн.* Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., во́с'ци Св. Бл. Ш., го́сти Зр. Влц. острога.

[остронос] остроно́с *м.* Гл. Ш., остромы́с *м.*, остромыс Ш. ерш носарь или донской ерш Acerina acerina Guld.

[перемет] перэм'о́т *м.* Св. Зл. Ш. Ан. Дв. Дн. длинный шнур с несколькими десятками крючков с наживкой, растягиваемый и укрепляемый на дне водоема *ср.* кормак, перепона.

[перемета] переме́та *ж.* Ол., перем'о́та Св. ставная сеть *см.* выкиданка.

[перепона] перэпо́на *ж.* Ом. длинный шнур с наживленными крючками на поводках, натянутый между двумя колами на определенной глубине (для ловли сомов, щук), *ср.* перемет.

[печкур] печку́р *м.* Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан., пешку́р Вт., песку́р Ол. Зр. Влц., песково́д *м.* Рб. Хр. Ом. пескарь Gobio gobio L. и вообще донная мелкая рыба *ср.* коблик.

[платать] плата́ц' *несов.* Рб. Хр. Бл. разворачивать вдоль хребта (*рыбу*).

[плотка] пло́тка *ж.* Св. Зр. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Бл. Зл. Щ. Ан. Кн. Дн. Дв., плоти́ца *ж.* Ол. Лк, плотва́ *ж.* Ол. Лк. Зд. Влц. Гл. плотва Rutilus rutilus L., плотица (*одна*) и вообще средняя рядовая нехищная рыба внешне типа плотвы (красноперка, подъязок и пр.) *см.* клейка; ◇ [∽ коравая] ∽ кора́ва Рб. Хр. крупная плотва (с крупной чешуей — «корой») *см.* ябрынь, [∽ язевая] ∽ јаз'о́ва Рб. Хр., ∽ јази́на Ом., под'язок *см.* смовжик, [∽ красноперая] ∽ красноп̂ера Рб. Хр. красноперка *см.* красноперка.

[повх] поўх *м.* Рб. Ом. пескарь *см.* печкур; ◇ [∽ колючий] ∽ кол'ўчы Ом. ерш, *см.* ерш.

[подлещовка] подлешчо́ўка *ж.* Кн. Дн. Дв., пудле́шчик *м.* *см.* лесковка.

[подъязь] подја́з' *м.*, подја́зик *м.* *см.* смовжик *ср.* язь.

[полов] поло́в *м.* Рб. ловля, добыча; ◇ [∽ рыбы] ∽ рыбы рыболовство. Хоро́шы поло́в ры́бы бу́де.

[полотно] полотно́ *с.* Лк. Св. Зд. *см.* тенето.

[поплавок] поплаво́к *м.* Св. Сп. Вт. Ом. Пх. Гл. Зл., по́плаў *м.* Лп. Рб. Хр., плаво́к *м.* Св. Пх. Гл. Зл. Ан., пла́ве́ц *м.* Ан., сплаво́к *м.* Св. небольшой специально обработанный кусок легкого материала, прикрепляемый к верхней части рыболовных снастей для удержания их от погружения на дно при рыбной ловле, *см.* корок, глазок, жмака *ср.* груз.

[потопец] потопе́ц *м.* Бл. Зл., потопо́к *м.* Бл., то́пленик *м.* Зр. *см.* вага, важок.

[придуха] прыду́ха *ж.* Ол. Лк. Вт. Ом. Ш. Кн. Дн. Дв. недостаток кислорода в воде подо льдом.

[присох] приси́х *м.* Ол. двурогие деревянные вилы, к которым прикрепляется сачок или небольшие передвижные простые ловушки в виде сачка.

[пуп: пускать ∽] пуска́ти пу́па Зд. Сп. метать икру, молоки *см.* нерестовать.

[редь] рэдз' *ж.* Рб. Хр. Ом., рэз' Бл. Зл. Ш. Ан., рэж Ол. Лк. Св. Сп., р'аж Лк., рижа́ *ж.* Св. крупноячеистое полотно в рыболовных снастях *ср.* тенето.

[режовка] рэжо́ўка *ж.* Влц. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв. *см.* сетка 1, *ср.* редь.

[решето] рэшэто *с.* Кн. Дн. *см.* коробка.

[решотка] рэшо́тка *ж.* Дв. *см.* коробка.

[рыба] ры́ба *ж.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Вл. Пх. Гл. Бл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. рыба.

[рыбак] рыба́к *м.* Лк. Св. Сп. Влц. Лп. Хр. Ом., рыба́лка *м.* Кн. Дв. рыболов.

[рыбаковать] рыбакова́ти *несов.* Лк. ловить рыбу, заниматься рыболовством.

[сак] сак *м.*, сако́виско *м.* Сп., сакови́хно *м.* Пх. *см.* кошица.

[свировка] свиро́ўка *ж.* Пх. *см.* сетка 1.

[сердце] се́рцэ *с.* Ол. Лк. Св. Сп. Пх. вставной суживающийся вход в рыболовных ловушках *см.* устье, вершек.

[сетка] се́тка *ж.* Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Пх. Дн., сет' *ж.* Пх. Гл. 1. рыболовная трехстенная сеть Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Пх. Дн. *см.* свировка, режовка, гонка, дрыговица. 2. сетевое полотно Лк. Св. *см.* тенето.

[сетно] сетно́ *с.* Пх., се́тишчэ *с.* Зд. Сп. *см.* тенето.

[синявка] син'а́ўка *ж.* Бл. Зл. Ш., сини́ца *ж.* Ом. маленькая щучка, щуренок *ср.* лобач.

[слизун] слизу́н *м.*, слызуне́ц Зл. Лп. Рб. Хр. Ом. 1 ерш *см.* ерш Лп. Зл. Рб. Хр. Ом., 2. голец *см.* снопурха Ом., вообще небольшая склизкая рыба.

[слинявец] сли́невец *м.* Рб., слы́н'авец Лп. *см.* слизун.

[смовжик] смо́ўжык *м.* Лп. небольшой язь, подъязок *см.* подъязь *ср.* плотка.

[сморкач] сморка́ч *м.* Ант. Рб. Ом. *см.* сопляк.

[снасть] снас'ц' *ж.*, *чаще* сна́с'ци *мн.* Влц. Лп. Вт. Хр. Ан. *см.* статки.

[снопурха] сно́пурха ж., сне́пурка ж. Лп. Ом., со́пурка ж. Вт. Рб. Хр. голец Nemachilus barbatulus L. и щиповка *см.* щипавка.

[сом] сом *м.* Ол. Лк. Св. Зр. Влц. Рб. Хр. Ан. Кн. Дн. Дв., сомо́к *м.* Вт. Ом. Пх. Гл. Зл. сом Silurus glanis L. *ср.* сомик.

[сомик] со́мик *м.* Ол. Лк. 1. *см.* сом; 2. американский сомик Amiurus nebulosus Le Sueur.

[сопляк] сопл'а́к *м.* Сп., сопли́вец *м.* Ол. Рб. Хр. *см.* ерш.

[статки] ста́тки *только мн.* Ол. Лк. орудия, приспособления, снасти; ◊ [рыболовные ∽] рыболо́ўныје ∽ орудия рыбной ловли *см.* снасть, инструмент.

[стовбец] стоўбе́ц *м.*, стоўпе́ц Ш. Кн. елец Leuciscus leuciscus L. *см.* круглик.

[судак] суда́к *м.* Лп. Рб. Хр. Ом. Бл. Ш. Кн. Дн. Дв. судак Lucioperca lucioperca L.

[тенето] це́нето *с.* Гл. Зл. Ан. Рб. Хр. Ом. Кн. Дн. Дв., цин'о́тка *ж.* Влц. мелкоячеистое полотно для рыболовных сетей *см.* полотно, сетно *ср.* редь.

[товстокора] тоўстоко́ра *ж.* Ш. *см.* коравка *ср.* плотка.

[тоня] то́н'а *ж.* Ол. Лк. Св. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Кн. Дн. разовый прогон (протяжка) рыболовной сети, невода.

[топтуха] топту́ха *ж.* Дн. *см.* кошица.

[троск] троск *м.* Вт. связка «меток» (*см.*), обычно 100.

[тычка] ты́чка *ж.* Ол. Пх. Зл., прыты́ка *ж.* Ан., прыты́к *м.* Сп., прытычына *ж.* Лк. шестик для закрепления у дна ставных рыболовных снастей *см.* колок.

[тяганка] ц'а́ганка *ж.* Дн. Дв. *см.* волок.

[угорь] уго́р *м.* Ол. Лк., вэнго́р Рб. Хр. Ом., вэ́нгер Лп., вэ́нгож Гл., ви́нгор Влц. угорь Anguilla anguilla L.

[удилище] уди́л'но *с.* Лк. Кн. Дв., вудз'и́л'но Гл. Вт., удилно́ Ан., ву́дилно Св., ву́долно Лп., вуди́лишчэ *с.* Ол., уди́л'нишчэ Пх., гу́дишча *с.* Зрч., уди́лишчэ *с.* Рб. Хр., ву́длышчэ Сп. удилище, гибкий шестик для удочки *см.* удка.

[удка] ву́дка *ж.* Св. Лп. Вт. Рб. Хр. Кн. Дн. Дв., у́дка Ол. Лк. Зд. Сп., гу́дка Зр. Влц., ву́тка Ан. удочка, крючковая рыболовная снасть с удилищем *ср.* кормак, перемет.

[уклея] укли́ја *ж.* Ол. Лк., кли́ја Ол., окли́ја Влц. *см.* верховодка.

[устье] у́с'це *с.* Ан. *см.* сердце.

[хватка] хва́тка *ж.* Лп. подсак, подъемник для ловли рыбы.

[черемуха] чэрэ́муха *ж.* Ш., царэ́муха Гл. Кн. Дн. *см.* красноперка.

[чернокол] чарнако́л *м.* Влц. *см.* сомик.

[чехонь] чахо́н' *ж.* Гл., чахо́н'а *ж.* Кн. Дн., чахо́нка *ж.* Дв., че́шка ж. Ш. чехонь Pelucus cultratus L.

[чмурить] чму́рыц' *несов.* Кн. Дн. Дв., жму́рыц' Дн. Дв. ловить рыбу с подмучиванием воды.

[шнур] шнур *м.* Лк. Рб. Хр. Бл. прочная тонкая веревочка для донных жилковых рыболовных снастей *см.* волошня.

[шпент] шпент *м.*, шпентик *м.* Лп. щуренок *ср.* лобач.

[шпилька] шпил'ка *ж.* Лк. прутик для низания рыбы *ср.* метка.

[щипавка] шчыпавка *ж.* Лк. щиповка Cobitis taenia L., голец *см.* снопурха. О́кун' за јији́ хорошо́ берэ́цца Лк.

[щука] шчу́ка *ж.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Влц. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. щука Esox lucius L. самка, крупная *ср.* щупак, кожушек.

[щупак] шчупа́к *м.* Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Зл. Ш. Кн. Дн. Дв. щука самец, крупная *ср.* щука, кожушек.

[щупачка] шчупа́чка *ж.* Рб. Хр. Зл. Кн. Дн., шчупа́рачка *ж.* Зл. небольшая щучка *ср.* лобач.

[щупеля] шчупел'а́ *с.* Лк. Сп., шчупел'а́тко *с.* Сп. щуренок *ср.* щука, щупак.

[ябрынь] ја́брын' *ж.* Ол. Лк. Зд. крупная плотва *см.* коравка, бублица *ср.* плотка.

[язь] јаз' *м.* Ол. Лк. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., ўјас' Св., јаз'у́к *м.* Лк. Ом., јаз'у́чка *ж.* Лк., јаз'учо́к *м.* Лп., ја́з'ик Лп. Вт. Рб. Хр. язь Leuciscus idus L. *ср.* смовжик.

[якорец] јакоре́ц *м.* Влц. Бл. Кн. Дв. двухподдевный или трехподдевный рыболовный крючок *ср.* крючок.

[ятер] ја́т'ор м. Лк., је́тир Влц. *см.* вентер.

В. Л. Веренич, А. А. Кривицкий

ЛЕКСИКА ГОРОДЕНСКИХ ГОНЧАРОВ

Километрах в 40 на юго-восток от Пинска недалеко от районного центра г. Столина находится Городная (*Городна́*), издавна известная на Пинщине и вообще в Полесье, а также в юго-западных районах центральной Белоруссии и в прилегающих к Пинщине районах севера Украины разнообразными гончарными изделиями. Жители Городной, *городэ́нцы* были в этих краях в прошлом почти единственными производителями простой, а позже и обливной кухонной и прочей хозяйственной глиняной посуды, которой они снабжали население деревень, местечек и городов окрестных районов Белоруссии и Украины (в радиусе до 200 *км*). По словам местных ремесленников, их конкурентами в этом деле были лишь гончары дер. Кривица Дубровицкого района (Украина), а также белорусские синявские (дер. Синявка Клецкого района, недалеко от г. Барановичи) и пружанские гончары (Пружанский район, севернее г. Бреста). Изделия кривичских гончаров городенцы считают даже лучшими. Кривичские горшки *крэпчэ́јшыје за на́шы, там гли́на чо́рна, а јак горшчо́к ви́палицца, то бе̂ли аж си́ни.* Но с ними приходилось конкурировать городенцам преимущественно на территории Украины (Дубровица, Сарны, Степань). Горшки производились также пружанскими мастерами. Пружанская посуда, как и городенская, светлая, но местные гончары обычно особым образом чернили свои изделия в копоти (потом по черни делалась роспись гончарным ножом). Однако пружанская посуда заходила на юго-восток не дальше Дрогичина. Синявские изделия, по мнению городенцев, несколько хуже по качеству: *там горшки́ раби́*, т. е. серые с темными пятнами. Речь в данном случае идет не об уровне мастерства ремесленников, а прежде всего о качестве материала и связанным с этим внешним видом изделий, их прочностью и долговечностью.

Городная — одно из древнейших поселений на территории Пинщины. До начала второй мировой войны Городная считалась местечком, в котором ежемесячно 10-го числа проводились ярмарки. Крестьяне из окрестных деревень привозили сюда зерно, овощи

и фрукты, продукты животноводства, предметы домашнего изготовления: холст, сукно, деревянную посуду, бороны, сани, телеги и запасные части к ним, словом все, что производилось в крестьянском хозяйстве. Происходил натуральный обмен. Взамен они увозили из Городной кирпич и глиняную посуду.

Городная окружена болотами (*морóчн'ами*) и лесами. Сенокосных угодий здесь вообще нет, пастбищ мало, на небольших песчаных участках пахотной земли собирали скудные урожаи картофеля, ржи и овса. До недавнего времени в Городной совершенно не было садов, не выращивали овощей и многих других сельскохозяйственных культур. Естественно, что сельское хозяйство не могло быть для городнянцев единственным источником дохода. Женщины, подростки во время сезона занимались сбором ягод и грибов и заготовкой их для нужд семьи и на продажу. Но основным подспорьем в хозяйстве городенца было гончарное производство и изготовление кирпича. Гончарное производство развито в Городной с незапамятных времен и подобно навыкам работы в сельском хозяйстве передавалось из поколения в поколение. Гончарный круг и печь для обжига глиняной посуды (*гброн*) были необходимым инвентарем в каждом самостоятельном хозяйстве городенца. Гончарное дело считалось в Городной главным занятием и основным источником доходов. Примерно до 1950 г., когда в Столинском районе было построено три кирпичных завода, городенцы занимались ручным изготовлением *цэ́гли сырбу́ки* (кирпича-сырца) и *пал'óнки* (обожженного кирпича). Весь запас кирпича продавался на месте, в Городной.

Наличие больших запасов качественных глин издавна определяло характер экономики и род занятий городенцев, сделав их потомственными ремесленниками-гончарами, а Городную — одним из центров гончарного производства в Полесье.

Отправляясь в *маршл'у́ты с ху́рами горшкóў*, *городэ́нскиjе горшчаjé* достигали районов Баранович, Мира, Копыля, Слуцка, Новогрудка, Клецка (*jе̂здыли у Литву́*), бывали в Петрикове, за Дрогичином и Кобрином, а также на Украине. На всей этой территории слово *городэ́нец* являлось синонимом изготовителя и продавца глиняной посуды.

В настоящее время в Городной насчитывается около 500 дворов. Здесь находится сельсовет, средняя школа, участковая больница, почта, швейная мастерская, правление колхоза «Заря», колхозный кирпичный завод и организованная при нем гончарная мастерская. Село электрифицировано и радиофицировано. За последние годы значительно изменился его облик, заметно повысился экономический и культурный уровень. Рост культуры земледелия в самой Городной, работа на местных предприятиях, выезды части мужского населения на сезонные работы в Сибирь, Казахстан и на Украину изменили структуру экономики и характер занятий городенцев. Появление новых источников дохода, экономически бо-

лее эффективных, чем изготовление глиняной посуды, наличие в магазинах большого выбора недорогой металлической, фаянсовой и стеклянной посуды фабричного изготовления привели к резкому сокращению гончарного производства в Городной за последние 15 лет. Гончарным делом в колхозной мастерской или на дому продолжает заниматься лишь часть городенцев старшего поколения. Люди среднего возраста умеют делать глиняную посуду, но предпочитают любую другую работу в колхозе или на производстве. Что касается представителей младшего поколения, то они вовсе не обучены гончарному делу. Таким образом, многовековая традиция гончарного производства оказалась прерванной.

Представленный здесь материал по лексике городенских гончаров и гончарному делу был собран во время диалектологической экспедиции в июле 1965 г. Лексический материал подается при описании технологии местного гончарного производства, ассортимента изготовлявшейся посуды и торговли ею в прошлом. Обусловлено это отчасти тем, что словарь городенских гончаров, как нам показалось, не очень богат своей особой узко ремесленной терминологией.

Для обозначения различных процессов производства, орудий ремесла и их деталей используются преимущественно общеупотребительные в говоре слова, но в специализированных словосочетаниях, выражениях или с особым оттенком в значении.

Дается также и алфавитный перечень лексики, связанной с местным гончарным ремеслом, с отсылками к нужным местам описания, если в нем в какой-либо связи встречается то или иное слово или выражение, и с дополнительными пояснениями, если в них чувствовалась необходимость.

I. ПОДГОТОВКА ГЛИНЫ

Прежде чем приступить к изготовлению посуды, нужно не только добыть материал, но и подготовить его. На эту работу гончар затрачивает большое количество труда и времени.

Гончарный материал *глúну* местные *горшчаjê* (гончары) различают по цвету и по тонкости или качеству. В гончарном деле используется *чóрна, сúва* (серая), *бêла* глина, а также *чэрвóна* (красная) — для росписи посуды. Последняя известна еще под названием *óписка. Чóрна глúна* по качеству обычно *тлýста* (жирная, тонкая, вязкая). Менее качественная *толокн'óва глúна* (песчаная, слабая, грубейшая). Чаще это серая и белая глина. *Òписка* обычно *маjе тлýстос'т'*. Черная и белая глина может встречаться вместе, а серая — отдельно. Как правило, для *вúробы* посуды заготавливали все три сорта глины. Вот что рассказывает об этом старый гончар К. К. Шелест: *За царызмы брáли глúну ў трох мêсцах и мэшáли рáзом ус'ý, и булá мôцна вúроба горшкôў. А тэпэ́р добрáли прáктики, шчо з однэ́jи jáмы такú сáмы горшкú виробл'ájем, jак ис трóх*

ја́м. Бо друге́ ме̂сцэ — на той вэмле̂, шчо була́ по̂т поме̂шчыком (речь идет о смешанных залежах черной и белой глины).

Глину добывают в *ја́мах* (*ја́ма*, *ја́мка* — в данном случае вертикальный карьер, нередко со значительными подкопами в стороны по пластам глины) глубиной 1,5—2 м. Орудия — обычные *залез'н'а́к* (металлическая лопатка), и *копани́ца* (мотыга). *Накопа́јем кучу, там жэ у ја́мцы поре̂жэш на дро̂бныје кусо́чк'и и пэрэмэша́јеш, полива́јеш водо́ју и ме̂сиш нога́ми.* Порезанная на *кава́лки* (*куски́*) весом по 15—20 кг глина выбрасывается наверх, складывается у *гу́рбу* (стожок) или сразу грузится на *фурма́кну* (воз). На *хуру* (воз) посуды нужно заготовить 20—25 таких кусков глины. Заготовленную глину привозят домой, вносят в избу и подвергают дальнейшей обработке: *мэша́јут'*, т. е. кладут пластами один на другой *рад тлу́стоји* (*чо́рноји*) глины, *рад толокн'о́воји*, *збива́јут' доу́бен'коју* (деревянный молот) *у ба́бу* (*ба́ба*, *ба́бка* — плотный продолговатый стожок), потом обычным двуручным *стру́гом стру́жут' ба́бу*, т. е. режут стожок глины поперек слоев на тонкие стружки. Стружку снова *збива́јут' у ба́бу* и снова ее *стру́жут'*. Если глина *струпли́ва* (т. е. если слои глины не сбиваются *те̂сно*, плотно), ее приходится таким образом *уото́ўливат'* и третий раз.

Хорошо вымешанную таким образом глину последний раз *стру́жут'* и стружку *з'лепвајут' у грудки́ по кил' дэ̂с'ат'*: *згорну́ў згорну́ў стружки́ и сты́снуў руко́ју у гру́дку. Грудки́ слабэ̂н'кије, нэ з'бива́јем тесно.* Каждую *гру́дку* смачивают водой (опускают в *цэ̂бэр* с водой) и складывают в угол избы подальше от печи — *гли́н'ницу* или *гли́н'ник*. Там глина *розыхо́дицца* в сплошную массу, которую сверху разглаживают, накрывают *дра́пками* (тряпками) и периодически раз в день увлажняют, *покро́пвајут'* (обрызгивают) водой, чтобы она не высыхала. Обычно через два-три дня глина хорошо *угнива́је* (*роскиса́је*), становится *гладче̂јшаја*. В этом случае говорят: *гли́на гото́ва, можно роби́ты.*

Но прежде чем *гото́ва гли́на* ляжет на гончарный круг, она должна быть тщательнейшим образом *ви́м'јата* (*вы́мн'ата*), иначе говоря, перемешана и перебрана так, чтобы вся была ровная по цвету, влажности и составу, чтобы в ней не осталось *ни корэн'ца́, ни камэн'ца́* (*хлу́су*, т. е. сору), чтобы она не ломалась, а тянулась. *Мнут'* глину по частям. При такой обработке из *глин'ника* берут 15—20 кг. Глину кладут на *ла́ву* (широкая скамья), предварительно слегка посыпанную песком. *На ла́ви ча́виш* (давиш) *гли́ну рука́мы, вона розмина́јецца, рост'а́гвајецца у пла́ст* (*пласто́к*). *Пласт* складывается и снова разминается. При этом он постоянно прощупывается пальцами и обнаруженный сор выбрасывается, так как из-за одного зернышка или камешка может прогореть или лопнуть при обжиге посудина. Мнут пласток в течение часа и более. Глина считается готовой к работе, если проведешь по ней пальцем и на пластке останется канавка с ровной и гладкой поверхностью: *пому́л'аў па́л'цэм, уже̂ вона́ гла́дка, ви́мјата.*

После этого пласток *розрываjеш на куски, поплёшчэш* (*покачаjеш, побjеш*) *у грудки и кладэш у шарунки на лави* (это значит, *грудку на грудку* несколько). Величина *грудки* (*грудочки*) зависит от размера и назначения предполагаемой посудины. *Грудки* сразу же идут на изготовление посуды.

II. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОСУДЫ

Посуда изготавливается *на крузи* (*на кружку*). В последнее время пользовались обычно гончарным кругом, который называют *немэц*. Он прост по своей конструкции, но имеет некоторые детали металлические. Вот как описывает этот круг старый гончар Ф. В. Шелест. Главная деталь круга — *сподак*, т. е. большой деревянный хорошо уравновешенный и отцентрованный круг внизу. *Сподак стоjит' на шпэн'у зэлезнум, а тоj — на крэмэн'у.* Кремень закреплен в полу. Шпень входит в специальное углубление в кремне, в котором он вертится. *Звэрху сподака jдэ шпэн' дэрэўjаны доўжыны тры чэтвэрти аршына. У дэрэўjаны шпэн' убита шыjка зэлêзна* (оська), *а на тôj шыjцэ набита дэрэўjана голôўка* (верхний рабочий кружок), *прыкрут'она шрубом* (болтом). Круг устанавливается около лавы. *У лаўку упраўлена дэрэўjана лисичка, у jакуjу заходыт' шыjка и винтами закрут'ваjецца.*

Просты круг тоже имел *сподак* (*спôд*) и *голôўку*, но они связывались между собой не по центру при помощи одного шпеня, а обычно шестью *цэпками*, т. е. тонкими вертикальными деревянными палками по кругу недалеко от центра. В центре же *спода* делалась дырка. Через эту дыру круг одевался на толстый деревянный *шпэн'*, вбитый в земляной пол наглухо. Своим верхним заостренным концом шпень свободно входил в неглубокое отверстие на нижней стороне головки.

Стародавни круг был без *спода*. Крутили его рукою за головку: *роскрут'вали, потом робили.*

Работа на круге требует хороших навыков и большого мастерства.

Разделав на *грудки* очередной *пласток* глины, гончар садится *на лаву за круг* и начинает *горшки робити. Воз'мэ грудку, посадыт' jеjê на круг, прыплешчэ* (*прыбjê*) *на голôўку и сэд'а на лаўци, крутыт' ногами круга. Помочыўшы руки у водê*, которая стоит на лаве в *оммочцы* (какая-либо посудина, черепок), гончар *стыскаjе ладонямы глину и пудводыт' jеjê угбру.* Потом *прокрут'ваjе пал'цэм* в центре углубление и *рост'агаjе* (расширяет) его большими пальцами изнутри, придерживая стенки снаружи ладонями. Одновременно стенки *осад'ваjуцца* вниз. Затем левой рукой изнутри, а правой снаружи гончар *пудт'агваjе* стенки задуманной посудины, *виводыт'* их и снова сверху осаживает немного вниз. *Осад'ваjут'* и *пудт'агваjут' разоў тры-чотыры. Вêнца* (бортик) *завужыў звэрху — и зноў т'агнэш угбру. Увэс' час трэба пот'агаты шырэj*

и вйшэј. Потом окончательно *вигинáјецца вêнцэ* и горшок вчерне готов. Руки при этом все время обильно смачивают, глина под руками делается скользкой, растворяется. Этот тонкий жидкий слой или *шлиг* снимается при работе.

При малейшем неточном или неудачном движении рукой во время формирования глина *скрýтыцца*, *россýнэцца* и заготовка *попсујецца*. Но у мастера это случается редко.

Сформированную руками посудину *виглáд'вајеш* (выравниваешь) снаружи *нóжыком* (деревянная пластинка), и, если это нужно, *прымáзвајеш* (*прылепвајеш*) *вýхо* (*вýшко*, т. е. ручку).

Перед тем, как снять с круга, *мóжна шчэ рубэ́жыки зробúты або пописáты горшкá*.

Рубэ́жыки (насечки) делались около бортиков и на *чэ́рэви*, т. е. на боковой стороне посуды (каждая посуда украшалась посвоему). Обычно это делалось при помощи *нóжыка*. Однако *карбовáли* (украшали насечкой, *рубэ́жыками*) посуду также и специальной *карбóўкоју*. Увидеть ее нам не довелось. По рассказам, она представляет собой зубчатое деревянное колесико или валик.

Расписывали посуду особой тонкой красной глиной — *óпискоју*. *Вúкопајут' кусóк чырвóноји глúны*, *розмêс'ат' харашó*, *з'лêпл'ат' у грýдку и вúсушат' јејê. Одобјýт' кавáлочок, розмóчат' у водê у малéн'кум горшчóчку и пúшут' горшчкá на крýзи*. Роспись наносилась при помощи *пêрца* (*пêрцэ*, *пêро* — кисточка из трех-четырех куриных перьев). *Пêрцэ умóчајут' у óписку и пúшут'*. *Писáли кóло вêнца звéрху на ўс'óј посýды. Провэдэ́ наўкружкú пјат'-шэс'т' пасочóк* (поясков) *и рóбыт' кветкú*. Широкую посуду (например, миски, тарелки) расписывали *шнурочкáми и кв'аточкáми* снаружи и внутри.

Писаная посуда пользовалась особой популярностью в центральных районах Белоруссии (*у Литвê*).

Готовую посудину *тóнэн'коју дротúнкоју* (*бы швэ́јна нúтка*) *зрэ́звајут'* (*пудрэ́звајут'*) и *здыјмáјут' за чэ́рево з крýга на лáву*.

III. СУШКА ПОСУДЫ

Изготовленные горшки на *лаве стýгнут'* (делаются твердыми). Когда они *постýгнут'*, у них *оптырáјут'*(*пудглáд'вајут'*)*утóры*. *Утóры* — это венчик глины у дна, который после среза посудины с круга имеет острые неровные края. Их и *оптырајут'* (подравнивают, сглаживают).

Для сушки посуду ставят на *пјатра* (*пјáтарка*). *Пјáтра* — это вышки в избе под потолком, редкий настил досок на специально врубленных в стены балках. Доски (*пјáтрыны*) кладут на таком расстоянии одну от другой, чтобы можно было *лáдыты посýду* (поправлять, переставлять, перебирать). В старых городнянских избах, где потолок бы сводчатый, клалось два сушильных

настила: *нызки пја́тра и висо́ки пја́тра* (*ны́жни и ві́шни*). В домах с обычным потолком имеются только одни пятра.

На низких *пја́трах* ставят для просушки сырую посуду с *лавы*. Через три-четыре дня, когда посуда немного подсохнет, ее осматривают. Каждый горшок берут осторожно за *ве̂нцэ* и проверяют, чтобы не было в нем дырочки, камешка или соринки. Если можно, дырку *зама́звајут' рэдкова́тоју* глиною (*шли́к*). Еще через день-два, когда посуда просохнет настолько, что горшок можно взять одной рукой за венчик, ее *чапўјут'* или *вэ́рнут'* (*ворбо́чајут'*) *у пруты́* — ставят посуду одну на другую вверх дном на высоких *пја́трах*. *Пруто́к* (*прут*) — четыре-пять больших горшков или пятьдесять меньших.

Для полной просушки посуды требуется всего 10—12 дней, после чего ее можно уже *у го́рон кла́сты и пали́ты*.

IV. ОБЖИГ ПОСУДЫ

Печь для обжига посуды, *го́рон* (иногда *гарто̂ўн'а*) — довольно сложное сооружение. Вот как рассказывает об устройстве горна Ф. В. Шелест: *го́рна роби́ли толоко́ју. Навэзэ́м цэ́глы, намэша́јем гли́ны, тогда́ копа́јем ја́му. Ви́копајем ја́му, вы́мурујем ноздры́, усэрэ́дыны ста́вимо де̂да и будўјем го́рна укруговўју. Ноздры́ розвива́јуцца так: ско̂л'ко занима́је де̂д доўжыны́, сто̂л'ко на оды́н бо̂к де̂да и на други́ бо̂к де̂да шчыта́јецца ноздры́. Де̂да ро́бл'ат', шчоб дэржа́ўса склеп, а склеп то̂ј дэржы́цца на де̂ду и на стэне̂. Зде̂лали помо̂ст и чэро̂н з дырка́ми, шчоб прохо́дыў ого́н' на горшки́, кладэ́м го́рна того́ угóру. Јак ужэ́ вы́мурујем го́рна того́ круго́м высо́кого, ужэ ко́нчыли јого́, тогда́ ро́бимо шчэ пе̂чку, шчо кла́сты дро́ва пали́т' горшки́. Горны́ у нас ро́бл'ат', шчо мы зазна́јем, и на́шы бат'ки́, дэды́ и пра́дэды зазна́јут'.*

Лет 30 тому назад, когда *пјатра* позволяли просушивать сразу до двух *хур* горшков, горны были рассчитаны на одновременный обжиг всей этой посуды. В послевоенные годы, в связи с уменьшением сушильного устройства, объем горна рассчитан на нагрузку одной *хўры* горшков, т. е. от 350 до 500 штук в один прием.

Прежде чем приступить к обжигу посуды, приготавливают достаточное количество дров мягкой породы (*смоло́вых, ол'хо́вых або осо́вых*, т. е. осиновых) и подносят к горну партию посуды, предназначенной для обжига. В летнее время посуду сразу загружают в горон, а зимой предварительно *вигрэва́јут' го́рна*, чтобы стенки его были теплыми. Нельзя ставить посуду на влажную землю, снег, оставлять под дождем или охлаждать. В зимнее время посуду стараются *кла́сты у го́рон*, как можно скорее, прикрывая при этом каждый раз горон сверху соломой, во избежание охлаждения посуды. Через специальное боковое отверстие гончар залезает в горон и укладывает подаваемую ему посуду. Сначала он

выставит горшки *стáўма* по всему *чэрону́* (поду). Первый ряд ставит дном к поду, второй ряд горшков переворачивает дном к верху, третий снова ставит дно на дно, четвертый снова дном к верху, и так *чапу́је на два трэ́т'ого, на два трэ́т'ого до сáмого вэ́рху* (*коб огóн' прохóдиў*). После полной загрузки горна дырку закладывают кусками кирпича и замазывают *пэчнóју глúноју*, а сверху горон *зачэрэ́пвајут'*, покрывают верхний слой посуды *чэрэпкáми*. Делают это для того, чтобы в горн не проникал со стороны и сверху непрогретый воздух, так как горшки в этом случае могли бы *полóпаты*.

Окончив загрузку горна, у *пе́чку кладу́т' огóн'*. Чтобы посуда не полопалась от резкого изменения температуры, ее постепенно *выгрэвáјут'*, поддерживая в печке *слабэ́н'ки огóн'*. В процессе выгревания посуда *роспрэвáје*, а затем *высыхáје ў горну́*. Час-полтора спустя, когда черепки нагреваются наверху до такой степени, что плюнеш на черепок, *а слúна кипúт'*, *прыкладáјут' бо́л'шы огóн'*, набрасывая полную печку дров. При дровах среднего качества обжиг продолжается восемь-десять часов. *Пáл'ат' горшкú* до тех пор, пока черепки не раскалятся добела. *Чэрэпкú бе́лыји — горшкú пал'óны* (*опáл'оныје*), *јак чэрэпкú чóрныје, то горшкú шчэ сыры́је*. Если считают, что обжиг завершен, *коц'убóју* (кочергою) *выгрэ́бвајут'* (*вигóртајут'*) из печки жар (*мóжэ дэ головэ́шка, шчоб нэ закурыласа*) и заливают водою. На протяжении ночи посуда *холóдаје ў горну́*, наутро ее *выбэрáјут' з гóрна*, *нóс'ат' у клу́н'у и зворóчвајут' у гу́рбу*, при этом *сорту́јем и лúчым*.

Очень важно правильно определить время прекращения обжига: *бо јак пэ́рэпáлиш — покос'áцца горшкú, бу́дэ багáто нáбэрэжных* (пережженных), *а јак нэдопáлиш — бу́дут' недóпалки, нáда пэрэпáл'ват' дру́ги раз. До́брэ вы́пал'оны горшчóк бе́лы и зво́нки, звыны́т' харашó. Нэдóпалок нэ звóныт', а пэрепáл'аны горшчóк нэ звэны́т', онó драмчы́т'. Нэдопáл'оны и нáбэрэжны горшкú нијáкого хóду нэ мáјут'*. Обожженную посуду называют *пал'óны горшкú* или *прóсты горшкú*.

V. ОБЛИВКА ПОСУДЫ

Полúвој называют глиняную посуду, облитую специально приготовленным раствором окиси свинца и глины и вторично обожженную в горне. Обливная посуда блестит, хорошо отмывается и превосходит по прочности простую, необливную посуду.

Обливка посуды известна в Городной сравнительно недавно. *До миколáјевс'који војны́ у нас полúвы нэ булó, горшкú возы́ли полывáты до Пúнска, обливáў јих тó́л'ко оды́н жыд Бујóмин*.

Первым из городенцев искусству обливки научился Н. Вечорко (сейчас ему 71 год). В конце 30-х годов научились поливать посуду еще несколько местных жителей. Но массовым явлением полива стала у городенцев после 1945 г., когда каждый *горшчáј* научился

горшкú полива́ты. И гэ́то нэвэли́ка пра́хтика дл'а того́, шчо понима́ў, а јак мы́ нэ понима́ли, то ду́мали, шчо така́ гэ́то пра́хтика, шчо нэма́ ў свёти тако́ји пра́хтики,— вспоминает Ф. В. Шелест.

Для приготовления раствора *поли́ўки на ху́ру* посуды требуется 15 кг свинца (называют *о́лово*, т. е. олово) и примерно столько же глины. Свинец кладут в *чыгу́н и па́л'ат' на пры́пэку у пэчы́* до тех пор, пока он не *ростóпицца на во́ду*, а потом превратится в муку желтоватого цвета. Глину приготавливают, как правило, из черепков бракованной необожженной посуды, измельченных в порошок. Влив в *цэ́бэр* ведро холодной воды, поочередно высыпают туда *мёрку голоўја́ноји* (свинцовой) *мукú и мёрку глúны*: *розмо́чат' и розмэша́јут' глúну з о́ловом*. Приготовленный раствор дважды перепускают через ручные *жо́рна*, чтобы размололись крупицы свинцового порошка и глины, *шчоб була́ гла́дка поли́ўка*. В *поли́ўку* добавляют еще ведро воды, вымешивают и проверяют насыщенность раствора. *Розмэша́јеш и ру́ку ўмо́чыш и јежэ́ли стрэхнэ́ш и шчэ мно́го опуска́јецца з рукú — добаўл'а́јеш во́ду обра́тно, јежэ́ли харашо́ опуска́јецца, срэ́дствэнно, то полива́јеш горшкú. Бэрэ́ш горшка́ за ўто́ры у лёвују ру́ку, кру́жку — у пра́вују, налива́јеш у тој го́ршчык то́ји поли́ўки, обмахнэ́ш јого́ укруговýју и вы́л'јеш наза́д у цэ́бэр, по́тым повэ́рху полива́јеш и ста́выш јого́ на́бок. Поли́таја посу́да со́хнэ цэ́лу но̂ч зымо́вого врэ́мја, а лётом высыха́је на со́нцы за час (полива́јут' то̂л'ки пал'о́нују, а нэ сыру́ју посу́ду). Поли́тују и просо́хшују посу́ду кладу́т' у го́рон и выпал'ва́јаут' јак сыры́је горшк'и, оно́ па́л'ат' јеје̂ на па́ру часо́ў бо̂л'ш, чым про́стыје горшкú и дро́ва трэ́ба шчо нај́сушэ́й, бо пры сухúх дро́вах до́бра поли́ва выхо́дыт'*. Жар из печи в этом случае не выгребают, так как от подымающейся пыли полива стала бы *шэрэхова́та и тэ́мна*. В *поли́ўку* добавляют нередко краску — *зэл'о́ну, чэрво́ну, чо́рну, то̂л'ко нэзгора́јну*.

Поли́ва ценилась в два с лишним раза дороже простых горшков. Так, до революции за *ху́ру* простых горшков платили 5 руб., а за *поли́ву* — 10 руб. и больше. Безлошадный гончар Ф. В. Шелест, который не имел возможности возить горшки, а *оддава́ў јих на мёсцы*, вспоминает: *за По́л'шчы ја оддава́ў жыда́м ху́ру горшко̂ў шчыта́ј чоты́ры со́тни, за пу́ўтора пу́да жы́та. Вы́ставыў тры ху́ры горшко̂ў, то ја уз'а́ў чоты́ры пу́ды с полові́ноју хлёба за два́ццэт' сот горшко̂ў ві́пал'оных. Да́рма бра́ли. Да́рма! А јак купы́ты поли́ву у јúх, то на́да дава́ты сэ́мдэсат пјат' зло́тых за фу́ру, за ту́ју са́мују ху́ру.*

При продаже посуды оптом и в розницу обливщики и торговцы пользовались различными мерами счета посуды. Наиболее крупной единицей счета оставалась *ху́ра*. На *ху́ру* считалось четыре сотни: *двё со́тни нэро́знакоў и двё зливачо́ў и да́жэ шчэ з надбáўкоју по пјат' штук на со́тн'у, это вро́ди на бра́к. Вонú* (поливщики) *у нас бра́ли на со́тни, а нам ўжэ пэрэшчы́тывали поли́ву на дэс'а́тки.*

VI. ПОСУДА

Городнянская гончарная посуда различается в зависимости от назначения и объема. Основной, наиболее ходовой посудой являются *кру́гли горшки́*. Часто *горшчо́к* служит обобщенным названием для всей гончарной посуды, например *поло́пали горшки́*, *прода́ў ху́ру горшко̂ў*, *поли́ваны горшки́*, хотя в данном случае имеется в виду разная гончарная посуда: *горшки́*, *макотрэ̂*, *слоје̂*, *вазо́ны*, *бан'ки́*, *гле́чыки*, *гладышки́*, *мисы́*, *миски́*, *тарэлочки́* и *кубочки́*. Названия горшков в зависимости от их величины служат дополнительной характеристикой при различении по объему всей остальной посуды. Ниже приводится перечень и классификация городнянской гончарной посуды и ее специальные местные названия.

А. *Кру́гли горшки́* (им. ед. *горшчо́к* — род. ед. *горшчка́*, род. мн. *горшко̂ў*) — общее название.

1) *пол'а́к* (род. ед. *пол'ака́*, им. мн. *пол'аки́*) — *са́мыј бо̂л'шыј горшчо́к з двима́ вуша́ми*, *насыпа́йут'* 1—1,5 *пу́да жы́та*;

2) *одынэ̂ц* (род. ед. *одынца́*, им. мн. *одынцэ̂*), вместимость 8—16 кг зерна;

3) *пудодынэ̂ц* (род. ед. *пудодынца́*, им. мн. *пудодонцэ̂*) — 6—8 кг зерна;

4) *нэро́знак* (род. ед. *нэро́знака*, им. мн. *нэро́знаки*) — 4—6 кг зерна;

5) *злива́ч* (род. ед. *зливача́*, им. мн. *зливачэ̂*) — 2 кг зерна;

6) *поўзлива́ч*, *злива́чык* (род. ед. *злива́чка*, им. мн. *злива́чыки*), *пуўзлива́чык* (род. ед. *пуўзлива́чыка*, им. мн. *пуўзлива́чыки*) — 1,5 кг зерна;

7) *мамзэл'* (род. ед. *мамзэл'а́*, им. мн. *мамзэле̂*) — 1 кг зерна;

8) *мамзэ̂лик* (род. ед. *мамзэ̂лика*, им. ед. *мамзэ̂лики*), — 2 *фу́нты жы́та и мэнч.*

Все круглые горшки, кроме *поляка*, делаются с одним ухом.

Б. 1) *Мако̂тра* (род. ед. *мако̂тры*, им. мн. *макотрэ̂*) — объем от 16 до 2 кг зерна;

2) *мако̂ш* (род. ед. *макоша́*, им. мн. *макошэ̂*) — от 2 до 1 кг зерна;

3) *мако́шык* (род. ед. *мако́шыка*, им. мн. *мако́шыки*) — от 1 кг до 1 фунта зерна.

В. *Слоје̂* (им. ед. *слој*, род. ед. *слоја́*):

1) *Одынцо̂ў сло̂ј* (*з двыма́ ву́хами и с кры́шэчкоју*) — 8—16 кг зерна;

2) *пудодынцо̂ў сло̂ј* (этот и все остальные с одним ухом) — 8 кг зерна;

3) *нэро́знако̂ў сло̂ј* — 5 кг зерна;

4) *зливачо̂ў сло̂ј* — 2 кг зерна;

5) *сэмакови сло́јик* — 1,5 кг зерна.

Г. *Бан'ки́* (им. ед. *ба́н'ка*, род ед. *ба́н'ки*).

1) *пудодынцо́ва ба́н'ка* — 8 кг зерна;

2) *нэрóзнакова бáн'ка* — 5 кг зерна;
3) *зливачóва бáн'ка* — 2 кг зерна.
Д. *Глéчыки* (им. ед. *глéчык*, род. ед. *глéчыка*):
1) *пудодынцôў глéчык* — 8 кг зерна;
2) *нэрóзнакоў глéчык* — 5 кг зерна;
3) *зливачôў глéчык* — 2 кг зерна;
4) *сэмакôў глéчык* — 1,5 кг зерна;
5) *мамзэл'ôў глéчык* — 1 кг зерна.
Все *глéчыки с* ухом, без уха — *глады́шки*.
Е. *Гладышкú* (им. ед. *глады́шка*, род. ед. *глады́шки*).
Видовые названия *глады́шки* в зависимости от объема те же, что и *глéчыка*.
Ж. *Мисы́, мискú* (им. ед. *мúса*, род. ед. *мúсы*):
1) *одынцóва мúса* — 8—16 кг зерна;
2) *пудодынцóва мúса* — 6—8 кг зерна;
3) *нэрóзнакова мúска* — 5 кг зерна;
4) *зливачóва мúска* — 2 кг зерна;
5) *сэмакóва мúска* — 1,5 кг зерна;
6) *мамзэл'óва мúсочка* — 1 кг зерна;
З. *Вазóны* (им. ед. *вазóн*, род. ед. *вазóна*):
1) *нэрóзнакоў вазóн*, вместимость 5 кг зерна;
2) *зливачоў вазóн* — 2 кг зерна;
3) *сэмакôў вазон* — 1,5 кг зерна.
И. *Мамзэл'óвы тарэлочкú* — до 1 кг зерна.
К. *Кубочкú з вýшками* — от 0,25 до 0,5 кг зерна.
По заказам перекупщиков делались также *лохан'кú*, *горналы́* разные подставочки, *сподочки* и пр.

При сдаче посуды оптом обливщикам или торговцам счет велся сотнями: *пол'акôў јшло сто штук на фýру*, *пудодынцôў јшло двêсты штук на фýру*, *а нэрóзнакоў трысто и пјадэсáт зливачôў шчытáласа хýра*, *а зливачôў — пјацсóт*, *а сэмакôў — сэмсóт*, *а мамзэл'ôў вос'емсóт ишлó*, *а мамзэл'óвых мисочóк пјатнáдцат'сóт ишлó на хýру*. Перепродавая обливную посуду, обливщики считали ее на десятки. Со временем городенцы стали применять счет десятками и при розничной продаже посуды. Установилась следующая шкала соответствий:

1) *одúн пол'áк — дэсáток*, 2) *три одынцŷ — два дэсáтки*, 3) *два пудодынцŷ — одúн дэсáток*, 4) *тры нэрóзнаки — один дэсáток*, 5) *пјат' зливачôў — дэсáток*, 6) *сэм сэмакôў — дэсáток*, 7) *дэ́сат' мамзэл'ôў — дэсáток*; 8) *мисóк пудодынцóвых — пјат' на дэсáток*, 9) *нэрóзнаковых мисóк — сэм на дэсáток*, 10) *зливачóвых мисóк — дэ́сат' на дэсáток*, 11) *сэмакóвых мисóк — дванáццат' на дэсáток*, 12) *мамзэл'óвых мисочóк — пјатнáццат' на дэсáток*, 13) *мамзэл'óвых тарэлочóк — пјатнáццат' на дэсáток*, 14) *кубочкôў мамзэл'óвых — дэ́сат' на дэсáток*.

VII. ТОРГОВЛЯ ПОСУДОЙ

Весь запас готовой посуды *зворо́чивали у одну́ ку́чу у́ клу́ни*. Этот запас достигал иногда трех-четырех хур. Безлошадные гончары вынуждены были за гроши сдавать свои изделия оптом перекупщикам или обливщикам. В большинстве случаев городенцы сами вели розничную продажу посуды. С этой целью в любое время года, за исключением осенней и весенней распутицы, а также посевной и уборочной, из Городной отправлялись *на с'о́ла* обозы с горшками. Торговля горшками занимала у городенца едва ли не столько же времени, как и само изотовление посуды. Кроме *про́стых* или *пал'о́ных горшко́у*, они возили продавать купленную втридорога у обливщиков *пол'и́ву*.

После того как устанавливался очередной *маршл'у́т*, начинались сборы в дорогу. Прежде всего нужно было отобрать и пересортировать посуду, наиболее ходовую в данной местности. Так, например, в *Литве̂* не интересовались обливной посудой, не покупали *чы́стых пал'о́ных горшко̂в*, но зато охотно покупали «*бол'фаны́je*», т. е. *пи́саныjе горшки́*; на Украину, наоборот, нужно было везти *бе̂лиjе нэпи́саныjе горшки́* и *поли́ву*.

Особого умения требовала упаковка посуды. Нужно было частично переоборудовать небольшой полесский воз, чтобы поместить на него до 400 штук посуды, предохранив ее от поломки и расположив таким образом, чтобы во время торговли оказался под рукой весь ассортимент посуды. Вот как рассказывает об этом старый гончар К. К. Шелест:

Jе́сли договоры́лиса на за́ўтра вэзты́ горшки́, то ла́дымо во́за: мале́н'киjе драби́нки з во́за скида́jем, прывjа́зваjем би́лца ик ру́чкам звэ́рху и накла́дваjем вэли́ки страми́ны. У вэли́ких страми́нах посэрэ́дыны зало́жаны цэпки́, а на конце̂ л'астки́ из дырочка́ми. Шчоб нэ па́дали горшчки́, спэ́рэду и зза́ду замо́твайут' воло́ками (веревками) *замо́ты за гэ́тыjе л'астки́. Ви́стэлеш соло́моjу до́ски и почына́jем мишы́ты горшки́: кладэ́ш по бока́х два рады́ бо̂л'шых и посэрэ́дыни рад мэ́нчих горшко̂ў. А ло́жым горшки́ дном у ве̂нцэ, по штук дванаа́цэт'-пjатна́цэт' у ра́д, и ус'о́ дна́мы до кон'а́. Трэ́ба до́брэ пэрэстила́т' ве̂нца сало́моjу и мишы́т' так, шчоб оди́н ў оди́н ўлеза́ў те̂сно, бо горшки́ пошмо́ргаjуцца, да́жэ и дырки́ поро́бл'ацца. Уже ви́слаў дно, потру́сиш соло́ми и поло́жыш тры ро̂ўных пруты́ вэли́ких горшко̂у; ви́стэлеш и ў трэ́ти раз поло́жыш чоты́ры або пjа́т' прутко̂ў: поўз цэпки́ два бо̂л'шых, а у сэрэ́дыни два або тры рады́ мэ́нчых горшко̂ў. А по́тым опjа́т' стэ́леш соло́му и опjа́т' кладэ́ш пjат'-шэ́с'т' прутко̂ў и так накладаjеш, пока́мис' аж до вэ́рху. На по̂ўны во̂з ло́жыцца два́цэт' два або два́цэт' чоты́ры, два́цэт' пjат' радо̂ў. Jак накладэ́ш по́вен во̂з, то накрыва́jеш звэ̀рху соло́моjу и крэ̂пко прышнуро́ўваjеш горшки́ шнурова́н'н'ем, шчоб воны́ нэ шата́лиса.*

Ка́жэ: намшы́ў ху́ру горшко̂ў, мо́жна ужэ́ вэ́зты. Ў доро́гу, јак ужэ́ одјеждҗа́јеш, бэрэ́ш на во̂з с пуд се̂чки у мэшо́к, с пуд оу́са́ кон'ў ў ко̂н'с'куй то́рби, бэрэ́ш себе̂ харчэ̂ ў то́рбу: там хле̂ба буха́нку або две̂, кусо́к са́ла, круп; свитку и кожу́ха — э́то бра́ли у л'убэ́ ўрэ́мје и на́вэт ле̂том (ночевали в пути нередко в поле).

Је̂здыли з горшка́ми ў Литву́, на Украју́ну, ў Поле̂с'је, за Пи́нск и Дроги́чын, а ў когӧ ко́ни слаби́је були́, то продава́ли по бли́зких с'о́лах. По бол'шуј ча́сти продава́ли на зэрно́, часа́ми на гро́шы, рэ̂дко. Најдорожэ́й продава́лиса горшки́ на Украју́ны и ў Поле̂с'ји, там насыпа́ли то́кма (за горшок — горшок ржи). *По ус'о̂й Литве̂ наўпро́тиў продава́ли: за одного́ горшка́ жы́та трэ́ба два горшки́ да́ты. Возы́ли ишчэ́ за Пи́нск коло Ја́нова и Дроги́чына, по Ко́брын', гэтта дэшэ́ўшы горшки́ були́: тут продава́ли на трэт'ого, по два горшки́ прыста́ўки до одного́. Коло Пи́нска, Сто́лина и Городка́ до одного́ тры прыста́ўки дава́ли, а бли́зко круго́м Городно́ји, то за одного́ горшка́ жы́та шты́ры горшки́ прыста́ўки бэрэ́. У когӧ слабы́је ко́ни, то продава́ли бли́зко и прыво́зыли нэ бо̂л'ш, йак сэ̂м пудо̂ў жы́та за ху́ру горшко̂ў. А јесли хоро́шы кон', то за тры́ста кіл'омэ́тро̂ў заједе̂, там ужэ́ доста́нэ два́ццэт' пудо̂ў жы́та, коло Кле́цка, тры́ццэт' пудо̂ў на Украју́ни и ў Поле̂с'с'и, пудо̂ў двана́ццэт' — коло Ја́нова и Дроги́чына. На ме̂сцы продава́ли забэ́сцэн: по пја́т', чоты́ры пу́ды, а тој мэ́нч за во̂з горшко̂ў.*

Вывозили городенцы свой товар и по рекам. Нанимали, например, на Горыни два-три *дубы́* (большие лодки), грузили возов 100 горшков и отправлялись по Припяти до Петрикова и дальше.

К рассказанному добавим еще, что *поли́ву* продавали *то́кма* даже в окрестных деревнях, а на Украине и в Полесье брали по две *на́сыпки* за штуку *поливы*. Городенцы, у которых были хорошие лошади, кроме *поливы* покупали оптом у своих безлошадных односельчан *про́стыје пал'бныје горшки́* и возили продавать их в отдаленные села. Это давало им *бо̂л'шы заробу́ток*, чем само изготовление гончарной посуды. Хотя посуда фактически менялась на зерно, в обиходе городенцев известен только оборот *продава́ти горшки́*. Упадок торговли горшками, связанный с новыми условиями жизни населения, привел к резкому сокращению индивидуального гончарного производства в Городной. Гончарное ремесло перестает быть явлением массовым, прекращается его преемственность. Артельное производство в колхозной мастерской, где работает 12 гончаров, носит уже иной характер и базируется на иных отношениях.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕКСИКИ[1]

[баба] ба́ба *ж.*, ба́бка *ж.* I заготовленная глина, плотно сбитая в горку прямоугольной формы; ◊ [сбивать в ~ у] збйты ў ~ у, збива́ты, ~ у I уплотнять и сбивать глину; [стружить ~ у] стру́жыты ~ у I строгать.

[банька] ба́н'ка *ж.* VI посуда с узким горлышком для жидкости.

[вазон] вазо́н *м.* VI горшок для цветов.

[венце] ве̂нцэ *с.* II верхний венчик горшка; ◊ [выгинать ~] выгина́ты ~ II выводить венчик.

[выводить] выво́дыты *несов.* тянуть, вытягивать глину на кругу вверх; ◊ [~ на форму] ~ на фо́рму придавать глине форму посуды (на кругу).

[выклад] вы́клад *м.* форма посуды. Горна́л наподо́бије ми́сы, те̂л'ки ви́клад ма́је полукру́глы.

[выроба] вы́роба *ж.* I 1. процесс изготовления посуды; 2. гончарные изделия.

[выроблять] выробл'а́ты *несов.* V изготавливать посуду.

[гартовня] гарто̂ўн'а *ж.* IV *см.* горон.

[гладить] гла́дыты *несов.*, вигла́д'ваты *несов.* II выравнивать, выглаживать поверхность изготавливаемой посуды «ножиком» (*см.*).

[гладышка] глады́шка *ж.* VI кринка.

[глечик] гле́чык *м.* VI кувшин *см.* збанок.

[глина] гли́на *ж.* I глина [~ белая] ~ бе̂ла I светло-серая, белая глина [~ готовая] ~ гото́ва I окончательно обработанная, [~ сивая] ~ си́ва I серая, [~ струпливая] ~ струпли́ва I неровная, сорная, недостаточно вымешанная, [~ тлустая] ~ тлу́ста I жирная, тонкая, вязкая, [~ толокневая] ~ толо́кн'анава, ~ толокн'о́ва I слабая, песчаная, недостаточно вязкая глина [~ червоная] ~ чэрво́на I светло-красная *ср.* о́писка, [~ черная] ~ чорна I темно-серая, черная, [осаживать ~ у] оса́д'ваты ~ у II, [подводить ~ у] пудво́дыты ~ у II, [подтягивать ~ у] пут'т'а́гваты ~ у II, [поробить ~ у] поробы́ты ~ у израсходовать, глину переработать на посуду, [стискать ~ у] стыска́ты ~ у II.

[глинница] гли́н'ница *ж.*, гли́н'ник *м.* I угол избы, куда складывают перемешанную глину.

[головка] голо̂ўка *ж.* II верхний деревянный кружок на гончарном кругу.

[гончар] гонча́р *м.* I, VII *см.* горщай.

[горнал] горна́л *м.* VI.

---

[1] *Римские цифры указывают раздел предыдущего описания, где можно найти дополнительные сведения о значении и употреблении соответствующего слова.*

[горон] гóрон *м.* IV горн, печь для обжига изделий из глины; ◇ [выгревать ~ а] виграэвáты ~ а IV прогревать, просушивать горн.

[горшок] горшочóк, гóршчык *м.* II—VII горшок; ◇ [выгревать ~ и] выгрэвáты ~ и́ IV прогревать, постепенно нагревать горшки, [здымать ~ а] здыјмáты ~ á II снимать с круга горшок, [карбованые ~ и] карбóваны ~ и́ украшенные насечкой, штрихами горшки, [круглые ~ и] крýгли ~ и́ VI *ср.* кругляки, [паленые ~ и] пал'óны ~ и́, опáл'оны ~ и́ IV обожженные, [писаные ~ и] пи́саны ~ и́ II посуда с росписью, [простые ~ и] прóсты ~ и́ IV необливная посуда *ср.* полива, [робить ~ и] роби́ты ~ и́ II изготавливать глиняную посуду, [сырые ~ и] сыры́је ~ и́ необожженные горшки.

[горщай] горшчáј *м.* I, V, VII гончар.

[грудка] грýдка *ж.* грýдочка *ж.* I, II ком, комок обработанной глины, заготовка ◇ [плескать в ~ и] плескáты ў ~ и́, качáты у ~ и́, би́ты, збивáты у ~ и́ I уплотнять, скатывать, сбивать в ком глину.

[гурба] гýрба *ж.* I, IV куча, ворох глины, посуды; ◇ [зворочвать в ~ у] зворóчваты ў ~ у IV складывать в кучу.

[дед] дêд *м.* IV кирпичный столб, поддерживающий под в центре горна.

[дно] дно *с.*, дэ́нцэ *с.* дно, донышко посуды.

[довбенька] доўбэ́н'ка *ж.* I деревянный молот для сбивания глины в «бабу» (*см.*).

[замота] замóта *ж.* VII перемотка, переплетение из тонких веревочек сзади и спереди воза.

[зачерепывать] зачэрэ̂пваты *несов.* IV покрывать сверху осколками битой посуды загруженный горон (*см*).

[збанок] збанóк *м.*, збанóчок *м. см.* глечик.

[зливач] зливáч *м.* VI небоьшой горшок *ср.* нерознак, повзливач.

[кавалок] кавáлок *м.* I кусок вымешанной глины.

[карбовать] карбовáты *несов.* II украшать посуду насечкой, штришками при помощи «карбовки» (*см.*).

[карбовка] карбôўка *ж.* II зубчатый деревянный валик или колесико для нанесения штрихов на сырую посуду.

[колотушка] колотýшка *ж. см.* довбенька.

[круг] круг *м.* II гончарный круг вообще; ◇ [~ немец] ~ нéмэц II новый, усовершенствованный круг с некоторыми железными деталями, [~ простый] ~ прóсты II старый деревянный круг, [~ стародавний] ~ стародáўни II старый, наиболее примитивный круг.

[кругляки] кругл'акú *только мн.* горшки в отличие от остальной посуды *ср.* горшок.

[кубок] кýбок *м.*, кýбочок *м.* VI кружка, чашка.

[ладить] лáдиты *несов.* III, VII приводить в порядок, сортировать посуду; ◇ [~ горшки] ~ горшкú III переставлять, просматривать посуду на сушильном устройстве, [~ воза] ~ вóза VII сортировать, укладывать посуду на воз.

[лисичка] лысы́чка *ж.* II деревянный кронштейн, крепящий к скамейке ось гончарного круга.

[лоханка] лохáн'ка *ж.* VI.

[макотра] макôтра *ж.* VI большой макотёр.

[макош] макôш *м.*, макóшык *м.* VI небольшой и малый макотёр.

[мамзель] мамзэ̀л' *м.*, мамзэ́лик *м.* VI маленький и совсем маленький горшок *ср.* повзливач.

[месить] мэсúты *несов.* I месить.

[мешать] мэшáты *несов.* I смешивать глину разных сортов.

[миса] мúса *ж.*, мúска *ж.*, мúсочка *ж.* VI большая миска, миска, маленькая миска.

[мшить] мшы́ти *несов.* VII перестилать и упаковывать посуду на возу.

[мять] мjáты *несов.*, вúмjаты *сов.* I месить руками, вымесить глину.

[набережны] нáбэрэжны *прил.* IV пережженный (о горшках).

[накрывочка] нáкрывочка *ж.* VI крышка, покрышка.

[насыпка] нáсыпка *ж.* VII горшок зерна.

[недопалок] недóпалок *м.*, нэдопáлок IV недожженный горшок, посудина.

[нерознак] нэрóзнак *м.* VI средний горшок *ср.* пододинец, зливач.

[ножик] нóжык *м.* II специальная деревянная пластинка для выглаживания стенок посуды на гончарном круге.

[ноздри] ноздры́ *только мн.* IV проходы для огня из печи в горн.

[обмочка] óммочка *ж.*, óбмочка II посуда с водой для обмакивания рук при изготовлении посуды.

[одинец] одынéц *м.* VI большой горшок *ср.* [поляк, пододинец.

[описка] óписка *ж.* I, II 1. раствор красной глины для росписи посуды; 2. красная глина *см.* глина; 3. кисточка для росписи посуды *ср.* перо.

[палить] палиты *несов.* III, IV обжигать посуду.

[перо] пе̂ро *с.*, пе̂рцэ , *с.* II кисточка из перьев для росписи посуды.

[печь] пе̂ч *ж.*, пе̂чка *ж.* IV печь, часть устройства для обжига посуды, топка.

[писать] писа́ты *несов*, пописа́ты *сов.* II расписывать посуду, расписать.

[пласток] пласто́к *м.*, пласт *м.* I плоский слой глины. Здоро́ви бэрэ́ бо̂л'шого пласта́.

[повзливач] поўз'лива́ч *м.*, пуўзлива́чык *м.*, злива́чык *м.* VI малый горшок *ср.* зливач, мамзель.

[пододинец] пудодынэ́ц *м.* VI довольно большой горшок *ср.* одинец, нерознак.

[подрезать] пудрэза́ты *несов.* II среза́ть с круга готовую посудину проволочкой, ниткой.

[полива] поли́ва ж. V обливная посуда.

[поливать] полива́ты *несов.*, облива́ты *несов.* V покрывать посуду специальным раствором.

[поливка] поли́ўка *ж.* V специальный раствор для горячего покрытия глиняной посуды, глазурь.

[поляк] пол'а́к *м.* VI самый большой горшок *ср.* одинец.

[прибить] прыби́ты *сов.* II прилепить, приплескать к головке круга комок глины *ср.* садить.

[прилепить] прылепи́ты *сов.* II прикрепить, примазать «ухо» (*см.*) *ср.* примазать.

[примазать] прыма́заты *сов.* II приделать, прикрепить, прилепить «ухо» (*см.*) *ср.* прилепить.

[приставка] прыста́ўка *ж.* VII придача при продаже горшков «наўпротиў» *ср.* продавать.

[продавать] продава́ты *несов.* VII; ◇ [~ токма] ~ то́кма VII продавать горшок за горшок зерна; [~ навпротив] ~ наўпро́тиў VII продавать по два и более горшка за горшок зерна.

[прут] прут *м.*, пруто́к *м.* III, VII укладка посуды одна в одну; ◇ [ворочать в ~ ы] воро́чаты у ~ ы́ III.

[пятра] пја́тра *только мн.*, пја́тарка *только мн.* III вышки в избе для сушки посуды; ◇ [~ низкие] ~ ни́зки, ни́жны III; [~ высокие] ~ висо́ки, ви́шни III.

[пя́трына] пја́трына *ж.* III доска пятры.

[рассунуться] россу́нутыса *сов.* II развалиться (о заготовке) *ср.* скрутиться.

[рубеж] рубэ́ж *м.*, рубэ́жык *м.* II насечка, штрих на глиняной посуде; ◇ [робить ~ и] роби́ты ~ ы́ II делать насечки, украшать насечками, штрихами *ср.* карбовать.

[садить] сады́ты *несов.*, посады́ты *сов.* II класть, положить на круг комок глины *ср.* прибить.

[скрутиться] скрутытыса *сов.* II сорваться с головки (о глине) *ср.* рассунуться.

[слой] слôј *м.*, слóјик VI глиняная банка с крышкой.

[сподак] сподáк *м.* II большой нижний деревянный круг на гончарном круге.

[сподочек] спóдочок *м.* VI блюдце, подставка.

[страмины] страми́ны *только мн.* VII решетки в телеге. На вôз накладáјем вэли́ки страми́ны, шоп нэ пáдали горшки́.

[стугнуть] сту́гнуты *несов.* III отвердевать, черстветь.

[тарелка] тарэ́лка *ж*, тарэ́лочка *ж.* VI мелкая миска, тарелка.

[тлустость] тлу́стост' *ж.* I качество глины по жирности, вязкости, тонкости.

[угнивать] угнивáты *несов.* I размякать, раскисать.

[уготовливать] уготóўливат' *несов.*, ўготоўл'áты *несов.* I подготавливать: мешать, месить, уплотнять, строгать глину.

[уторы] утóры *только мн.* III нижний венчик в посудине, края у дна; ◊ [~ обтирать] ~ обтирáты III, [~ подглаживать] ~ подглáд'ваты III подравнивать, сглаживать.

[ухо] ву́хо *с.*, ву́шко *с.* II ушко, ручка глиняной посудины.

[хлус] хлус *м.* мусор в глине.

[хура] ху́ра *ж.* V 1. воз (фура) горшков, 2. четыре сотни штук посуды.

[чаповать] чаповáты *несов.* III, IV ставить горшки один поверх двух других для просушки или обжига.

[черево] чэ́рэво *с.* II выпуклость в посуде.

[череп] чэ́рэп *м.*, чэрэпóк *м.* обломок глиняной посуды.

[черон] чэрóн *м.* IV под в горне.

[шарунок] шару́нок *м.* I положенные друг на друга заготовки глины.

[шийка] шы́јка *ж.* 1. II верхняя металлическая часть оси гончарного круга; 2. шейка, горлышко у кринки, кувшина, банки.

[шлиг] шлиг *м.* II тонкий слой редкой глины на поверхности изготавливаемого горшка.

[шнурование] шнуровáн'не *с.* VII веревка для увязывания воза с посудой.

[шпень] шпен' *м.* II деревянная ось гончарного круга.

[яма] јáма *ж.*, јáмка *ж.* I яма, карьер, где добывается глина.

В. А. Никонов

ДВЕ ВОЛНЫ В ТОПОНИМИИ ПОЛЕСЬЯ

Среди названий населенных пунктов Белорусского и Украинского Полесья значительна доля таких, которые первоначально означали самих жителей, а не место. Это различие топонимических типов Витольд Ташицкий положил в основу топонимической классификации [1], разделив названия населенных пунктов на те, которые возникли сразу как названия мест, и те, которые сначала означали обитателей. В XV в. исходное значение было живо — это отчетливо видно в документе 1483 г. о тяжбе пана Олехно Судимонтовича с паном Юрием Зеновьевичем: «отцу моему досталося на дѣлу Борероновичи и земля тая досталася по нихъ... а брату отца моего досталися на дѣлу тые люди Ляљевичи и земля ся имъ противъ тое земли достала тымъ же Ляљевичом»[2]. Это и сейчас встречается в Полесье. Например, в с. Зосинцы, северо-западнее Овруча, где очень многие жители носят фамилию Зосинец. Названия этого типа в Полесье чаще всего образованы формантом *-ичи* (*-овичи*, *-иничи*), реже *-овцы*, *-инцы*. Самое существенное — размещение этих формантов на карте. Оно и составляет предмет этой статьи.

Сделаем срез с севера на юг через часть Полесья. К сожалению, БССР остается одной из последних территорий, по которым до сих пор еще не изданы списки населенных пунктов; приходится пользоваться данными по старому административному делению. Возьмем б. Мозырский уезд Минской губ. [3], Житомирскую и Винницкую области УССР [4]: они образуют полосу, идущую в меридиональном направлении через Полесье в Подолию. Подсчитав топонимы по их формантам, получаем топонимический профиль,

[1] W. Taszycki. *Słowiańskie nazwy miejscowe*. Kraków, 1946. *Перепечатано в его книге «Rozprawy i studia polonistyczne»*, 1. Wrocław — Kraków, 1958.

[2] «*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*», т. I. СПб., 1883, стр. 21.

[3] «*Список населенных мест БССР (б. Минской губ.)*». Минск, 1924.

[4] «*Довідник адміністративно-територіального поділу Житомирської області*». Житомир, 1961; «*Довідник адміністративно-територіального поділу Вінницької області*». Винница, 1961.

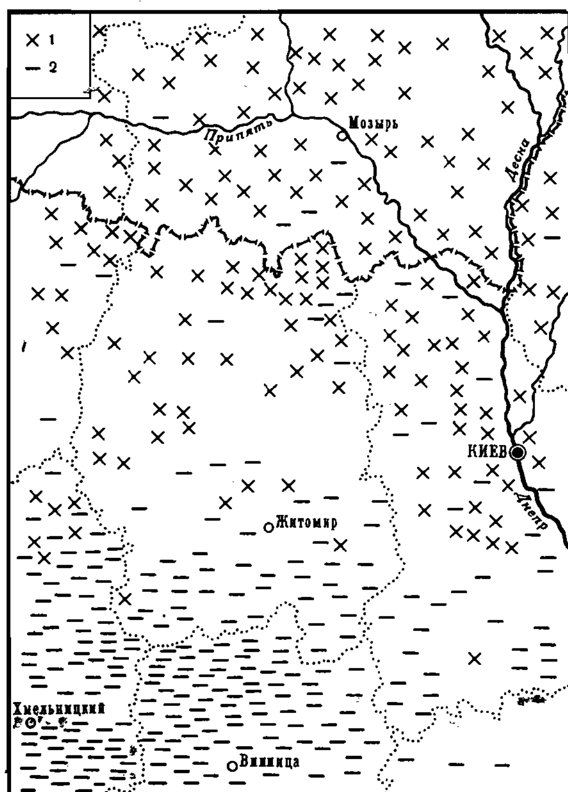

Рис. 1. Меридиональный топонимический профиль

1 — названия населенных пунктов на *-ичи*, *-овичи*; 2 — названия населенных пунктов на *-овцы*, *-инцы*

прорезающий Полесье и Подолию. По зонам процент названий с рассматриваемыми формантами таков:

	-ичи, -овичи	-овцы, -инцы
Мозырский уезд Минской губ.	23,0	0,8
Северная половина Житомирской обл. . .	4,6	0,8
Южная » » »	0,7	5,9
Винницкая обл.	0,1	10,8

Так на всем протяжении, где смыкаются Полесье и Подолия. Например, западнее взятого профиля: в полесских областях Волынской и Ровенской 133 названий населенных пунктов на *-ичи* и только 24 на *-овцы*, *-инцы*, а в соседних к югу областях Хмельницкой

и Тернопольской 15 — на *ичи* и 505 — на *овцы*, *-инцы*. И на востоке Полесья — в Черниговской обл.:

	Всего	-ичи, -овичи	-овцы, -инцы
Северная половина	833	33	7
Южная «	793	2	25

Налицо резкая территориальная противопоставленность этих двух признаков. Их ареалы четко разграничены. Отчетливая межа проходит по изогнутой линии Львов — Ровно — Житомир— Киев. Северней этой черты — сплошное распространение *-ичи*, южней — сплошное распространение *-овцы*, *-инцы*. Конечно, эта граница не абсолютна — есть и «зона вибрации», и глубокие вкрапления на «чужую» территорию. Одиночные *-ичи* разбросаны по многим областям Украины. На север Житомирской обл. с юго-запада вклиниваются *-овцы*, *-инцы*; восточнее Овруча расположено гнездо их, теперь всего четыре названия (Збраньковцы, Деревцы, Васьковцы, Норинцы), в начале XVII в. документированы шесть (Лесковцы, Булаковцы, Кубитинцы, Гейовцы, Московци, Васковци), из них пять исчезли, зато возникли три новых. Севернее их, в Белоруссии,— Луковицы, между Овручем и Мозырем, Ляховцы близ Мозыря; еще северней, под Бобруйском,— Поповцы, есть они и в Витебской обл.

* * *

Такое распределение, с одной стороны,*-ичи*, *-овичи*, с другой, *-овцы*, *-инцы*, побуждает предположить, что каждый из обоих ареалов связан с какой-то своей общностью славянского населе-

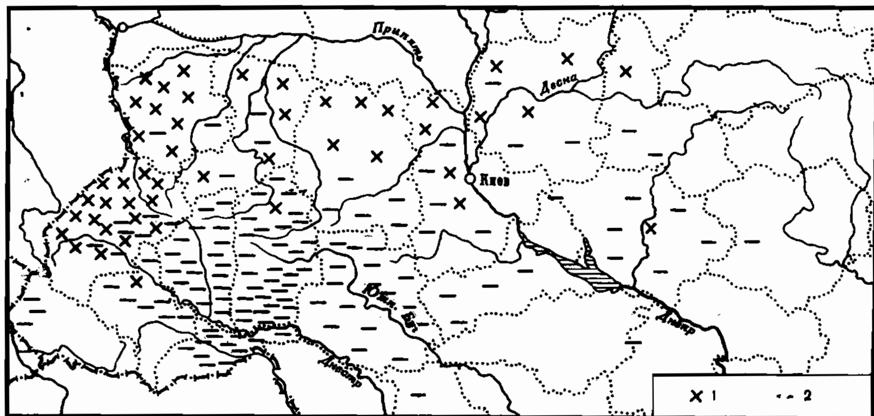

Рис. 2. Топонимы *-ичи*, *-овичи* и *-овцы*, *-инцы* на Украине. В каждом значке 10 названий населенных пунктов

1 — -ичи, -овичи; 2 — -овцы, -инцы

ния Полесья. Это помогло бы прочесть загадочные страницы истории Полесья, которые в письменных памятниках освещены смутно или не освещены совсем. Конечно, обязательно нужно взвешивать, чего можно и чего нельзя ожидать от каждого источника на современном уровне методов его исследования. Одни возможности сегодня у археологии, другие — у антропологии, иные у этнографии, диалектологии, истории языка. Свидетельства каждой из этих наук красноречивы, но жестко ограничены. Каждая освещает определенные стороны прошлого и определенные хронологические пласты его. Такие различия существенны и внутри топонимики, в силу коренных различий в ее материале — топонимии. Так, гидронимия и названия населенных пунктов своей спецификой диктуют различия методов исследования их.

Гидронимы в массе гораздо старше, чем названия населенных пунктов, и поэтому позволяют проникнуть в более глубокие времена. Зато у названий населенных пунктов свои преимущества. Они надежней.

Гидронимия Полесья исследована в лучшей из отечественных работ по топонимике В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым [5]. Правда, бассейн Припяти лишь фланг изучаемой ими территории, это отразилось и на полноте анализа: так остались неотмеченными даже такие группы гидронимов, как на *-та* (Вата, Вита, Мета, Цита, Раста), на *-па* (Стрипа, Липа и др.) Но решающая ограниченность гидронимического исследования сегодня даже не в пробелах, неизбежно крупных. Как подчеркнули сами авторы, урок их исследования показывает, насколько еще далеко до построения этноисторической карты по гидронимическим данным.

Названия населенных пунктов ближе к нашему времени по своему возрасту, в большинстве ближе к нам и по языку. Топонимический материал массов и позволяет оперировать большими количествами, а не отдельными изолированными названиями с их случайностями и искажениями. К статистическому наблюдению нелегко привыкнуть тем, кто привык анализировать отдельные явления, игнорируя количественные соотношения и количественные изменения. Само соотношение 505 *-овцы*, *-инцы* при 15 *-ичи* на одной территории и 24 *овцы*, *-инцы* при 133 *-ичи* на соседней территории служит самым надежным и бесспорным свидетельством, исключающим случайности и ошибки.

Изучение названий населенных пунктов Полесья почти не начато. У топонимистов Украины до него не дошли руки, топонимисты Белоруссии (И. Я. Яшкин, Е. М. Адамович, В. П. Лемтюгова, В. А. Жучкевич, М. Я. Гринблат) делали лишь первые шаги. Коечто попутно освещали польские топонимисты (например, монография Галины Сафаревич о топонимах на *-щина*, *-щизна*). При такой

---

[5] *В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962,*

неразработанности естественно, что эта статья не больше, как нащупывание путей.

В отношении рассматриваемой территории было бы неправомерно предпочесть современную украинскую или современную белорусскую орфографию для приводимых топонимов; неприемлемо и различное написание, заслоняющее единство двух примеров с территорий Белоруссии и Украины. Современные формы топонимов приведены в русской транскрипции, а примеры из старых памятников письменности — в той форме, в какой они даны в памятнике.

Формант *-ичи* один из старейших во всей славянской ономастике, в том числе и топонимии. Если бы не было других доказательств его древности, неопровержимый аргумент — сама его ономастическая универсальность: *-ичи* известно всем группам славянских языков, выступая и в этнонимии (лютичи, кривичи, вятичи, дряговичи и др.), и в антропонимии (древнерусские Ольговичи — потомки князя Олега Святославича), и в топонимии (еще до 947 г. — Лаврентьевская летопись упоминает с. Ольжичи близ устья Десны, владение княгини Ольги). Его топонимическое развитие в прошлом у южных славян показал польский топонимист Ст. Роспонд в исследовании, которым, может быть, будут датировать начало современного периода топонимической науки [6].

Форманты *-овцы*, *-инци* целесообразно рассматривать как варианты одного форманта: независимо от их происхождения они тождественны по значению, функционированию, размещению и судьбе, различаясь лишь формой основ, к которым присоединяются (как их компоненты *-ов*, *-ин-*). Вне топонимии *-овцы*, *-инцы* ограничены почти только сферой имен «полусобственных», условно говоря: например, распространенные у нас особенно за последние десятилетия обозначения последователей того, чье личное имя взято основой (тимуровцы и др.).

Топонимы, первоначально обозначавшие жителей, в том числе на *-ичи*, *-овичи*, и *овцы*, *-инцы*, семантически не однородны, а выражают различные значения, независимо от того или иного форманта. Их считали патронимичными, т. е. обозначавшими потомков по имени их предка. Действительно, они многочисленны и древни. Они естественны при родовом строе, но и после его распада еще долго могли возникать; были поселения, все обитатели которых, связанные кровным родством, назывались по своему родоначальнику. Однако как тип при феодализме их сменяют названия, означавшие уже не потомков, а зависимых. Основа такого топонима не обязательно личное имя. Она часто означала положение владельца: *Бискупичи* (из *бискуп* «епископ»), *Поповцы*. В массе полесских примеров топоним сам по себе не дает указаний, к которому из этих двух принципиально различных типов

[6] St. Rospond. Południowo-słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem -ity. Kraków, 1937.

он принадлежит: Антоновичи — 'потомки Антона' или 'люди Антона' (может быть, Антонова)? Часто по инерции объединяют эти два типа термином «патронимичные». Этим заслоняют самое главное — коренное различие. Конечно, владельческие топонимы развились из патронимичных, но справка о происхождении не раскрывает, а искажает действительность, если подменяет подлинную характеристику явления в его функционировании и развитии. Топонимы патронимичные и принадлежностные — два совершенно различных типа среди топонимов, обозначавших сначала жителей, а не место. Есть и другие типы, например обозначение жителей по их занятиям, но с рассматриваемыми формантами они редки; чаще встречаются обозначения-прозвища, преимущественно составные (*Круподеринцы*, *Волкодавинцы*, *Белокоровичи*). От этих типов отличен, как показал также В.Ташицкий в другой работе [7], «топографичный», означавший жителей не по предку (или владельцу), а по месту обитания: с. Заболотинцы, ровенское с. Горыничи (по р. Горынь), в древности — этноним племени *дреговичи* (из древнерусского *дрегва* «болото»). Семантика основы нередко обманчива. С. Гороховичи названо безусловно не по растению; действительно, среди землевладельцев Остерского староства 1636 г. встречается Конон Горохович [8]; не всегда поясняют и документы — село на рубеже Полесья и Подолии в памятниках XVI в. именуется то Крутибородинцы (из «крути бороды»), то Крутыбродинцы (из «крутой брод») [9]. И *-ичи*, *-овичи*, и *-овцы*, *-инцы* семантически почти параллельны, во всяком случае и те, и другие могли обозначать жителей по их принадлежности владельцу или по месту их обитания. И *-ичи*, и *-овци*, став употребительными формантами топонимообразования, постепенно теряли первоначальные значения, выражая только топонимичность. Они уже больше не значили «потомки такого-то», «люди такого-то», «обитатели такой-то местности», а только «село». На зарубежном славянском материале эту замену значений отметили В. Ташицкий, Ф. Травничек, на галицко-волынском — Л. Л. Гумецкая в отношении топонимов *-ичи*, *-ов-ичи*, которые «во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. окаменели и превратились в топонимический формант, лишенный реального значения» [10].

Не составляют исключения даже случаи, когда от одной и той же основы образованы топонимы и формантом *-овичи*, и формантом *-овцы*: в Житомирской обл. есть села и Дедковичи, Васьковичі и Дедковцы, Васьковцы.

[7] *W. Taszycki. Rzekome patronimiczne nazwy miejscowe. «Język Polski», 1936, стр. 33—42. Перепечатано в его кн.: «Rozprawy i studia polonistyczne», 1. Wrocław — Kraków, 1958.*

[8] *«Źródła dziejowe», V. Warszawa, 1877, стр. 212.*

[9] *«Źródła dziejowe», XIX. Warszawa, 1889 (см. по указателю).*

[10] *Л. Л. Гумецька. Нарис словотворчої системи української актової мови. Київ, 1958, стр. 50 («реально» — не то слово; собственно топонимичное значение тоже реально. Но направление процесса отмечено верно).*

В топонимии как *-ичи*,*-овичи*, так и *-овцы*, *-инцы* одинаково принадлежат к pluralia tantum. Обычна ошибка тех лингвистов, которые обращаются к топонимике между прочим. Они, не задумываясь, констатируют: топонимы *Васьковичи*, *Васьковцы* — форма множественного числа от *васькович*, *васьковец*. Но это совершенно не так. Уж не говоря о том, что во множестве случаев (как в этом примере) форма единственного числа никогда не существовала и ее можно вывести лишь обратным путем из формы множественного числа [11], даже когда формы единственного числа налицо, к ним эти топонимы не имеют ни малейшего отношения. При анализе таких топонимов безразлично, есть или нет в языке формы единственного числа: топоним образован из формы множественного числа, а ее происхождение лежит вне топонимии. Топонимы в форме единственного числа на *-ич* и на *-овец*, *-инец* есть, они нередки на территории сербскохорватского языка, на восточнославянской почве нечасты и, по-видимому, различного образования, с позже совпавшим окончанием (например, для *-ич*: Галич, Углич, Котельнич). Но топонимически нет никакой связи между *ич* и *-ичи*, как и между *овец*, *-инец*, и *-овцы*, *-инцы*. Одни не происходили из других. Нельзя приписывать топонимии процессов, происходивших вне ее. Топонимы *-ичи*, *-овичи* и *овцы*, *-инцы* образованы

	не так:		а так:	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
вне топонимии	вербовец →	вербовцы	вербовец —?—	вербовцы
	↓		↓	↓
в топонимии	Вербовец →	Вербовцы	Вербовец	Вербовцы

Рассматриваемые форманты выступают в нескольких разновидностях, со вторыми суффиксами, чаще всего с *-ов*, *-ин*, или без них: так в «чистой» форме — Бобричи, Яворцы, с *-ов* — Поповичи, Поповцы и т. д. Само членение нелегко и ненадежно: где граница основы и форманта в топониме *Поповцы* (*поп-овцы* или *Попов-цы*)? Получается пестрая картина. Топонимы с двойным формантом как тип сложились позже; естественно, что и ареалы их иные. Эти различия еще ждут своих исследователей. Пока же приходится оперировать лишь разграничениями первого порядка, отдавая себе отчет, что это только вехи для последующей детализации. Рассматриваемые форманты сведены здесь в две группы, для обозначения каждой условно взяты наиболее характерные представители ее. Здесь требовалось лишь выяснить, что обе группы формантов в основном сходны семантически, принадлежат к одной словообразовательной модели, в обеих преимущественно одина-

---

[11] *Б. Г. Унбегаун полагает, что и москвич, пскович образованы из формы множественного числа (B. Unbegaun. La langue russe au XVI-e siècle. Paris, 1935, стр. 280—291).*

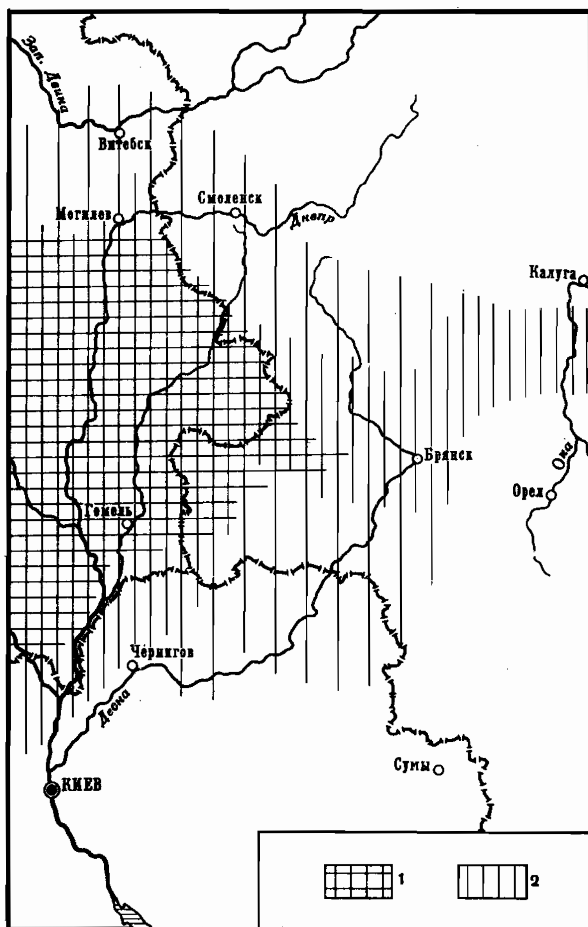

Рис. 3. Восточный фланг *-ичи*. Процент названий с *-ичи* ко всем названиям населенных пунктов

1 — свыше 10%; *2* — от 5 до 10%

ковы вторичные суффиксы (в подавляющем большинстве *-ов-*, реже *-ин-*), расхождения же обеих групп менее значительны, чем их сходство.

* * *

Остается рассмотреть территориальное размещение топонимов той и другой группы за пределами Полесья.

В отличие от параллельности семантической и параллельности словообразовательной, территориально обе группы нигде не совпадают.

Основных топонимических массивов на *-ичи* два. На Балканах топонимы на *-ичи* сосредоточены в Боснии и смежной (западной) части Сербии — в зоне йекавских говоров сербохорватского языка. Самый большой массив *-ичи* охватывает западнославянские земли, а на восточнославянской территории Белоруссию и Полесье Украины; к востоку *-ичи*, постепенно редея, распространены на Десну и Среднюю Оку. Немало топонимов на *-ичи* рассеяно на северо-западе и севере гнездами (Псковское, Лодейнопольское и др.) и порознь; в низовьях Сухоны несколько таких селений и в одном приходские списки прошлого столетия отмечали 1363 белоруса. Впрочем, в ряде случаев топонимы на *-ичи* в России результат смягчения *-ники* (*Ведерничи*, *Садовничи*). Бассейн Припяти — южный фланг сплошного распространения названий на *-ичи*.

Совсем иная территория у топонимов на *-овцы*, *-инцы*. Так как они рассмотрены мной в специальном исследовании [12], здесь уместно ограничиться минимально необходимым. Крупные гнезда их находятся в Болгарии, Македонии и Среме (между низовьями Савы и Дравы, откуда при турецком завоевании они занесены переселенцами в Помурье — на северо-восток Словении). С Балканского полуострова через север Румынии этот массив простирается на Украину, охватывая всю Подолию, и дальше на восток к Днепру, даже в левобережье — там черниговские села Белоцерковцы, Фастовцы, как и Фастовцы в Сумской обл., прямо указывают, откуда пришли жители и названия (Белая Церковь и Фастов в правобережье).

На Украине 1291 топоним с *-овцы*, *-инцы*, из них 765 сосредоточено в Хмельницкой, Тернопольской, Винницкой и Черновицкой областях (в Хмельницкой они составляют 29% всех названий населенных пунктов).

Группа *-ичи*, *-овичи* и группа *-овцы*, *-инци*, можно сказать, территориально находятся в состоянии «дополнительной дистрибуции». При сходстве стольких основных признаков они территориально поляризованы. Очевидно, такие явления обязаны стоящим за ними глубоким и сильным связям населения.

Но прочесть историю по топонимам не легче, чем по былинам. Прежде всего неясна хронология. Топоним сам по себе редко указывает на время своего возникновения, но в каких-то пределах станет возможным раскрыть это, когда будут разработаны методы топонимической стратиграфии, как в геологии, археологии, исторической фонетике.

Пока же в славянской топонимической стратиграфии только кое-где поставили редкие вехи Ст. Роспонд, Вл. Шмилауэр, Э. Эйхлер, Э. Петровичи, Вл. Георгиев, И. Кнежа, на восточнославянской почве не сделано еще ничего.

---

[12] *В. А. Никонов. Топонимы -івці, -инці на Украине. Сб. «Изучение географических названий». М., 1966.*

Конечно, каждый топонимический массив сложился не сразу; возраст отдельных его частей различается несколькими столетиями. Но с какой стороны шло распространение *-ичи* или *-овци*? Пришли ли те и другие в Полесье с отдаленных территорий и столкнулись тут? Или наоборот — именно Полесье было их очагом, где возникли оба форманта, разошедшиеся оттуда в двух направлениях? Можно допустить и иные предположения. Решенье потребует многих и трудных исследований.

Чтобы датировать ареалы документально, необходимы источники, содержащие не одиночные топонимы, а сплошную их массу. Драгоценны польские инвентари XV—XVI вв. Они застают уже вполне сложившиеся к тому времени массивы *-ичи* и *-овци* с тем же размежеванием: господство *-ичи* в Полесье, *-овци* в Подолии. Так, по королевской ревизии Кузьминской волости 1545 г. (верховья р. Случь, по современному административному делению,— в средней полосе Хмельницкой обл.), из 83 населенных пунктов 43 носят названия на *-овцы*, т. е. 52%, и только два на *-ичи*[13]. А во Владимирском повете (ныне часть Волынской обл.) по люстрации 1577 г. из 285 названий — 50 на *-ичи*, *-овичи* и два сомнительных на *-цы* (Zalesczy, Zabolotczy, в которых можно предположить Залесцы, Заболотцы), при полном отсутствии составного форманта *-овцы*[14]. Современные данные подтверждают устойчивость такого размежевания формантов спустя четыре столетия, однако показывают меньшую степень концентрации этих господствовавших формантов на тех же территориях: их постепенно заслоняют другие топонимические формы. В Грамоте вел. князя Свидригайло 1437 г. упомянуто с. Бурковцы в Житомирском повете[15] — с тем же названием оно и поныне, спустя 530 лет, существует в Чудновском районе (на юго-западе Житомирской обл.), где густы топонимы на *-овцы*. Люстрация 1471 г. зарегистрировала при г. Чуднове семь селений, из них четыре с формантом *-овцы*: Синелевци, Паневци, Гриневци, Яворовци[16]. Все же и эти данные достаточно поздние. А ранние единичны и не позволяют выяснить количественные соотношения: упомянутое с. Ольжичи на Десне, с. Бужковичи на Волыни, упоминаемое летописью под 1273 г., урочище Арбузовичи в Галицком княжестве 1231 г. (позже Гарбузов, близ Брод). Топонимисты Украины и Белоруссии внесли бы ценный вклад, положив на карту словообразовательные форманты всех топонимов днепровской Руси. Разумеется, время сложения ареала не датирует всех названий, составляющих его. В XVI в., когда оба рассматривае-

---

[13] *«Памятники, издаваемые Временною комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском губернаторе», т. IV. Киев, 1859, отд. 2, стр. 228—230.*

[14] *A. Jabłonowski. Polska XVI wieku. Źródła dziejowe, XIX. Warszawa, 1889, стр. 64—77.*

[15] *«Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. I. СПб., 1863, стр. 12.*

[16] *«Архив юго-западной России», ч. 7, т. 2. Киев, 1890, стр. 1—9.*

мых массива безусловно были уже вполне сложившимися, описание Кременецкого замка 1545 г. упоминает с. Вороневцы, «вновь поселенное», среди существовавших ранее сел Цеценовцы, Демковцы и др. [17] Районный центр в Житомирской обл. Народичи только на рубеже XVI—XVII вв. появился в документах с этим названием, ранее это село называлось Жарки [18]. Названия с этим формантом продолжают возникать и в наши дни, хотя его продуктивность теперь очень слаба.

При поисках датировки в самом топониме можно использовать и некоторые другие его признаки. В обеих рассматриваемых группах часты антропонимические основы, а среди них часты христианские имена. Однако названия Антоновичи, Яковичи, Карповцы, Потаповцы не могли возникнуть в первые века после принятия христианства, так как в народном употреблении долго держались дохристианские имена. Даже на исходе XVI в. в люстрации Владимирского и Луцкого поветов (ныне — часть Волынской обл. УССР) среди топонимов на *-ичи*, *-овичи*, *-овцы* образованные из христианских имен не составляют и десятой доли. С другой стороны, топонимы Яриловичи, Мужиловичи, Бояновичи могли возникнуть и не в языческие времена, а позже — не из Ярило, Мужило, Боян, а из фамилий Ярилов, Мужилов, Боянов. Все же такие топонимы, как Гориславичи или Сердятичи, Белятичи, Оздютичи, безусловно возникли еще в период, когда бытовали личные имена на *-слав* и *-ята*, *-юта*, т. е. во всяком случае не позже XVII в. До некоторой степени могло бы помочь различение «простого» («чистого») форманта и двойного, но только как типов, а не отдельных топонимов (количественное сопоставление *-ичи* с *-овичи* и т. д.). Может быть, хронологической и вообще исторической интерпретации рассматриваемых ареалов помогут «островки недоступности»: в самой гуще топонимов на *-овцы*, *-инцы* южней Тернополя районы Теребовлянский и Козовский полностью недоступны для них, хотя со всех сторон окружены многочисленными *-овцы*, *-инцы*, составляющими в других районах той же области 19% всех названий населенных пунктов; подобно этому в Ровенской обл. из полсотни топонимов на *-ичи* их нет ни одного в районах Здолбунова, Клевани, Степани.

* * *

При всех подчеркнутых трудностях прочтения топонимической карты все же некоторые выводы возможны и сейчас. Главный из них: могущественные топонимические массивы, включающие по

---

[17] *«Памятники, издаваемые Временною комиссиею для разбора древних актов», т IV, отд. 2, стр. 218—226.*

[18] *«Źródła dziejowe», XXII, 1897, стр. 174.*

много тысяч топонимов, пролегают наперекор границам не только отдельных языков, а и их групп. Такие ареалы, пересекающие границы между языками, заполняя часть территории одних языков и часть территории языков других, показаны в моей работе «Межславянские топонимические черты Украины» [19], где сформулированы пять различных возможностей их образования.

Обе рассматриваемых общности сложились в период, предшествующий оформлению украинской и белорусской народностей. Восточное крыло той общности славянского населения, которая создала массив *-ичи*, впоследствии стало основой белорусской народности, но на территории узкой по сравнению с размахом *-ичи*. Общность славянского населения, создавшая подольское крыло массива *-овцы*, *-инцы*, стала одним из компонентов украинской народности. Распространение топонимов на *-ичи* и на *-овцы*, *-инцы* безусловно отражает мощные потоки, формировавшие украинскую и белорусскую народности. Недостаточна и неточна легкая и удобная схема: славяне разделились на западных, южных и восточных, затем восточные разделились на русских, украинцев и белорусов. Теперь едва ли многие представляют образование славянских языков, отождествляемое с образованием народов, так просто, но едва ли многие взвешивают всю сложность этих процессов. Происходило перераспределение диалектных зон, в котором они не только членились, а и переплетались. Массив названий на *-ичи* связывает Белоруссию с инославянскими территориями, но не с Россией и Украиной, где занимает только узкую полосу, пограничную с Белоруссией и Польшей; массив названий на *-овцы*, *-инцы* связывает часть Украины с дунайским славянством, но не распространяется на остальную Украину, на Россию и Белоруссию (кроме единичных вкраплений).

Однако не следует и отождествлять прямолинейно процессы, протекавшие в топонимии, с процессами, протекавшими в языках вне топонимии. Если распространение двух признаков одного и того же диалекта не совпадает на карте, то почему же должны совпасть границы топонимических ареалов с диалектными? Топонимическая карта не обязана совпадать с диалектной, историко-лингвистической, археологической или иной, как и те не обязаны совпадать между собой. Их совпадения на отдельных участках, образуя «пучки»,— все же не самый частый случай. Граница между *-ичи* и *-овцы* в Украинском Полесье совпадает с границей между полесскими и подольскими говорами, с этнографической границей двух видов свитки. Это, конечно, радует топонимистов, диалектологов, этнографов, как подтверждение их наблюдений. А лучше бы радоваться несовпадениям: совпадение только иллюстрирует добытое смежными науками, несовпадение — открывает

---

[19] *В сб. «Питання ономастики». Київ, 1965.*

неведомое. Но специально об этом сказано подробней в других работах автора [20], возможность адресовать к которым позволяет не повторять здесь аргументов и выводов.

---

[20] *Топонимика в историко-географической этнографии. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.). М., 1964, см. стр. 10—12; «Введение в топонимику». М., 1965, стр. 164—167. Статьи: «География русских суффиксов».— «Onomastica», Y, z. 2. Wrocław — Kraków, 1959; «Toponymie et dialectologie».— «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1961, N 3; «Диалектология и топонимика».— «Балканско езикознание», III. София, 1961; «Ручей — ключ — колодезь — криница — родник».—«Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М., 1961; «Диалектология и топонимика».— «Вопросы русской диалектологии». Куйбышев, 1965.*

Т. А. Марусенко

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ УКРАИНСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ АПЕЛЛЯТИВОВ (названия рельефов)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А.-Ч.— А. С. Афанасьев-Чужбинский. Словарь малорусского наречия.— Соч. Афанасьева-Чужбинского, т. IX. СПб., 1892.

Бабыш.— О.С.Бабишин. Топоніміка в школі (на матеріалах Хмельницької обл.). Рад. школа. Київ, 1962.

Беринда — Лексикон словенороський Памви Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В. В. Німчука АН УРСР. Київ, 1961.

Ващ.— В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960.

Ващ. З іст.— В. С. Ващенко. З історії та географії діалектних слів. Харків, 1962.

Ващ. Х ДН — В. С. Ващенко. До вивчення семантики діалектних слів (із спостережень над лексикою полтавських говорів). Х респ. діалект. нарада (тези доповідей). Ін-т мовознавства АН УРСР. Київ, 1959.

Врх. Зн.— І. Верхратський. Знадоби до словаря южноруского. Львів, 1887.

Врх. Зн. УР — І. Верхратський. Знадоби для пізнання угорскоруских говорів. Львів, 1901.

Врх. НЗн.— І. Верхратський. Нові знадоби номенклатури і термінології природописної народної, збирані між людом. Львів, 1908.

Врх. Поч.— І. Верхратський. Початки до уложення номенклатури і термінології природописної, народної. Львів, 1864, 1869.

Врх. Бат.— І. Верхратський. Говір батюків.— Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XV. Львів, 1912.

Врх. Зам.— І. Верхратський. Говір замішанців.— Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, ч. III. Львів, 1894.

Врх. Лем.— І. Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902.

Врх. Марм.— І. Верхратський. Über die Mundart der Marmaroscher Ruthenen. Станіслав, 1883.

Граб.— S. H r a b e c. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.

Грицак — М. А. Г р и ц а к. Словник українських говорів Закарпатської області УРСР, кн. I (А — Б), 1962. Машинопись.

Гринч.— Б. Д. Г р і н ч е н к о. Словарь української мови, т. I—IV. Київ, 1907—1909.

Дейна — Karol D e j n a. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.

Дзендз.— Й. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й. Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород, 1958.

Дзендз. ЛБ VI — Й. О. Д з е н д з е л і в с ь к и й. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я.— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Дорош.— С. І. Д о р о ш е н к о. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини.— Діалектологічний бюлетень, IX. Київ, 1962.

Дубн.— К. Д у б н я к. Короткий російсько-український словник термінів природознавства та географії. Миргород, 1917.

Дубр.— В. Д у б р о в с ь к и й. Словник українсько-московський. Видання V. Вид-во «Рідна мова». Київ, 1918.

Желех.— Малоруско-німецький словарь. Уложили Е. Желеховскій и С. Недільский. Львів, 1886.

Жилко — Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Карп.— Ю. О. К а р п е н к о. Топоніміка гірських районів Чернівецької області. Чернівці, 1964.

Кмит — Ю. К м і т. Словник бойківського говору. Самбір, 1934.

Кобил.— Б. К о б и л я н с ь к и й. Гуцульский говір його і відношення до говору Покуття.— Український діялектологічний збірник, кн. I. Київ, 1928.

Кремер — A. K r e m e r. Słowniczek prowincyonalizmów podolskich. Kraków, 1870.

К.-Ч.— З. К у з е л я і М. Ч а й к о в с ь к и й. Словар чужих слів. Чернівці, 1910.

Лымар.— В. С. Л и м а р е н к о. Топографічні назви північної Буковини.— Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.

Лыс.— П. С. Л и с е н к о. Словник діалектної лексики середнього східного Полісся. Київ, 1961.

Лыс. ЛБ VI — П. С. Л и с е н к о. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини.— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Лыс. Мат.— П. С. Л и с е н к о. Матеріали до словника Житомирщини. Машинопись.

Лыс. ДБ V — П. С. Л и с е н к о. Лексичні особливості говірок Ставищанського району Київської обл.— Діалектологічний бюлетень, вип. V, 1955.

Мельн.— О. С. М е л ь н и ч у к. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки (Кодимського р-ну Одеської обл.).— Лексикографічний бюлетень, вип. II. Київ, 1952.

Моск.— А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

Ников.— А. Ніковський. Словник російсько-український, Книгоспілка.

Нимч.— В. В. Німчук. Про необхідність вивчення топоніміки у зв'язку з народними говорами.— Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.

Нимч. Тези — В. В. Німчук. Питання про зв'язки закарпатських українських говорів з південнослов'янськими мовами.— Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції. Ужгород, 1962.

Онат.— Е. Onatsky. Vocabolario Ucraino-Italiano. Roma, 1941.

Пал.— Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської обл.).— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Писк.— Ф. М. Пискунов. Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка русских южан. Киев, 1882.

Прийм.— І. І. Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали для словника українських говорів). Нова Каховка, 1957.

Рудн.— Яр. Рудницький. Географічні назви Бойківщини. Вінніпег, 1962.

Стеф.— Василь Стефаник. Повне зібрання творів в трьох томах. Київ, 1949, 1953, 1959.

Тимч. — Є. Тимченко. Історичний словник українського язика, І (А — Ж), зош. І—ІІ. Харків — Київ, 1930—1932.

УРС — Українсько-російский словник, т. І—IV. Київ, 1953—1963.

Федьк.— Ю. Федькович. Твори, т. І. Київ, 1960.

Черемш.— Марко Черемшина. Твори. Київ, 1960.

Штибер — Z. Stieber. Z fonetyki historycznej dialektu Lemków.— Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 3. Warszawa, 1958.

Шух.— В. Шухевич. Гуцульщина, 4,5. Львів, 1908.

Яворн.— Д. І. Яворницький (Д. И. Эварницкий). Словник української мови, т. І. Вид-во «Слово». Катеринослав, 1920.

Янув, Wpływ — J. Janów. Wpływ słownictwa rumuńskiego na Podkarpacie. Lwów, 1958.

Янув, Ze stos.— J. Janów. Ze stosunków językowych małoruskorumuńskich.— Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928.

Янув, Gwara — J. Janów. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskiej z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926.

НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, В КОТОРЫХ СОБРАНЫ МАТЕРИАЛЫ ПО «АНКЕТЕ-ВОПРОСНИКУ ДЛЯ СОБИРАНИЯ ОБЩИХ НАЗВАНИЙ РЕЛЬЕФОВ» (АНК.)

(По административно-территориальному делению 1946 г.)

Волынская обл.

Вл 1 — Подгородно Любомльского района

Винницкая обл.

Вн 1 — Лука Барская Барского района
Вн 2 — Гуменне Винницкого района
Вн 3 — Тростянец Тывровского района
Вн 4 — Селище Немировского района
Вн 5 — Вселевка Тепликского района
Вн 6 — Коржевка Брацлавского района
Вн 7 — Иванька Липовецкого района
Вн 8 — Снитков Мурованокуриловецкого района
Вн 9 — Кустовцы Улановского района

Днепропетровская обл.

Дн 1 — Волоское Солонянского района
Дн 2 — Подлужье Верхнеднепровского района
Дн 3 — Бородаевка Верхнеднепровского района
Дн 4 — Пушкаревка Верхнеднепровского района
Дн 5 — Войсковое Солонянского района
Дн 6 — Лоцмано-Каменка Днепропетровского района
Дн 7 — Волоское Днепропетровского района.
Дн 8 — Кодак Софиевского района.
Дн 9 — Кринички Криничанского района.
Дн 10 — Сурско-Михайловка Солонянского района.
Дн 11 — Привольное Магдалиновского района.
Дн 12 — Ганно-Зачатовка Криничанского района.
Дн 13 — Карпауховские хутора Криничанского района.
Дн 14 — Томаковка Томаковского района.

Житомирская обл.

Жт 1 — Михеевка Новоград-Волынского района.
Жт 2 — Романовка Новоград-Волынского района.
Жт 3 — Корнин Попельнянского района.
Жт 4 — Попельня Попельнянского района.
Жт 5 — Соловьи Лугинского района.
Жт 6 — Липники Лугинского района.
Жт 7 — Сингаевка Бердичевского района.
Жт 8 — Жерев Народичского района.
Жт 9 — Крыловка Ружинского района.
Жт 10 — Пылыпи-Кошары Дзержинского района.

Жт 11 — Грушки Володарско-Волынского района.
Жт 12 — Визня Малинского района.
Жт 13 — Берестовка Барановского района.

Запорожская обл.

Зп 1 — Царицын Кут Васильевского района.
Зп 2 — Большая Белозерка Большебелозерского района.
Зп 3 — Федоровка Верхне-Хортицкого района.
Зп 4 — Балки Васильевского района.
Зп 5 — Гранитный Комышевахского района.
Зп 6 — Новомихайловка Комышевахского района.
Зп 7 — Осипенко Бердянского района.
Зп 8 — Беленькое Верхнехортицкого района.
Зп 9 — В. Тарасовка Верхнехортицкого района.
Зп 10 — Марьевка Верхнехортицкого района.

Ивано-Франковская обл.

Ив.-Фр. 1 — Слобода Яблуновского района.
Ив.-Фр. 2 — Тяпче Болеховского района.
Ив.-Фр. 3 — Мартинов Бурштинского района.
Ив.-Фр. 4 — Коломыя Коломыйского района.

Киевская обл.

Кв 1 — Витачев Обуховского района.
Кв 2 — Триполье Обуховского района.
Кв 3 — Старое Бориспольского района.
Кв 4 — Кайлов Бориспольского района.
Кв 5 — Вишеньки Бориспольского района.
Кв 6 — Вьюнище Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 7 — Козинцы Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 8 — Цыбли Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 9 — Стовпяги Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 10 — Зарубенцы Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 11 — Борок Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 12 — Городище Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 13 — Трубайловка Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 14 — Андруши Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 15 — Подсенное Переяслав-Хмельницкого района.
Кв 16 — Товстый Лис Новошепеличского района.
Кв 17 — Ладыжичи Чернобыльского района.
Кв 18 — Новошепеличи Новошепеличского района.

Кировоградская обл.

Крв 1 — Дорожинка Вильшанского района
Крв 2 — Добрянка Вильшанского района
Крв 3 — Калмазово Вильшанского района
Крв 4 — Ново-Лутковка Доброреличковского района

Крв 5 — Малопомична Новоукраинского района
Крв 6 — Севериновка Кировоградского района
Крв 7 — Аджамка Кировоградского района
Крв 8 — Грузкое Кировоградского района
Крв 9 — Ново-Миргород Новомиргородского района
Крв 10 — Панчево Новомиргородского района
Крв 11 — Солдатский хутор Петровского района
Крв 12 — Ивановка Петровского района
Крв 13 — Марьяновка Петровского района
Крв 14 — Бобринец Бобринецкого района
Крв 15 — Богодаровка Бобринецкого района
Крв 16 — Роза Люксембург Бобринецкого района
Крв 17 — Ново-Архангельск Новоархангельского района
Крв 18 — Шляхова Новоархангельского района
Крв 19 — Ново-Григорьевка Долинского района
Крв 20 — Варваровка Долинского района
Крв 21 — Христофоровка Ульяновского района
Крв 22 — Лозоватое Ульяновского района
Крв 23 — Синицевка Ульяновского района
Крв 24 — Дельфиновка Ульяновского района
Крв 25 — Велыка Виска Маловисковского района
Крв 26 — Серебряное Новогеоргиевского района
Крв 27 — Хрущев Новогеоргиевского района
Крв 28 — Покотилово Голованевского района
Крв 29 — Маринополь Голованевского района
Крв 30 — Голованевск Голованевского района
Крв 31 — Лебединка Голованевского района
Крв 32 — Сидорова Балка Устиновского района
Крв 33 — Завалье Гайворонского района
Крв 34 — Мощенна Гайворонского района
Крв 35 — Соломня Гайворонского района
Крв 36 — Хайновка Александровского района
Крв 37 — Разумовка Александровского района
Крв 38 — Цвитне Александровского района
Крв 39 — Любомирка Александровского района
Крв 40 — Трилесы Александровского района
Крв 41 — Нерубаевка Александровского района
Крв 42 — Димитрово Александрийского района
Крв 43 — Овнянка Александрийского района
Крв 44 — Александрия Александрийского района
Крв 45 — Бешбайраки Ровнянского района
Крв 46 — Семенастово Ровнянского района
Крв 47 — Знаменка Знаменского района
Крв 48 — Столино Хмелевского района
Крв 49 — Омельник Онуфриевского района
Крв 50 — Павлыш Онуфриевского района
Крв 51 — Зыбове Онуфриевского района

Львовская обл.

Лв 1 — Исаи Турковского района
Лв 2 — Поляны Золочевского района
Лв 3 — Гологирки Краснянского района
Лв 4 — Городиславичи Бибрского района
Лв 5 — Новосилки Бусского района
Лв 6 — Чайковичи Рудского района
Лв 7 — Новосилка Перемышлянского района
Лв 8 — Борыня Турковского района

Николаевская обл.

Нк 1 — Козырка Очаковского района
Нк 2 — Калиновка Жовтневого района
Нк 3 — Арбузинка Арбузинского района
Нк 4 — Адамовка Т. Березанского района

Одесская обл.

Од 1 — Маразлеевка Белгород-Днестровского района

Полтавская обл.

Пл 1 — Малая Нехвороща Нехворощанского района
Пл 2 — Микипка Котелевского района
Пл 3 — Руденковка Новосанжарского района

Ровенская обл.

Рв 1 — Медушев Демидовского района
Рв 2 — Малая Мошаница Дубновского района
Рв 3 — Острог Острожского района
Рв 4 — Смордва Млиновского района

Сумская обл.

См 1 — Ямполь Ямпольского района
См 2 — Жихово С. Будского района
См 3 — Очкино Зноб-Новгородского района
См 4 — Чаплеевка Шосткинского района
См 5 — Пироговка Шосткинского района

Тернопольская обл.

Тр 1 — Старый Олексинец Почаевского района
Тр 2 — Лосятин Почаевского района
Тр 3 — Поповцы Кременецкого района
Тр 4 — Веселовка Дедеркальского района
Тр 5 — Олиев Дедеркальского района
Тр 6 — Островец Теребовлянского района

Хмельницкая обл.

Хм 1 — Куманив Городокского района
Хм 2 — Старая Гута Деражнянского района
Хм 3 — Федорки Волочисского района
Хм 4 — Педосы Черноостровского района
Хм 5 — Новоселица Староконстантиновского района
Хм 6 — Давыдковцы Ружичнянского района
Хм 7 — Маломолинцы Ружичнянского района
Хм 8 — Лесогорка Городокского района

Харьковская обл.

Хрк 1 — Петровки Красноградского района

Херсонская обл.

Хрс 1 — Широкая Балка Белозерского района
Хрс 2 — Софиевка Белозерского района

Черкасская обл.

Чрк 1 — Прохоровка Гельмязевского района
Чрк 2 — Антиповка Золотоношского района
Чрк 3 — Кумейки Черкасского района
Чрк 4 — Карашина Корсунь-Шевченковского района

Черниговская обл.

Чрнг 1 — Иваница Ичнянского района
Чрнг 2 — Охиньки Прилукского района
Чрнг 3 — Мутичев Репкинского района
Чрнг 4 — Домотканово Новгород-Северского района
Чрнг 5 — Сосница Сосницкого района
Чрнг 6 — Каменская Слобода Новгород-Северского района
Чрнг 7 — Семеновка Семеновского района
Чрнг 8 — Тимоновичи Семеновского района
Чрнг 9 — Перелюб Семеновского района
Чрнг 10 — Карповичи Семеновского района
Чрнг 11 — Чепелев Щорского района
Чрнг 12 — Щорс Щорского района
Чрнг 13 — Борзна Бахмачского района
Чрнг 14 — Зметнев Менского района
Чрнг 15 — Седнев Черниговского района

арши́ці горы с продолговатыми острыми хребтами (Кмит, оттуда же Рудн.).

а́рши́ця 1. крутая дикая гора (Граб.); 2. большие камни на горе (Врх. Марм.); 3. полонина (Граб.); 4. щебень, почва из острых камешков (Грицак).

ба́вка 1. сухая впадина (Желех., оттуда же Гринч.); 2. равнина, долина в степи (Желех.); 3. русло высохшей реки (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Анк. Лв 8) *см.* еще ба́лка.

ба́гва́ 1. мокрая заболоченная равнина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 3, 6, 8, 9 Крв 19 Лв 2 Нк 2,3); 2. мокрое место между двумя холмами (Анк. Чрк 3).

багвище мокрая заболоченная равнина (Анк. Вн 7).

багна (Анк. Ив.-Фр. 1) *см.* багнó 1.

багнó 1. мокрая заболоченная низина (Анк. Дн 3 Жт 1, 7, 10, 12 Зп 5, 6 Крв 12, 38, 43, Лв 1, 2 Тр 4, Хм 1, 3 Чрк 5 Чрнг 6, 14, 15); 2. углубление на месте водоема (Анк. Крв 34); 3. лужа на дороге, углубление, выбитое автомашинами или другим транспортом (Грицак).

багню́ка 1. мокрая заболоченная равнина (Анк. Жт 1, 5, 6, 7 Чрк 5 Чрнг 6); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 2,4).

баговина мокрая заболоченная равнина (Анк. Вн 3).

баговіння мокрая заболоченная равнина (Анк. Крв 16, 19).

баде́ня 1. глубокая яма в реке, пруду (Врх. Зн. Лем., оттуда же Гринч.; Железх.); 2. выбоина с лужей (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Железх.).

бадо́ня (Врх. Лем., оттуда же Гринч., Железх.) *см.* баде́ня 1.

баду́ня (Врх. Бат., Зам., Лем., оттуда же Гринч.) *см.* баде́ня 1.

бадя углубление почвы неопределенной формы (Анк. Малая Выска Маловысковского р-на Крв обл.).

байка́й глубокий обрывистый овраг (Анк. Кв 2).

байоро лужа (Врх. Лем., Зам.).

байра́к 1. овраг, поросший лесом (Железх., А.-Ч., Дубр., Писк., Анк. Вн 2, 3, 5 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Кв 4, 5, 6, 9, 10 Крв 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 18, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 50, 51 Лв 8 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Хрк 1 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 5); 2. низина, поросшая деревьями (Железх., Анк. Вн 4 Крв 24); 3. возвышенность, густо поросшая лесом (Анк. Рв 1, 2); 4. лесок в овраге (Гринч., Анк. Крв 11); 5. небольшой лесок (Дубр., Анк. Крв 14, 25, 27, 38, 46); 6. буерак, овраг (УРС, Анк. Крв 2, 7, 40); 7. рвы, вымытые водой (Анк. Зп 14).

бака́й 1. глубокая яма в реке, пруду (Гринч., Железх., Дорош.); 2. выбоина с лужей (Гринч., Железх., Анк. Дн 2); 3. выбоина (УРС, Лыс. ДБ V); 4. выбоина на дороге (Жилко, Анк. Дн 2 Жт 9 Пл 3); 5. глубокая выбоина в балке (Жилко); 6. яма в болоте (Писк.); 7. пропасть (Жилко); 8. ямка, которую выгребли куры (Лыс. ЛБ VI).

бака́ль озеро (Железх., Дубр.).

бакані заболоченная мокрая равнина (Анк. Ив.-Фр. 2).

бака́я большой овраг — «яруга» (Врх. НЗн).

бал невысокая отлогая горка (Анк. Дн 4).

ба́лище 1. степной овраг (Гринч., Анк. Ив.-Фр. 4 Лв 8); 2. узкая и длинная долина (Гринч.); 3. место, где раньше была балка (Железх.).

ба́лка 1. овраг в общем значении (Анк. Вн 1, 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 3, 4 Кв 3, 4, 6, 7, 8, 13, 14, 15 Крв 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 4 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Хм 3, 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2); 2. степной овраг (Железх., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 3, 5, 8,

10, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Кв 3, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15 Крв 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 3, 4 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2); 3. небольшой овраг (Анк Зп 2 Крв 1, 48); 4. глубокий обрывистый овраг (Анк. Вн 1 Крв 21, 33); 5. ущелье (Анк. Крв 14); 6. овраг, образованный течением реки (Писк.); 7. большой, поросший лесом овраг (Анк. Вн 3 Од 1 Рв 1, 2 Чрк 4); 8. лес на взгорье (Анк. Кв 4); 9. возвышенность (Анк. Крв 39); 10. насыпь или выбоина с холмом (Анк. Жт 7); 11. небольшой холмик (Грицак); 12. низменность возле реки (Анк. Зп 2 Крв 16, 29).

балок мокрое место между взгорьями (Анк. Кв 3).

балю́ра 1. выбоина на дороге (Лыс. ДБ V); 2. большая глубокая лужа (Гринч.); 3. бугор (Писк.).

банджюр 1. глубокая яма, выбитая водой (Врх. Зн.УР); 2. глубокая яма в реке (Врх. Зн. УР, оттуда же Гринч.).

банджюра тоня во льду (Врх. Лем.).

бандюра (Врх. Зн. УР) *см.* банджюр 2.

банюр 1. лужа (Врх. Зн.УР, Лем.); 2. глубокое место в реке, где можно купаться (Врх. Лем.).

банюра (Врх. Зн. УР, Лем.) *см.* банюр.

бар 1. мокрое место между взгорьями (Гринч., Желех., Анк. Вн 4 Жт 4, 11, 12 Крв 28, 42 Лв 8 Чрнг 2); 2. глубокий обрывистый овраг (Анк. Крв 10).

барачі́я глубокая яма с густой грязью (Грицак).

бари́ло возвышенность в общем значении (Анк. Крв 31).

барлі́г 1. углубление на дороге (Анк. Дн 4); 2. грязная лужа (Гринч.).

бару́ля овраг, пропасть (Дорош.).

барца́тул высокие горы (Грицак).

баюра 1. выбоина на дороге (Анк. Крв 8, 15, 25, 38, 43 Чрнг 13 Чрк 3); 2. глубокая яма (Анк. Крв 41, 47); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 2, 3); 4.яма в песке (Крв 14); 5. глубокая яма с болотом (Кмит); 6. яма, пропасть (Дорош.); 7. большая глубокая лужа (Гринч., А.-Ч., с. Кобылевка Подольской губ. Брацлавского уезда, ИОРЯС, т. 19, кн. 4, ст. 72); 8. бугор (Писк.).

бевз глубокий темный заросший овраг с обрывистыми склонами—«глибока поточина, позарастана, темна, зі стрімкими убоччями» (Кмит).

бе́вза 1. пропасть (Кмит, Жилко); 2. отвесный склон горы (Кмит); 3. глубокая вода (Рудн.).

бевзина 1. пропасть (Кмит); 2. отвесный склон горы (Кмит).

безва пропасть (Кмит).

бе́здна глубокая пропасть (Желех., Грицак, Анк. Крв 11, 43 Чрнг 1).

бе́здно глубокая вода (Грицак).

безкеда (Писк.) *см.* беске́да 1.

безкеття пропасть (Ников., Анк. Зп 4) *см.* еще беске́ття.

бе́зна 1. глубокая яма (Анк. Жт 1); 2. (Грицак, Анк. Жт 1) *см.* **бе́здна**; 3. трясина, топкое место на болоте (Лыс. Мат.); 4. запущенное поле (Жилко).

бе́зно пропасть (Грицак).

безо́день глубокая пропасть (Желех.).

безо́днище пропасть (Грицак).

безо́дніца подземный источник (Лыс. Мат.).

безо́дня 1. глубокая пропасть (УРС, Желех., Дубр., Писк., Грицак, Анк. Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1,2,4,5 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 3, 5, 7, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 49, 50 Лв 1, 2, 3, 5, 7, 8 Нк 2 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 3 Тр 1, 2, 3, 4, 5 Хм 1, 4 Хрк 1 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 13); 2. крутой отвесный берег (Анк. Крв 9); 3. крутой склон горы (Анк. Крв 33); 4. глубокая яма (Анк. Тр 2); 5. углубление почвы неопределенной формы (Анк. Вл. 1); 6. источник в поле (Анк. Хм 7); 7. лужа (Ващ. 3 іст); 8. болото? («на безодні — вікнина́, таке там здорове джерело» — с. Кобылевка Подольск. губ. Брацлавского уезда, ИОРЯС, т. 19, кн. 4, стр. 72).

бе́лебень 1. возвышенное и открытое место (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 5, 6 Дн 1, 3, 4, 5, 6 Жт 5, 6 Зп 1, 2, 5, 6, 7 Крв 1, 2, 3, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Нк 2 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 2, 4); 2. возвышенное место, где дуют ветры (Желех., Лыс. ДБ V); 3. незаросший, голый пригорок, пустырь (Моск.); 4. возвышенная, ничем не защищенная местность (Дорош.); 5. пригорок в лесу, заросший деревьями (Анк. Крв 7, 14); 6. глубокое место в реке (Гринч., Дубр.); 7. ветер (Ващ.); 8. выгон (Писк.).

бе́де́бінь (Грицак) *см.* бе́лебень 6.

бе́мба меловая гора (Анк. Тр 2).

берді́вка горное пастбище («полонина») со множеством обрывов (Грицак).

берді́вля скалистый обрыв (Грицак).

бердів'я́ 1. скалы (Гринч.); 2. глыбы камней и скалы в русле, пороги потока или речки (Кмит).

берді́чко небольшой обрыв (Грицак).

бе́рдо́ 1. глубокая пропасть (Врх.Зн., оттуда же Гринч.; Желех., Граб., Рудн., Шух., Черемш., Дзендз., Анк. Жт 5, 6, 12 Лв 8); 2. крутая гора (Рудн., Дзендз.); 3. большая цельная скала — «величезна одностайна скеля» (Кмит); 4. скалистый обрыв (Грицак).

бердованя большая цельная скала (Кмит).

бердо́вато очень крутой склон горы (Грицак).

бердя́ 1. большие камни (Кмит); 2. скалистый обрыв (Грицак).

бердя́к лес на скалистом обрыве — «берде» (Грицак).

бе́рег 1. возвышенность, пригорок (Желех., Граб., Дзендз., Анк. Ив.-Фр. 2); 2. гора, склон горы (Граб., Дзендз., Грицак); 3. склон оврага, долины (Лымар.); 4. высокий отвесный берег, пропасть (Рудн.).

бере́гоміть обрывистый берег (Карп.).

бережé́ць маленькая возвышенность — «малий берег» (Грицак).

бережи́на 1. низменность возле речки (Анк. Кв 5); 2. отлогие берега рек с сеножатями (Бабыш.); 3. прибрежье (Дубр.); 4. маленькая возвышенность — «малий берег» (Василина в бережині, коровка в долині ...) (Грицак).

берече́ска горное пастбище (Желех.).

берія горное пастбище, которое взяли другие (Грицак).

бескед 1. гора, скала (УРС, Желех.); 2. отвесная круча, пропасть (Гринч., Дубр., Анк. Дн 4 Жт 12 Ив.-Фр. 1 Лв 8); 3. глубокий овраг (Гринч., Дубр., Анк. Дн 4) *см.* еще безкеда.

бескéда 1. пропасть (Гринч., Дубр., Писк.); 2. овраг (Гринч., Дубр., Писк.); 3. непроходимый овраг в лесу (А.-Ч.) *см.* еще безкеда.

бескéдина крутой обрыв (Желех., оттуда же Гринч.).

бéскет 1. (Гринч., УРС) *см.* бéскед 1; 2. (Дубр.) *см.* бéскед 2; 3. (Писк., Анк. Хрв 31) *см.* бéскед 3.

бескéття глубокий крутой овраг (Гринч., Анк. Дн 4 Зп 4, 5, 6 Крв 20) *см.* еще безкеття.

бéскúд 1. (Желех., оттуда же Гринч.; УРС, Врх. Лем., Анк. Ив.-Фр. 2) *см.* бéскед 1; 2. (Анк. Лв 8) *см.* бéскед 3; 3. горный хребет (Рудн.); 4. скалистая горная цепь (Грицак); 5. лес (Тимч.).

бескíдя скалистая горная цепь (Грицак).

бещад часть Карпат (Врх. Зн. УР, оттуда же Гринч.).

білáня горное пастбище, покрытое снегом (Врх. НЗн).

бір мокрое место между взгорьями (Анк. Крв. 18)

блоквá низменность (в общем значении) (Анк. Крв. 45).

блуквá низменность, поросшая травой, пастбище (Гринч., Анк. Дн 9, 10, 11, 12, 13 Зп 8, 9).

блукви *мн.* (Анк. Дн 9) *см.* блуквá.

бóвван большой круглый камень (Грицак).

бовд камень, скала (Рудн.).

бовда голая гипсовая скала (К.-Ч.).

бóвдур «ковбур» («Купалися діти в бовдурі, у великім ковбурі» — Грицак).

бовдýря большие камни (Грицак).

бовч 1. углубление, вымытое водой — «водомия» (Грицак); 2. стоячая, никогда не высыхающая вода с илом (Грицак); 3. пропасть (Грицак).

бóвча 1. пропасть (Грицак); 2. яма в реке (Грицак).

бóвчище большая яма (Грицак).

бовчовáня 1. пропасть (Грицак); 2. яма в реке (Грицак).

бóгда гипсовая скала (Анк. Жт 3).

бóдня бездна, пропасть (Дзендз., Грицак).

бокáні мокрая, заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

бокач косогор (Федьк.).

болвáне большие камни (Граб., Анк. Жт 8, Крв 19, 28).

болванú большие камни (Анк. Лв 2, Тр 4).

болгáне большие камни (Граб., Анк. Лв 8).

болóне 1. равнина (Желех.); 2. пастбище (Желех.) *см.* еще оболóне.

болóнне плес (Лыс.).

болóння луговая низменность (Гринч., Желех., Анк. Ив.-Фр. 1, Лв 8 Чрнг 5) *см.* еще оболóння.

болонь луговая низменность (Анк. Кв 5, 6, 7, 8) *см.* еще оболóнь.

болóня (Дубр., Писк.) *см.* болóння.

болотúна 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Кв 10, 11); 2. высох-

шее болото (Гринч.,Дубр.); 3. место, где раньше было болото (Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 3, 4, 5, 6 Зп 1 Кв 10, 11, 12 Крв 18, 37 Лв 8 Чрк 4, 5 Чрнг 2, 5, 6).

болоти́сько место, где раньше было болото (Гринч.).

болоти́ще место, где было болото (Гринч., Дубр., Онат., Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 5, 6 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 3, 4 Крв 4, 10, 17, 18, 19, 29, 30, 37, 42 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 5).

боло́то 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Дн 2 Жт 1, 5 Кв 5, 6, 7, 8, 11 Крв 6, 18, 49 Лв 6 Хм 7 Чрк 1, 2 Чрнг 1, 3, 4); 2. углубление на месте водоема (Анк. Жт 2 Кв 4 См 5 Тр 3 Чрнг 1); 3. мокрое место между взгорьями (Анк. Чрк 3).

болоття мокрая заболоченная низменность (Анк. Дн 1).

бо́ня 1. глубокое место в реке (Нимч. Тези); 2. бездна (Грицак).

борга́н большой камень (Грицак).

борга́ня большой камень (Грицак).

боржола́ довольно глубокая яма с очень грязной водой (Грицак).

борло́ 1. щель в скале, ущелье (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Анк. Нк 2); 2. камень, скала (Кмит).

бри́ла большие камни — «велике каміння» (Грицак, Анк. Лв 1 Зп 6, Крв 5, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 27, 29, 31, 38, 43 Хм 2).

брили (Анк. Вн 1, 2, 3, 6, 9 Зп 4, 5 Кв 9 Лв 2, 7 Тр 5 Чрнг 2) *см.* бри́ла.

брилі́в'є большие камни — «велике каміння» (Желех., оттуда же Гринч., Анк. Жт 6 Лв 8).

брилля большие камни (Анк. Вн 8, Ив.-Фр. 3, Крв 6).

бриля́к большой камень (Грицак).

бри́жі пригорок, небольшие холмики (Грицак).

брінда́с большой камень (Грицак).

брод низменность на левом берегу реки (Анк. Жт 5 Чрнг 3).

бря́бин горное пастбище с крутыми склонами (Грицак).

бубле́я горное пастбище с выпасенной травой (Грицак).

бу́блик 1. холмик, где мало травы (Грицак), 2. твердая земля, много камней в почве (Грицак).

бубули́к 1. холмик, где мало травы (Грицак); 2. твердая земля, много камней в почве (Грицак).

бу́гол большой камень в реке (Грицак).

буго́р 1. невысокая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 Крв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 См 1, 3, 4, 5, Тр 4, 5 Хм 4, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 12, 14, 38, 47); 3. небольшая отлогая насыпь песку возле речки (Анк. Крв 14); 4. искусственный холм, насыпь (Анк. Крв 31, 32, 44).

бугорок возвышение на дороге (Анк. Дн 1 Жт 5 Крв 17).

бугро (Анк. Жт 13) *см.* буго́р 1.

буджо́ра высокий склон горы (Грицак).

будища низменность, заросшая лесом (Анк. Жт 18).

булига большие камни — «велике каміння» (Анк. Зп 5, 6).

бульбо́ня 1. лужа (Моск.); 2. яма, вырытая водой (Моск.); 3. глубокое место в реке (Черемш.).

бу́лькот источник (Грицак).

бурва́н большой камень (Грицак).

бурґо́вець большой камень (Грицак).

бурнак мель, образуемая наносами с прибрежных гор (Дубр., Онат.).

бурт 1. невысокая горка, насыпь (УРС, Желех., Анк. Вн 4,6 Зп. 4 Крв 4, 38 Лв 5 Нк 1 См 1 Чрнг 3);2.небольшая насыпь песку возле речки (Анк. Крв 8, 35).

бу́рта́ 1. (Гринч., УРС, Дубр.) *см.* бурт 1; 2. водоворот (Желех.)

бурча́к 1. долина потока (Анк. Крв 14 Чрнг 13); 2. журчащий ручей (Гринч., А.-Ч., Дубр.).

бути́на высокое горное пастбище (Грицак).

бучаки большие камни — «велике каміння» (Анк. Вн 9).

буча́ло водоворот, глубокая яма, которая весной наполняется водой и не высыхает даже летом (Бабыш.).

ва́да небольшой ров для воды на поливных огородах (Дзендз. ЛБ VI).

вал 1. земляная насыпь (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 5, 6, 8 Дн 13 Жт 1, 3, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12 Крв 4, 5, 8, 9, 10, 14, 17, 28, 30, 33, 35, 36, 37, 50); 2. большие камни (Анк. Крв 29); 3. ров (Тимч.); 4. низменность возле реки (Анк. Лв 6).

валуни большие камни (Анк. Крв 35).

варю́га 1. глубокая яма (Врх. НЗн, Анк. Вн 6 Дн 4 Жт 6, 8, 11 Ив.-Фр. 2 Лв 8); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 4).

ватуша́рка горная равнина (Желех., К.-Ч.).

вдавлина углубление земной поверхности неопределенной формы (Анк. Ив.-Фр. 1 Кв 3, 4 Лв 8).

верте́п 1. пещера (Гринч., УРС, Писк., Анк. Дн 3 Жт 11 Ив.-Фр. 1 Рв 1, 2 Тр 6); 2. овраг в общем значении (Анк. Лв 2); 3. пропасть, обрыв (Желех); 4. глубокий крутой овраг (Анк. Лв 2 Тр 6); 5. яма в общем значении (Анк. Дн 3); 6. непроходимые скалы (Анк. Лв 1); 7. обрывистая дорога (Янув, Gwara).

верте́па глубокий овраг (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Моск., Анк. Дн 1, 3. Ив.-Фр. 1, 3 Лв 8 Нк 2).

вертепи горы и долы, неровное место (Кремер).

ве́ртиб углубление на месте водоема (Анк. Лв 7).

ве́ртіб овраг (Янув, Gwara).

ве́ртіп (Анк. Тр 3) *см.* верте́п 1.

верто́п 1. лощина недалеко от воды, в которой в обеденное время отдыхают овцы, коровы (Моск.); 2. овраг (Янув, Ze stos.).

вертюг яма в песке (Анк. Жт 4, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 2, Крв 49).

вертьо́г яма в песке (Гринч.).

верх 1. гора (Врх. Марм., Штибор); 2. вершина горы (Врх. Марм., Дубр., Анк. Вн 8 Лв 1, 6 Тр 6).

верхів'я вершина горы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1 Жт 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 9, 10 Крв 18, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 37, 41, 42, 44 Лв 8 Нк 2 Тр 2, 3 Чрк 3, 4 Чрнг 2).

ве́рхниця вершина горы (Желех.).

верхови́на 1. горы (УРС); 2. горная страна (УРС, Желех.); 3. в сочет. могúла-верховúна курган на возвышенном месте, обычно сторожевой пост (УРС).

верхогíря вершина горы (Онат.).

верши́на 1. вершина горы (Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 3, 6, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 17 Крв 93 Лв 2, 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Тр 5 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 6); 2. балка (Анк. Дн 8); 3. начало балки (Гринч.); 4. верховье реки (Гринч.).

вершíдь, вершеди большой овраг, заросший ежевикой, малинником и разными кустами (Врх. НЗн).

вершок вершина горы (Анк. Вн 4 Лв 1, 5).

ви́балок 1. отроги яра, степной балки (Гринч., УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Дн 6, 7 Зп 4, 7); 3. степной овраг (Анк. Кв 4 Од 1); 4. низменная местность (Анк. Крв 41).

ви́бій 1. небольшая впадина (Гринч., УРС, Желех.); 2. углубление на дороге, ухаб (Гринч., Дубр., Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3, 4 Жт 3, 4, 5, 6, 11 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11 Крв 19, 28, 29, 35 Лв 2, 5, 8 Нк 2 Пл 2 Рв 1, 2 См 1 Хм 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 13, 31, 32, 44).

вибо́й (Анк. Кв 5 Хм 8) *см.* ви́бій 2.

вибої (Анк. Крв 23, 28, 30, 37 Чрнг 15) *см.* ви́бій.

вибоїна 1. (Гринч., УРС) *см.* ви́бій 1; 2. (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 5, 6, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15 Крв 19, 23, 25, 27, 28, 30, 33, 36, 37, 38, 39, 41 Лв 1, 2, 8 Нк 1, 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 См 2, 3, 4, 5 Тр 1, 3, 4, 5, 6 Хм 2, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 3, 5, 6) *см.* ви́бій 2; 3. (Анк. Крв 12) *см.* ви́бій 3.

виболо́ня (Анк. Хм 1, 8) *см.* боло́ння.

ви́віз 1. недлинное, но крутое возвышение на дороге (Гринч., Желех., Анк. Вн 2, 4, 5, 6 Дн 5 Жт 3, 4, 9, 11, Ив.-Фр. 1 Кв 5, 6, 8, 9 Крв 7, 10, 18, 22, 37 Лв 1, 2, 7, 8 Рв 4 Тр 1, 4, 5, 6); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Тр 3); 3. возвышенность в общем значении (Анк. Крв 42).

ви́дма песчаное место, из которого в ветреную погоду засыпает песком ближайшие поля (Гринч.).

ви́долинок 1. отроги оврага, лощина (Гринч., УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Вн 9 Хм 8).

ви́жар западина (Анк. Жт 1).

вижолобок углубление на вершине горы (Анк. с. Иванковцы Знаменского р-на Кировоградской обл.).

вийомка углубление на вершине горы (Анк. Вн 1).

виїмка небольшой овраг (Анк. Крв 35).

ви́коп 1. выкопанное углубление (Онат., Анк. Вн 4, 6 Жт 6, 11 Ив.-Фр.

1 Крв 12 Лв 8); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 31, 32).

ви́крут яма в песке (Анк. Кв 6, 7, 8, 10).

викрутас яма в песке (Анк. Кв 10).

вила 1. возвышенная местность, имеющая три конца, из которых один длиннее двух остальных (Анк. Вн 4); 2. гора, возвышенность (без подробного объяснения) (Лымар.); 3. место соединения двух дорог, если они сходятся не под прямым углом (А.-Ч.).

вимбі́на небольшой ровик, вымытый водой (Моск.).

вимочка мокрая заболоченная низменность (Анк. Чрнг 4,5).

ви́мул выбитая водой яма (Врх. Бат.).

ви́пуст 1. низменная местность, где пасут скот (Прийм.); 2. пастбище (Гринч.).

вип'яток выступ скалы (Анк. Тр. 4).

вир 1. крутой отвесный берег (Анк. Тр 4); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 4, 9); 3. глубокая яма (Анк. Ив.-Фр. 3); 4. водоворот, омут (Гринч.).

вирва крутой склон горы, круча (Анк. Крв 3).

вирок впадина (Анк. Кв 9).

ви́сад углубление на дороге (Анк. Лв 3).

ви́сип 1. насыпная горка, насыпь (Гринч., УРС, Дубр., Анк. Вл 1 Вн 4, 6, 8 Жт 6, 11, 12 Ив.-Фр. 4 Кв 9, 12 Крв 4, 9, 18, 37 Лв 2, 5, 7, 8 См 2 Тр 5 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 14, 15); 2. невысокая горка, холм (Анк. Крв 23)

ви́смик 1. возвышение на дороге (Гринч., Анк. Вн 2, 3 Дн 5 Жт 9 Кв 3 Крв 18, 20, 36, 38, 39, 40); 2. холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Крв 4).

ви́смичок возвышение на дороге (Анк. Крв 23, 35).

ви́совина запавшая земля (Врх. Бат.).

висока возвышенность (в общем значении) (Анк. Лв 1).

висо́кість возвышенность (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Дубр., Анк. Вн 4 Жт 12 Кв 3 Крв 9, 10, 28, 37 См 1).

високорі́вня горная равнина, плато (Желех., Онат.).

високоро́вень горная равнина, плато (Желех.).

високость (Анк. Чрнг 1) *см.* висо́кість.

висота́ возвышенность, холм (Гринч., Анк. Чрнг 13, 14).

висотка возвышенность, холм (Анк. Зп 5, 6).

височина́ 1. возвышенность, холм (Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 7 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8 Крв 4, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 17, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 50 Лв 1, 5, 7, 8 Пл 1 Рв 1, 2 См 1 Тр 4, 5 Хм 3, 4, 6 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 4 Чрнг 1, 2, 4, 5, 13, 15); 2. горная равнина (Желех.).

височиня́ (Лыс. Мат.) *см.* височина́ 1.

ви́сочінь (Желех., Анк. Вл 1 Вн 6, 8 Дн 1 Жт 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Кв 9 Крв 19, 20, 22, 25, 30, 37 Ив.-Фр. 1 Лв 8 См 4 Тр 5 Хм 1, 4 Хрс 1, 2 Чрк 4).

ви́спа 1. глубокая пропасть (Анк. Вн 7); 2. насыпная горка (Анк. Рв 4 Тр 4).

висп'я выступ скалы (Анк. Крв 28).

висп'яток выступ скалы (Анк. Жт 6 Лв 8).

виступ выступ скалы (Анк. Ив.-Фр. 3 Крв 13, 26, 35, 38, 45, 49, 51).

вишáр низменность, поросшая травой (Анк. Тр 4).

виямка небольшой овраг (Анк. Крв 35).

виямок углубление на дороге (Анк. Зп 7).

вúярок неглубокий овраг (Гринч., УРС, Жилко, Анк. Вн 4 Дн 1, 3 Жт 6, 11 Зп 1, 5, 6 Крв 31, 32, 36 Лв 8 Пл 2 Хм 2 Чрк 1, 2 Чрнг 2).

вíвіз 1. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 1); 2 (Граб.) см. **вúвіз** 1.

вíлкид склон горы (Гринч., УРС, Дубр., Анк. Вн 4 Жт 6, 10).

віднóга 1. ответвление горы, отрог (Желех., оттуда же Гринч., УРС, Дубр., Анк. Жт 10 Лв 5 Рв 1, 2 Тр 5); 2. подножье горы (Анк. Рв 1, 2).

відножина ответвление горы, отрог (Гринч.).

відрíг 1. ответвление горы, отрог (УРС); 2. подножье горы (Анк. Вн 6 Жт 10).

відсоння 1. сторона горы, повернутая к солнцу (Анк. Лв 5); 2. солнечная сторона (Дубр.).

вíдхлань 1. бездна, пропасть (УРС, Желех.. Дубр.); 2. неожиданное в определенном месте углубление (Анк. Рв 1, 2).

віківнЯ́ дорога, проложенная в возвышенной местности, находящаяся между высокими холмами, глубокий проезд (Анк. Лв 4).

вір долина между двумя горами (Рудн.).

вíспа возвышенное открытое место — «белебень» (Лыс. Мат.).

вістрів мокрая заболоченная низменность (Анк. Лв 3).

влóга впадина, долина (Кмит, Ников.) *см.* еще улóга.

водомиї степной овраг (Анк. Тр 4).

водорий вымоина, рытвина, промоина (Дубр.).

водотока русло весеннего или дождевого потока (Дубр.).

возвіз подножье горы (Анк. Дн 4).

возерцé низменная местность, долина (Анк. Лв 4).

возлóбок покатость, склон (Гринч.).

вокíп (Анк. Лв 3 Хм 1, 4, 5) *см.* **окíп**.

вóко углубление в скале, из которого течет вода (Анк. Лв 5).

вóрне крутой холм, который можно пахать сверху вниз (Анк. Лв 8).

ворóнка впадина на вершине горы (Анк. Вн 4).

впáдина 1. долина между двумя горами или холмами (Анк. Зп 4 Крв 28, 50 Чрк 1); 2. углубление на вершине горы (Анк. Вн 5 Зп 5, 6 Крв 4, 11, 26, 40, 44, 45, 46 Чрк 1).

вусакú мокрая низменность (Анк. Лв 3).

ґавінь пропасть, дыра (Яворн.).

гавра дырка, яма (Черемш.).

гаджúна горное пастбище — «полонина» (Желех., Шух.).

галáне груды земли (Верх. Бат.).

гáло 1. низинная болотистая местность (Лыс. Мат.); 2. круглая поляна в лесу (Гринч., Жилко); 3. круглое место на озере, не заросшее водорослями (Гринч.).

гáльовина возвышенное и открытое место (Анк. Кв 11).

гат ямы, небольшие долины — «видолинки» (Черемш.).

гатара высокая гора (Кмит).

ґендзе́ва ров, канава (Моск).

герла долина, в которой есть ручей (Лымар.).

гженда хребет горы (Граб.).

гипа крутая гора (Граб., Шух.).

гирла расселина (Янув, Ze stos.).

гіл горный хребет (Граб.).

гірка возвышенность, холм (Анк. Крв 18 Лв 2).

гі́рця возвышенность, холм (Врх. Бат.).

глегул тропинка между высокими горами (К.-Ч.).

глибина углубление в почве неопределенной формы (Анк.См 3 Чрнг 4, 5, 6).

глибинка небольшой ров возле ж.-д. полотна (Лыс.).

глі́жа 1. обрыв, подмытый водой (Гринч.); 2. большая груда земли (Анк. Зп 5, 6); 3. пропасть (Дубр.).

глинище углубление в почве (Анк. Вн 4).

глинянка впадина на вершине горы (Анк. Жт 13).

ґо́вда 1. гора (без подробного описания) (Анк. Тр 5); 2. пустое поле (Граб.).

гола вершина горы (Анк. Лв 1).

голи́ня пустое поле (Врх. Бат.).

го́ли́ця голая, без растительности гора (Желех., Кмит, Анк. Лв 1 Тр 3).

голо́ви́ця горная местность с холодными ручьями (Гринч., Лымар.).

головни́ця отверстие в скале, из которого течет вода, источник (Врх.Зн., оттуда же Гринч., Граб.; Желех., Анк. Жт 4, Лв 8).

голо́вця горный источник (Анк. Жт 11).

голя́ 1. голая вершина горы (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Анк. Жт 3, 4, 6, 11, 12 Крв 29 Лв 8 Чрк 1, 8); 2. гора без растительности (Анк. Вн 4).

гомок куча земли, бугор (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Врх. Зн. УР).

гора́ 1. гора (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 1, 4, 6, 7, 8, 9 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 Крв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 Тр 1, 2, 3, 4, 5, 6 Хм 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 6, 11, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 2, 16 Лв 2, 3 Тр 3, 6 Чрнг 23); 3. вершина горы (Анк. Тр 1, 2, 3); 4. возвышение на дороге (Анк. Чрнг 3); 5. верховье (о реке) (Гринч.).

горб 1. невысокая отлогая горка, холм (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 5, 7, 9 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 5, 8, 10, 14, 18, 19, 21, 28, 37, 41, 47, 48, 50 Лв 1, 2, 3, 6, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 1, 2, 3 См 1, 4, 5 Тр 4, 5, 6 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Дн 1 Жт 1 Крв 2, 3, 4, 6, 7, 20, 24, 26, 34, 38, 39, 40, 44, 45, 51); 3. холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Кв 5, 10, 11 Чрк 1); 4. возвышение на дороге (Анк. Вн 8

Лв 6 Хм 7 Чрнг 1); 5. возвышенное и открытое место (Анк. Кв 3, 5); 6. гора (в общем значении) (Лв 5, 7).

горба́ка холм, пригорок (Гринч., Анк. Вн 4, Жт 6, 9, Зп 4).

горба́ньа «пільний горб» (Кмит).

горби́ 1. (Анк. Кв 4, 12, 13, 14, 15 Пл 1, 2, 3 Хрк 1 Чрнг 2,4) *см.* горб 1; 2. (Штибер) *см.* горб 6.

го́рбик 1. невысокая отлогая горка, холм (Писк., Анк. Зп 5, 6 Крв 9, 12, 43); 2. крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз (Анк. Вн 8); 3. небольшая земляная насыпь (Анк. Хм 7).

горби́на невысокая отлогая горка, холм (Желех.).

горбки 1. возвышенность (в общем значении) (Анк. Лв 3); 2. склон горы (Анк. Тр 2).

горбова́тина 1. возвышенная и холмистая местность (Желех.); 2. луг на возвышенности (Желех.).

горбо́ви́на возвышенность, выпуклость на поверхности земли (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4 Жт 1, 4, 5, 6, 11, 12 Зп 5, 6 Кв 9 Крв 9 Нк 2 Пл 2 Хрк 1 Чрк 2, 4 Чрнг 5).

горбо́к 1. холм, пригорок (Штибер, Анк. Ив.-Фр. 1 Крв 19, 27, 33 Лв 2, 3 Хм 4, 5, 6, 7); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Жт 1 Лв 3 Хм 7); 3. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 1 Хм 7); 4. гора (в общем значении) (Анк. Лв 2 Рв 1, 2 Тр 4); 5. холм в лесу, поросший деревьями (Анк. Тр 3).

горбочок возвышение на дороге (Анк. Вн 1 Ив.-Фр. 3 Хм 7).

ґорґа́н 1. вершина горы (Желех., Рудн., К.-Ч., Анк. Ив.-Фр. 1); 2. гора (Шух.).

ґорґане 1. камни на горе (Граб.); 2. каменистая гора (Граб.).

горгани 1. продолговатые хребты гор (Черемш.); 2. завалы каменных глыб на верхушках гор (Черемш.).

горла́ха 1. глубокая яма (Анк. Чрнг. 1); 2. яма для хранения зерна (Гринч.).

го́рниця поле, которое идет под гору (Кмит).

гору́ньа горка (Кмит).

горьавка гора (Кмит).

горяне долина потока (Анк. Вн 1.).

гостряк шпиц, острие (Дубр.).

грабовище крутая возвышенность (Анк. Чрк 4).

града́ берег, суша (Моск.).

градина низменность возле реки (Анк. Од 1).

гре́бінь гребень горы или подобного ей возвышения (Гринч., УРС, Дубр.).

гре́бля 1. насыпной холм (Анк. Жт 1 Тр 4); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Чрк 1); 3. плотина (Гринч.).

ґрегіт 1. скалы (Черемш.); 2. место, где мелкие камни (Шух.).

ґрего́та мелкий камень (Кобыл.).

грейди возвышение на дороге (Анк. Кв 4).

грехіт 1. мелкие камни (Граб.); 2. голая скалистая гора (Граб., Желех.); 3. каменистое поле (Желех.).

ґри́джина крутой склон горы, круча (Анк. Ив.-Фр. 1).

гро́бля 1. горный хребет (Граб., Желех.); 2. плотина (Желех.).

ґрбпа 1. горное пастбище — «полонина» (Желех.); 2. долина, котловина на полонине (Граб., Анк. Жт 4, 6, 11 Ив.-Фр. 1, 2 Крв 28 Тр 6).

грот пещера (Анк. Зп 4 Крв 10).

ґрóта (Онат., К.-Ч., Дубр.) *см.* грот.

груд 1. невысокая отлогая горка, холм (Гринч., Анк. Жт 6, Кв 16 Рв 1, 2 Чрнг 3, 5, 11, 14); 2. возвышение на болоте, где косят сено (Лыс. Мат.).

грýда (Гринч., Дубр.) *см* груд 1.

грудéга отломанный кусок скалы (Анк. Ив.-Фр. 4).

грýде куча земли (Желех.).

грудй ровное сухое место на болоте, где косят сено (Лыс. Мат.).

грýдка отломанный кусок скалы (Анк. Ив.-Фр. 3).

грудовá невысокая горка, холм (Анк. Чрнг 14).

грудóк 1. невысокая горка, холм (Желех., Дорош., Лыс. Мат., Анк. Жт 13 Кв 16); 2. возвышенность посреди низменности (Анк. Рв 1, 2).

грудóле куча земли (Желех.)

грун 1. холм (Гринч., Анк. Лв 8 См 1); 2. холмик на склоне горы (Кмит).

грýнище скалы (Желех.).

ґрунь 1. вершина горы (УРС, Желех., Граб., Рудн., Жилко, Черемш., Анк. Ив.-Фр. 1, 4); 2. горный хребет (Шух., оттуда же Гринч.; Дубн.); 3. гора, покрытая лесом (Граб.); 4. холм (Желех., Граб., Анк. Лв 8); 5. небольшие холмы, которые еще можно пахать (Кмит).

грядa 1. остров в плавнях (Гринч., Дубр.); 2. гребень острова, не затопленный водой (Гринч.); 3. сухое место на реке, где паромы садятся на мель (Желех., Рудн.); 4. гряда (Кмит.).

грядúна 1. твердая земля между болотами (Гринч.); 2. полоса земли, находящаяся выше поверхности по сторонам (Гринч.).

гуджули дюны, заросшие травой и деревьями (Анк. Пл 2).

ґужи большие камни (Анк. Вн 3).

гущень холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Вн 3).

дéбер (Анк. Лв 3) *см.* дебр 3.

дебр 1. глубокий овраг, заросший лесом (Желех., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 6, 8, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 9 Крв 18, 28, 33, 37, 42 Лв 6, 8 Чрк 1); 2. глубокий овраг (Анк. Лв 3); 3. густой лес (Онат., Анк. Вн 1 Жт 1, 3 Кв 6 Рв 1, 2).

дéбра (Желех., Анк. Лв 2, 3 Тр 5) *см.* дебр 1.

дебре (Рудн.) *см.* дебр 2.

дебри 1. (Анк. Рв 4) *см.* дебр 1; 2. степной овраг (Анк. Вл 1 Вн 1).

дебрúця глубокий овраг, заросший лесом (Желех.).

дéбрі (Граб.) *см.* дебр 1.

дебро овраг (в общем значении) (Анк. Лв 6).

дéбря 1. (Дзендз., Анк. Ив.-Фр. 2) *см.* дебр 1; 2. заросший склон горы (Анк. Лв 1); 3. пропасть (Рудн.).

джбир (Рудн.) *см.* жбир.

дзьоб острая вершина горы (Анк. Вн 4).

дзьóбало острая вершина горы (Граб., Анк. Жт 16).

дзьомб (Анк. Хм 8) *см.* дзьоб.

дикари самородные камни (Анк. Чрнг 5).

дикáрь род камня (Гринч.).

дібрóва 1. низменность, заросшая лесом (Анк. Лв 3); 2. глубокий овраг, заросший лесом (Анк. Дн 3); 3. дубрава (Гринч., УРС, Желех.)

діл[1] 1. долина, низ (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 5 Дн 1 Жт 2, 3, 10, 11, 12 Кв 5, 9 Крв 9, 10, 18, 19, 30, 37, 42 Лв 1, 2, 3, 5, 8 Нк 2, 3 Рв 1, 2 Тр 5 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Лв 3); 3. широкая низменность (Анк. Крв 13, 31, 32, 44); 4. низменность возле реки (Анк. Крв 40) *см.* еще дол.

діл[2] 1. горный хребет (Желех., Рудн.); 2. вершины горы — «купола гори» (Федьк.); 3. гора, которая делит два села, долины (Рудн.). 4. зеленая гора (Дзендз.); 5. холм, пригорок (Граб.); 6. водораздел — «вододіл» (Кмит).

ділок водораздел — «розграничення водів» (Кмит).

дно глубокая и узкая долина (Анк. Вн 9).

дол (Анк. Ив.-Фр. 3 См 3 Чрнг 5) *см.* діл[1] 1.

доли́на 1. долина (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4, 5 Жт 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 43, 44, 45, 50, 51 Лв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 Нк 2, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 1, 2, 3, 4, 5 Тр 1, 2, 3, 4, 5, 6 Хм 1, 3, 4, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4, 6 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 13, 14, 15); 2. низменность, заросшая травой (Анк. Крв 34 Лв 6, 7 Тр 1, 2, 5); 3. равнина (в общем значении) (Анк. Вн 1, 8, 9 Жт 4 Кв 4, 10 Хм 7); 4. широкая низменность (Анк. Жт 1 Кв 10, 11 Крв 8, 11, 13, 31, 32, 44); 5. мокрая низменность (Анк. Хм 2); 6. низменность возле речки (Анк. Вн 1 Ив.-Фр. 3 Крв 33); 7. низменность, заросшая лесом (Анк. Хм 8); 8. мокрое место между взгорьями (Анк. Вн 5); 9. подножье горы (Анк. Лв 1); 10. степной овраг (Анк. Кв 5).

драгóви́нá 1. глубокая пропасть (Анк. Тр 2); 2. мокрая низменность (Анк. Вн 9); 3. болото (Гринч., УРС, Желех.).

дрáя ровик, вымытый в более мягкой части скалы между более твердыми слоями, по которому во время дождя стекает вода (Граб.).

дри́яма, вытоптанная скотом (Врх. НЗн.).

дряговинá 1. (Анк. Крв 6) *см.* драгóви́нá ; 2. углубление, из которого течет вода (Анк. Чрк 4); 3. (Гринч., Желех.) *см.* драгови́нá 3.

дуча яма (Дубр.).

ду́чка 1. дыра, яма, грязная лужа (Черемш.); 2. узкая дыра (Шух.).

езвір глубокий овраг (Шух., оттуда же Граб.).

éзвіро глубокая рытвина в горах, наполненная водой (Гринч., Дубр.).

еруга (Граб.) *см.* яру́га.

жбир 1. скала, гора (Врх. Лем., оттуда же Гринч.); 2. острая вершина горы (Анк. Лв 1); 3. малодоступное место (Граб.); 4. заросший холм между долинами (Рудн.); 5. горка (Врх. Лем., Анк. Ив.-Фр. 1); 6. луг с кустами (Желех.); 7. бесплодное пастбище (Желех.); 8. остров на реке (Желех.).

жбирь 1. холм на склоне горы (Кмит); 2. пригорок между двумя долинами потока — «коли два однонапрямні потоки високочуть так землю, що

вчиниться дві поточини, а між ними горбок, його називають жбирь» (Кмит); 3. сенокос, поросший кустами (в горах) (Врх. Зн., оттуда же Гринч.); 4. нанос в реке, мель (Гринч.); 5. холм (Анк. Зп 1).

жгрима очень крутой склон, обрыв (Нимч. Тези).

жлобінка долина потока (Граб. Анк. Жт 13).

жлуб долина между двумя горами (Граб., Анк. Жт 6).

жбліб (Гринч., Анк. Вн 6 Жт 8, 9 Лв 1, 3, 7, 8 Чрк 1) см. жбло́б 1.

жбло́б 1. глубокая и узкая долина (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 6, 8 Жт 1, 3, 4, 6, 8, 11, 12 Зп 4, 8, 9 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Лв 1, 5, 8 Рв 4 Тр 1, 5 Хрк 1 Чрк 1, 3, 4); 2. долина между двумя горами или взгорьями (Шух., оттуда же Граб., Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 1, 4, 11 Лв 3 Тр 5 Хрк 1 Чрк 1, 4); 3. долина потока (Граб., Рудн.); 4. низменность (в общем значении) (Анк. Кв 10).

жолббина 1. долина между двумя горами или возвышенностями (Гринч., Граб., Анк. Вн 4 Жт 1, 6, 8, 11 Ив.-Фр. 4 Кв 6, 7, 8, 11 Лв 8 Тр 3, 5 Чрк 4); 2. яма, большой ров (Врх. НЗн); 3. долина потока (Желех., Анк. Хм 2).

жолббини расселины в скале — «вижолоблення, розколини в скалі» (Кмит, оттуда же Рудн.).

жолобовина долина между двумя горами или взгорьями (Анк. Рв 4).

жблуб 1. (Анк. Лв 3, 4 Тр 2, 4) *см.* жбло́б 1; 2. (Анк. Рв 1, 2, 3, 4 Тр 1, 2, 4) *см.* жбло́б 2.

жомб 1. глубокое место в реке, выбитое водой (Врх. Зн УР, Лем.); 2. лужа (Врх. Зн УР, Лем.).

заббра на днепровских порогах гряда камней, перерезывающая русло поперек течения (Гринч., Анк. Дн 4, 5, 14 Зп 8, 9).

зáвáлина 1. место, где провалилась земля (Кмит); 2. впадина (Кмит).

завéзиско место, где почва глубоко запала (Врх. Лем., оттуда же Гринч.).

завéзлиско *см.* завéзиско.

зáвіс 1. крутой склон горы, часть горы, которая свисает (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Граб.; Желех., Анк. Жт 4, 12 Лв 8); 2. крутой отвесный берег (Желех., Анк. Жт 4 Кв 3 Лв 8).

завíса (Врх. Зн. УР, оттуда же Гринч.; Врх. Зам.) *см.* зáвіс 2.

зáвісь (Желех., Врх. Зп., оттуда же Граб.; Анк. Зп 5, 6) *см.* зáвіс 1.

завбї крутобережные поляны возле речки (Врх. Поч.).

загíр'я местность за горой (Гринч., УРС, Желех.).

заглибина впадина на земной поверхности неопределенной формы (Желех., Анк. Зп 2 Кв 2 См 5).

зáглиблина (Анк. Вн 6 Дн 1 Жт 4, 6 Зп 3 Ив.-Фр. 4 Лв 8 Нк 3 Пл 2 Чрк 3, 4) *см.* заглибина.

зáглуб впадина на земной поверхности неопределенной формы (Желех.),

заглýбина (Желех., Яворн.) *см.* заглибина,

загбра местность, расположенная за горой (Яворн.),

зáдблина небольшой овраг (Граб., Анк. Вн 4 Жт 5, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Лв 8 Чрк 4).

зажбри места под снегом с ямой и водой в яме (Яворн.).

закал трещина (Федьк.).

за́кінь (Желех., Граб., Рудн., Анк. Вл 1 Дн 3 Жт 10 Лв 8) *см.* за́тінь.

за́кіп шахта (Яворн.).

закітли́на 1. долина (Онат.); 2. котловина (Желех.).

за́кло часть местности, окруженная с трех сторон оврагами (Лыс. Мат.).

зако́п окоп (Яворн.).

зако́панець оврагами окруженный холмик или такая же возвышенность — «зворами окружений горбок або така ж вижина» (Врх. Поч.).

за́лім расщелина в скале, крутой изгиб — załom skalny, ostra krzywizna (Рудн.).

за́лом 1. крутой берег реки с промоинами и обрывами (Анк. Дн 14 Зп 8, 9); 2. долина, впадина (Анк. Хм 7); 3. место в лесу, где лежит бурелом (Шух., оттуда же Гринч., Граб.).

замок возвышенность (в общем значении) (Анк. Тр 4).

зано́га 1. место между двумя горами (Шух., оттуда же Граб.); 2. рукав речки (Желех.).

за́падень впадина в земной поверхности неопределенной формы (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Крв 42 Лв 8 Чрк 4).

запа́дина 1. впадина на земной поверхности неопределенной формы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 6, 7, 8, 10, 11 Жт 1, 3, 4, 6, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 4, 10, 15, 16, 18, 23, 28, 29, 30, 33, 36, 37, 38, 41, 44, 48, 49, 50 Лв 2, 5, 6, 8 Пл 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 3, 5 Тр 3, 4, 5, 6 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 4, 5, 6); 2. глубокий овраг (Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5 Дн 1 Жт 1, 4, 5, 6, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Кв 3, 9, 10 Крв 4, 18, 19, 28, 32, 33, 44 Лв 2, 5, 7, 8 Пл 2 Рв 1, 2, 4 Хм 8 Чрк 3 Чрнг 1); 3. долина между двумя горами или взгорьями (Анк. Жт 10, 12 Зп 4 Кв 3 Крв 13, 14 Хм 2); 4. углубление на месте водоема (Анк. Крв 19, 20 Чрнг 5); 5. долина потока (Анк. Крв 49); 6. овраг (в общем значении) (Анк. Чрнг 4)

западне глубокий овраг (Анк. Лв 2).

западня́ 1. глубокий крутой овраг (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вн 4, 5 Дн 1, 3, 5 Жт 4, 6, 12 Кв 4, 9, 10 Крв 9, 17, 18, 28, 34 Лв 2, 5, 7 Пл 3 Рв 1, 2 Тр 1, 2 Хм 1, 3, 4 Чрк 3, 4); 2. углубление в земной поверхности неопределенной формы (Анк. Лв 2 Тр 2); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 37).

западо́к глубокая долина, впадина (Гринч., Анк. Дн 1 Жт 2 Чрк 2).

западя́ «баюра, калюжа» (Моск.).

занісок низкое песчаное место (Анк. Чрнг 5).

за́пісоч небольшая отлогая насыпь песка возле речки (Гринч., Анк. Жт 4, 6, 8, 11 Крв 18, 28, 29, 42).

заплав мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 4).

запла́ва (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 1, 3 Жт 3, 5, 6 Зп 4 Кв 6, 10 Крв 9, 42 Нк 2, 3 Чрнг 5) *см.* заплав.

заплавина мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6, 11 Кв 6, 7, 8, 9, 10 Крв 8, 13, 32, 33, 42, 47 Чрнг 2).

за́рва 1. крутой склон горы (Желех., Анк. Вн 4 Ив.-Фр. 1, 4); 2. пропасть, бездна (Гринч., Граб., Врх. Поч., Анк. Жт 5, 10, 11 Лв 8).

зарваниче крутая скала (Граб.).

за́рванка крутая гора (Анк. Тр 4).

зарі́нок 1. каменистый луг над речкой (Гринч., Желех., Граб., Рудн.); 2. незаросшие кустами каменистые берега реки, потока (Гринч., Желех., Граб., Рудн., Черемш.); 3. небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Ив.-Фр. 2).

зарічки низменность возле речки (Анк. Тр 4).

за́річок 1. заливная низменность возле речки (Моск.); 2. рукав речки (Гринч.).

зарі́ччя низменность возле речки (Анк. Лв 3).

заро́г место, находящееся за рогом, за мысом (Яворн.).

заросль возвышенный луг (Анк. Кв 4).

за́сив 1. оползень (Граб.); 2. пропасть (Граб.).

засо́в (Желех) см. за́сив.

за́ступні вымытые водой ямы, обрывы (Врх. Поч.).

за́су́в 1. крутой склон горы, круча (Анк. Вн 4 Жт 4, 10, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Лв 8); 2. осыпавшийся берег, пропасть — «засунений беріг, провал, боросло» (Врх. НЗн.).

засу́ва 1. скала (Анк. Лв 1); 2. (Врх. Зн.) см. за́су́в 2.

затінок склон горы, находящийся в тени (Анк. Вн 7 Зп 4, 5, 6 Кв 10 Крв 1, 3, 7, 8, 12, 18, 19, 20, 24, 26, 27, 40, 43, 45, 46, 47, 49, 50).

за́тінь склон горы, не освещенный солнцем (Желех., Граб., Рудн., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 2, 3, 9 Крв 28, 29, 36, 37, 38 Лв 1,5, 7, 8 Рв 1, 2, Тр 5 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1).

збіч склон горы (Гринч., Желех., Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 10 Лв 2, 3, 7, 8 Рв 1, 2 Тр 1, 2, 3, 4, 6).

збо́чина склон горы (Анк. Чрнг 1).

збочні склон горы (Анк. Тр 2).

збо́чя склон горы (УРС, Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 4 Кв 9 Крв 2, 4, 9, 29 Лв 2, 3, 8 Чрнг 5).

звал 1. куча камней (Желех.); 2. вал, насыпь (Желех.).

зва́ла скала (Желех.).

зверть пропасть (Врх. Поч.).

звір 1. овраг (Гринч., УРС, Врх. Поч., Черемш., Анк. Ив.-Фр. 1, 2 Нк 2); 2. долина потока или речки в горах (Граб., Нимч., Тези); 3. сухая долина, соединяющаяся с речной долиной (Граб.); 4. долина между горами, тесно прилегающими друг к другу (Рудн.); 5. горный источник (Нимч. Тези) *см.* еще єзвір, ізвір, ізвірь, ізво́р, ізвори.

звор долина (Писк.).

зво́рина овраг (Анк. Ив.-Фр. 1).

зво́рище 1. овраг (УРС); 2. пропасть (Анк. Жт 1 Ив.-Фр. 1 Лв 8).

згір'є склон холма, горы (Желех.).

згірка небольшая горка, холм (Анк. Жт 1).

згірок небольшая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 1, 5, 6 Крв 7, 9, 14, 17, 37 Лв 2, 8 Нк 2 Пл 2 Чрк 3, 4).

згі́р'я 1. небольшая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 12 Зп 5, 6 Кв 4 Крв 28, 29, 51 Чрк 4); 2. взгорье (УРС).

здо́линок 1. углубление почвы (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1 Жт 4, 6 Кв 5

Крв 23); 2. овраг (Анк. Крв 34); 3. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Крв 31, 32).

злам отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Лв 8 Крв 5, 9, 11, 15, 50).

злім отдельно стоящий обломок скалы (Рудн., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Лв 8 Тр 4).

злога склон (Дубр.).

злом (Анк. Вн 4, 6) *см.* злім.

змійо́вина глубокий овраг (Моск.).

зо́мкля 1. пропасть, поросшая лесом (Желех.); 2. склон — «спад, згірря, похил» (Врх. НЗн.); 3. скалистый выступ горы (Анк. Лв 1).

зо́мпля (Желех.) *см.* зомкля 1.

зруб гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Анк. Кв 11).

з'рудло источник в скале (Анк. Лв 5, 7).

зуб острая вершина горы (Анк. Вн 4).

зубіч склон горы (Кремер).

ізвір глубокий овраг (с водой) (Черемш.) *см.* еще звір.

ізвірь дикое заросшее место (Кобыл.) *см.* еще звір.

ізво́р источник, из которого поступает вода в водоем (Моск.) *см.* еще звір.

ізвори глубокие овраги, пропасти (Жилко, Яворн.).

кавдо́бня углубление в болоте (Дорош.).

ка́гов гора, заросшая лесом вся, кроме вершины (Анк. Кв 10).

кадовба углубление на дороге (Анк. Чрнг 3).

ка́довбина 1. место с невысыхающей водой в лощине — «видолинку» (Прийм.); 2. небольшая прорубь (Гринч.).

казанок 1. западина круглой формы (Анк. Кв 10); 2. водоворот — «вир, пучина, круговорот» (Врх. НЗн.).

калабані (Янув, Gwara) *см.* калаба́ня 3.

калаба́ня 1. углубление на месте водоема (Анк. Лв 3); 2. углубление на дороге (Анк. Хм 1); 3. лужа (Гринч.).

калантир лужа после дождя (Дорош.).

калевина углубление на дороге (Анк. Чрнг 5).

калюга углубление на дороге (Анк. Хм 4 Чрнг 5).

камінец галькой покрытый берег (Врх. Лем.).

камінка каменистая гора (Анк. Вн 4 Тр 4).

камінник 1. яма в песке (Анк. Ив.-Фр. 3); 2. галькой покрытый берег Врх. Лем.).

камінниця каменная гора (Анк. Ив.-Фр. 3).

кам'яниця 1. (Анк. Вн 4 Лв 1) *см.* камінниця; 2. галькой покрытый берег (Врх. Лем.).

кам'янка (Анк. Вн 4) *см.* камінка.

кам'януха каменная гора (Анк. Кв 10).

канава 1. углубление в почве неопределенной формы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8, 9 Дн 1, 5, 6, 7, 8, 10, 11 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 11, 12 Зп 1, 2, 3 Ив.-Фр. 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 16 Крв 5, 7, 8, 9, 10, 12,

14, 15, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 38, 43, 45, 46, 49 Лв 8 Нк 4 Пл 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 1, 3, 5 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15); 2. вырытое искусственное углубление (Анк. Кв 4, 11 Крв 38 Хм 2); 3. западина круглой формы (Анк. Зп 2 Крв 41); 4. долина потока (Анк. Чрнг 1, 2); 5. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Крв 31, 32); 6. небольшой овраг (Анк. Крв 18).

кандабуля впадина на болоте (Прийм.).

кара́лівка холмик в лесу, засаженный сосной (Анк. Тр 1).

квоса 1. приток, который снабжает водой пруд (Пал.); 2. ручей, вытекающий из пруда (Пал.) *см.* еще фоса.

кемпа гора, формой напоминающая подкову (Анк. Вн 4);

ке́чери (Шух., оттуда же Граб.) *см.* ки́чера.

ки́тиця 1. гора, заросшая лесом только на вершине (Шух., оттуда же Граб., Анк. Вн 6 Жт 3, 4, 10, 11, 12 Лв 2, 6 Нк 3); 2. гора, только на вершине покрытая снегом (Шух., оттуда же Гринч.).

ки́чера 1. гора, покрытая лесом, кроме вершины (Желех., Шух., оттуда же Гринч.; Рудн., Черемш., Анк. Жт 4, 10, 11, 12 Лв 6, 8 Ив.-Фр. 1); 2. крутая гора, обросшая лесом (Врх. Зн.); 3. вершина горы (Федьк.) *см.* еще кічера.

кичірка 1. (Желех.) *см.* ки́чера 1; 2. (Врх. Зн.) *см.* ки́чера 2.

кібе́ць (Анк. Жт 10) *см.* копе́ць.

кізі́вер крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз, возвращаясь с плугом порожняком (Гринч., Анк. Вн 6 Жт 4, 6, 11 Лв 8).

кіпе́ць 1. (Анк. Вн 4 Жт 10 Лв 2 Хм 7) *см.* копе́ць 1; 2. место, от которого расходятся три-четыре дороги (Анк. Хм 3).

кітли́на 1. долина круглой формы (УРС, Анк. Дн 3 Жт 6, 11 Ив.-Фр. 1 Крв 18); 2. котловина, место, со всех сторон окруженное горами (Рудн.).

кітлиха впадина круглой формы (Анк. Тр 2).

кітлови́на 1. котловина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 6 Дн 3 Жт 4, 6, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 9 Крв 10, 26, 28, 42, 45 Чрк 4); 2. долинка на горном пастбище — «полонине» (Граб.).

кі́чера гора (Граб.) *см.* еще ки́чера.

кли́ва 1. незаросшая голая вершина горы (Желех., Врх. Поч., Граб., Анк. Жт 3, 4, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Лв 8 Крв 29); 2. гора (Рудн.); 3. камни в лесу (Рудн.); 4. «розсоха, розгір'є, kluft» (Врх. НЗн.).

ковба́йна ухаб на дороге (Анк. Дн 4).

ковба́нка небольшая впадина с водой (Ващ. Х ДН).

ковба́ня 1. глубокая яма, наполненная водой (Гринч.); 2. яма в реке, море (Гринч.).

ковбу́р яма в воде, выбитая падением последней (Гринч.).

ковдо́вбина ухаб (Гринч.).

ковдо́башка глубокая яма, которая остается на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

ковто́ба глубокая яма, оставшаяся на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

ковтобіна глубокая яма, оставшаяся на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

коли́ба ухабы, ямы на дороге (Янув, Gwara).

коли́бина ухабы, ямы на дороге (Янув, Gwara).

колобаня ухаб на дороге (Анк. Вн 9).

колодець глубокая яма (Анк. Кв 6).

колодо́вбина ухаб (Гринч.).

коломи́я глубокий ухаб, наполненный водой (Гринч., Желех.).

колуда́р низменность, долина (Моск.).

ко́льба колдобина, яма, наполненная водой в весеннее, осеннее, в дождливое время (Яворн.).

ко́льбах (Яворн.) *см.* ко́льба.

колябуха ухаб (Анк. Хм 3).

ко́лятина углубление в скале (Анк. Зп 4).

ко́панка 1. глубокая яма (Анк. Вн 9); 2. вырытая искусственная впадина (Анк. Жт 2); 3. маленький выкопанный прудик (Гринч.); 4. яма, выбитая дождем (Врх. Зн.); 5. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Жт 10 Кв 16).

копе́ц 1. (Врх. Бат., Анк. Чрнг 5) *см.* копе́ць 1; 2.примитивный кагат, куча картофеля, присыпанная землей (Лыс. Мат).

копе́ць 1. земляная насыпь (Желех., Анк. Жт 1, 5, 6, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 9, 12 Крв 3 Лв 1, 4, 7, 8 Рв 1, 2 См 4 Чрк 3, 4 Чрнг 3, 4, 6, 11); 2. межевой знак (Гринч., Черемш., Желех.); 3. небольшая яма для обозначения чего-нибудь (направления, места и т. д.) (Прийм.); 4. «могила» (Жилко); 5. холм — «kopiec» (Янув, Gwara) *см.* еще кібе́ць, кіпе́ць.

кори́то 1. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Вн 4); 2. русло реки (Гринч.).

корчі гора, на которой полосами чередуются пастбища и лес (Анк. Лв 1).

коса 1. низменность возле речки (Анк. Кв 4); 2. небольшая отлогая насыпь песку возле речки (Анк. Кв 5, 10 Нк 2 Чрк 4).

косогір 1. склон горы или возвышенности, косогор (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Кв 6, 7, 8, 10, 11, 12, 17 Крв 1, 4, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 16, 18, 24, 26, 28, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 45, 47, 48, 49, 51 Лв 8 Нк 1, 2 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Тр 4 Хм 2, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 2, 3, 11, 13, 14); 2. крутое взгорье (Анк. Вн 5 Кв 5 Крв 38, 41).

косогір'я склон горы или возвышенности (Анк. Крв 11).

косогор (Анк. Тр 1, 3 Чрнг 5, 6) *см.* косогір.

кости́ш склон горы (Лымар.).

коте́л 1. углубление земной поверхности круглой формы (Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3 Жт 3, 6, 8 Ив.-Фр. 3, 4 Кв 4 Крв 18, 33 Пл 2 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4); 2. котловина, долинка на горном пастбище (Граб.); 3. горная впадина (Дзендз.) *см.* еще котьол.

котеле́бина небольшое углубление, ухаб (Желех.).

котилева углубление на дороге (Анк. Ив.-Фр. 2).

котлован 1. котловина (Анк. Зп 4 Лв 2 Крв 10, 14, 27, 29, 30, 35, 41, 43, 49 Чрнг 4, 5); 2. степной овраг (Анк. Крв 12).

котло́вина (Желех., Анк. Вн 5 Дн 1 Жт 1, 5, 9, 12 Зп 1, 4, 5, 6 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 10 Крв 4, 11, 13, 17, 51 Нк 1 Ол 1 Рв 4 Тр 4 Хрк 1 Чрк 1, 2 Чрнг

1, 3, 5, 11, 14) *см.* кітловина 1; 2. углубление на вершине горы (Анк. Крв 51).

котьол (Анк. Кв 4) *см.* котел.

кошовиця мокрая заболоченная низменность (Анк. Лв 3).

крейдянка возвышенность (без подробного описания) (Анк. Тр 4).

крекотні глубокий овраг, заросший лесом (Анк. Рв 1).

кремениці (Граб.) *см.* кремениця 1.

кремениця 1. кремнистая гора (Желех., Анк. Вн 6 Жт 4, 6, 11, 12); 2. мелкие камни (Граб.); 3. вид твердой глины (Желех.).

круг 1. сеножать на низком месте (Лыс.); 2. небольшой пруд или озерцо на поле или в лесу (Лыс.); 3. полукруглая часть берега (Рудн.); 4. участок поля (Гринч.).

круглик 1. углубление земной поверхности круглой формы (Анк. Чрк 4); 2. гора (без подробного описания) (Анк. Тр 2).

крутизна крутой склон (УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн. 1, 5, 7 Жт 4, 6, 10 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 2 Крв 4, 9, 13, 22, 23, 28, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 47 Лв 2, 8 Нк 2, 3 Пл 2, 3 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 5, 6).

крутобережжя высокий крутой берег (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 6 Дн 1, 3, 7, 8 Жт 3, 6, 8, 10, 11, 12 Зп 4 Кв 3, 9, 10 Крв 10, 13, 17, 50 Нк 2 Пл 2, 3 См 1 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 4, 5 Чрнг 2, 4, 6).

крутовина склон, спуск (Гринч., Анк. Вн 4, Дн 1 Жт 4, 6, 10, 12 Кв 3 Крв 4, 9 Лв 2, 8 Нк 2 Рв 1, 2 Чрк 4).

крутогір крутая гора (Анк. Вн 4).

крутогора (Анк. Вн 4) *см.* крутогір.

крутоспуск 1. крутой склон горы (Анк. Вп 4, 6 Дн 1 Жт 1, 6, 10, 11, 12 Кв 3, 9, 10 Крв 4, 9, 13, 18, 28 Лв 2, 6, 8 Пл 2 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 4); 2. крутой берег (Анк. Крв 5, 50); 3. крутой спуск (Яворн.).

крутосхил крутой склон горы (УРС, Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 1, 4, 6, 10, 11, 12 Кв 3, 10 Крв 4, 5, 9, 18, 20, 28, 31, 32, 44 Лв 2, 8 Нк 2 Чрк 4).

крутояр 1. глубокий крутой овраг (УРС, Анк. Вн 4, 5 Дн 1 Жт 6, 11, 12 Зп 5, 6 Крв 9, 13, 18, 29, 32, 37, 50 Лв 8 Нк 2, 3 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 13); 2. пропасть (УРС).

круча 1. крутой склон горы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 17 Крв 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 5, 6, 8 Нк 1, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 См 1, 2, 4 Тр 3, 4, 5 Хм 1, 4, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 5, 6, 14, 15); 2. пропасть (Гринч., УРС, Анк. Дн 2 Крв 6, 10, 15); 3. крутой берег (Желех., Анк. Зп 7 Кв 4, 10 Крв 48); 4. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 49); 5. глубокое место в реке (Гринч.); 6. лес (Анк. Хм 7).

крушки крутое взгорье (Анк. Лв 1).

кряж 1. возвышенность, кряж (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Дн 1, 3, 5, 6, 7, 8 Жт 6, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Кв 4 Крв 18, 28, 37 Пл 2 Хрс 1, 2); 2. гряда гор (Дубр.).

кув'етак углубление (без подробного описания) (Анк. Крв 11).

кугáва 1. скалистое ущелье (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех.); 2. пропасть (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Желех.).

кýєв быстрый каменистый поток в лесу (Шух., оттуда же Гринч.).

кýєви вершины гор (Шух.).

кýпа 1. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 3); 2. небольшая насыпь земли (Анк. Лв 3); 3. кочка на болоте (Гринч.); 4. скалистые голые кряжи («У південно-східній частині Хмельницької області товтрові кряжі місцеве населення ще називає їх за конусоподібну форму "купами"» — Бабыш.).

кýпинá 1. небольшая земляная насыпь (Анк. Вн 4 Ив.-Фр. 2 Лв 3, 5, 7); 2. искусственная насыпная горка (Анк. Ив.-Фр. 2); 3. кочка (Гринч.).

купíйка небольшая земляная насыпь (Анк. Лв 1).

купіна (Граб.) см. кýпинá.

купни́к небольшой горбик среди болота, заросший травой (Лыс. Мат.).

куп'я — «купини на болоті» (Лыс. Мат.).

кургáн 1. насыпной холм, искусственная возвышенность (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13 Зп 3, 4, 5, 6 Кв 5, 10 Крв 4, 9, 10, 17, 18, 29, 33, 37, 42, 50 Пл 2 Рв 3 См 1, 3, 5 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 11, 14, 15); 2. возвышенность (Анк. Жт 13 См 5).

курочка каменистая гора (Анк. Жт 2).

кучка небольшая насыпь (Анк. Жт 5).

кучугур (Анк. Кв 3) *см.* кучугýра 1.

кучугýра 1. холм (Гринч., УРС, Желех., Анк. Зп 4, 5, 6 Крв 25, 27, 41); 2. насыпная горка, искусственная возвышенность (Анк. Вн 4, 8 Крв 39, 50); 3. песчаная насыпь (Анк. Дн 1,5 Рв 1, 2).

кучугýри холмистая местность (Гринч.).

кучургáн 1. холм (Анк. Дн 3 Жт 11 Од 1 Чрк 4); 2. насыпная горка, искусственная возвышенность (Анк. Дн 1, 3 Жт 11 Чрк 4); 3. высокий обрывистый холм (Онат.); 4. большой песчаный холм (Яворн.).

кýява 1. крутой холм (Желех., оттуда же Гринч.); 2. пустое место (Рудн.).

куяльник ручей (Яворн.).

лаз 1. равнинный луг (Нимч.); 2. горный луг (Нимч.); 3. лесная поляна (Гринч., Желех.).

ланцю́г гряда (УРС).

левáда 1. низменная местность, долина (Желех., Анк. Крв 3, 18, 35, 45, 46); 2. мокрая низменность (Анк. Крв 41); 3. низкое песчаное место (Анк. Крв 26); 4. лесок на низменности из кустов (особенно лещины) (Кремер); 5. отгороженное или обкопанное место сенокоса вблизи усадьбы (Гринч.).

леть крутая скала (Врх. НЗн.).

лисáк обнаженный берег или возвышенность (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех.).

лисáня обнаженная гора (Желех., оттуда же Гринч.; Рудн.).

ли́си совокупность небольших гор (Анк. Тр 4).

лисогір (Анк. Крв 50) *см.* лисогорá.

лисогорá гора без растительности (Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Жт

1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 Кв 2, 9 Крв 2, 3, 5, 6, 8, 10, 11 Лв 1, 2, 8 Нк 1 Рв 1, 2 Тр 4 Хрк 1 Чрк 1, 2, 4).

лисуха гора без растительности (Анк. Кв 10).

лися́к (Желех., оттуда же Гринч.) *см.* лиса́к.

лівобережжя низменность на левом берегу реки (Анк. Крв 18, 34).

лісогора гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Анк. Вн 4).

лісогорб холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Вн 4).

лісояр овраг, заросший лесом (Анк. Тр 4).

лоб 1. возвышенное и открытое место (Анк. Рв 4); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 31).

лобняк возвышенность на равнине (Анк. Зп 10).

логи углубление на месте водоема (Анк. См 3).

логовина углубление на месте водоема (Анк. Крв 30).

ложбина 1. углубление, пещера (Желех.); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Дн 4).

ложо́к сухое русло (Гринч., Анк. Жт 6, 12 Лв 8 Нк 2 Пл 2 См 2 Чрк 4 Чрнг 5, 6).

ло́зина низменность, заросшая лесом (Анк. Тр 5).

ло́нка (Анк. Лв 3) *см.* лука́.

лопо́ка 1. известняковая горка — «височина з опоки» (Анк. Лв 3); 2. камень (Анк. Лв 3).

ло́щи́на 1. небольшой овраг (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 5, 6, 7 Жт 1, 4, 5, 6, 8, 12, 13 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Кв 3, 4, 5, 10, 12 Крв 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 8 Нк 2, 4 Од 1 Пл 2, 3 См 1 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 15); 2. степной овраг (Анк. Зп 2 Хм 1); 3. возвышенный луг (Анк. Кв 3, 12); 4. низменность (в общем значении) (Анк. Чрнг 13); 5. прогалина в лесу (Желех.).

лощо́ви́на 1. небольшой овраг (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4 Жт 6, 12 Зп 4 Лв 8 Кв 12 Крв 9, 27, 44); 2. возвышенный луг (Анк. Кв 3).

луг 1. низменность, поросшая травой (УРС, Писк., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15 Крв 4, 8, 10, 11, 13, 18, 19, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 48, 50 Лв 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 3, 4, 5 Тр 1, 2, 3, 5 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 6, 11, 14, 15); 2. низменность, поросшая лесом (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 4 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 9, 12 Крв 4, 8, 10, 18, 30, 36, 37, 38, 50 Рв 1, 2, 3 Тр 4 Хм 7 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 2, 13); 3. низменность (в общем значении) (Анк. Кв 5); 4. низменность возле речки (Рудн., Анк. Ив.-Фр. 1 Кв 10 Крв 9, 10, 44); 5. низкая местность (Граб., Крв 95); 6. лес на низменности (Гринч.); 7. лес на низменных местах возле речки (Писк., Анк. с. Омельник Кировоградской обл.) 8. выкорчеванная местность (Граб.).

луги 1. заболоченная низменность (Анк. Тр 2); 2. широкая низменность (Анк. Рв 4).

лугови́на 1. место, где раньше был луг (Гринч., Анк. Крв 37, 41, 42); 2. низменность, поросшая травой (Анк. Вн 4 Кв 4 Чрнг 4); 3. низменность возле речки (Желех.).

лугóвинка 1. место, где раньше был луг (Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Дн 1, 3 Жт 6, 11, 12 Кв 16 Чрнг 6 Чрк 4); 2. старое русло реки, долинка (Граб.).

лужайка небольшой луг возле речки (Нимч.).

лужи́на низменность, поросшая травой (Гринч., Желех., Анк. Вн 4, 6 Дн 1 Жт 6, 11 Зп 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4).

лужок 1. углубление на месте водоема (Анк. Кв 10); 2. лесок на низменности (Дубр.).

лук мокрая низменность, поросшая травой (Анк. Крв 2 См 2 Чрнг 4).

лукá низменность, поросшая травой (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вн 3, 4, 6 Дн 1, 3 Жт 1, 5, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 2, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 1, 6 9, 10, 11, 14, 16, 18, 23, 24, 28, 29, 35, 40, 41, 44, 45, 46 Лв 1, 8 Нк 2, 3 Тр 5, 6 Хрк 1 Чрнг 1, 2).

лукáнь низменность, поросшая травой (Гринч., Анк. Вн 4).

лýки (Анк. Дн 4, 6, 7, 8 Зп 4, 5, 6, 7 Пл 1, 2 Хрк 1) *см.* лукá.

ля́до 1. холм в лесу, заросший сосной (Гринч., Жилко, Анк. Жт 4, 11 Лв 8 Чрк 3); 2. поляна в лесу (Лыс. Мат.).

лях́а гряда (Гринч.).

мáгура высокая гора (Гринч., Анк. Жт 10 Лв 1, 8).

маґýра 1. (Граб.) *см.* мáгура; 2. высокая отдельная гора (Рудн.); 3. гора (Шух.) *см.* еще макура.

мазанка небольшая насыпь (Анк. Ив.-Фр. 3).

майдáн 1. место на склоне горы (Граб.); 2. возвышенное и открытое место (Анк. Тр 5); 3. лесная поляна (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех.).

макíтра котловина (Гринч., Дубр.).

мáковиця вершина горы (Гринч., Желех.).

мáкортет(ь) котловина, впадина (Гринч., Дубр., Анк. Крв 47; «Ідуть наші молодцями, макортети та балки їм ніпочім, не зблукають» — Манжура).

макортник источник (Анк. Крв 43).

мáкотерть котловина (Гринч.).

макура высокая гора (Граб.).

мéдуш заболоченная низменность (Анк. Лв 3).

межигíр'я долина между горами, ущелье (Гринч., УРС, Желех.).

ми́ска углубление на вершине горы (Анк. Тр 4).

міжгíр'я (УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 6 Дн 1 Жт 4, 5, 6, 10, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 6, 9, 10, 14 Крв 4, 5, 17, 18, 19, 28, 29, 30, 33, 37, 39, 41, 42, 47, 50 Лв 2, 8 Нк 3 Пл 2, Рв 12 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 2) *см.* межигíр'я.

млáка 1. заболоченная низменность (Анк. Лв 8); 2. трясина (Гринч.); 3. заливной луг (Дубр.).

млаковина трясина; заливной луг (Дубр.).

моги́ла 1. искусственное земляное возвышение, курган (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 5, 6 Дн 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10 Жт 1, 3, 4, 5,

6, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 51 Лв 2, 3, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 3, 4 Од 1 Пл 2, 3 Тр 5, 6 Хм 2, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4, 5 Чрнг 1, 2, 11, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 2 Крв 5, 14, 25, 39); 3. куча (например, камней) (Граб.).

могилка небольшая земляная насыпь (Анк. Зп 4).

могилки искусственное земляное возвышение, курган (Анк. Дн 4 Кв 11).

мокв́а 1. низинное место, заливаемое водой (Гринч., Лыс.); 2. мокрая, болотистая местность (Моск.).

мокл́ик мокрая низменность (Анк. Лв 3).

мокрець мокрое место между взгорьями (Анк. Чрк 4).

мокря́к 1. заболоченная низменность (Анк. Лв 3); 2. болото (Гринч.).

мокрячка место между взгорьями (Анк. Лв 1).

мо́чар 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 1, 4, 5, 9 Жт 10 Ив.-Фр. 1 Крв 1, 3, 35, 40 Лв 1, 2, 7 Рв 4 Тр 1, 2 Хм 5, 8); 2. трясина, низинное место с подпочвенными водами (Гринч.); 3. мокрое место между взгорьями (Анк. Крв 33).

мо́чари 1. (Анк. Лв 5) *см.* мо́чар 1; 2. (Анк. Лв. 3, 5) *см.* мо́чар 3.

моча́риско мокрое место между взгорьями (Ан. Тр 1, 2).

мочарідь заболоченная низменность (Анк. Крв. 3).

мо́чі заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

мошíя горное пастбище — «полонина» (Желех., К.-Ч.).

нави́са крутой склон горы, круча (Анк. Ив.-Фр. 2).

навідсонні склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Крв. 35).

на́міт искусственный холм — «могила» (Рудн.).

нанос небольшая отлогая песчаная насыпь возле речки (Анк. Дн 7 Чрк 4).

на́сип 1. искусственное земляное возвышение, холм (УРС, Желех., Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 11 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 2, 3, 4, 9, 10, 12, 16, 17 Крв 1, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 50 Лв 1, 3, 5, 8 Нк 1 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 1, 3, 5 Тр 5 Хм 1, 2, 4, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Крв 17, 50); 3. небольшая возвышенность, холм (Анк. Крв 9, 39, 46).

на́спа невысокая песчаная насыпь (Анк. Кв. 17).

нахил склон горы (Анк. Хм 4).

низ пониженная местность, долина (Гринч., Лыс. Мат., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1, 3, 5, 11 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 5, 6 Кв 5, 9, 10, 16, 17, 18 Крв 4, 8, 10, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 26, 27, 28, 37, 40, 42, 45, 49, Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1 Пл 2, 3 Рв 4 См 1, 3 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 11, 13, 14, 15); 2. равнина (в общем значении) (Желех., Анк. Дн 11 Крв 6, 20, 34, 35, 38, 48, 49, 51 Чрнг 3); 3. широкая равнина (Анк. Крв 31, 32, 44); 4. равнина возле речки (Анк. Крв 9); 5. низменность, заросшая травой (Анк. Крв 2, 4).

ни́зень 1. пониженная местность, долина (Желех.); 2. равнина (Желех.)

низи́на́ 1. пониженная местность, долина (Желех., Анк. Крв 33, 38 Хм 6 Чрнг 4); 2. равнина (в общем значении) (Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7 Дн 1, 2, 3, 5 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Ив.-Фр. 1, 2, 4 Кв 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 17 Крв 1, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 51 Лв 2, 7, 8 Нк 1, 2, 3, 4 Од 1 Пл 2, 3, Рв 1, 2, 3, 4 См 1, 2 Тр 5 Хм 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13); 3. равнина возле речки (Анк. Вн 5 Жт 1 Кв 12 Крв 33, 44, 47); 4. низменная местность, заросшая травой (Анк. Крв 9).

низо́ви́на́ 1. равнина (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Писк., Анк. Вн. 2, 3, 4, 5, 6 Дн 1, 5, 10 Жт 1, 5, 6, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 4, 9, 10, 13, 16, 17, 19, 21, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 42, 44, 45, 48, 50 Лв 2, 7, 8 Нк 2, 3 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 5 Тр 5 Хм 1, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 6), 2. равнина, заросшая травой (Гринч., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6 Дн 1, 3 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 11 Зп 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 5, 6, 7, 8, 9 Крв 1, 3, 4, 10, 14, 22, 27, 30, 32, 42, 50 Лв 2, 8 Нк 3 Од 1 Пл 3 Рв 1, 2 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 6); 3. равнина на берегу реки (Анк. Вн 5, 8 Крв 19, 47).

низовини (Анк. Лв 5) *см.* низо́ви́на́ 1.

низота́ 1. равнина (в общем значении) (Желех.); 2. пониженная местность, долина (Желех.).

низь пониженная местность (Желех.).

низькоділ пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 11, 12 Кв 10 Крв 18, 19, 37, 48 Лв 8).

нора́ 1. пещера (Желех., Писк.); 2. источник (УРС, Желех., Граб., Рудн. Дзендз., Анк. Кв 10).

обі́рвище обрыв (УРС, Анк. Вн 4 Жт 5, 10 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9 Лв 2 Чрк 3, 4).

о́біч 1. склон горы (Желех., Граб., Анк. Вн 8 Дн 1 Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 1, 4 Лв 1, 8); 2. склон горы над водой — «стіна гори над водою» (Рудн.); 3. дорога по склону горы (Граб., Рудн.) *см.* еще о́боч.

о́блаз 1. обрыв, круча (Гринч., УРС, Желех., Рудн.); 2. скала (УРС); 3. крутая гора (Федьк., Дубр.); 4. крутой склон горы (Анк. Жт 6, 12 Ив.-Фр. 1 Лв 1); 5. дорога через гору (Желех., Граб., Федьк., Шух.); 6. выступ горы на дороге (Граб.); 7. невысокий заросший хребет горы (Граб.).

о́бмітъ 1. крутой обрыв (Анк. Дн 1 Жт 4, 11 Кв 9, 10); 2. водоворот с быстрым течением (Гринч.).

оболо́не луговая низменность (Лыс. Мат., Анк. Лв 2, 7) *см.* еще боло́не.

оболо́ння (УРС, Лыс. Мат., Анк. Вн 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 5, 6, 7, 8, 9 Лв 4, 5, 8 Тр 5, 6 Чрнг 11, 14, 15) см. боло́ння.

оболо́нь (Гринч., УРС, Лыс. Мат., Анк. Вн 6 Кв 6, 7, 8 Лв 8 Тр 5 Хм 5 Чрк 5) *см.* болонь.

о́боч (Граб., Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 8) *см.* о́біч 1.

обоча склон, скат (Дубр.).

обочина склон горы (Анк. Жт 12).

обри́в 1. обрыв (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 6, 8, 9 Дн 1, 3, 5 Жт

1, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 16, 17 Крв 4, 13, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 42, 43, 44, 47 Лв 2, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2, 3 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 1, 4 Хм 2, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13); 2. крутой отвесный берег (Анк. Крв 1, 2, 11, 17, 20, 24, 28, 39, 40, 44, 45, 48, 50); 3. сторона дороги— «бік дороги» (Анк. Хм 4).

обрива (Анк. Зп 4) *см.* обри́в 1.

обриви (Анк. См 3) *см.* обри́в 1.

о́дміт крутой склон горы, круча (Анк. Кв 10).

одміть тихое место на порогах меж скалами (Дубр.).

озеря́вина высохшее озеро, место, где было озеро (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Лв 8 Чрк 4).

окі́п 1. ров с валом (Гринч., УРС, Желех., Врх. Бат., Анк. Вн 3, 4, 5, 8 Жт 3, 4, 6 Кв 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15 Крв 18, 19, 21 Нк 2 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2, 3 См 1, 2, 3, 4 Тр 2, 4, 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 2, 4); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 31, 32).

окоп (Анк. Вн 3 Дн 1, 5 Жт 12 Зп 3, 4, 5, 6 Кв 12 Крв 4, 23, 38, 41, 45 Лв 5 Рв 4 См 1, 2 Хрк 1 Чрнг 3, 4, 5, 6, 15) *см.* окі́п 1.

окопи (Анк. Тр 2) *см.* окі́п 1.

омут углубление на месте водоема (Анк. Вн 9).

о́падка впадина, углубление (Гринч.).

опа́дчина склон (Желех.).

опо́ка 1. скала, меловая скала (Желех.); 2. кусочки белой глины (Анк. Лв 3, 4); 3. глинистая или известняковая почва (Анк. Рв 1, 2); 4. камень (Беринда).

осік лес (на горе) (Жилко).

осо́вн место, повернутое к солнцу (Шух., оттуда же Гринч. и Граб.).

осовна 1. склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 11); 2. скальный оползень (Рудн.).

осо́вня (Желех.) *см.* осовна.

осоння склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Дн 3 Кв 10 Крв 40).

оступ углубление на месте водоема (Анк. Зп 4).

откіс склон горы (Анк. Дн 2).

о́тміть русло речки (Лыс.).

очире́т глубокий обрыв (Анк. Тр 2).

па́гірок (Онат., Писк.) *см.* паго́рок.

па́горб небольшая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3 Жт 3, 5, 6, 7, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Кв 4, 5, 9, 10, 13, 14, 15 Крв 4, 9, 10, 16, 18, 19, 36, 42, 44, 46, 50 Лв 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8 Нк 3 Пл 4 Тр 4 Чрк 1, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4).

па́горбок небольшая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вл 1 Вн 1 Крв 1, 4, 5, 7, 8, 19, 20, 23, 24, 31, 32, 33, 34, 38, 49, 51 Хм 3, 8 Чрнг 2, 6, 15).

па́го́рок невысокая горка, холм (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1 См 4 Тр 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 1, 2, 5) *см.* также па́гірок.

пад 1. низменное место (Гринч., Анк. Жт 5); 2. терраса (Желех.).

паді́ (Гринч., Писк.) *см.* пад 2.

па́дина 1. небольшая круглая долина (Гринч., УРС); 2. долина между двумя горами или холмами (Анк. Вн 4, 5 Дн 3 Жт 3, 4 Крв 1, 30, 31 Нк 2 Чрк 1, 2).

па́діл низменная местность, долина (Ґринч., Анк. Лв 5).

падь 1. небольшая круглая долина (Гринч., УРС); 2. обрыв, пропасть (Желех., Писк.); 3. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Вн 6 Нк 2).

па́луба пустота, впадина (Врх. Лем., оттуда же Гринч.).

палука низина, заросшая травой (Гринч., Желех.).

па́смо гряда гор (Гринч., УРС, Желех.).

па́стувінь низменность, заросшая травой (Анк. Рв 4).

пере́балочок небольшая лощина (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 6, 12 Зп 4, 5, 6 Крв 9 Чрнг 2).

перева́л 1. овраг (Анк. Кв 10 Чрнг 15); 2. перевал (УРС).

перева́лля крутой овраг (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 6, 11 Ив.-Фр. 4 Кв 5, 10 Крв 9, 18, 28, 37 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4).

переваличок небольшой овраг (Анк. Дн 1 Вн 4 Жт 12 Чрнг 5).

пере́горок невысокая отлогая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Кв 10, 12 Крв 9 Лв 8 Чрнг 5).

передгі́р'я предгорье (УРС).

передо́ли большие долины (Желех.).

передо́лина 1. поперечная долина (Врх. НЗн.); 2. долина между двумя небольшими горками — «кливками» (Рудн.).

пере́калка грязные рвы, ручьи поперек дороги (Гринч.).

перекі́п 1. канава (УРС, Желех.); 2. вал (Желех.); 3. перекопанное место (Гринч.).

перелісок возвышенный луг (Анк. Тр 4).

перени́зина поперечная долина (Желех.).

пере́низь долина между двумя небольшими горками —«кливками» (Ґраб., Рудн., Анк. Вн 6).

пере́сип 1. искусственное земляное возвышение (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 5 Жт 12 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9, 22 Лв 6, 8 См 2 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 4, 5); 2. поперечная отмель (Желех.).

пере́спа искусственное земляное возвышение (Гринч., УРС).

переши́йок перешеек (УРС).

пере́хід место перехода в горах (Гринч., Желех., Рудн.).

переяро́к поперечный овраг (Гринч., УРС, Анк. См 4).

песковатка низкое песчаное место (Анк. Чрнг 5).

пече́ра 1. пещера (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7 Дн 3 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 2, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 7, 9, 10, 12, 16 Крв 1, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 18, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 44 49 Лв 5, 7, 8 Нк 1, 3, 4 Пл 1, 2, 3 Тр 1, 2, 3, 4, 6 Хм 1, 3, 4, 8 Хрк 1 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 13); 2. подмыв в реке под берегом, нора в берегу (Гринч., УРС).

печері (Анк. Дн 1) *см.* **пече́ра** 1.

печу́ра (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6 Зп 5, 6 Крв 36, 37, 41 Лв 8) *см.* пече́ра 1.

печу́рка пещера (Анк. Вн 4 Чрнг 5).

пеще́ра (Желех., Анк. Вн 8 Дн 5 Зп 4, 5, 6 Кв 4, 6, 8, 9 Крв 1, 11, 20, 22, 23, 27, 34, 37, 47, 48, 51 Нк 2 Чрк 5 Чрнг 4, 5) *см.* пече́ра 1.

пещеря (Анк. Дн 8) *см.* пече́ра 1.

пи́сок мысок на реке (Гринч.).

пичи́н выбитая водой яма в липкой земле; края этой ямы твердеют и становятся как камень (Моск.).

півмена естественное углубление с водой (Дорош.).

під 1. равнина (в общем значении) (УРС, Анк. Зп 8 Нк 1 Рв 1, 2 Чрк 3); 2. низменная местность, долина (Гринч., Анк. Нк 2, 3 Крв 12, 17, 33, 42 Чрк 3); 3. никогда не паханная местность, главным образом низменность (Ващ. 3 іст.) *см.* еще по́ди́.

підвищеність возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 10).

підвищення возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 9).

півстеп возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Анк. Вн 4).

підгір местность возле подножья горы (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 3 Жт 6, 10, 11, 12 Лв 3, 8).

підгі́рок 1. склон горы (Гринч., Анк. Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1 Ив.-Фр. 4 Крв 9, 10, 17, 42); 2. невысокая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Дн 1 Вн 2, 4 Жт 5, 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Кв 1, 3, 4, 10 Крв 9, 10, 17, 18, 19, 25, 33 Лв 2, 3, 8 Нк 2 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4).

підгі́р'я местность возле подножья горы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2 Кв 10 Крв 4, 5, 8, 9, 13, 14, 18, 30, 33, 37, 39, 41, 45, 46, 50 Лв 2, 3, 5, 6, 8 Рв 1, 2 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2).

підгорбок возвышение на дороге (Анк. Хм 5).

підгорок (Анк. Зп 4 Чрк 5) *см.* підгі́рок 2.

підго́рочка небольшой холм возле подножья горы (Гринч., Желех.).

підгу́пак крутой холм, который можно пахать сверху вниз (Анк. Тр 4).

підділ подножье горы (Анк. Ив.-Фр. 1).

піддолини низменная местность, долина (Анк. Лв 4).

підзарови́ низменная местность, долина (Анк. Лв 4).

підйом возвышение на дороге (Анк. Крв 1, 2, 3, 12, 20, 34, 39, 49).

підліб'я склон горы, расположенный в тени (Анк. Тр 3).

підме́т 1. низменная местность, где сеют коноплю (Писк., Ващ. 3 іст., Лыс. ДБ, Анк. Крв 41); 2. мокрая болотистая низменность (Анк. Крв 34); 3. низменность (в общем значении) (Дубн., Жилко, Анк. Крв 1, 3, 11, 31); 4. низменность возле речки (Анк. Крв 13, 32, 44); 5. углубление на месте водоема (Анк. Крв 34); 6. коноплянник (Гринч.).

підмета (Анк. Крв 13, 31) *см.* підме́т 3.

підми́в крутой берег, подмытый морем (Анк. Зп 4).

підні́жжя место возле самого низа горы, подошва горы (Гринч., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 6, 7, 8, 9, 10 Крв 18, 19, 20, 21, 26, 27, 28, 30, 33, 34, 35,

36, 37, 40, 44, 45, 46, 47 Нк 1, 3 Пл 1, 2 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 6).

підо́шва место возле самого низа горы, подножье горы (УРС).

підсте́п 1. возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12 Ив.-Фр. 2 Нк 2 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4); 2. местность, расположенная вблизи от степной (УРС).

підшпиль острая вершина горы (Анк. Крв 47).

пік острая вершина горы (УРС, Анк. Вн 2, 4 Дн 4 Жт 6, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Крв 9, 16, 17, 28, 29, 37 Лв 5, 8 Нк 3 Пл 2 Хрс 1, 2 Чрк 3).

піски низменное песчаное место (Анк. Жт 3 Кв 5, 6, 7, 12 Крв 6)

піскова низменное песчаное место (Анк. Тр 1).

пісковата низменное песчаное место (Анк. Лв 1).

піскова́тиці низменное песчаное место (Анк. Ив.-Фр. 3).

пісковина низменное песчаное место (Анк. Вн 1 Жт 1, 11 Кв 9 Чрк 1).

пісковисько низменное песчаное место (Анк. Тр 4).

піско́вище низменное песчаное место (Онат., Анк. Вн 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1 Жт 4, 6, 8, 11, 12 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 2, 4 Кв 3, 9 Крв 4, 11, 17, 27, 36, 42, 50 Лв 8 Пл 2, 3 Тр 5 Хрс 1, 2 Чрк 1, 4).

піскувате низменное песчаное место (Анк. Дн 3).

піскува́ха низменное песчаное место (Гринч., Онат.).

піскун 1. низменное песчаное место (Анк. Крв 9, 18, 47 Чрк 4); 2. песчаная почва (Дубр.).

пісочник небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Вн 4).

піщанка небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Тр 4).

піщуган низменное песчаное место (Анк. Жт 5).

плав заболоченная низменность (Анк. Кв. 11).

плавина́ заросшее болото (Дорош.).

пла́вля затапливаемая низменность, болотистый луг (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 11 Кв 7 Нк 2 См 3, 4 Чрнг 5 Чрк 4).

плавні (Анк. Зп 2 Крв 9, 11 См 4 Чрк 1) *см.* пла́вня.

пла́вня заболоченная низменность (Гринч., УРС. Анк. Дн 1, 3, 4, 6, 8 Жт 4, 5, 11 Зп 4, 5, 6 Кв 6, 7, 8 Крв 9, 10, 11, 19, 22, 27, 31, 32, 50 Нк 1, 2, 34 Од 1 Пл 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 2, 14).

плавун заболоченная низменность (Анк. Кв 10).

плай 1. широкая тропинка, ведущая по горному хребту (Гринч., Желех., Граб., Рудн.); 2. дорога для конной езды (Шух.).

плаїчок дорога в горах (Шух.).

плато́ плато (УРС).

плащи́на (Желех., Дубр.) *см.* площи́на́.

пле́со 1. глубокая яма в реке с водоворотом (Дзендз.); 2. расширенное незаросшее место в реке с медленным течением (Гринч., УРС).

пли́та отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Ив.-Фр. 2).

пло́сінь равнина (Врх. Зн., оттуда же Гринч.).

пло́скісьт равнина (Желех.).

плоскогі́р'я плоскогорье (УРС).

пло́ща 1. равнина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 6 Дн 1, 5 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 12 Крв 4, 9, 10, 20, 37,

42, 44 Лв 1, 7 Нк 2 Пл 3 См 2, 4 Тр 5 Хм 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1); 2. заболоченная низменность (Анк. Крв 37); 3. низменность возле речки (Анк. Крв 19, 31, 32).

площáвина равнина (Желех.).

площúнá 1. равнина (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 6 Дн 1 Жт 1, 3, 5, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6, 8, 9 Нк 2 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 1, 2, 5); 2. заболоченная низменность (Анк. Крв 37); 3. низменность на берегу реки (Анк. Крв 18, 19, 34, 42) *см.* еще **плащúна**.

побáлки степной овраг (Анк. Зп 2).

пóвзало осыпавшаяся гора — «зсунена гора» (Врх. НЗн.).

повхта 1. яма с водой (Врх. НЗн, Кмит); 2. болото (Врх. НЗн., Кмит) *см.* еще похта.

погíр'я склон горы, спуск (Желех.).

пода пониженная местность, долина (Анк. Хрк 1).

подгóрок холм (Анк. Чрнг 5).

пóдú (Гринч., УРС, Анк. Дн 1 Жт 5 Нк 1, 2) *см.* під 2.

пóдúна 1. равнина (в общем значении) (УРС, Анк. Вн 4 Дн 3, 4 Зп 7, 8 Нк 2 Чрк 4 Чрнг 1); 2. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Анк. Дн 1, 10 Зп 4 Ив.-Фр. 1); 3. овраг (Граб.); 4. долина в лесу (Рудн.); 5. небольшое ровное место на склоне или вершине горы (Нимч.).

подинка равнина (Анк. Дн 4).

подíл 1. равнина (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 6 Дн 1, 5 Жт 5, 12 Зп 3 Крв 4, 18, 20, 35, 42, 45, 48); 2. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 6 Дн 1, 14 Зп 3 Крв 4, 18, 20, 37, 42, 47 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4); 3. глубокий овраг (Анк. Крв 37).

подíлля 1. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 12 Крв 30, 34, 37 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1); 2. долина между двумя холмами (Анк. Крв 41, 42); 3. местность, пересекаемая долинами (Дубр.).

подóл (Анк. Чрнг 5) *см.* поділ 1.

пóйма заболоченная низменность (УРС, Анк. Дн 3, 6, 8 Жт 12 Зп 4 Кв 5, 10, 12 Нк 3 Пл 2 См 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 4, 5, 13).

покíт скат (Гринч.).

полá 1. каменная плита (Гринч.); 2. цельная («одностайна») скала (Желех., Врх. НЗн).

пóлíг 1. низменная местность возле реки (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 6 Дн 3 Жт 4, 6, 11 Ив.-Фр. 1 Крв 2, 3, 4, 10, 23, 24, 26, 35, 42); 2. равнина в общем значении) (Анк. Вн 9); 3. скошенная трава (Черемш.); 4. покос (Гринч., Врх. НЗн).

пóлóг 1. (Писк., Анк. Чрнг 1, 2, 13) *см.* пóлíг 1; 2. (Желех.) см. пóлíг 2; (3. низменность возле речки, на которой сеют хлеб (Моск.).

пологвина низменность возле реки (Анк. Чрнг 4).

полóги 1. низинная равнина по левым берегам рек (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1, 5 Жт 3, 4, 6, 8, 11 Зп 3 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 9 Лв 8 Тр 4 Чрк 1, 4 Чрнг 5); 2. (Анк. Рв 1, 2) см. пóлíг 1; 3. (Дубр.) см пóлíг 2.

полóнúнá 1. горная равнина, пастбище (Гринч., УРС, Желех., Граб., Рудн., Врх. Зн, Черемш., Штибер., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 10, 11 Ив.-Фр. 1, 2 Лв 1, 6 Хрк 1); 2. крутая гора — «aršica, stroma góra» (Граб.).

польинка горная равнина, пастбище (Анк. Ив.-Фр. 2).

полянка возвышенный луг (Анк. Вн 8, 9 Крв 18).

пони́ззя местность в нижнем течении реки (Гринч.).

порі́чина поле, расположенное над речкой (Врх. НЗн.).

пóтік 1. долина потока (Граб., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 6, 7, 8, 10 Крв 4, 6, 10, 18, 19, 20, 27, 30, 33, 36, 37, 44, 46, 49 Лв 1, 2, 5, 7, 8 Нк 3 Пл 2 Тр 1, 2, 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 4); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 22).

поток (Анк. Чрнг 4) *см.* пóтік 1.

потóчина 1. лощина (Гринч., УРС); 2. долина потока (Гринч., Желех., Граб., Анк. Жт 4 Ив.-Фр. 1, 3 Лв 1, 8 Чрк 1); 3. русло ручья (Дубр.); 4. ручей (УРС, Дубр., Рудн.).

поўзок полянка в горном лесу (Врх. Лем.).

похи́ла крутая гора (Анк. Дн 4).

похилина склон, наклон (Дубр.).

похрéбтина горное пастбище (Желех.).

похта (Врх. НЗн.) *см.* повхта.

при́балок 1. место возле оврага (УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Кв. 4).,

при́ва́л выступ скалы (Желех., оттуда же Гринч.; Анк. Вн 2, 4, 6 Жт 3, 4, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 9 Лв 8).

при́гір 1. пригорок, холм (Гринч., УРС, Желех., Анк. Дн 1 Жт 1 Ив.-Фр. 1 Крв 9, 10, 17, 18 Лв 8); 2. предгорье (Желех.).

при́гірок пригорок, холм (УРС, Желех., Анк. Дн 1 Жт 11, 12 Кв 4 Крв 18, 37 Лв 3, 8 Нк 4 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 4, 5); 2. предгорье (Желех.).

при́гор (УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 1 Кв 4, 5 Крв 10, 17, 18 Од 1 Чрк 4 Чрнг 5) *см.* при́гір.

пригóра 1. склон горы (Рудн.); 2. пригорок (Дубр.).

при́горб пригорок, холм (Анк. Крв 9).

при́горбок 1. пригорок, холм (УРС, Анк. Зп 4 Крв 18, 19, 22, 26, 28, 42); 2. насыпь (Анк. Крв 29, 30).

при́гурка небольшое возвышение, холм (Нимч.).

придоли́нка (Желех.) *см.* придоли́нок 2.

придоли́нок 1. начало долины (Гринч., Дубр.); 2. небольшая впадина (УРС, Желех.); 3. долина (Писк.).

прилóги продолжение склона горы, терраса (Граб.).

прилу́ка поляна в горных лесах (Шух., оттуда же Гринч.).

при́луки попеременно то лес, то поле (Шух., оттуда же Гринч.).

при́падь низменная местность (Гринч., УРС).

припáй при обрывистом морском береге полоса земли, обыкновенно песчаная или песчано-ракушечная, внизу между этим берегом и водой (Гринч., УРС).

при́пір 1. крутой склон горы (Желех., Анк. Жт 4, 10 Лв 1); 2. крутая скала, прилегающая к горе.— «stroma skalista szkarpa, przypierająca do góry» (Рудн.); 3. крутая дорога (Граб.) *см.* еще шпи́пор.

при́скалка выступ скалы,боковая скала (Гринч., УРС, Анк. Жт 10).

при́скáлок выступ скалы (УРС, Желех., Анк. Дн 1 Жт 10 Зп 4 Ив.-Фр. 4).

прислін дорога между двумя горами или холмами (Анк. Лв 8).

прислі́п (Анк. Лв 8) *см.* присло́п.

присло́н горный обрыв (Гринч.).

присло́п долина между двумя горами или возвышенностями (Шух., оттуда же Гринч.).

пристан отвесный берег реки (Анк. Хрк 1).

присті́н отвесный берег реки (Гринч., Анк. Жт 4, 5, 6, 10 Лв 8 Чрк 5).

при́шиб склон горы над долиной, где протекает речка (Лымар.).

прия́мок небольшая яма возле большой ямы (Лыс.).

прия́рок небольшой овраг, отрог оврага (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Жт 3, 6 Зп 1 Кв 1, 2, 4, 9 Крв 9, 10, 28, 42 Лв 8 Нк 1 Пл 2 Хм 6 Чрк 3, 4).

прия́р'я место возле оврага (УРС).

прі́рва 1. глубокая пропасть (УРС, Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 8 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 4, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 2, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 51 Лв 2, 5, 7, 9 Нк 2, 3 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 4 Тр 1, 5 Хм 1, 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 4, 13); 2. крутой склон горы (Анк. Крв 1, 2, 5, 18, 26, 35, 39, 41, 44, 45, 48); 3. кругой отвесный берег (Анк. Крв 3, 50); 4. глубокая яма в болоте (Анк. Хм 6); 5. яма в реке, море (Гринч.) *см.* еще про́рва.

прова́л пропасть, овраг (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; УРС, Желех., Граб., Анк. Вн 2, 4, 6 Дн 1, 5 Жт 4, 5, 6, 10, 11, 12 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 10 Крв 9, 10, 16, 17, 42 Лв 2, 8 Нк 2 Пл 3 Рв 1, 2 Чрк 3, 11, 13 Чрнг 5) *см.* еще прова́у.

прова́ла 1. (Желех.) *см.* прова́л; 2. глубокий крутой овраг (Анк. Вн 2, 3).

прова́лина 1. яма, где провалилась земля, пропасть (Гринч., УРС, Желех., Дубр.); 2. глубокий овраг (Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 4 Жт 1, 6, 8, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 3, 9, 10 Крв 18, 19, 31, 32, 42 Лв 5, 6, 7, 8 Пл 2, 3 См 1 Чрк 4).

прова́лля 1. глубокая бездна, пропасть (Гринч., УРС, Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 4, 5 Жт 1, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 3, 4, 8, 9, 10, 12, 16 Крв 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 51 Лв 2, 5, 7, 8 Нк 2, 3, 4 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 См 5 Тр 4, 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15); 2. глубокий крутой овраг (Анк. Дн 1 Жт 9, 12 Кв 5, 6, 7, 8 Крв 1, 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 21, 24, 25, 26, 27, 29, 34, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 48, 49, 52 Хрк 1 Чрнг 1, 4); 3. небольшие рвы—«ровчаки» (Анк. Чрнг 6); 4. крутой отвесный берег (Анк. Крв 6, 50); 5. крутой склон горы (Анк. Крв 7, 40, 41).

про́валь 1. (Желех.) *см.* прова́л 1; 2. прорезанный водой овраг (Лыс. Мат.).

прова́у долина речки или ручья (Рудн.) *см.* еще прова́л.

прога́лина место в горах, не заросшее лесами (Шух., оттуда же Гринч.).

прогні́й 1. низкое место, заливаемое водой по крайней мере на пол-лета (Гринч.); 2. незамерзающее место на болоте (Гринч.); 3. топкое место (Гринч.).

прогно́їна трясина (Гринч.).

про́духа мокрая ложбина между холмами (Анк. Тр 4).

проліг горная долина (Желех.).

пропасна́ бездна, глубокая пропасть (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 6, 10 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9 Лв 8 Нк 2 Чрк 3).

пропасни́ця бездна, глубокая пропасть (Анк. Лв 8).

про́пасть 1. бездна, глубокая пропасть (Гринч., Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 5, 7 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 1, 9, 10, 12, 16 Крв 4, 5, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 47 Лв 2, 5, 6, 8 Нк 2, 3 Пл 3 Тр 1, 3, 4, 5, 6 Хм 3, 8 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 4, 5, 6, 13); 2. крутой, отвесный берег (Анк. Крв 50).

пропаськ (Граб.) *см* про́пасть 1.

про́рва 1. (Анк. См 1 Чрнг 5, 6, 11, 15) *см.* прі́рва; 2. «проточина» (Писк.).

про́чіл вершина горы (Желех., оттуда же Гринч.).

прочо́лок вершина горы (Желех., оттуда же Гринч.).

пуп вершина горы, не заросшая лесом (Анк. Вн 4).

пши́пор (Граб.) *см.* при́пір.

пши́слуп вершина горы (Граб.).

равнина (Анк. См 3 Чрнг 5) *см.* рівни́на́.

раґа́ш горная дорога (Дубр.).

ра́па скала (Желех., Граб., Анк. Жт 8).

ребро́ склон горы, кручи, скалы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Жт 4, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 10 Крв 4, 9, 10, 29, 37, 46 Лв 1 Чрк 4 Чрнг 4).

ревуча долина потока (Анк. Кв 4).

ринь насыпь — «odsypisko» — на реке Днестре, нанесенная водой из оврага, который имеет выход в русло реки; ринь состоит обычно из песка и камней величиной с кулак (Кремер) *см.* еще рінь.

ри́па 1. крутой отвесный берег (Шух., оттуда же Гринч., Желех., Рудн., Янув, Ze stos., Анк. Крв 28 Од 1); 2. круча, обрыв (Гринч., Желех., Рудн.); 3. обрывистая скала (Граб.); 4. овраг (Моск., Бабыш., Анк. Крв 33); 5. углубление почвы неопределенной формы (Гринч., УРС, Моск., Анк. Дн 1 Ив.-Фр. 1 Крв 10, 23); 6. гора, не зарослий лесом пригорок (Дейна); 7. «зарване місце в березі, ein steiler überhängender Uferheil» (Врх. Зн.) *см.* еще ріпа.

рипи горы, верхушки (Желех.).

ри́твина 1. углубление на дороге, выбитое колесами (УРС, Анк. Кв 5 Хрк 1); 2. рытвина (Анк. Крв 17).

ритві́нь перерытая барсуками или дикими кабанами земля (Нимч.)

ришта́к 1. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Жт 16); 2. канава для стока воды (Гринч.) *см.* еще рішта́к.

рів 1. ров (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3 Кв 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, Лв 2, 6, 7, 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 2,3 Рв 1, 2, 3, 4 Тр 1, 4, 5, 6 Хм 1, 3, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 13); 2. овраг (в общем значении) (Анк. Лв 2 Тр 1, 2 Хм 5); 3. небольшой овраг (Анк. Лв 3 Тр 6); 4. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Вл 1 Ив.-Фр. 1 Крв 49 Лв 5. 7); 5. углубление на дороге (Анк. Дн 2); 6. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 32, 44); 7. углубление круглой формы (Анк. Крв 22) *см.* еще ров, рови.

рíвень 1. равнина (в общем значении) (Анк. Дн 1 Жт 6, 12 Лв 8 Тр 5 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 5); 2. мокрая низменность (Анк. Крв 37).

рíвець ров (Анк. Лв 3).

рівни́на́ 1. равнина (Гринч., Желех., УРС, Рудн., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1, 2, 5, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2, 4 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 Крв 2, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 39, 42, 43, 44, 47, 50 Лв 2, 3, 5, 7, 8 Нк 2, 3, 4 Пл 2, 3 Тр 4, 5 Хм 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 13, 15); 2. низменность возле реки (Анк. Крв. 32) *см.* еще **равнина, рíмнина́**.

рівнота́ равнина (в общем значении) (Желех., Анк. Зп 4 Крв 18 Лв 8) *см.* еще рíмнота́, ровнота.

рíвня равнина (в общем значении) (Рудн.).

рівня́ва равнина (в общем значении) (Гринч., Желех., УРС).

рівча́к 1. небольшой ров (Гринч., Желех., УРС, Анк. Дн 1 Зп 1, 7 Крв 4, 8, 12, 25, 27, 42, 43, 47 Хм 1); 2. долина потока (Анк. Крв 2, 6, 14, 50); 3. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 32); 4. ручей (Гринч.); 5. желобок (Писк.) *см.* еще ровчак.

ріг 1. предгорье (Желех.); 2. острая вершина (Анк. Вн 9).

рімнина́ (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 1, 5, 6 Зп 4, 5, 6, Кв 9 Крв 4, 9, 10, 18, 28, 42 Лв 2, 3, 5 Рв 3, 4 Тр 1, 2, 3, 5, 6 Хм 8 Чрк 4) *см.* **рівни́на́ 1**.

рімнота́ (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 1, 6 Крв 10 Лв 8 См 1 Хм 6 Чрк 4) *см.* **рівно́та́**.

рін *м. р. см.* рінь 2, 3.

рінець галька, гравий, булыжник (Желех.).

рінниця каменистая гора (Анк. Лв 3).

рінь 1. возвышенность из белого камня — «опоки» (Анк. Лв 3); 2. берег, покрытый галькой (Врх. Лем.) 3. отложения гальки (Врх. Лем.); 4. мелкие камешки (Дейна); *см.* еще **ринь**, рін.

рíняк галька, гравий, булыжник (Желех.).

рíпа (Желех.) *см.* ри́па.

рíчиско прежнее русло реки (Желех.).

рíчи́ще 1. прежнее русло реки (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 8, 11 Зп 3, 5, 6 Кв 4, 9, 10, 12 Крв 4, 8, 10, 16, 17, 18, 20, 27, 29, 35 Лв 8 Нк 3 Пл 1, 2 См 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 13, 14); 2. ров (Лыс.).

рішта́к (Пал.) *см.* ришта́к 2.

рнучка углубление в скале, из которого течет вода (Анк. Кв 10).

ро́блениця насыпная горка, курган (Гринч.).

ров (Анк. Зп 2 Крв 11 См 1, 2, 3 Чрнг 3, 6, 15) *см.* рів 1.

ро́вень равнина (в общем значении) (Врх. Лем., оттуда же Гринч., Желех.; Анк. Лв 1, 8).

рови (Анк. Чрнг. 15) *см.* рів 1.

ро́вінь (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Врх. Марм., Желех., Рудн.) *см.* ро́вень.

ровнота (Анк. Чрнг. 5) *см.* рівнота́.

ровок небольшой овраг (Анк. Чрнг 11).

ровчак 1. (Анк. Чрнг 3) *см.* рівча́к 1; 2. (Анк. Чрнг 2, 5) *см.* рівча́к 2; 3. пропасть (Жилко); 4. (Жилко) *см.* рівча́к 4.

родник углубление в скале, из которого течет вода (Желех., Анк. Зп 2, 5, 6 Кв 12).

родовід крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз (Анк. Лв 3)

розверте́па глубокая пропасть (Кмит, Врх. НЗн.).

ро́зділ 1. низменное место на равнине (Анк. Лв 3); 2. углубление, долина (Желех.); 3. горный обрыв (Желех.); 4. проход в горах (Желех.).

роздо́л 1. (Гринч., УРС) *см.* ро́зділ 1; 2. широкая низменность (Анк. Чрк 4); 3. долина (УРС, Анк. Тр 4).

роздолина широкая низменность (Анк. Вн 4).

роздо́лля 1. широкая низменность, долина (Гринч., Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 14 Жт 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 4, 6, 7, 8, 9 Крв 2, 4, 7, 8, 9, 10, 14, 16, 17, 18, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 36, 39, 41, 42, 45, 46, 47, 49, 50, 51 Лв 3, 8 Нк 1 Пл 2, 3 Рв 4 Тр 1, 2 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3,4 Чрнг 1, 2); 2. глубокая впадина (Желех.).

розко́лина 1. углубление в скале (УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 9 Крв 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 37 Лв 1, 2, 3, 6, 7, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2); 2. ущелье (Желех.).

розліг низменность возле речки (Анк.Вн 9).

розпа́дина расселина (Гринч., УРС).

розпа́лина углубление в скале (Гринч., УРС, Желех., Анк. Дн 1 Лв 8 Нк 2).

розсо́ха 1. «клива» (Врх. Зн.); 2. место, где что-нибудь раздваивается, развилка (Гринч.).

розті́чка небольшая поперечная долина (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Желех.).

розчо́лина 1. гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Гринч., Анк. Вн 5 Дн 4 Жт 3, 10, 11, 12 Кв 3 Лв 8 Тр 4); 2. долинка между двумя хребтами гор (Граб.).

розчолини (Шух.) *см.* розчо́лина 1.

рокита гора, на которой звучит эхо (Федьк.) *ср.* «Рокита гора» (Шух.).

руда́ 1. заболоченная низменность (Анк. Вн 2, 9 Жт 9 Хм 5); 2. ржавое болото на берегу (Гринч., Лыс. ДБ V, Пал.).

ру́дка 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Чрнг 1, 2); 2. ржавое болото (Гринч.).

рутка выбоина, наполненная водой (Анк. Ив.-Фр. 2).

ряжі́ каменные насыпи, насыпаемые на реке для образования правильного русла (Анк. Зп 10 Дн 15).

са́га́ 1. углубление с природной водой, где водится рыба (Дорош.); 2. песчаный берег речки (Анк. Дн 4); 3. речной залив (УРС, Гринч.); 4. морской залив (Желех.); 5. болото, трясина (Желех.); 6. болотистое место в плавнях, где растет камыш (Моск.).

са́жа́вка 1. углубление (без подробного описания) (Анк. Чрнг 3); 2. колодец для собирания воды (УРС); 3. рыбный садок, пруд (Гринч., УРС, Желех.).

са́жалка 1. выкопанная на низком месте канава для воды (Приййм., Лыс.);

2. низменность (без подробного описания) (Анк. Чрнг. 3); 3. (УРС) *см.* са́жа́вка 2; 4. (Гринч., УРС, Желех.) *см.* са́жа́вка 3.

сегельба место с выкорчеванным и выжженным лесом (УРС).

си́гла 1. возвышенный луг (Анк. Лв 1); 2. горный лес (Желех., Врх.Зн.); 3. густой лес (Граб., Рудн.).

сінокіс низменность на берегу реки (Анк. Жт 2).

скала́ 1. каменная гора с открытыми выступами (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вн 4, 7 Жт 1 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Крв 18, 19, 23, 24, 25, 34, 41, 46, 47, 48, 51 Лв 1, 7, 8 Хм 1, 3, 6, 7 Чрнг 1, 3); 2. крутой отвесный берег (Анк. Лв 1); 3. большие камни (Анк. Вн 7 Крв 19).

ска́лля камни, обломки скалы (Врх. Зн., Лем., оттуда же Гринч.; Желех., Врх. Марм.,УРС, Анк. Вн 2, 3, 4, 6, 8 Жт 3, 4, 6, 10, 11 Зп 4 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 2, 9 Лв 8 Крв 28, 29, 30, 37 Чрк 3, 4).

скалуба трещина, щель, расселина (Дубр.).

скалубина скважина, трещина (Гринч.).

скалюка 1. отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Крв 35); 2. большие камни (Анк. Крв 3).

ска́рпа 1. крутая вершина горы (Анк. Рв 1, 2); 2. внутренний склон рва (К.-Ч.).

скели́на скала (УРС, Желех.).

скелище утес, большая скала (Дубр.).

ске́ля скала (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 4, 5, 6, 7 Кв 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 23, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46 Лв 6, 8 Нк 1, 3 Од 1 Пл 3 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрс 1 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2).

скіпе́ць 1. ямка (УРС); 2. небольшая кучка земли, метка (Анк. Зп 4); 3. ямка для обозначения границы земли (Гринч.).

склезь крутая скала (Желех.).

склеп 1. скалистое неприступное место (Граб.); 2. скала (Дзендз.).

склепіке скалистое неприступное место (Граб.).

склепіте отлогий склон горы (Граб.).

склима очень крутой склон, обрыв (Нимч.).

склін склон, круча, косогор (Желех.).

ско́ки выступающие камни, подводные скалы в реке, пороги (Гринч., Граб.).

скосогі́р 1. покатость (о поверхности земли) (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1, 4 Жт 4, 6, 12 Зп 5, 6 Пл 2 Чрнг 4); 2. крутое взгорье (Анк. Хрк 1).

скрут 1. недоступная вершина горы (Желех., Федьк.); 2. излучина, извилина в реке (Врх. НЗн.).

слизина крутой отвесный берег (Анк. Лв 3).

слу́два скала, сталактит (Желех.).

слудва́не большие камни — «велике каміння» (Граб., Анк. Жт 6).

сніз небольшая возвышенность между долинами (Рудн.).

сокіл 1. высокая и отвесная скала (Г у ш а л е в и ч. Любовь родимой земли. Журн. «Зоря Галицкая, яко альбум на год 1860». Львов, 1860); 2. выступ гранита (Бабыш.); 3. гора (Беринда).

солоне́ць заболоченная низменность (Анк. Кв 3).

солонці (Анк. Кв 4) *см.* солоне́ць 1.

спад скат, покатость, уклон (Дубр.).

спа́дина отлогость, пологость, покатость (УРС, Дубр.).

спуск склон горы (Анк. Кв 11 Чрнг 3).

став место, где раньше был пруд (Анк. Жт 17).

стави́дло место, где раньше был пруд (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Кв 12 Крв 36 Пл 2 Хрк 1 Чрк 1, 4).

стави́ська низменность возле реки (Анк. Тр 6).

стави́сько 1. место, где раньше был пруд (Анк. Вн 4); 2. низменность (без подробного описания) (Анк. Тр. 4).

стави́ще место, где раньше был пруд (Гринч., Желех., Анк. Вн 4, 5, 7 Жт 4, 6, 7, 11 Зп 5, 6 Кв 3 Крв 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 26, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 49 См 4 Тр 6 Хм 1, 4 Чрк 4 Чрнг 4, 5).

ставок углубление на месте пруда (Анк. Вн 2, 3 Жт 12 Зп 2 Ив.-Фр. 1 Лв 1 Хм 5).

стари́к старое русло реки (Гринч., Анк. Кв 5, 6, 10, 12 Пл 2 Чрнг 9).

сте́па 1. обрыв (Желех., Врх. Зн., Анк. Жт 3); 2. скала, гора (Граб., Врх. НЗн.).

степок возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Анк. Вн 9 Кв 4).

стійло горная равнина, пастбище (Анк. Тр 4).

стік долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Лв 3).

стіна 1. крутой склон горы (Анк. Лв 3); 2. крутой обрывистый берег (Анк. Крв 5).

стінка 1. крутой склон горы (Гринч., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 4, 6, 10, 11 Кв 3, 10 Лв 8 Нк 2 Тр 6 Хрк 1 Чрк 3, 4, 5); 2. крутой отвесный берег (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 10 Кв 10 Крв 8, 18, 28, 42, 43, 50, 51 Нк 2 Чрк 5); 3. холм с рощей (Янув, Wpływ); 4. отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Крв 49); 5. кусты на склоне горы, прибрежные кусты (Желех.); 6. лесок над кручей (Моск.).

сторц выступающие скалы (Врх. Лем.).

стремено́ пропасть, крутой склон (Желех., Врх. Зн.).

стре́мно (Желех.) *см.* стремено́.

стре́м'я пропасть, крутой склон (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех., УРС, Анк. Жт 4, 6 Чрк 4).

стрім пропасть (Желех., Рудн.) *см.* еще стром, стро́ма́.

стрімляк шпиц (Дубр.).

стрімча́к утес (УРС).

стріп 1. выдвинутая вперед часть горы между потоками (Рудн.). 2. куча (Шух.).

стром круча (Гринч., Желех., Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 5, 8 Рв 1, 2) *см.* еще стрім.

стро́ма́ стремнина (Гринч., УРС, Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 8).

строми́на 1. крутой склон, пропасть (Желех., УРС, Граб., Анк. Жт 6); 2. крутой и скользкий склон горы (берег?) — «стіна» (Федьк.).

стромовúна крутизна, крутые зубцы обрывистых гор (Гринч., УРС, Желех.).

стрýга 1. небольшой ров (Лыс.); 2. ручей, струя (Гринч.).

стружка болотистая впадина, наполненная водой (П. Колесник. Терен на шляху, Київ, 1959, стр. 70).

сувáло оползень — «осовня» (Желех.).

суг впадина в земле, распадина (Граб.).

сýгроб возвышенность, холм (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 11, 12 Крв 18, 41 Лв 8).

сугóрбик небольшая горка, холмик (УРС).

сýгорбок небольшая горка, холмик (УРС, Анк. Крв 3, 8, 41).

сугрóба 1. большая выбоина (Гринч.); 2. углубление на дороге (Анк. Вн. 4, 6 Дн 1, 3 Жт 6, 8, 12 Крв 30 Лв 5 Нк 2 Чрк 4 Чрнг 1).

схил склон горы (УРС, Анк. Вн 1, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Лв 2, 3, 5, 8, Нк 4 Пл 2 Рв 1, 2 См 1, 4 Тр 5 Хм 1, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 13, 14); 2. крутая гора (Анк. Тр 5).

схили (Анк. Чрнг. 6) *см.* схил 1.

схúлок склон, спуск (Гринч., УРС, Желех., Врх.Зн.,Анк.Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6, 10, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 3 Кв 10 Крв 9, 17 Лв 2, 8 Пл 2 Рв 1, 2 Чрк 3,4).

сховище глубокая яма (Анк. Тр 4).

сцінка (ścinka) 1. молодой лес, который вырос на месте вырубленных деревьев (Янув, Gwara); 2. скала, заросшая молодым лесом и кустами (Янув, Ze stos.) *см.* еще стíнка.

сцянка (scianka) небольшой лесок на отлогом склоне оврага (Кремер).

тáрнúця 1. седловина между двумя горами (Лымар.); 2 гора (без подробного описания) (Анк. Ив.-Фр. 1).

тáрнічка седловина между двумя горами (Лымар.).

тáтра скала (Желех., Рудн.).

тáтри «шкали, вертепи» (Врх. НЗн.).

терáса терраса (УРС, К.-Ч., Анк. Вн 4 Дн 1, 3 Жт 3, 6, 12 Зп 4 Хрк 1).

тіснúна узкий проход между горами (УРС, Анк. Вн 6 Жт 6 Лв 5 Нк 2).

тóва 1. глубокое вымытое ложе реки (Врх. Лем.); 2. стоячая вода, заросшая травой (Врх. Зн. УР).

толóка 1. горная равнина, пастбище (Анк. Вн 1, 7); 2. пастбище (Гринч., УРС, Штибер).

толтри скалистые холмы (Кремер).

топило ложбина с водой (Писк).

торфовище низменность (без подробного описания) (Анк. Ив.-Фр. 3),

травнúця низменность, заросшая травой (Анк. Лв 3).

трісучка заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

тріщина углубление в скале (Анк. Вн 8 Зп 7 Крв 6).

трóщі низина, заросшая осокой (Анк. Ив.-Фр. 3).

трясина заболоченная низменность (Анк. Крв 1, 25).

трясовина заболоченная низменность (Анк. Вн 4 Крв 6, 7, 14, 18, 23, 25, 34, 45, 46 Хм 4 Чрк 4 Чрнг 15).

тупичина низменность между двумя возвышенностями, сходящимися друг с другом под тупым углом (Анк. Вн 4).

турні обрывистые скалы, кое-где заросшие лесом (Врх. Лем.).

турня (Врх. Лем.) *см.* турні.

туча долина потока (Анк. Кв. 10).

тягла низменность (без подробного описания) (Анк. Тр 4).

у́біч 1. косогор (Гринч., Рудн., Анк. Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 1 Лв 8); 2. пропасть (Рудн.).

убі́чка холм (Рудн.).

ува́л 1. склон (Гринч., Анк. Кв 3 Лв 8 Хрк 1); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Дн 1 Жт 4, 6).

у́віз дорога в овраге (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех.).

углиблення долина потока (Анк. Кв 3).

углиблина углубление в почве неопределенной формы (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 1 Жт 6 Ив.-Фр. 4 Кв 4, 5 Лв 8 Чрк 4).

удавлина углубление в почве неопределенной формы (Анк. Кв 1).

у́збіч склон горы (Гринч., Граб., Анк. Дн 3).

узбі́ччя склон горы (УРС).

узви́шшя возвышенность, холм (УРС).

узві́з 1. подъем на гору (Гринч., УРС); 2. гора (Желех.); 3. пропасть (Желех.); 4. возвышение на дороге (Анк. Дн 1 Зп 5, 6 Кв 5, 6, 7, 10 Крв 14, 19, 20, 26, 47 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 5); 5. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 40); 6. дорога в ложбине (Гринч., Врх. Зн.).

узгі́р'я 1. склон горы (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1 Жт 1, 3, 4, 6, 10, 11, 12 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 9, 10 Лв 2, 3, 8 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 13); 2. возвышенность, холм (Желех., УРС).

у́леть крутая скала (Врх.НЗн.).

уло́га 1. впадина, углубление (Гринч., Анк. Ив.-Фр. 4, Лв 8); 2. ровное поле (Граб.); 3. залежное поле (Желех.).

у́ло́ги 1. каменные котловины амфитеатрального вида в юго-восточной ветви галицких Карпат (Гринч.); 2. котловины, в которые сыплются камни (Шух.); 3. луга (Желех.).

у́ло́говина 1.впадина, котловина (Гринч.,УРС,Анк. Дн 3 Жт 1 Кв 3 Крв 9, 11, 42 Чрк 1); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Чрнг 3).

уло́жина низменность (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1 Жт 6, 11 Нк 2 Чрк 4).

улягу́вина впадина, котловина (Гринч.).

упадина углубление на вершине горы (Анк. Крв 39).

упе́ка скала (Рудн.).

у́рви́сько (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 5 Жт 1, 6, 10, 12 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 9 Крв 4, 31, 32, 33 Лв 5, 8 Рв 1, 2 Тр 4, 6).

у́рви́ще 1. круча, пропасть (УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8, Дн 4 Жт 1, 6, 10, 12 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Крв 1, 3, 4, 13, 18, 20, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 41, 45 Лв 5, 8 Рв 1, 2 Тр 6 Хрс 1 Чрк 1, 4, 5); 2. глубокий овраг (Анк. Жт 1 Крв 5, 8).

у́ров ущелье с нависающими скалами (Желех.).

урови пропасти, обрывы (Федьк.).

уровище пропасть (Желех.).

урочище 1. луг (Желех.); 2. долина (Желех.).

ухаб выбоина (Лыс.).

ухаба углубление на дороге (Анк. Кв 3).

ущелина 1. ущелье (УРС, Анк. Вн 2, 3, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 5 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 6, 9, 10, 12 Крв 1, 4, 6, 8, 13, 15, 16, 17,18, 19, 20, 21, 25, 28, 29, 32, 33, 34, 36, 37, 41, 50 Лв 1, 2, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Тр 5 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 2); 2. крутой склон горы, круча (Анк. Крв 10); 3. подножье горы (Анк. Крв 30).

ущілина (Анк. Дн 6, 8) *см.* ущелина.

ущілля узкая и глубокая расщелина в горах (Анк. Крв 11, 46).

ущелье (Анк. Зп 2) *см.* ущілля.

фоса 1. ров, яма (Гринч., Желех, УРС, Анк. Вн 4, 8 Жт 1, 5, 7, 12 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Лв 1, 2, 3, 5, 7, 8 Рв 4 Тр 5, 6 Чрк 1); 2. ровик, прокопанный для стекания воды из озерца (Моск.);3.ров, канава, которыми обкапывают участки поля, чтобы защитить его от скота (Лыс. Мат.).

хвоса 1. (Лыс., Анк. Вн 9 См 7) *см.* фоса 1; 2. русло речки (Лыс. ЛБ VI).

хеб хребет горы (Рудн.).

хлань бездна, пропасть (Гринч., Желех., Анк. Жт 10 Лв 2).

ховп небольшая отлогая горка, холм (Врх. НЗн.).

холм небольшая отлогая горка (Желех., К.-Ч.).

царина возвышенное и открытое место (Анк. Вн 9).

чагарник 1. гора, заросшая лесом только на вершине (Анк. Дн 1); 2. овраг, заросший лесом (Анк. Крв 47); 3. низменность, заросшая лесом (Анк. Вн 9); 4. кусты (Гринч., УРС).

череда скалистые и каменистые пороги в Днестре у Ямполя (Желех.).

чолб вершина горы (Граб., Анк. Жт 4 Лв 8).

чоло 1. очень крутой склон горы (Нимч.); 2. вершина горы (Анк. Жт 9).

чолопок вершина горы (Анк. Жт 5, 9 Тр 4).

чубок вершина горы (Анк. Ив.-Фр. 3 Лв 1, 2, 6 Хм 4).

чуга гора без растительности (Анк. Ив.-Фр. 1).

чуркало углубление в скале, из которого течет вода (Анк. Ив.-Фр. 1).

чюга знак на вершинах гор (Шух.).

шанець окоп (Гринч., УРС, Анк. Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Лв 1, 2, 8 Пл 2 Тр 5, 6 Хм 3 Хрк 1).

шапка гора, заросшая лесом только на вершине (Анк. Вн 9).

шарабан 1. углубление на вершине горы (Анк. Крв 15); 2. углубление в скале (Анк. Кв 10); 3. углубление на дороге (Анк. Кв 10).

шельмах холмик, меловая гора (Анк. Тр 3).

шиляга низменное место, заросшее лесом (Прийм.).

шкала 1. обрыв, пропасть (Граб., Рудн.); 2. скала (Граб., Рудн.).

шкалубина щель, расселина (Гринч.).

шкарп искусственная горка (Анк. Ив.-Фр. 1).

шкеля скала (Желех.).

шкепи́тя обломки скал, камни (Желех., Врх. Зн.).

шклепит неприступное место в горах (Граб.).

шкрепіке 1. высокая гора, покрытая мелкими камешками (Граб.); 2. каменистая почва (Граб.).

шпелень вершина (Дубр.).

шпень небольшой холм (Рудн.).

шпиль 1. невысокая круглая горка (Гринч., УРС, Анк. Ив.-Фр. 1 Крв 15 Нк 1, 3 Пл 2 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 2, 3); 2. острая вершина горы (Желех., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 7 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 5 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 1, 3, 4, 9, 10, 13, 14, 15 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46, 47 Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1, 3 Пл 2 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 4 6); 3. крутая гора (Анк. Вн 5 Дн 1).

шпильчак острая вершина горы (Анк. Жт. 10 Кв 10).

шпинь (Анк. Жт 6, 10 Лв 1) *см.* шпінь 1.

шпичак острая вершина горы (Анк. Рв 1, 2).

шпінь, шпени 1. вершина горы (Рудн., Анк. Жт 1, 6, 8 Ив.-Фр. 1 Лв 1 Чрк 3); 2. горный хребет (Граб.).

што́ла глубокая впадина в скале (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Граб., Анк. Лв 8).

штоля́ 1. скала (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Желех.); 2. нависшая скала (Граб.).

што́ле (Врх. Зн., оттуда же Гринч.) *см.* што́лля.

што́лля большие обломки скалы, большие камни (Желех., Граб.).

штольня 1. пещера (Анк. Лв 1); 2. глубокое отверстие в камне (Врх. Зн.)

щелина ущелье (Анк. Вн 1, 4 Крв 24, 44).

щербина 1. углубление в скале (Анк. Лв 1); 2. пропасть, глубокий овраг (Бабыш.).

щоб вершина; макушка (Врх. Лем.).

щовб 1. крутая вершина горы (Гринч., Врх. Лем., Рудн., Жилко, Анк. Ив.-Фр. 2 Крв 22, 35 Лв 1); 2. скала (Гринч., Желех.); 3. возвышенная местность между двумя оврагами, рвами (Моск.).

що́вба (Гринч., Жилко) *см.* щовб 1.

щолб (Граб.) *см.* щовб 1.

що́лба (Гринч.) *см.* щовб 1, 2.

щолопок вершина горы (Гринч., Анк. Кв 10 Рв 1, 2 Чрнг 1, 2, 3).

щомб вершина горы (Анк. Хм 8).

щомбур вершина (Врх. НЗн.).

юр возвышенное и открытое место (Анк. Жт 11 Лв 8 Чрк 3).

я́звина 1. овраг, пропасть (Врх. Зн., оттуда же Гринч.; Желех., Рудн.); 2. пещера (Желех.); 3. долина, вымытая водой (Дейна).

я́ма 1. углубление в почве неопределенной формы (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вл. 1 Вн 4, 5, 6, 7 Дн 1, 5 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4,

6 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16 Крв 1, 2, 3, 4, 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 23, 25, 28, 29, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 3, 6, 7, 8 Нк 4 Пл 2 Рв 4 См 3, 4, 5 Тр 5, 6, Хм 4, 5, 6, 7 Хрк 1 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 2, 3); 2. углубление круглой формы (Анк. Вн 2 Крв 34 Тр 3 Хм 5, 8); 3. долина потока (Граб.); 4. углубление на вершине горы (Анк. Дн 1 Ив.-Фр. 3); 5. углубление на месте водоема (Анк. Крв 18 Лв 2); 6. долина, котловина (Граб.).

я́ми (Анк. Лв 1) *см.* я́ма 4.

ями́на́ выемка, яма (Желех.).

я́мище большая яма (Желех.).

ямка углубление круглой формы (Анк. Жт 1 Чрнг 13).

яндила́ углубление на вершине горы (Гринч., УРС, Жилко, Анк. Вн 4 Жт 4, 11 Рв 1, 2 Чрк 1).

яндола́ (УРС, Жилко) *см.* яндила́.

яр 1. овраг (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 4, 5, 6 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51 Лв 1, 5, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 1 Тр 1, 3, 4, 6 Хм 1, 3, 4, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 4, 6, 13, 14); 2. глубокий овраг (Желех., Анк. Нк 1); 3. глубокий овраг, поросший лесом (Анк. Кв 5).

ярище степной овраг (Анк. Крв 29).

яро́к 1. маленький овраг (Гринч., Желех., Писк.,Рудн., Анк. Дн 4 Жт 9 Кв 9 Крв 12, 16, 23, 27, 29, 43, 47 Лв 1 См 4 Тр 1, 2, 3 Хм 8 Чрнг 4, 6); 2. ручей, поток (Гринч.); 3. водоворот, течение воды (Граб.); 4. углубление неопределенной формы (Анк. Крв. 46 См 4).

яру́га 1. большой овраг (Гринч., Желех., УРС, Кремер, Анк. Вн 1, 6 Дн 1, 3, 6 Зп 4 Жт 3, 4, 5, 8, 11 Кв 9 Крв 9, 10, 36 Тр 4 Чрнг 4); 2. степной овраг (Анк. Лв 8); 3. овраг, заросший лесом (Анк. Крв 22, 28, 30); 4. выбитая водой сухая впадина (Врх. Зн. УР); 5. пропасть, обрыв (Врх. Лем.); 6. ров, канава (Врх. Лем.).

ярь глубокая и узкая долина (Анк. Чрк. 3).

яски́ня пещера (Писк., Врх. Лем.).

А. К. Антонович

КРАТКИЙ ОБЗОР БЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ, ПИСАННЫХ АРАБСКИМ ПИСЬМОМ

Белорусские тексты, написанные арабским письмом, связаны своим происхождением с так называемыми литовскими татарами [1], поселившимися в Литве и Белоруссии в XIV — XV вв. и проживающими здесь до настоящего времени. Принято считать, что некоторая часть татар оказалась в Великом княжестве Литовском в качестве военнопленных, другие же из них прибыли сюда как добровольные переселенцы.

Татары, проживая в Великом княжестве Литовском, забыли родной язык и стали пользоваться белорусским и польским языками. Сведения об этом имеются в источниках XVI — XVII вв. Высказывания по интересующему нас вопросу содержатся в докладной записке неизвестного литовского татарина, паломника в Мекку, посетившего в 1558 г. Турцию, зятю турецкого султана Рустему Паше. В ней описывается положение татар в Литве во времена царствования короля польского и великого князя Литовского Сигизмунда Августа (1520—1572) [2]. Имеются такие сведения и у турецкого историка XVII в. Ибрагима Паши [3]. В этих источниках совершенно определенно указывается на то, что основная масса литовских татар в XVI—XVII вв. не только не знала арабского языка, которого, впрочем, широкие слои татарского населения никогда не знали [4], но и забыла татарский язык. Вот почему белорусский язык стал и разговорным языком мно-

---

[1] *В научной литературе татар, проживавших в Литве и Белоруссии, называют обычно литовскими татарами. В статье и мы употребляем этот условный термин. Иногда этих же татар называют польскими татарами и белорусскими татарами.*

[2] А. *Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857; то же. Одесса, 1902; он же. Zdanie sprawy o Tatarach Litewskich. «Teka ńska». Wilno, 1858, IV, 241—272; V, 121—179; VI, 139—183.*

[3] *H. S. Szapszał. O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce. «Rosznik Tatarski», t. I. Wilno, 1932, стр. 34—38.*

[4] *Ср. рецензию Я. Шинкевича на работы Я. Станкевича в «Rocznik Tatarski», t. II. Zamość, 1935, стр. 453—455.*

гих колоний литовских татар, и языком некоторых видов мусульманской религиозной литературы (описаний мусульманских обрядов и ритуалов, катехизисов, легенд и т. п.), а также восточной светской литературы (рыцарских повестей, приключенческих рассказов, оракулов, объяснений снов, определений счастливых дней месяца, недели и т. д.). Богослужебным языком и языком ежедневных молитв был арабский, а позже турецкий язык. Для иллюстрации того, до какой степени татары не отличали арабского языка от турецкого, приведем здесь одно место из статьи А. Н. Самойловича: «По рассказам Я. М. Шинкевича, литовские татары заучивают изусть или читают религиозные тексты, не различая в них, за исключением мулл, арабских от некогда родных им турецких. Ознакомившись с последними элементами в Ленинградском университете, Я. С. Шинкевич к удивлению своему убедился в том, что особенно затруднявшие его в детстве молитвы оказались не на арабском, а на турецком языке» [5]. Коран также принадлежит к тому виду религиозной литературы, которая переписывалась на арабском языке, но под арабской строкой помещался перевод на употребительный в данное время в определенной среде язык [6]; и этот вспомогательный текст писался арабскими буквами. Арабскими же буквами писались и переписывались и разные другие тексты, переведенные на белорусский язык.

Первым ученым, обратившим внимание на такого рода рукопись, был немецкий востоковед О. Флейшер, обнаруживший в библиотеке Лейпцигского университета рукописную книгу, в которой кроме татарских и арабских текстов были, как показалось О. Флейшеру, и польские тексты. Сведения об этой рукописи находим в письме И. И. Срезневского от 7 апреля 1840 г. известному чешскому слависту Вячеславу Ганке [7]. Из всех приведенных в письме материалов видно, что рукопись представляет собой так называемый хамаил (мусульманский молитвенник). О ее языке по имеющимся там данным судить трудно. Много сведений о белорусских и польских текстах, писанных арабским письмом, находим в названных уже нами работах А. Мухлинского. В одной из них («Исследование...», стр. 29) указывается, что «имеются молитвенники и другие сочинения религиозного содержания с переводами на польский язык или на русско-литовское и русско-украинское наречия в довольно значительном количестве, так что можно было бы составить из книг этого рода маленькую библиотеку». В этой же книге (стр. 62—70) даются образцы польских и белорусских текстов.

---

[5] *А. Н. Самойлович. Литовские татары и арабский алфавит. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 3. Баку, 1926, стр. 3—7.*

[6] *Такие тексты имеются и на польском языке.*

[7] *В. А. Францев. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 945—947.*

Наконец, в 1915 г. Иваном Луцкевичем был найден в окрестностях Вильнюса в сел. Сорок-Татары у муллы С. Полтаракевича сборник белорусских текстов, так называемый китаб, писанный арабским письмом. Появившаяся в печати информация И. Луцкевича [8] о его находке вызвала большой интерес к такого рода рукописям. На эту информацию двумя статьями откликнулся Е. Ф. Карский [9]. В этих статьях Е. Ф. Карский использовал материал, приведенный в статье И. Луцкевича, и, ссылаясь на информацию И. Ю. Крачковского, сообщил о рукописях Ленинградского (тогда еще Петроградского) университета № 867—869 и 893 (у Карского, а позже и у Крачковского ошибочно указывается не 893, а 883) и об опубликованных А. Мухлинским белорусских текстах. О четырех рукописях литовских татар, хранящихся доныне в библиотеке восточного факультета Ленинградского университета, упоминается в двух статьях и И. Ю. Крачковского [10]. В. Вольский [11] в белорусском журнале «Узвышша» описал одну рукопись и опубликовал находящийся в ней восточный приключенческий рассказ. В 30-е годы Я. Шинкевич [12] сообщил о китабе 1792 г., описал его содержание и опубликовал несколько рассказов. Али Воронович [13] описал содержание трех больших китабов. Особо нужно отметить большую монографию С. Кричинского [14] о литовских татарах, где имеется очень много материала, относящегося к теме настоящей статьи.

Известный польский востоковед А. Заёнчковский [15] в 1951 г. сообщил о хамаиле, хранящемся в Варшаве, дал его описание, привел образцы польского и белорусского текстов, обратив особое внимание на тюркские языковые элементы в нем. О неизвестных до сих пор экземплярах китабов сообщил М. Конопацкий [16].

---

[8] *І. Луцкевіч. Ай Кітаб. «Зборнік Наша Ніва». Вільня, 1920, ст. 28—31.*

[9] *Е. Ф. Карский. Белорусская речь арабским письмом. «Белорусы», т. III, ч. 2, 1921, стр. 239—240; Белорусская речь арабским письмом. «Ученые записки высшей школы г. Одессы», т. II. Одесса, 1922, стр. 1—2.*

[10] *И. Ю. Крачковский. Белорусская речь арабским письмом. «Восток», кн. I, Пг. 1921; он же. Рукопись корана в Пскове. «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 167—168; он же. Избранные сочинения, т. I. М.— Л., 1955, стр. 162—165.*

[11] *В. Вольскі. Наконт нацыянальнай літаратуры беларускіх татар. «Узвышша», № 4. Мінск, 1927, стр. 135—146; он же. Асноўныя прынцыпы арабскай транскрыпцы беларускага тэксту ў «кітабах». «Узвышша», № 6. Мінск, 1927, стр. 189—193.*

[12] *J. Szynkiewicz. O kitabie. «Rocznik Tatarski», t. I. Wilno, 1932, стр. 188—194.*

[13] *A. Woronowicz. Kitab Tatarów litewckich i jego zawartośc. «Rocznik Tatarski», t. II. Zamośc, 1935, стр. 376—394.*

[14] *S. Kryczyński. Tatarzy litewscy. «Rocznik Tatarski», t. III. Warszawa, 1938. стр. 338.*

[15] *A. Zajączkowski. Tak zwany chamaił tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie. «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», t. LII, 4. Kraków, 1951, стр. 307—313.*

[16] *М. Канапацкі. Помнікі арабска-беларускай пісьменнасці. «Ніва». Беласток, 1963, № 20; см. также: M. Konopacki. O muzułmanach polskich. «Przegląd Orientalistyczny», № 3. Warszawa, 1962, стр. 225—240.*

В свое время А. Шлюбский и Л. Цветков также сообщили о виденных ими такого рода текстах [17].

Изучением языка китаба И. Луцкевича и публикацией его текстов занимался Я. Станкевич [18].

Поскольку в задачу настоящей статьи не входит давать полной библиографии о литовских татарах и их литературе, мы ограничились перечислением только таких работ, которые прямо или косвенно связаны с открытием новых белорусских и польских текстов, писанных арабскими буквами.

Ниже дается описание доступных нам в настоящее время белорусских текстов. Описываемые нами в настоящей статье рукописи располагаем по местам их хранения в настоящее время. Начнем с рукописей, хранящихся в библиотеках Вильнюса.

К наиболее известным в научной литературе рукописям принадлежит упомянутый уже нами китаб И. Луцкевича. До 1945 г. рукопись находилась в Белорусском музее им. И. Луцкевича в Вильнюсе. В настоящее время она хранится в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литовской ССР (рис. 1). Ее современная сигнатура F 21—814. Формат рукописи в лист. Она без начала и конца. Недостает одного листа и в середине рукописи. Это последний лист поэтической легенды о вознесении Магомета в небо («Ме'радж»). Сравнение с текстами этой же легенды в других китабах показывает, что в нашем китабе не хватает 15 конечных строк. Всего сохранилось 138 листов рассматриваемой рукописи, некоторые из них сильно повреждены (например, 26, 27, 94, 95, 116, 117, 123, 124). Текст большей части рукописи сохранился хорошо и читается легко. В 1956 г. рукопись реставрирована в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в Ленинграде. Сравнение текста после реставрации с осуществленными ранее публикациями того же текста показывает, что работа проведена очень тщательно. Много неудобств для исследователей этой рукописи вытекает из-за путаницы в нумерации ее листов. Как видно из публикаций текстов, осуществленных Я. Станкевичем, а также из примеров, приводимых в его статьях, до реставрации нумерация листов шла справа налево, как это обычно бывает в арабских рукописях. Большинство листов имеет нумерацию, согласованную с содержанием рукописи. Такого согласования нет в публикации легенды «Ме'радж» в журнале «Slavia» (Praha, Roč. XII, 1933—1934, стр. 374—390). Согласно ходу по-

---

[17]. *А. Шлюбскі. Беларуская мова арабскай транскрыпцыяй. «Наш край», № 6—7. Мінск, 1926, стр. 51—53; Л. Цвяткоў. Некалькі слоў аб менскіх татарах. «Наш край», № 6-7, 1927, стр. 10—11.*

[18] *J. Stankevič. Přispěvky k dějinam běloruskeho jazyka na zakladě rukopisu «Al-Kitab». «Slavia», Ročnik XII. Praha, 1933—1934, стр. 357—390; Я. Станкевіч. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. «Гадавік Беларускага Навуковага таварыства ў Вільні», I, 1933, стр. 111—141; J. Stankievič. Mova rukapisu «Al-Kitab» Kryvickaha muzeju Ivana Luckieviča ŭ Vilni. «Veda», New York, 1952, стр. 25—31, 55—62, 89—95, 146—152, 236.*

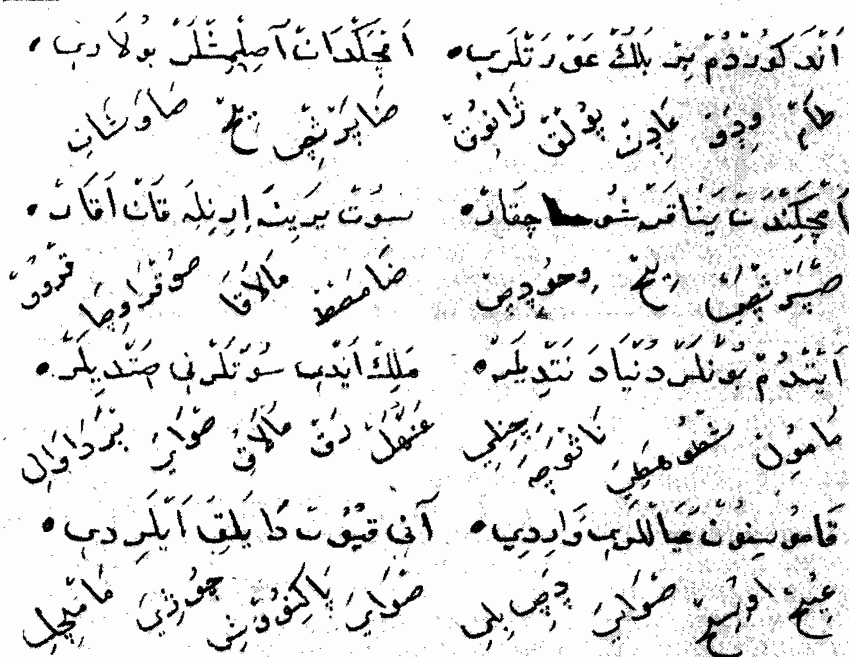

Рис. 1. Образец письма. Часть стр. 111б китаба библиотеки АН Лит. ССР Первая половина XVIII в. (ср. рис. 7)

вествования, а также расположению текста этой же легенды во многих других китабах, листы должны следовать не от 107б до 134б в порядке натурального ряда чисел, как это имеет место в названной публикации, а в следующем порядке: 107б—117б, 125а—134б, 118а—124б.

В настоящее время нумерация листов рукописи идет слева, направо, т. е. против хода повествования, таким образом их первоначальный порядок перепутан.

В изготовленной нами электрографической копии рассматриваемого китаба листы сложены справа налево по ходу повествования, справа же налево проведена и нумерация листов (1—138). Следует иметь в виду, что в приводимых нами примерах страницы указываются по нашей нумерации, к оригиналу же приложена таблица согласования нумерации листов в нашей копии и в оригинале.

Переходим к вопросу датировки памятника. В статье И. Луцкевича сказано, что текст китаба «пісаны характарам 16 або пачатку 17 веку». Я. Станкевич во всех своих работах рассматривает его как памятник XVI в., не приводя достаточно веских доводов.

Необходимо, однако, отметить, что, как показывает знакомство с содержанием многих китабов, их объем, подбор материала и его расположение в большинстве случаев бывает разным. Все это, видимо, зависело от переписчика, являвшегося одновременно и составителем, а может быть, и от заказчика (особенно объем). Тексты могли включаться в составляемый сборник из разных источников. Вот почему датировка китабов, не имеющих даты, предполагает ответ на два вопроса: 1) когда возникли входящие в состав сборника тексты и 2) когда составлен или переписан сборник.

Что касается первого вопроса, то в отношении как рассматриваемого нами здесь сборника, так и в отношении других сборников, в том числе даже датированных, в настоящее время трудно сказать что-нибудь определенное. Для этого нужно было бы провести текстологическое исследование всех текстов, входящих в интересующий нас китаб, сравнив их с такими же текстами в других китабах.

Не исключена, конечно, возможность, что некоторая часть текстов китаба И. Луцкевича, а возможно и все его тексты, возникли в XVI в.

Что же касается второго вопроса, т. е. времени составления интересующего нас китаба, то анализ водяных знаков на бумаге и другие соображения не позволяют отнести его к XVI в. Водяной знак рукописи (лл. 100, 101, 103, 105, 110, 112, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 136 137 [19]) имеется в недавно законченном альбоме Э. Лауцявичюса [20] под № 2860. Бумага с таким знаком была в употреблении в 1720—1749 гг. (рис. 2 в.). На это же время указывает и другой факт. Рукопись И. Луцкевича и рукопись № 868 Ленинградского университета, как видно из почерка и некоторых особенностей орфографии обоих памятников, написаны одним писцом (см. рис. 1,7). Легко обнаруживаемый в рукописи № 868 (лл. 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11, 15, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 30, 33, 35 и др.) водяной знак и буквы ЕА (лл. 3, 5, 6, 10, 12, 13, 14, 16 17 и др.) в том же альбоме Э. Лауцявичюса обозначены № 2361 (см. рис. 2 г). Бумага с таким знаком была распространена в первой половине XVIII в.

В китабе И. Луцкевича, если не считать очень немногочисленных польских или польско-белорусских текстов, находим чистый белорусский язык с очень небольшим количеством фонетических и лексических полонизмов. Место его написания определяют следующие фонетические и морфологические особенности:

1. Недиссимилятивное аканье с совпадением гласных /*о*/ и /*а*/ после твердых согласных в конечном открытом слоге в одном звуке /*а*/. Исключение составляет окончание род. пад. ед. ч.

---

[19] *Нумерация листов по оригиналу.*

[20] *E. Laucevičius. Popieris Lietuvoje. Vilnius, 1967.*

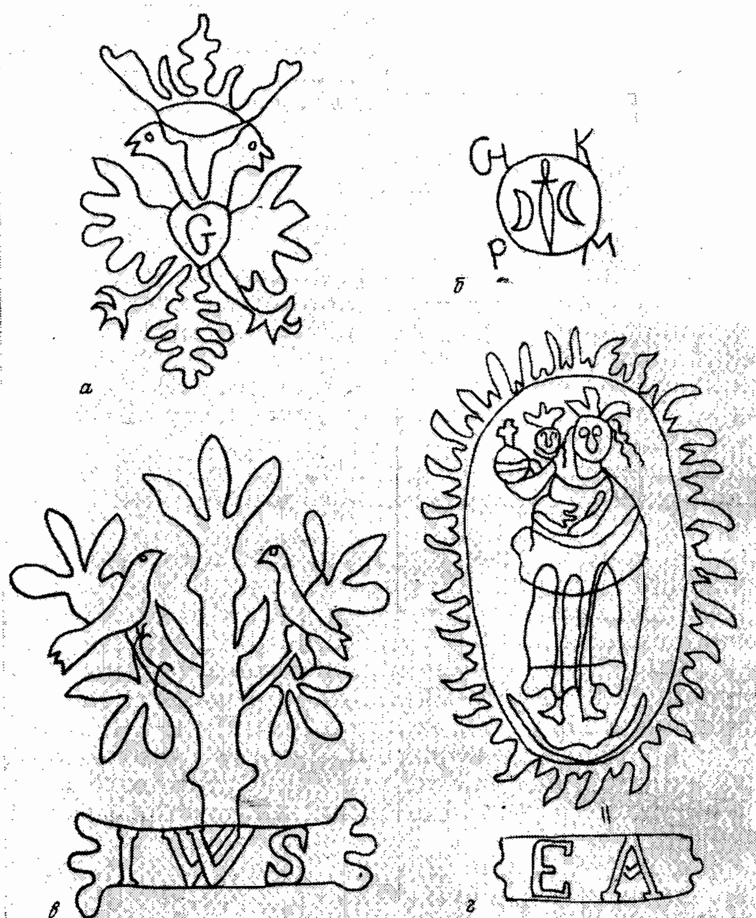

Рис. 2. Водяные знаки

прилагательных и склоняющихся по их образцу местоимений с ударением на корне слова, например [21]: *сӯднагȏ́* 52б1, 111а9, *бō-жегȏ́* 68б9, ʿ*адзинагȏ́* 118а8, *белагṓ* 123а7, но: *ничо̄́га* 84а11.

[21] *По выработанной нами системе транслитерации в приводимых в настоящей статье примерах наклонная черточка над буквами з, к, с, т (з́, з̀, ќ, с́, с̀, т́) указывает на мягкость обозначаемых ими звуков (з), (к), (с), (т). Отсутствие же такой черточки над указанными буквами — на твердость тех же звуков. Мягкость — твердость остальных согласных в оригиналах и в нашей транслитерации не обозначается. Буква г с точкой под нею обозначает взрывной звук (г), бе̨з точки — фрикативный. Горизонтальная черточка над согласной буквой обозначает ее удвоение. Буквой и обозначаются звуки (и) и (ы). Другие диакритические знаки указывают на орфографию оригинала и звукового значения не имеют.*

2. Отсутствие удвоения согласных перед старым сочетанием *ьј*: *при кенану* 47а7, *‘адзене* 33а7, 75а4, *питане* 3а1, *спаćенйе* 29б3, 50б7, *наćенйе* 125б10, *źелйе* 125б8.

3. Преобладание формы 3-го лица ед. ч. глаголов 1-го спряжения без окончания: *майе* 46б9, *чекайе* 59б2, *źваже* 97а7, *пише* 59а7, *прикаже* 3б8, *зайдзе* 4а4, *чӯйе* 75б8. Реже встречаются формы с окончанием *-ць*: *раздзерец* 1б9, *дōйдзец* 9а9, *идзец* 55а5, *речец* 91а12 [22].

4. Наличие окончаний *-аю* и *-ую* в вин. пад. ед. ч. прилагательных ж. р.: *у чистайу źемлу* 73б10, *паслӯгу великайу* 62а11, *‘адзежу чистуйу* 74а5, *на грешнуйу реч* 59б11.

5. Односложное окончание род. пад. ед. ч. прилагательных ж. р. *‘ад хвали бōжей* 63а8, *правдзивей* 5б5. Все это указывает, если исходить из современной группировки белорусских говоров, на юго-западную окраину среднебелорусских говоров, непосредственно примыкающую к литовской языковой территории.

Две интересующие нас рукописи в настоящее время хранятся в отделе рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета. Их номера по каталогу М. Бренштейна 391, 392 (рис. 3).

Рукопись 391 представляет собой китаб. Даты в рукописи нет. Бумага фабричного производства. Судя по водяным знакам на бумаге в виде чисел 18-42, 18-43, обозначающих, видимо, годы изготовления бумаги, можно думать, что рукопись переписана в середине XIX в. На стр. 360 внизу есть запись арабскими буквами без огласовок: «*...ибн Абрагам Карицќи писал ќит̄аб*». В рукописи 360 страниц текста. Формат рукописи в лист. Количество строк на странице разное: стр. 13—247, 249—305 по 19 строк (стр. 57—60 по 22, 69—70 по 21 строке), стр. 321 до конца рукописи (кроме 345—347, 360) по 22 строки.

Обложка картонная, покрытая темно-коричневой кожей. Сохранность книги хорошая. Текст читается легко.

По своим языковым особенностям китаб Карицкого почти ничем не отличается от китаба Луцкевича. Имеются только различия в графике и орфографии. Звуки /*о*/ и /*у*/ обозначаются разными знаками, тогда как в китабе Луцкевича они обозначаются одними знаками. Твердый звук /*з*/ передается арабской буквой *з̣а̄*, а в китабе Луцкевича буквой *д̣а̄д*. Книга написана одним писцом. Письмо красивое, исполненное черной тушью.

С конца 97-й страницы (17-я строка, начиная со слов «*жто куран пейе*») до стр. 326 (2-я строка, кончая словами «*дванац̄ац гре-*

---

[22] *Необходимо отметить, что форма 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения употребляется с окончанием -ць рядом с формами без окончания во всех рассматриваемых нами памятниках, возникших в юго-западной Белоруссии, в том числе в самых южных ее районах, как, например, в Казанском китабе XVII в., в рукописи № 893 Ленинградского университета (также XVII в.). Возможно, что форма с окончанием -ць проникла в язык белорусских текстов, писанных арабским письмом, из старой белорусской кирилловской письменности, где такое окончание было нормой.*

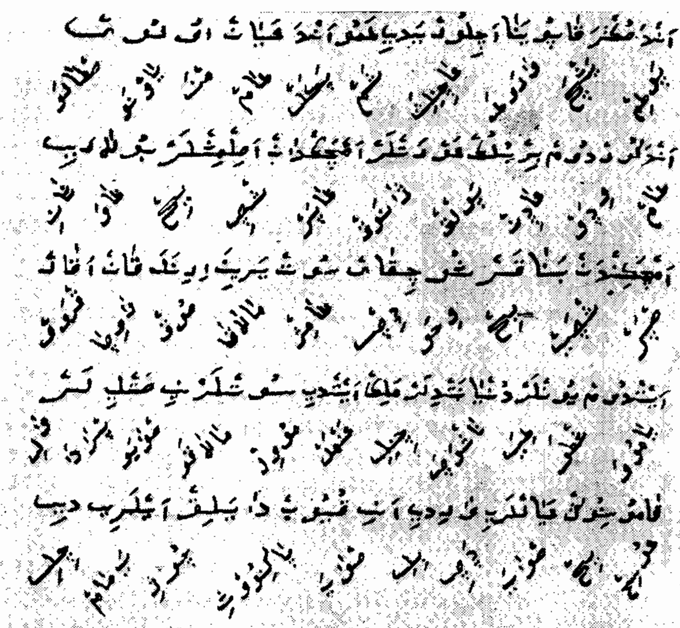

Рис. 3. Образец письма. Часть стр. 278 китаба библиотеки Вильнюсского университета. Середина XIX в.

хов главнейших йест: першейе...») текст китаба Луцкевича и Карицкого совершенно совпадает. Если предположить, что и утраченная часть рукописи Луцкевича так же совпадала с китабом Карицкого, то подсчетом можно установить, что в первом недостает около 92 листов.

Содержание рукописей Луцкевича и Карицкого, как и других китабов, очень разнообразно [23]. Ниже мы постараемся дать некоторое представление о содержании китаба Карицкого (а со стр. 97 по 326 это будет одновременно и содержание китаба Луцкевича). На стр. 1—11 помещена генеалогическая таблица пророков, разных библейских персонажей, имамов, ханов и т. д., в том числе имена *Адама* (стр. 1), *Ибрагима* (стр. 4), *Мухеммеда* (стр. 10). Таблица представляет собой круги разной величины, соединенные между собой линиями. В большом кругу с именем Адама сообщается, в частности, что он *«дзевецсот и тридзеćце лат жил»*. Всего в таблице 277 имен. Главная тематика дальнейших страниц (13—243) — изложение основных догм мусульманства, описание разных обрядов и ритуалов, правила поведения в бы-

[23] *О содержании китабов см. сноску 13.*

ту, нравственно-поучительные рассказы. Для иллюстрации приведем несколько типичных заглавий, помещенных, как это часто делается в китабах, на полях рукописи: *'А божих имонех* (20), *Пан бог миćли ведайе* (215—51б)[24], *Кали хто спитайе* (154—37б) (это катехизис в вопросах и ответах объемом в 15 страниц), *'Ô рōскашах райćких* (63), *Сӯднаго дна трейаќим лудзем страху нет* (235—88б), *Падарожнаму бӯдз рад* (116—12б), *Старога кажнаго шанӯй* (117—13а), *Йак каже пан бог сӯćедав шановац* (115—12а). В этой же части книги находим довольно популярный диалог Магомета с шейтаном — *Прарок питав ӯ шейтана* (190—59б). В обоих китабах имеется и несколько легенд, самой популярной из которых является *«Ме'радж»* (249—97а). В ней рассказывается о вознесении Магомета на небо и его путешествии по семи небесам. Объем — 57 страниц. Другие легенды: *'А Мерйеме* (243—93б), *А ćмерци Мухеме̄да* (317—132б), *'О стваренӯ ćвета* (306—124б). Необходимо еще отметить наличие в китабе Карицкого, как, впрочем, и в других сборниках, текстов с чисто народными поверьями, например о счастливых днях (348), разгадывании снов (337).

В рассматриваемом здесь китабе содержится около 30 страниц польских или польско-белорусских текстов.

В заключение отметим, что китаб Карицкого до сих пор никем не исследован и описывается впервые[25].

Приводим образец одного и того же текста из китабов Луцкевича и Карицкого.

Из китаба Луцкевича, стр. 111б:

Там видзев 'адзин пōлк жанōк за перćци йих завешани. С перćцей йих вихōдзиц замест малака сӯкравица-крōв. Йа [в оригинале *ма*] *мôвил: «Штō гетийе на ćвеце чинилū?» 'Енгел рек: «Малакô свайе предавали, 'у йих ӯćих свайе дзеци билū. Свайе паќинӯвши, чӯжийе мамчили»* (см. рис. 1).

Из китаба Карицкого, стр. 278:

Там видзев 'адзин полк жанок за перćци йих завешани. С перćцей йих виходзиц замиж малаќа сӯкравица-кров. Йа мӯве: «Што тийе на ćвеце чинили?» 'Енгел мӯвил: Малако свайо прадавали, 'ӯćих йих свайе дзеци били. Свайе пакинӯвши, чӯжийе мамчили (см. рис. 3).

Названная уже нами рукопись 392 отдела рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета представляет собой так называемый тефсир (тафсир, тапсир),

---

[24] *Первое число означает страницу, на которой начинается соответствующий текст в китабе Карицкого, а второе — в китабе Луцкевича.*

[25] *На полях лл. 249—305 китаба Карицкого имеются разные карандашные пометы, из которых видно, что кто-то сравнивал нумерацию страниц китабов Луцкевича и Карицкого. Судя по некоторым выражениям в рецензии Я. Шинкевича на статьи Я. Станкевича («Rocznik Tatarski», т. II. Zamość, 1935, стр. 453—455), можно думать, что автором этих помет и был Я. Шинкевич.*

т. е. текст корана на арабском языке с подстрочным переводом его на польский язык. В рукописи 476 листов, их формат 20 × 35,5 см. Переписал коран Али сын Богдана Буцутка (или Буцютка), год переписки 1788. Запись о времени изготовления копии и переписчике находится на обороте 474-го листа внизу. Она сделана арабским письмом без огласовок. В польском подстрочном переводе имеются некоторые белорусские языковые особенности. Например, в суре (разделе) 20, стих 10 находим аканье, полногласие и другие белорусские особенности: *з галавнойу*, *праводника* 247а4. Отрывок польского текста из этой рукописи приводится на стр. 279.

В Историко-этнографическом музее Академии наук Литовской ССР нами выявлено шесть рукописей, частично или полностью белорусских по своему языку. Среди этих рукописей четыре китаба, один хамаил и один словарик-разговорник. В названный музей они поступили из бывшего Караимского музея. В настоящей статье номера рукописей мы указываем по описанию, составленному в Караимском музее. В трех из шести выявленных нами книг есть круглые печати с текстом на польском и арабском языках. Польский текст печати: *Mufti na Rzeczpospolita Polską.*

Самым древним из китабов рассматриваемого здесь собрания рукописей является китаб 1771 г., описанный в Караимском музее под № 35 (рис. 4). Дата написания и имя переписчика указаны на стр. 158: «*Даписал тен ќит̄аб меб̄бнца зӣ-л-кеде* (*зу-л-ка'да*) [26] *дна дзев̄бнтег̄о ве чвартак Йан Лебедз*». Внизу записи по-польски: «*Rok* 1771.» Рассуждения по поводу хронологии, приведенные на стр. 108—109, заставляют думать, что весь рассматриваемый китаб или какая-то его часть переписана из источника, написанного или переписанного в 1632 или в 1640 г., т. е. почти на 140 лет старше нашего списка.

Китаб 1771 г. представляет собой книгу формата 10 × 15,7 см, всего в рукописи 230 стр. текста, а кроме того, два чистых листа в начале и четыре в конце книги. Страницы пронумерованы простым черным карандашом. Вся рукопись состоит из 15 тетрадей, количество листов в которых колеблется от 6 до 12. Кустодии и современный состав тетрадей показывают, что в настоящее время недостает не менее 15 листов текста, из них около трех листов в начале, не менее 11 в середине и одного в конце. Основной текст китаба написан коричневыми чернилами, заглавия и некоторые буквы—красными чернилами. Сохранность текста хорошая, читается он легко. Книга написана, если не считать страниц 161—185, одним писцом и одинаковыми по цвету чернилами. Чернила страниц 161—185 несколько светлее, почерк другой. Обложка китаба картонная, покрытая черной кожей с многочисленными

---

[26] *Одиннадцатый месяц мусульманского лунного календаря.*

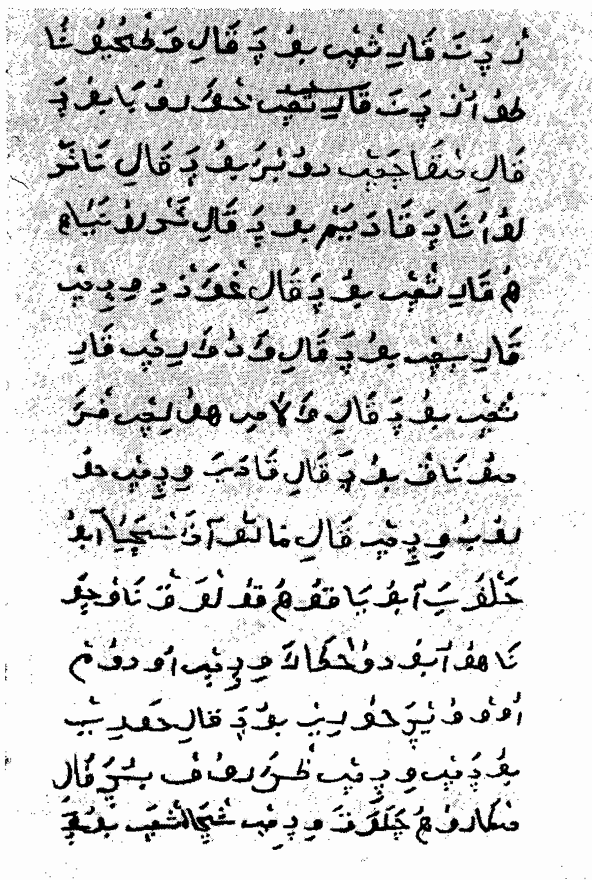

Рис. 4. Образец письма. Часть стр. 123 китаба Историко-этнографического музея АН Лит. ССР, 1771 г.

трещинами, на обеих ее сторонах заметны следы тисненого орнамента.

На чистых листах в начале и конце много разных записей карандашом и пером. Отметим некоторые из них. Так, на обороте второго листа в начале книги есть запись владельца рукописи: «*принадлежит мулле Алею Шегидевичу*». На лицевой же стороне этого листа арабскими буквами по-польски написано: «*кс́енга дрӯге, роз́дзал чва́рти*». Почерк и орфография этой записи похожи на почерк и орфографию известного слонимского переписчика книг первой половины XIX в. Мустафы Шагидевича. Возможно, китаб и был собственностью семьи Шагидевичей.

Написан рассматриваемый китаб не так старательно, как описанный ранее, его орфография также значительно менее последовательна, чем в других известных нам китабах. Много, например, случаев непоследовательностей в обозначении некоторых согласных, особенно /з/. Для обозначения звука /о/ употребляется особый знак, но рядом с этим указанный звук обозначается и теми способами, которыми обозначается и звук /у/. Непоследовательно употребляется фахта и алиф с фахтой над ним.

По своим языковым особенностям китаб Лебедя очень неоднороден. В нем весьма сильно сказываются особенности юго-западной части полоцкой группы белорусских говоров, например удвоение согласных перед группой ьj: *с приказана* 67/4, *здавана* 200/9, *стайану* 49/6; наличие окончания *-ць* в формах 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения: *пойдзец* 185/5, не *будзец* 175/3 и др. Имеются и особенности гродненско-барановичской группы говоров: на *тойо* 129/11, *расказанйо* 225/9, *спитайе* 82/2 и др. Объясняется это тем, что текст переписывался неоднократно в разных местах, а возможно, и тем, что сборник составлен из текстов различных по своему диалектному происхождению. Чтобы разобраться в хронологии этих диалектных наслоений, необходимо детальное исследование текстов сборника.

Образец белорусского текста: «*Кали шати уздзене, кариСц будзе. Кали ветхуйу шату уздзене, хвароба будзе. Кали скачец, добра будзе. Кали на седло усадзе, кадейем* [27] *будзе. Кали седло не йаго, кариСц будзе. Кали гвазди видзиц, кариСц будзе. Кали ваду вариц, кариСц будзе. Кали валаси голиц, фрасунак будзе* (стр. 123) (см. рис. 4).

Имеется в сборнике небольшое количество польских текстов.

Переходим к китабу 1814 г. (рис. 5). Сведения о его составителе, времени и месте составления находим на стр. 600. Запись сделана на турецком языке. Из нее мы узнаем, что по мусульманскому летосчислению китаб написан месяца ша'бана [28] 1230 г., что соответствует 1815 г. н. э., написала Айша из Мурзичов Якубова Смольска (т. е. дочь Мурзича, жена Якуба Смольского) в местечке Мыши [29]. Формат книги 16,8 × 21,5 см. В рукописи не 602 страницы, как указано на последней странице текста, а 592, так как допущена ошибка в нумерации страниц: после страницы 329 следует не 330, а 340 страница.

Бумага в начале книги светло-зеленая (стр. 1—56), далее серая лощеная. Обложка из толстого картона, покрытого темно-коричневой кожей. После обложки следует очень плотный лист бумаги желтого цвета. На его лицевой стороне карандашом написано слово Kitab 7. В конце книги после текста следует шесть чистых листов бумаги.

[27] *Судья (ар. кади).*

[28] *Восьмой месяц мусульманского лунного календаря.*

[29] *Населенный пункт в окрестностях г. Барановичи.*

Рис. 5. Образец письма. Часть стр. 601 китаба Историко-этнографического музея АН Лит. ССР. 1815 г.

На странице по 15 строк текста. Весь текст написан одной рукой черной тушью. Во многих местах для выделения заглавий и некоторых других частей текста употребляется красная тушь. Сохранность книги в целом и текста в частности очень хорошая. Как явствует из записи в инвентарной книге Караимского музея, китаб приобретен в 1946 г.

Содержание рассматриваемого китаба в значительной части совпадает с содержанием китаба Карицкого, но расположение в нем материала совершенно другое. Кроме того, китаб Смольской значительно больше по объему, поэтому в нем много таких текстов, которых нет в китабе Карицкого.

Орфография рукописи довольно последовательна. Звуки /*у*/ и /*о*/ обозначаются разными знаками. Мягкость—твердость звуков /*з*/, /*с*/, /*к*/ обозначается последовательно. Только на первых 25 страницах наблюдается непоследовательное употребление *ц* и *т́* для обозначения /*ц'*/ из /*т'*/. Отличительной особенностью орфографии А. Смольской является то, что у нее огласовки иногда

отсутствуют не только в восточных (арабских и турецких) текстах, но изредка и в отдельных белорусских и польских словах. У других писцов известных нам текстов такое явление не наблюдается.

В языке китаба А. Смольской явно преобладают черты, свойственные юго-западным белорусским говорам, например неполное аканье, т. е. сохранение конечного безударного /о/: *моцно* 242/7, *небо* 221/7, 230/11, *у пекло* 224/1, *скоро* 220/10, 225/2; явное преобладание форм без окончания *-ць* в 3-м лице ед. ч. глаголов 1-го спряжения: *пише* 38/14, 100/11, *пейе* 48/5, *ѐадзе* 602/4, *прибудзе* 602/11. В некоторых словах в закрытом слоге выступает /у/ на месте /о/: *потӯм* 357/2, 373/14, 374/2, 457/2, *на гетӯм* 363/15. Имеются и другие фонетические и морфологические особенности, свойственные юго-западным белорусским говорам. Необходимо, однако, отметить, что встречаются и особенности северо-восточных белорусских говоров, например удвоение согласных перед группой *ьj*, форма 3-го лица ед. ч. глаголов 1-го спряжения с окончанием *-ць*: *спасе̅на* 52/8, 93/4, *приказа̅не* 64/8,6 *будзец* 266/11, 471/10.

В китабе А. Смольской сравнительно много и польских текстов (на стр. 242—258, 283—303, 572—599 и др.)

Образец белорусского текста (стр. 601):

Кали ворон у суботу удзен кричиц, добруйу вѐц пачуйеш, падарожни человек прийдзе. Кали у недзелу удзен кричиц, лихуйу вѐц кеже. Кали у понедзелук кричиц рано, добруйу вѐц пачуйеш. Кали уве вторек кричиц рано, добруйу вѐц пачуйеш. Кали у ѐереду рано кричиц, потреба укаже̅ца, бӯдзе битва. Кали у чецвер рано кричиц, треба од розбойникав ѐцерехчиѐе (см. рис. 9).

Китаб № 39 Историко-этнографического музея представляет собой объемистую рукописную книгу в 511 стр. (а не 507, как значится на последней странице текста)(рис. 6). Формат рукописи 16,5 × 20,7 см. Китаб написан в Слониме в 1837 г., о чем сказано на стр. 507: *Тен ки́та̅б написанӣ в Слониме през Мустафа̅ Шагидевича дла Багдана Шагидевича. Ӯкончонӣ мѐонца мухе̅рема* [30] *понтего дна, а рокӯ ти́онц о́имсет тридзестим ѐӯдмим.* На странице по 15 строк текста. Текст написан темно-коричневыми, почти черными чернилами. В некоторых местах страницы (368—377) испещрены красными чернилами, на страницах же 378—387 текст расположен в два столбца, один из которых написан красными чернилами (тюркский). Страницы пронумерованы также красными чернилами. Исключение составляют числа 169а, 169, 307а, 307. Они дописаны фиолетовыми чернилами после проведения нумерации красными чернилами. На первой странице находим инвентарный номер и сигнатуру музея муфтиата: S. 106, Inw. 106. На

---

[30] *Первый месяц мусульманского лунного календаря (ар. мухаррам).*

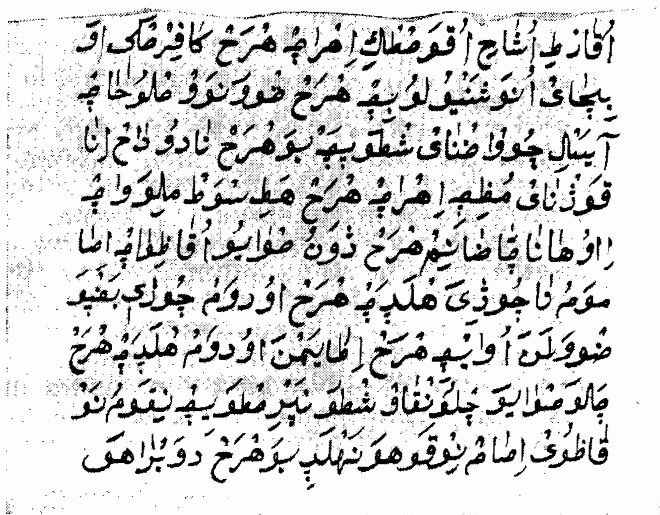

Рис. 6. Образец письма. Часть стр. 221 китаба Историко-этнографического музея АН Лит. ССР 1837 г.

внутренней стороне написан номер рукописи (39) по описанию Караимского музея. Печати муфтия имеются на стр. 1, 159.

Обложка рукописи из твердого картона, покрытого красным сафьяном. На обеих ее сторонах вытиснен изящный орнамент. Бумага рукописи очень плотная с желтоватым оттенком. Листы 25, 215, 295, 359, 427 имеют незначительные обрывы или надрывы.

Книга в целом и ее текст в частности в очень хорошей сохранности.

Орфография китаба М. Шагидевича очень последовательна.

Необходимо обратить внимание на одну особенность текстов китабов А. Смольской и М. Шагидевича. Речь идет об обозначении безударного /*о*/. В китабах И. Луцкевича и А. Карицкого безударный звук /*о*/ систематически обозначается буквой *а* (алифом с фатхой над ним). Исключения из этого общего правила очень редки. В китабах же А. Смольской и М. Шагидевича конечный безударный звук /*о*/, как правило, обозначается буквой *о* (вавом с фатхой над ним), тогда как неконечный безударный звук /*о*/ в одних и тех же фонетических положениях и даже в одних и тех же словах передается буквой *о* и буквой *а*. Нам кажется, что в последнем случае (обозначение неконечного безударного /*о*/ буквой *о*) перед нами не фонетическое, а орфографическое явление, связанное со знанием переписчиками польского языка и письма. Об этом, видимо, свидетельствуют и случаи написаний

о на месте этимологического /*а*/. В китабе Смольской: *по полацех* 11/7, *полацев* 224/5, *похари* 368/15, *Кохоновски́* 585/1, 14, *Кохоновске́го* 585/4, *Кохоновске́мӯ* 585/13, *довал* 491/5. В китабе Шагидевича: *полаци* 438/6 (ср. *палацав* — 437/7), *покойано̄* 489/9, *не довали* 431/7.

Почти вся рассматриваемая рукопись состоит из текстов на белорусском языке. По своим фонетическим, морфологическим и другим особенностям ее язык очень близок к языку китаба А. Смольской. В его основе также лежат особенности юго-западного наречия, но имеются и черты юго-западной части полоцкой группы белорусских говоров. Как и в китабе Смольской, в китабе Шагидевича имеются и польские тексты (на стр. 277—400 и др.). Некоторые тексты можно квалифицировать как польско-белорусские. По всему китабу рассеяны арабские тексты в виде цитат из корана. На стр. 377—387 текст расположен в два столбца, правый из них тюркский, а левый польский.

В заключение даем образец белорусского текста из китаба М. Шагидевича (см. рис. 6):

У карти, у шахи, у костки́ игра́ц грех. Ка́фирскӣ обичай у ношенӣӯ лӯбиц грех. Звонов слӯхац, а̄ йе́сли чӯв, знай, што пец, бо грех. На дӯдах и на кожнай музици игра́ц грех. Гети све́т милова́ц и ӯганаӣа за ним грех. Жону свайӯ указивац и самому на чӯжийе гледзец грех. Ӯ дом чӯжӣ без позволене ӯва́йци грех, и тайемне ӯ дом гледзец грех. Цело свайо, члӯнкав, што не пристойиц, никому не вказӯй и сам ни в кого не гледзи, бо грех (стр. 221).

О рукописи № 13 в инвентарном списке Караимского музея сказано, что это «рукописная книга, содержащая 20 различных молитв на польско-белорусском языке». Необходимо сказать, что в данном китабе имеется только одна молитва «*Дзе́сонцора боже пшиказано̄*», т. е. «Десять заповедей господних». Девятнадцать же из двадцати представленных там текстов ничего общего с молитвами не имеют. Это мусульманские легенды, рыцарские повести и один приключенческий рассказ.

Рукопись представляет собой книгу в 222 страницы текста, ее формат 16,3 × 22,8 см. В начале и в конце рукописи имеется по два чистых листа. На странице по 15 строк. Текст написан старательно, можно сказать, с большой любовью: количество строк во всей книге одинаково, интервалы между строками одинаковы (линии письма были предварительно намечены тупым предметом), во всей рукописи текст обрамлен. В конце рукописи дано оглавление, что мы встречаем в китабах впервые. Страницы пронумерованы, как обычно, справа налево арабскими цифрами одновременно с написанием текста. Вся рукопись написана коричневыми чернилами и одной рукой на прочной гладкой тонкой бумаге.

Китаб написан в 1868 г. Александром Хасеневичем, о чем сделана запись арабским письмом без огласовок на стр. 222 внизу: «*дописалем та ксе́нка в року тысонц осимсет шесдзесонт осмим*

месонца шевала[31] *двадзестего понтего дна. То писал Александер Йекӯбов Хасеневич».* Из дописок по-русски на первом чистом листе в начале книги видно, что рукопись находилась в семье Хасеневичей в Свенцянском уезде (ныне Литовская ССР), местность не указывается: «Эта книга принадлежит из дворан Хасеню Матвею Родкевич с 1906-го года марта 13 дня субботы. Виленской губернии, Свен[цянского] уез[да]». На обороте этого же листа более грамотным лицом написано: «Принадлежит сия книга к Якову Хасеневичу. 21 сентября 1875 г.»

В орфографии рассматриваемой рукописи необходимо отметить одну особенность, встретившуюся нам впервые. В польских текстах, а также в отдельных польских словах белорусских текстов звук /ż/ из /ŕ/ в XVII—XIX вв. обозначался буквой *ра̄*, т. е. той же буквой, которой обозначался белорусский и польский звук /р/. В китабе Хасеневича впервые звонкий вариант указанного польского звука обозначается буквой *р* (ар. *ра̄* с тремя точками сверху), т. е. той же буквой, которой обозначается звук /*ж*/, а глухой — буквой *ш* (ар. *шӣн*).

Язык большинства текстов китаба Сегеневича, иногда с некоторой натяжкой, можно назвать польским. Нужно только иметь в виду, что значительное место в этих текстах занимают белорусские особенности. Они имеются в фонетике, морфологии и лексике. Сравнение некоторых текстов китаба Сегеневича с такими же текстами на белорусском языке из более ранних китабов показывает, что мы имеем дело с переводом этих текстов с белорусского языка, но с переводом дословным. Изменялось только фонетическое и морфологическое оформление слов, белорусские слова заменялись польскими, но и указанные изменения проводились не до конца. Сказанное нами проиллюстрируем приводимыми ниже отрывками текстов легенды «Ме′радж» из китаба Луцкевича и Сегеневича.

В китабе Луцкевича (стр. 111б):

По̄тим йешче варо̄та ʿʿачинилиćе, ćем пекел там мне йавно̄ стало̄. Там видзев ʿадзин по̄лк жано̄к за перćци йих завешани. С перćцей йих вихо̄дзиц замест малака сӯкравица-кро̄в. Йа[32] *мо̄вил: «Што̄ гетийе на ćвеце чинили?» ʿЕнгел рек: «Малако̂ свайе предавали, ʿу йих ӯćих свайе дзеци билӣ. Свайе пакинӯвши, чӯжийе мамчили»* (см. рис. 1).

То же в китабе Сегеневича (стр. 22):

Потим йешче вроте одемкнели ćе, ćедем пекел там мне йавно стало. Там вӣдзал йеден пӯлк жон за перćц йих завешен̦. Ис перćци йих ви̦ходзон замест мл̦ка сӯкравӯца-креф. Йа мӯве: «Цо они̦ на ćвеце чини̦ли?» Ангел мӯвил: «Млӯко свойе пшедевали, фшистких йих свойе дзеци би̦ли. То свойе пожӯцивши, цӯдзе карми̦ли».

---

[31] *Десятый месяц мусульманского лунного календаря (ар. шаввал).*

[32] *В оригинале ма.*

Не входя в подробный сравнительный анализ языка приведенных нами текстов, отметим, что такое же соотношение наблюдается и между языком большинства легенд китаба Сегеневича и известных нам более ранних белорусских списков этих же легенд других китабов („*О ćмерци Мухеме́да*", „*О ćмерци Ибраги̮ма, си̮на пророцкего*", „*О ćмерци Мерйеминой*", „*О Ćаби̮ту̮*", „*О весийету тщецим*" и др.).

Легенда „*О ćмерци Фатми*" помещена в китабе Сегеневича на белорусском языке. Хотя в ней и имеются полонизмы, но они не нарушают структуры белорусского языка.

Вот отрывок этой легенды по списку Сегеневича (стр. 60—61):

О Фатме опису̮йе, йако из̣ ćего ćвета з̣ишла, так оз̣наймуйе. Кали пророк йего милоćц остатний час пришов, Фатму до ćебе приз̣вав и му̮вил: Йа[33]*, Фатме, схилиćе до мне. Фатма до йего прихилилаćе, ку̮ пророку йего милоćци, и у̮ши свойе до рота блиско и слу̮хала. Пророк йего милоćц му̮вил: Йа, Фатма, йа из̣ гетого ćвета з̣ийду од у̮мету, од у̮мету*[34] *одлу̮чу̮ćе, а ти поćле мене у̮ шеćц меćецей до мене при̮дзеш, так му̮вил. Шеćц меćецей мину̮ла, Фатма... Абу̮ Беки̮рову̮ Иćму̮ да ćебе приз̣вала и му̮ви̮ла: Йа, Иćма, оцец му̮й мне оз̣наймил ćмерц майу̮, ćагодна той дзен, ćагодна йа из̣ ćего ćвета з̣ийду.*

В языке китаба Сегеневича легко обнаруживаются многие особенности, свойственные юго-западной окраине полоцкой группы белорусских говоров. Наиболее же часто выступает удвоение согласных перед группой *ьј*. Это явление наблюдается довольно часто даже в польских текстах.

Очень любопытной является рукопись № 42 по инвентарной описи Караимского музея. Она представляет собой турецко-белорусский словарь-разговорник. Словарь написан рукой уже известного нам по рукописи китаба 1837 г. М. Шагидевича. Прямой даты рукопись не имеет. О ней можно судить только по водяным знакам на бумаге в виде числа 18-36, обозначающего год выпуска бумаги. Таким образом, можно сказать, что словарь составлен после 1836 г. В связи с датировкой рукописи возникает вопрос, когда составлен словарь, не является ли он списком с более раннего оригинала. Текст разговорника не дает никаких оснований полагать, что он является списком. На наш взгляд, странным анахронизмом служит наличие в разговорнике среди названий разных видов огнестрельного оружия таких слов, как *лук*, *стрелка*, *шнурок*, *напяци*. Объем словаря — 36 страниц формата 11,5 × 18 см, из которых 34 написаны рукой М. Шагидевича (2б—20б), а две первые (1б, 2б) — другим почерком, возможно позже. Как видно из текста на страницах 5а, 5б, словарь должен был служить пособием для изучения турецкого языка. Турецкий

---

[33] *Звательная частица (ар, йа).*

[34] *Мусульманская религиозная община, совокупность верующих мусульман (ар. 'уммат).*

язык, по мнению составителя словаря-разговорника, это *«мусулмански йазик исламскей верц»*. На странице 15а находим диалог, из которого видно, что словарь-разговорник предназначался для лиц, желавших эмигрировать в Турцию: *Мц хочем дáлей ици. Гдзе идзеце? Мц сўди пришли. Чаго вц пришли? Жиц пришли.*

Из словаря виден и маршрут путешествия. Упоминаются Яссы, молдавский язык, море (Черное), Рущук, Стамбул. В словаре-разговорнике имеются отдельные слова и диалогическая речь по самой разнообразной тематике, например фразы о сотворении мира, названия частей человеческого тела, отдельные слова и диалогическая речь, связанные с сельскохозяйственным производством, с сооружением дома, лексика и фразеология военного дела, ремесла. Ниже приводим диалог, связанный с наймом подводы:

Ўдома твой гаспадар? Ўдома. На што? Чи йест кон? Йест. Йа в дáрогу йехац. Чи далеко? Блиско. Ни далеко, до ахшаму[35] *прийедзем. Добре, што дáси? Што хочеш? Шесц злотих кали даси, пойеду. Добре, в вос кана запрáгай. Зачекай трохо, йа пайдў да дому, речи заберў* (стр. 8б—9а).

Словарь-разговорник представляет известную научную ценность как образец народно-разговорной белорусской речи г. Слонима и его ближайших окрестностей в первой половине XIX в. Он интересен так же как факт, свидетельствующий о том, что в указанное время татары не только переписывали и читали ранее уже известные религиозные и другие тексты на белорусском языке, но и обращались к последнему в таких специальных случаях, как составление пособия для изучения турецкого языка.

В этом же музее хранится рукопись №11. Это хамаил 1765 г. Он написан в Немежу[36] Яном Езуфовичом. Все эти данные находим на листе 300а. Хотя переписчик и утверждает, что он время написания рукописи обозначает по мусульманскому летосчислению, но упоминаемые в записи события свидетельствуют о том, что год обозначен по христианскому летосчислению. Объем хамаила 303 листа текста, формат — 10,5 × 16,2 см.

Белорусского текста, как это в большинстве случаев бывает в хамаилах, очень мало. Самый большой отрывок белорусского текста имеется на листах 1—7. Это так называемый Третий весийет (завещание) Магомета. Текст данной легенды встречается во многих рукописях (в китабах 1815, 1837, 1868 гг., в хамаиле 1775 г.). Можно еще назвать описание похоронного обряда (лл. 277—279). Большинство же текстов составляют разнообразные молитвы на арабском и турецком языках. Объяснительные тексты имеются и на польском языке.

---

[35] *Вечерняя молитва (тат.). Обычно ахшам-намаз.*
[36] *Населенный пункт в окрестностях г. Вильнюса.*

По правописанию хамаил 1765 г. очень близок к китабу 1771 г. Белорусские тексты по языковым особенностям близки к языку китаба И. Луцкевича, во всяком случае в них не бросаются в глаза особенности, присущие современным гродненско-барановичским говорам.

Приводим небольшой отрывок белорусского текста из хамаила 1765 г. (стр. 139а):

У суботӯ валаси галиц, да лаᵌни иӥи не гоже. У недзелу валаси галиц, да лаᵌни иӥи не гбже. ʽУ панедзелак валаси галиц, де лаᵌни иӥи не гоже. ʽУва вто̆рек валаси галиц, да лаᵌни иӥи не треба. У се́реду валаси галиц, да лаᵌни иӥи гоже. У чӗтвер валаси галиц, да лаᵌни иӥи гоже. ʽУ пӑтницу валаси галиц, да лаᵌни иӥи гоже.

Мы уже упоминали рукописи № 867—869 и 893 (см. стр. 258), хранящиеся в библиотеке Восточного факультета Ленинградского университета. Эти рукописи были некогда собственностью А. О. Мухлинского (1807—1858), профессора арабского и турецкого языков Петербургского университета. В библиотеку указанного университета они поступили в 1879 г. О языке и времени написания этих рукописей были высказаны самые противоречивые мнения.

В описании восточных рукописей библиотеки Петербургского университета Залеманна и Розена [37] язык всех четырех рукописей признан польским. Е. Ф. Карский [38], ссылаясь на информацию И. Ю. Крачковского, говорит, что в «библиотеке Петроградского университета находятся четыре рукописи на белорусском языке арабскими буквами», причем мнение, высказанное в названном выше описании относительно языка рукописей, он объясняет тем, что «он (барон Розен.— *А. А.*) не знал ни польского, ни белорусского языков». Ссылаясь на Е. Ф. Карского, Я. Станкевич [39] считает язык всех четырех рукописей также белорусским. А. Н. Самойлович [40], лично ознакомившись с рассматриваемыми рукописями, признал язык двух первых из них (№ 867, 868) польским, а двух других (№ 869, 893) — польско-белорусским. По данному вопросу ближе всех подошел к истине Самойлович, но и его мнение относительно языка рукописей № 869 и 893, как увидим в дальнейшем, требует уточнения.

В той же статье А. Н. Самойлович, коснувшись вопроса датировки этих же рукописей, говорит, что среди них «нет ни одной старее XIX века». Со своей стороны отметим, что такое мнение

---

[37] *С. Salemann. V. Rosen. Indices alfabetici codicum manu scriptorum. Petropoli, 1888, стр. 5.*

[38] *Е. Ф. Карский. Белорусская речь арабским письмом. «Белорусы», III, ч. 2. Пг., 1921, стр. 239—240.*

[39] *Я. Станкевич. Белорускія мусульмане ..., стр. 14.*

[40] *А. Н. Самойлович. Литовские татары и арабский алфавит. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 3, 1926, стр. 3—7.*

справедливо только в отношении рукописи № 867. Впрочем, год написания (1857) и этой рукописи указан ошибочно. В. Вольский, говоря о датировке разных рукописей, но имея в виду, как видно из ссылки, и рукописи Ленинградского университета, повторил мнение Самойловича, что среди этих рукописей нет «старэй 19 стагоддзя». Я. Станкевич, не приводя никаких собственных соображений, которых, впрочем, у него не могло быть, так как лично ознакомиться с рукописями он не имел возможности, и без ссылок на других авторов, все рассматриваемые тут рукописи относит к XVII в., а по языку считает их белорусскими [41].

На протяжении нескольких последних лет мы трижды подробно знакомились с рукописями № 867—869 и 893 библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета, изучая их бумагу и водяные знаки, орфографию, языковые особенности, содержание и т. д. В декабре 1964 г. нами изготовлены микрофильмы (негативы) всех названных рукописей, а для более удобного дальнейшего изучения рукописей № 869 и 893 изготовлены и их фотокопии.

Ниже дается краткое описание рассматриваемых рукописей, где мы коснемся вопроса датировки и определения их языка.

Рукопись № 867 представляет собой коран на арабском языке с подстрочным переводом на польский язык. Объем рукописи 535 листов формата в лист (20 × 32 см). Полистная нумерация всех рассматриваемых рукописей, в том числе и рукописи № 867, крупными цифрами черным толстым карандашом проведена одной рукой. Рукопись написана на двух сортах бумаги. Бумага листов 1—323 белая с желтым оттенком, листов 324—533 светло-зеленая. Текст двух последних листов написан на светло-зеленой и белой бумаге. Светло-зеленые листы сильно загрязнены, дефектны и находятся в рукописи без переплета. Почерк и цвет чернил (светло-коричневый) на этих листах такой же, как и на листах 1—533. Текст белых листов совпадает с текстом дефектных светло-зеленых листов, но он написан другими (черными) чернилами и несколько иным почерком. Белые листы помечены цифрами 534, 535 той же рукой и тем же карандашом, что и остальные листы рукописи. Они находятся в переплете. Бумага белых листов 534—535 такая же, как бумага чистых листов в начале и в конце рукописи. Можно думать, что текст двух последних листов переписан перед реставрацией переплета. На последнем, дефектном светло-зеленом листе в рукописи имеется запись 1825 г., из которой узнаем, что «сей тапсир принадлежит Буцутку Магмету Мацвею» и что «писал тапсир Богдан Буцютко» [42].

На белом же 535 листе сказано, что «дописал сию книгу Мустафа Жданович 1857 года Аугуста (!) 9 числа». Если учесть, что

---

[1] *Я. Станкевич. Беларускія мусульмане..., стр. 14.*

[2] *Переписчик корана Вильнюсского университета (№ 392) Али сын Богдана Буцютка.*

Рис. 7. Образец письма. Часть стр. 55а тефсира № 868 библиотеки Ленинградского университета. Подстрочный текст польский. Первая половина XVIII в. (ср. рис. 3)

на бумаге многих листов имеются водяные знаки в виде чисел 1910 (л. 9, 15, 17, 32, 173, 268, 279, 286 и др.) и 1811 (лл. 363, 370, 374 и др.), что обозначает дату выпуска бумаги, то станет совершенно ясным, что коран написан между 1811 и 1825 гг., а 1857 г. является годом дописания двух последних дефектных листов, а не всего корана, как ошибочно думал А. Н. Самойлович.

Рукопись № 868 представляет собой фрагмент корана на арабском языке с подстрочным переводом (пересказом) его на польский язык (рис. 7). Формат рукописи в лист. Новая полистная нумерация сделана той же рукой и тем же карандашом, что и во всех остальных рассматриваемых нами рукописях Ленинградского университета. На многих листах сохранилась и старая их нумерация коричневыми чернилами, похожими на чернила, которыми написан текст рукописи. Листы 1 и 72 новой нумерации соответствуют 127-му и 339-му листам старой нумерации. Это дает основание думать, что 73 уцелевших листа рукописи № 868 являются частью полного некогда текста корана. В настоящее время текст рукописи представлен концом 5-й суры (1—6б) и полным текстом 6-й (6б—29б), 7-й (29б—55б), 20-й (55б—66ю) и 21-й (66б—72б) сур. Даты рукопись не имеет, но для ее приблизительной датировки имеются следующие данные.

1. Как показывает почерк и орфография, текст рассматриваемой рукописи и китаба И. Луцкевича написаны одним писцом (см. рис. 1, 7).

2. На основании водяных знаков на бумаге обеих рукописей время их написания определяется первой половиной XVIII в. (подробнее об этом см. стр. 260—261).

Сравнение текста польского подстрочного перевода коранов Ленинградского университета (№ 867 и 868), а также Вильнюсского университета (№ 392) со всей очевидностью показывает, что все они восходят к одному общему переводу-оригиналу. Имеющиеся в некоторых местах текстуальные различия легко объяснить простым искажением текста или его преднамеренным изменением в процессе многократного переписывания разными писцами и в разные времена.

Сказанное нами проиллюстрируем отрывками текста польского подстрочного перевода 86—89 строк (аетов) 19-й суры названных рукописей:

Ленинградского университета № 868, стр. 55а 1, 2:

'Албо̄ не дало̄ ће то̄бе видзец у Куране, жеćми наставили шетано̄в на неверних; взивайо̄ и заво̂дзо̄ йих в ло̄тро̄встве, в бло̄нд заво̂дем велќим. Прето̄ не ćпеш керане прендќего̄ на них, бо̄ запевне наго̂то̂вали дла них каре го̄то̄ве. В тен дзен вскреćивши бо̄йазнико̄в бо̄жих и до̄ пана бо̄га по̄про̂вадзими 'у по̄вадзе велќей. 'И по̄пендзо̄ неверниќо̄в до̄ пекла... (см. рис. 7).

Вильнюсского университета № 392, стр. 246а, 3, 4, 5:

А̄лбо не дало ће тобе видзиц у Куране, жеćми наставили шетанов на неверних; взивайо и заво̂дзо йих в лотровство̂, в бленд заведом велќим. Прето не ćпеш керане прендко на них, бо запевне наготӯйо дла них каре готове. В тен дзен вскреćивши бойазников божих и до пана бога поправедземи ӯ повадзе велќей. И попендзо неверникев, грешников до екла...

Ленинградского университета № 867, стр. 241а, 5, 6, 7:

Албо' не дало ће тобе видзец ӯ Куране, жеćми наставили шатанов' на неверних; взивайо' и заво'дзо йих в лотровс'тве' и в бленд заво'дам велќим. Прето' не ćпеш кера̄не прендко' на них, бо запевне наготӯйо' дла них кара готова. В тен дзен вскреćивши бойазников' божих и до пана бога попровадзими ӯ повадза̄ велќей. И по'бендзо' неверников', грешников' до' пекла...

В заключение необходимо отметить, что во всех упомянутых нами списках корана в польском подстрочном переводе содержится много белорусских языковых особенностей. Например, в 20-й суре находим примеры аканья, полногласия: *з галавной, праваднука* (ЛГУ № 868, 56а7), *з галавнойу, праводника* (Вил. ун-т 247а4), *з галавнойу* (ЛГУ №867, 242б4).

Рукопись № 869, как отмечено уже А. Н. Самойловичем, является хамаилом (рис. 8). В настоящее время она состоит из 99 листов текста. Формат рукописи 18 × 22 см. В ней кроме новой нумерации листов в некоторых местах сохранилась и старая полистная нумерация. Последняя идет по ходу повествования, а новая в обратном направлении. Если предположить, что числа ста-

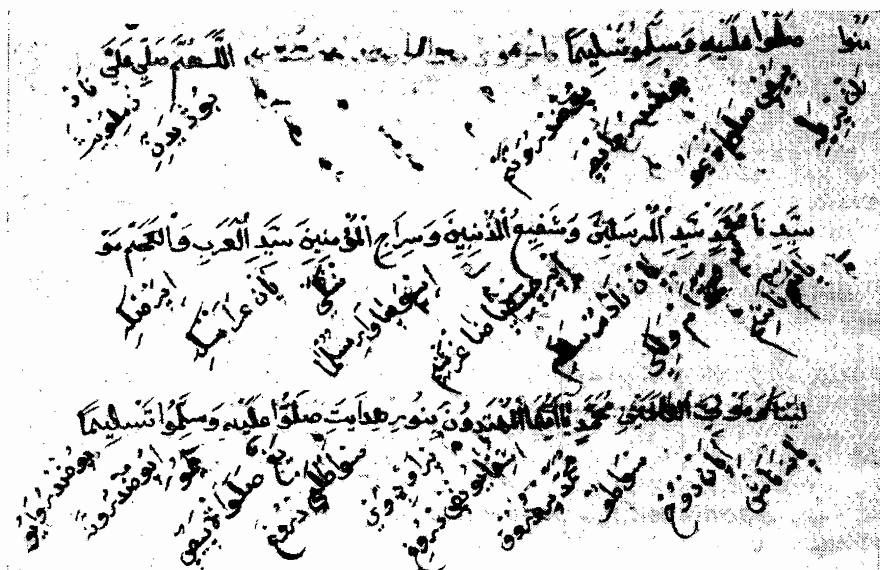

Рис. 8. Образец письма. Часть стр. 50б хамаила № 869 библиотеки Ленинградского университета. Подстрочный текст польский. Без даты

рой нумерации листов проставлены в то время, когда текст рукописи был еще в своем первоначальном составе, то можно сказать, что начало рукописи сохранилось почти полностью. О конце рукописи ничего сказать нельзя. Начальные и конечные листы дефектны — имеются обрывы больших частей листов, текст их сильно загрязнен. Почерк и цвет чернил позволяют думать, что листы 1—59 и 60—99 написаны разными писцами. Чернила листов 1—59 темнее, чем листов 60—99. В первой части чернила расплылись и листы приобрели коричневую окраску, во второй части они только пожелтели от времени. Различий в качестве бумаги второй и первой части рукописи не замечено.

Даты рукопись не имеет. Установить же год ее написания по водяным знакам затруднительно. Можно только с уверенностью сказать, что бумага данной рукописи голландского происхождения, о чем свидетельствуют водяные знаки MS et C° (лл. 50, 52, 54, 56, 66, 68, 73, 76, 77, 78, 85, 87, 93, 95) и C et I Honig (лл. 2, 4, 13, 14, 17, 34, 35, 41, 43). Они даны в сочетании с водяными знаками сложного рисунка. Водяной знак с надписью MS et C° совершенно сходен с водяным знаком № 185 альбома водяных знаков Г. Воорна (Voorn) [43]. Данный знак у Г. Воорна указывает на

[43] *H. Voorn. De papiermolens in de provincie Hoord-Hollend, Haarlem, 1960.*

1803 г., т. е. рассматриваемый хамаил написан в самом начале XIX в. (возможно, в первое десятилетие). Но наши выводы, сделанные на основании водяных знаков, находятся в некотором противоречии с одной особенностью правописания памятника. В нем звуки /о/ и /у/ обозначаются одинаково (вавом с даммой над ним или же одной даммой), что в датированных рукописях, как правило, имеет место только до конца XVIII в. В рукописях последнего десятилетия XVIII в. и на протяжении всего XIX в. для обозначения звука /о/ имеется уже особый знак (вав с фатхой над ним). Однако следует иметь в виду, что писец старшего возраста мог донести привычное для него одинаковое обозначение указанных звуков до начала XIX в.

Как обычно бывает в хамаилах, кроме арабских и турецких текстов в рукописи находим также польские и белорусские тексты, причем белорусские тексты не свободны от полонизмов, а польские не лишены белорусских языковых особенностей.

Ниже приводим отрывок белорусского подстрочного перевода духовного размышления, называемого А. Мухлинским Хикмэт [44]:

Ай недӯжи ͠адамс̆кӣ челевек! Душа с̆ цела вийдзе, нихтō не пажалӯйе тилькō бōг тилкō бōг, тилкō бōг. Хōцби йакӣ дôвги век живши, ʿумирац треба, нихтō не ʿабарōниц. Ӑстатнӣ час прийдзе, нихтō табе не да пōмōци, йак же ма дац? Питалникӣ истрахам великим прийдӯц, нихтō за цебе не ʿадкаже. Йак там кричац бӯдзеш, нихтō тваго̄ гōласу не пачӯйе. Кали б хецев ʿуцекац, нихтō табе дарōги не вкаже. Да суднегō дна нихтō ʿӯ цебе не папитайе, тилкō бōг (76а5, 6, 7, 77а 1, 2, 3, 4).

Отрывок другого белорусского текста:

Хто хо̄че гдзе йехац албō рōбōтӯ йакӯйу пōчинац, йак майеш ведац, йесли майе бӣц дōбре ӑлбō з̆ле. Чистōс̆ц ōзми [45], *с̆ем рази гетуйу ду ʿӯ* [46] *пей. Йесли ʿува с̆не ʿувидзиш белōйō штōкелвек ӑлбō з̆елōнōйе, то дōбре майе бӣт́, тō и йедз и джинӣ штōкелвек замис̆лив* (98а9, 10, 11).

Отрывок польского текста (50б2, 3, 4):

Бōже йединӣ, з̆милӯйс̆е над панем нашим Мухеме̅дам! Великӣ пан над мурс̆елами и причинца за грешними, и с̆веца вари мус̆улманс̆кей. Пан ʿерабс̆кӣ и перскӣ, пане наш и пан двух с̆ватôв, Мухеме̅д прōрōк. И [47], *шукайōнц дрōги правдзивей, с̆ватлей дрōги йегō, селеват* [48] *пейуц йемӯ и пōздрôвене̅ пōздрôвайō* (см. рис. 8).

Переходим к рукописи № 893. Она состоит из 20 листов текста, формат ее 14,4 × 17,2 см. По составу сохранившейся части ру-

---

[44] *«Исследование...», стр. 66.*

[45] *Имеется в виду мусульманское ритуальное омовение.*

[46] *Молитва, просьба (ар. дуʿа).*

[47] *Звательная частица (тат.).*

[48] *Молитва, прославляющая Магомета (ср. салават).*

кописи трудно сказать, является ли она фрагментом китаба или хамаила (если такое деление рукописей было вообще известно в XVII в.). В рукописи нет текстов, характерных для китабов XVIII—XIX вв., но нет и молитв, основной части хамаилов. Бумага рукописи пожелтевшая от времени, ветхая, местами ломкая. Первый лист по всем краям обклеен белой тонкой бумагой фабричного производства. Реставрация этого листа сделана небрежно, вследствие чего часть текста по краям листа оказалась заклеенной. Листы 2, 3, 9, 10, 11, 20 подклеены старой бумагой, похожей на бумагу рукописи. Почти все листы по краям имеют разрывы, обрывы или небольшие трещины. Все сохранившиеся листы идут в первоначальной последовательности, т. е. в их современном составе пропусков текста нет. Весь текст написан одной рукой черной тушью. Отдельные восточные слова, обороты и небольшие выдержки из корана написаны красными чернилами. Огласовки, там где они имеются в этих словах, проставлены черной тушью. Текст сохранился хорошо и читается легко.

Даты рукопись не имеет. Для ее определения пришлось воспользоваться водяными знаками. Обнаружены фрагменты только одного водяного знака на изгибе почти всех листов (3, 6, 8, 11, 12, 13, 18, 19, 20). Удалось восстановить его полный рисунок. Он имеет форму окружности диаметром 2,5 см, внутри которой нарисован кинжал; длина его равна диаметру окружности. С обеих сторон кинжала симметрично расположен серп луны, обращенной выпуклой стороной к кинжалу. Вдоль наружной части окружности примерно на одинаковом расстоянии друг от друга начертаны буквы СН, К, Р, М (см. рис. 2б). Описанный нами знак по величине и взаимному расположению элементов совершенно совпадает с водяными знаками № 2548—2550 упомянутого уже нами альбома Э. Лауцявичюса. Такой знак обнаружен в документах 1648—1656 гг. Таким образом, рукопись можно отнести к середине XVII в.

Правописание рукописи в очень многом отличается от правописания всех рассмотренных нами до сих пор рукописей. В ней мягкий и твердый звук /*д*/ обозначается одним знаком *дāл*, буквой *с̣āд* с тремя точками внизу, как правило, обозначается только исконный твердый звук /*ц*/, замечена значительная непоследовательность в употреблении букв *т̣ā* и *тā*, т. е. в обозначении твердости—мягкости /*т*/. В орфографии рассматриваемой рукописи имеются и другие особенности, не отмеченные ни в одном из известных нам текстов. В обозначении твердости—мягкости согласных /*з*/, /*к*/ и /*с*/, как и во всех других текстах, наблюдается полная последовательность (ср. стр. 47).

Рассмотрим некоторые особенности языка рукописи № 893.

В области вокализма необходимо прежде всего отметить переход /*ы*/ в /*у*/ после губных согласных. Это явление, как известно, знают современные белорусские говоры западных районов

Гомельской обл. и примыкающих к ним районов Брестской и Минской областей. Вот примеры такого перехода: *була* 2б8, *не забӯвса̄* 1а11, *забӯвсе* 1а10, *вӯпел* (выпел) 16а8, 18а9, 18б2, *вурōк* 13а9, *вускачила* 11а7, *павушōнийе* 18а5, *правдивуй* 14а12, *муслит* 3б6, *рӯки ӯмувати* 13а11, *'умусле* 1б12, *путайучи* 9б4, *пепутай* 9б8. Обнаружен один пример /у/ на месте /ы/ после (ч): *чустôсти* 19а3. После других согласных перехода /ы/ в /у/ не отмечено. После губных, как и после других согласных, этимологический звук /ы/ обозначается в рассматриваемой рукописи и кесрой, которой во всех белорусских текстах, писанных арабским письмом, обозначаются одинаково звуки /ы/ и /и/, например: *ӯмисле* 1б12, *вискōчила* 11б9, *вискачила* 12а1, *вискōчила* 12б10, *мӣластивий* 15б1, 16б4, *мислит* 3б10, *сōмий* 3а12, *вôсмий* 3а12, *висōкий* 5б2.

Отражение аканья, понимаемого как совпадение в одном звуке безударных фонем неверхнего подъема в положении после твердых согласных, представляется следующим образом.

Безударная фонема /о/ обозначается в исследуемой рукописи трояко:

1. Вавом с даммой над ним (ō) или одной даммой (ô), т. е. такими же графическими средствами, которыми в рассматриваемой рукописи обозначается звук /о/ в ударных слогах. Примеры: *вискōчила* 12б10, *гōлōсам* 3б12, *гōспōдар* 12а8, *кōтōрий* 5б11, *кôлена* 2б6, *мӣлōсти* 12а11, 12, *ōдиний бōже* 7а1, *ōтпӯшчӯ* 6а14, *ōчима* 3а10, *пōклонитиса̄* 1а11, *пôдлōжит* 2а13, *прōрōке* 14а11, *пōжитôк* 19а9, *прӣлōжӣ* 17б10, *сôрōк'два* 17а7, *тōгō* 4б11. Из приведенных примеров видно, что знаками ō и ô безударная фонема /о/ обозначается как в предударных, так и заударных слогах (в том числе и в 1-м предударном). Этими же знаками обозначается /о/ и в конечных безударных открытых слогах, например: *а̄днō'слôвô* 17б5, *лепшагō* 20а7, *пеклō* 10а10, 13, *шōстōгō* 10а13, *рōвнō* 2а7.

2. Алифом с фатхой над ним (а̄), т. е. таким же знаком, которым обозначается /а/ в ударном положении, например: *а̄дин* 8а12, 10б4, *а̄диний* 12б7, *'адинацатий* 1б6, 2а10, *а̄крōм* 1б9, *а̄спадар* 15а12, *гōлас* 19б9 *гōлōсам* 3б12, *дарôги'твайе* 7б7, *дарōгӯ* 7а1, *здарôвий* 3б12, *кали* 1а9, 10, 11, 2а10, 2б9, *катōрийа* 7а2, *катōрему* 6а6, *ласкайу* 17а3, *мӣластивий* 12а2, *нōсам* 3б13, *пабōлшу* 14а1, *прарōк* 9а3, *прарōка* 4б14, *'прарōкем* (твор. пад. ед. ч.) 7а7, *размôвлав* 5а9, *свайе* 4б1, 6б5, 10а11, *таму* 6а10, *тайеж гадини* 1а11, *хôлапйи свайе* 15б1. И знаком *а*, как видно из примеров, обозначается безударный /о/ в предударных (главным образом в 1-м предударном) и заударных слогах. Такое его обозначение изредка встречается и в конечных открытых безударных слогах: *ничōга* 1а11, 3а4, *мнōга* 3б11, *кōлка* 17б9, *тōлка* 17б8, *рōвна* 1б11.

3. Фатхой (е), т. е. знаком, которым обозначается звук /е/. Примеры: *хелōп* 6а7, 10, 6б12, 7б8, *хелōпе* 6а6, *кетōрий* 6а9, *кетōрийе* 7б7, 9а13, *кему* 15б9, *себе* (бел. *сабе*) 13а10, *а̄днегō* 10б4,

прарӧкем (твор. пад. ед. ч.) 7а7, *тӧлке* 16б11, *катӧрему* 6а6. Отметим, что обозначение безударного /о/ знаком *е* сравнительно редкое явление.

Безударный звук /а/, как правило, обозначается знаком *а*, например: *ласка* 9а7, *навука* 14а8, *навуки* 16а6, *написан* 14б8, *напишӣ* 14а8, *'плакал* 8б11, *такимӣ* 7б2. Однако изредка /а/ в рассматриваемом положении обозначается и фатхой (*е*): *ӯкезуйе* 9б2, *текӧйе* 17б7, *четвертейа* 19б4, *прӧрӧке* (род. пад. ед. ч.) 14а1, *пепутат* 9б8.

Таким образом, совпадение безударных /о/ и /а/ в одном звуке обозначается в рассматриваемой рукописи двояко: знаками *а* и *е*.

Отметим еще случаи написания (*а*) на месте /е/ в безударном положении после (*ч*): *чатирӣ* 18б4, 9, 10, 11, 19а13, 19б6, *чатири* 16а7, *чатирнацат* 1а13, 18а11, 12, *'чатирнацат* 1б10, *чатирнацатий* 1б9, *чатирнацатма* 18б3.

Известно, что некоторым современным южнобелорусским говорам свойственно так называемое еканье, т. е. совпадение в одном звуке в первом предударном слоге гласных неверхнего подъема после мягких согласных [49]. Такое явление наблюдается и в описываемой рукописи, например: *ҫемӣ* 8б3, 10б1, 9б10, *ҫеми* 15а7 (ср. *ҫӧмий* 3а12, 3б8, *ҫем* 8б3), *пети* 16а13, *петма* 16б1, *педесат* 17а9, *девет* 18а4, *деҫет*, *деҫетерӧ* 14а7 (ср. патий 1б4, 2б14, *деватий* 1б5, *деватӧйе* 14а6, *деҫатий* 1б6, 3б11, *десатӧйе* 14а6), *ҫветих* 8б8, *тисечи* 18б9, *тисечей* 12а10, 14, *тисеч* 12б3, 16б14, 17а13, 18б5.

Если иметь в виду не только первый предударный, но и другие безударные слоги, то имеется некоторое, впрочем небольшое, количество отступлений в сторону яканья, т. е. появления /'а/ на месте /'е/ и /'а/ в указанных выше условиях. Вот несколько примеров такого отступления: *йазикам* (твор. пад. ед. ч.) 19б1, 2, 3, 4 *бӧгамӧлйа чинил* 17б2, *текӧйе 'спаҫенйа* (вин. пад. ед. ч.) 16а8, 17а8, *ҫагӧҫветней* 3б11, *земланий* 15б13. Возвратная частица *ся* выступает, как правило, в форме *с'а*, например: *забувҫā* 3б14, *малӯсā* (малюся) 6б7, *пӧклӧнитиҫā* 2а1. Частица *с'е* очень редкое явление: *утапилиҫе* 19а12, *дӧткнетисе* 13а13.

В Казанском китабе, как увидим, представлено значительно более последовательное еканье.

Рассмотрим переход /е/ в /о/ в ударном слоге. Примеры: *шӧстий* 3а11, 3б7, *шӧстӧгӧ* 10а13, *шӧстайа* 14а4 (ср. *шеҫдесат* 17б6, *шеҫтесат* 17б7), *спасӧнийе* 10б3, *ҫӧмий* 3а12, 3б8, *на ҫӧм ҫвете* 6а3, *ҫӧй* 12б12, 14б3, 6, 7, *на йӧй* 2б10, *уҫӧ* 3а5, 3б12. В слове *четвертый* находим только /е/ в ударном слоге: *четвертий* 3б4, 19а1, 19б7, *четвертий* 1б3, 2а3, 2б12, 3а9, *четвертӧйе* 14а4, *у четвертӧй книзе* 16а4, *четвертейа 'книга* 19б4 (см. ДАБМ, карта 4; НБД [50], стр. 56—66).

---

[49] *«Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта 4. (Далее — ДАБМ).*

[50] *«Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Минск, 1964.*

Этимологический звук /ѣ/ передается фатхой (*е*), т. е. тем же знаком, который служит для обозначения /е/ из /е/ и /ь/ в ударном положении, например: *веру* 7а4,7,8, *пел* 4б9, *пейет* 8а3, 14, 9б13, *ҫōй ҫвет* 12б12, *ҫветлōҫт* 11а2, 12а1,7, *лепший* 3а6, [на] *дōрōзег* 7а4, [в] *навуце* 14а9, *ӯ рибнōм 'брӯҫе* 5а3, *в пōслӯзе* 7а2, *на тōм ҫвеце* 8б1, *к тōбе* 7а3. Замены /ѣ/ звуком /и/ не обнаружено.

Попытаемся определить место возникновения рукописи. Ввиду того, что у нас по существу нет данных по исторической диалектологии белорусского языка, мы можем сделать это только путем сопоставления приведенных выше данных с изоглоссами соответствующих фонетических явлений современных южнобелорусских говоров.

Такое сопоставление показывает, что в основе языка рукописи лежат фонетические особенности говоров южной части Глуского района Могилевской обл. и примыкающей к ней восточной части Любаньского района Минской обл. БССР.

На эту территорию указывает прежде всего наличие в рукописи № 893 сравнительно небольшого количества примеров (15) перехода /ы/ в /у/ после губных согласных (ДАБМ, карта 22, а также НБД, стр. 53), смешанный екающе-якающий вокализм (ДАБМ, карта 4, НБД, карта 3). Такому выводу не противоречат и другие явления, как, например, степень реализации перехода /е/ в /о/ (НБД, стр. 24—36), /е/ на месте этимологического /ѣ/ (ДАБМ, карта 18, 35), а также соотношения в частоте употребления форм возвратной частицы *ся* и *се* (ДАБМ, карта 164).

Остановимся кратко на некоторых явлениях консонантизма. Судить о твердости—мягкости звука /д/ или о других его качествах у нас нет возможности, так как для его обозначения в изучаемой рукописи имеется только одна буква *дāл* (*д*).

Противопоставление по твердости—мягкости звука /т/ выражается арабскими буквами *т̣ā* (*т*) и *тā* (*т́*).

Буквой *т* совершенно последовательно обозначается твердый звук /т/, например: *там* 6б4, *к тōбе* 7а3, *катōрая* 7а2, *тийе* 9а11, 18а6, *чатири* 19б6, *штō* 14б13. Буквой *т́*, как правило, обозначается мягкий звук /т/. В некоторых грамматических формах мягкость /т/ обозначается рассматриваемой буквой совершенно последовательно. К таким грамматическим формам относятся, например, инфинитив и форма 3-го лица ед. ч. глаголов настоящего времени. Примеры: *бӯдет́* 1б13, *кажет́ ӯкӣнут́* 13а11, *майет́* 13а1, *мōвит́* 16б11, *пет́и* 1б7, *п ōлōжит́* 1а11, *йеҫт́* 13а11, 13б3, 14а9, 15б12, 16а6, 14, 16б6, 9, 13. Имеется четыре случая обозначения исконно мягкого /'т/ арабской буквой *ҫāд* с тремя точками внизу (*ц*): *на тōм меҫце* 3а2, *целем* (бел. *целам*) 3а13, *йеҫц* (бел. *есці*) 3б11, *на тōм ҫвеце* 8б1. Слово *тысяча* пишется только с (*т́*) в начале слова.

В обозначении твердости — мягкости /з/, /с/ и /к/ наблюдается полная последовательность: *з́емлӯ* 2а11 — *ӯзийди* 20а13, *ҫеде-*

ти 1а4, *ҫомий* 1а7 — *свайе* 4б1, 10а11, *рӯки* 2б12, *ласки* 5б11 — *никōгō* 6б10, *йак* 7б10.

Тексты рукописи № 893, если не считать восточных элементов, дают нам образец довольно чистого белорусского языка. Полонизмы здесь чрезвычайно редкое явление.

Отметим в рукописи, как явление очень редкое, наличие одного лексического украинизма. Мы имеем в виду слово *шчо* (укр. *що*), встретившееся в рукописи четыре раза (*шчō* 1б10, 2б1, 11б6, *шчō б* 3б10). Обычным, нормальным является *што* (*штō* 11а5, 12, 11б6, 13, 13а2, 16а12, 20а2, *'штō* 12а4, 12б8, 14б13, 15а1, 15б10, 16а3, 4, 5, 16б9, и т. д.).

А. Мухлинский, приводя из нашей рукописи (или другой, но очень похожей по языку) текст наставления о молитве (рукопись № 893, стр. 1б14 — 2а1, 2, 5, 6, 7, 9), называет язык всей рукописи волынско-украинским. Если действительно приведенный им отрывок взят из рукописи № 893 (Мухлинский ни страниц, ни строк рукописи не указывает), то определение языка рукописи волынско-украинским основано на каком-то недоразумении. Во всяком случае наличие в нашей рукописи аканья, последовательное обозначение мягкости звуков /*з*/, /*с*/, /*к*/ и /*т*/ перед исконно славянскими гласными /*и*/ и /*е*/ и других белорусских особенностей как в фонетике, так и в морфологии не позволяет согласиться с высказанным Мухлинским мнением.

Отрывок текста из рукописи № 893 (1б14—2а7):

Первий-'гледети ӯ немазе[51] *'стōйӯчи на тōйе меҫце, 'гдег ҫеджедег*[52] *пōклōнитиҫā, дрӯгий — 'гледети ӯ рӯку'еде*[53] *на нōгū, 'третий-'гледети у ҫеджденӯ*[52] *на нōс, на нōздрū, четвертий — 'гледети у ҫеженийӯ на рӯки, патий—'Куран пети так веле йак трū ӣййети*[54] *зарōвнō из елхемду*[55], *шōстий — текбūр*[56] *за йимамōм*[57] *нишкôм 'прōтагôм мôвити, ҫōмий — пōлōжити руки на келенах, рôспастривши палцū, ōҫмий — рōвнō 'хрибет держати ӯ руку'е*[53] (см. рис. 9).

Другой отрывок (10б12—11а10):

Ōд бōга гōлас 'пришôв: «Ай, келем[58], *напиши...» Келем мōвūл: «Й, мūлаҫтивий бōжег, штō йа напишӯ?» Бōжйа мōц пришла: «Гетийе 'слôва напиши...» Келем мōвūл: «Йак написав, ōдна ҫветлōҫт 'з мене вискōчила 'к верху, на бōжйӯм пōлацу, на 'ершу*[59] *на двōйе 'стала. 'С пōлавūци рай сōтварūв». Йешчō'ōд бōга*

---

51 *Молитва (перс. намаз).*
52 *Поклон (ар. саджда).*
53 *Поклон во время молитвы (ар. рукка').*
54 *Стих, строка корана (ар. 'аййат).*
55 *Название первой суры (раздела) корана (ар. 'алхамду).*
56 *Формула мусульманского религиозного напева (ар. такбир).*
57 *Мулла, священник (ар. 'имам).*
58 *Перо (ар. калам).*
59 *Престол бога (ар. 'арш).*

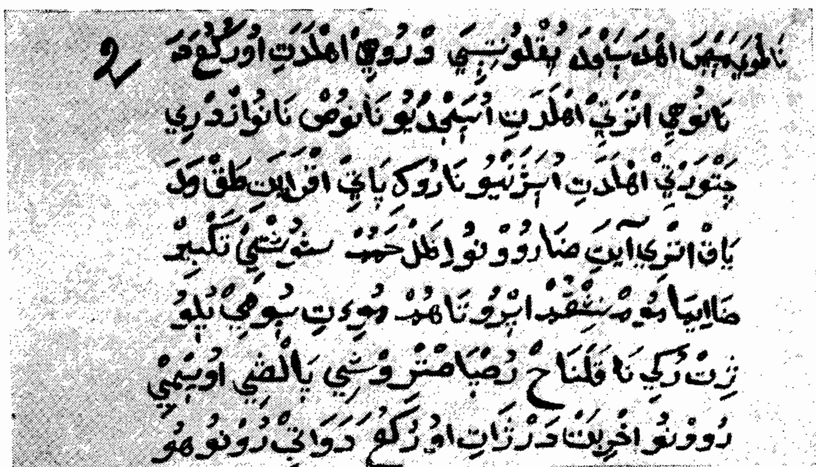

Рис. 9. Образец письма. Начало стр. 2а рукописи 893 библиотеки Ленинградского университета. Середина XVII в.

гōлас 'пришōв: «*Ай, келем, напиши*». *Келем мōвӣл*: «*Гōспōдару бōжег, 'штō йа напишу*». *Ōд бōга мōц'пришла*: «*Напиши гетийе 'слōва...*» *Келем мōвӣл*: «*Иак написав, ōдна с̀ветлас̀т̀ 'з мене вускачила 'к верху, на бōжий пōлац узӣшла, на 'ерш*[60]. *Бōг мӣлас̀т̀ивий 'с тайе 'с̀вет̄лōс̀т̀и мōрег сōтварӣв. Тӣм мōрем хелапӣӯ 'свайу, мус̆улманс̀кийе нӯтри ӑчис̀т̀ил* (см. рис. 9).

В январе 1962 г. в фонде восточных рукописей Казанского университета нами обнаружен китаб XVII в. и хамаил 1775 г. (рис. 9, 10). Как нас информировал сотрудник библиотеки А. С. Фатхиев, хамаил поступил в библиотеку Казанского университета в 1959 г. от бывшего мусульманского церковного деятеля К. Расулева. По словам последнего, рукопись обнаружена им в Казани в мечети в 1942 г.

Китаб XVII в. является даром известного татарского поэта Миргазиз Укмасы. Дарственная запись последнего находится на лицевой стороне 1-го листа в левом верхнем углу. Запись помечена 20 марта 1923 г. Под датой — печати библиотек, в которых находилась рукопись до перехода ее в библиотеку Казанского университета, а именно научной библиотеки Татарской республики и Центральной Восточной библиотеки и музея. На второй печати проставлен номер рукописи — 1446. Информация о даре М. Укмасы имеется в татарской газете «Татарстан» от 23 марта 1923 г. Некоторые сведения о рассматриваемой рукописи есть и в упомянутой уже нами статье А. Н. Самойловича: «На Волге, в Татарской Слободе, под городом Костромой у местного муллы и

---

[60] *Престол бога (ар. 'арш).*

Рис. 10. Образец письма. Страница 75а текста китаба Казанского университета. Первая половина XVII в.

известного татарского писателя Укмасы я видел в 1916 году завезенную в это селение из Западного Края другим местным муллой, Сафаровым, интересную литовско-татарскую рукопись, в коей заключается староосманское мистическое стихотворное произведение с толкованием на польском или белорусском языке. В бытность мою весною 1925 года в Казани я слышал, что Укмасы передал эту рукопись в Центральную Казанскую библиотеку» (5—6 стр.).

Листы всей рукописи № 1446 пронумерованы красным карандашом. Со страницы 40-б по 55-б имеется и постраничная нуме-

рация черным карандашом. Текст листов 1—40-а тюркский. Он расположен в две колонки. На листах 1—37 по 11 строк, на 34-б—40-а разное количество строк. Никакого толкования тюркского текста ни на польский, ни на белорусский язык нет. Высказывание А. Н. Самойловича по этому вопросу ошибочно. Текст листов 41—76 белорусский. В белорусской части текста количество строк на странице колеблется от 13 до 15. Как показывают состав 6-й тетради (лл. 35—42), кустодия, содержание рукописи, а также нумерация ее страниц, лист 42 утрачен, причем утрачен уже после проведения полистной и постраничной нумерации. Некоторого количества листов недостает и в конце белорусской части текста, что видно хотя бы из того, что разговор (диалог) Магомета с шайтаном обрывается в середине предложения. Судя по объему данного текста в других китабах (Луцкевича XVIII в., Карицкого XIX в., Лебедя 1771 г.), можно сказать, что в нашей рукописи недостает четырех-пяти страниц названного диалога. Первоначально книга имела хороший переплет: картон был покрыт кожей. На обеих его сторонах был вытиснен довольно сложный орнамент. В настоящее время кожаный корешок совершенно разрушен, кожа переплета очень ломкая, во многих местах видны сплошные трещины. Переплет не прикреплен к книге. Сохранность бумаги рукописи, а также текста довольно хорошая.

Датировка рукописи имеется на странице 31а, где указывается, что по мусульманскому летосчислению рукопись написана в 1055 г., что соответствует 1645 г. н. э. Переписчик Гобдулвахаб Муса ибн Мустафа. Возникает вопрос, относится ли эта датировка ко всей рукописи или же только к тюркской ее части. Необходимо в связи с этим отметить, что, как нам кажется, тюркский и белорусский тексты написаны разными писцами. Однако необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что обе части рукописи (тюркская и белорусская) написаны на одной бумаге, о чем свидетельствует водяной знак, имеющийся на листах 26, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 41, 43, 48 и многих других (см. рис. 2а). Очень мало вероятной кажется и возможность случайного объединения двух разновременных рукописей в одном переплете. Дело в том, что в одной и той же тетради (6-й) кончается тюркский текст и начинается белорусский. Водяной знак на бумаге рукописи — двуглавый орел с короной, на груди у него сердцевидный щит с начертанной на нем буквой G. Такой знак имеется в альбоме Э. Лауцявичюса под № 455. Он обнаружен в документах 1629—1630 гг. Все вместе взятое дает основание полагать, что белорусская часть рукописи появилась в одно время с тюркской, т. е. написана в первой половине XVII в. Это, конечно, время составления или же переписки сборника. Время же перевода на белорусский язык, по крайней мере некоторых его текстов, относится к более раннему периоду, о чем свидетельствуют заметные различия в орфографии и языке отдельных частей сборника.

Состав Казанского китаба следующий. В начале помещен оракул (гадательная книга) — листы 40—55. В самом начале текста оракула указано имя переводчика и названы языки, с которых переведен его текст. Приводим это место: «*Йа Хо̄дӣна буйӯ книгӯ ис фарсийско̄го̄ и с турецко̄го̄ йазика на руский йезик перело̄жил дле невмӣлих*» (41а). Из дальнейших высказываний Ходыны видно, что он является переводчиком только оракула. Некоторые указания на это дает и орфография, а также особенности языка этого текста. На странице 41б дано объяснение, как пользоваться оракулом. Далее следует наставление о молитве и объяснение ее важности (55б — 60а). Другие тексты: 60а — 61а — о премудрости бога, 61а — 62а — об искушении человека сатаной и о покровительстве ангелов, 52а — 64а — напоминание о смерти, 64а — 67б — разговор Мусы (Моисея) с богом, 67б — 72б — притчи о всемогуществе бога, 72б — 74а — диспут мусульманина с евреем, 74а — 76б — диалог Магомета с шайтаном.

Орфография памятника во многом похожа на орфографию рукописи № 893 Ленинградского университета. Для обозначения звука /*д*/ имеется только один знак *да̄л*. Буквой *са̄д* с тремя точками внизу обозначается только исконный звук /*ц*/, мягкий /*т*/ обозначается буквой *та̄*. Обозначение твердости — мягкости /*т*/ значительно последовательнее, чем в рукописи № 893. Звуки /*у*/ и /*о*/ в Казанском китабе, как и в рукописи Ленинградского университета, обозначаются одним знаком. Но в Казанском китабе, в отличие от рукописи № 893, имеется 151 случай обозначения звука /*о*/ отдельным знаком (вавом с фатхой над ним), что в рукописях конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. является всеобщей нормой.

Много общих черт имеется и в языке рукописи № 893 Ленинградского университета и Казанского китаба. Одной из таких черт является переход /*ы*/ в /*у*/ после губных согласных. Вот некоторые примеры: ***бу****ла* 45а11, ***бу****длōм* 49б7, *дōб****у****вши шаблӯ* 58а14, *йакō б****у*** 54а11, *йесли б****ӯ*** 57б5, ***ву****звалит* 47а4, 49а13, ***ву****звелит* 45б14, ***ву****писанō* 41б1, ***ву****пōведал* 73а8, ***ву****пустил* 65б12, ***ву****сōкий* 70б13, ***ву****сōкô* 70б14, ***ву****тōчила* 71а4, ***ву****шлō* 43б7, 46а5, 48а11, 48б3, 52а11, ***ву****шпōменōнийе* 70а7, ***ву****шпōменōнийе* 76а8, *пер****ву*** 48а10, *пер****вуй*** 44б12, 46а2, 53б1, 54б7, 52а6, *но****вух*** 73б16, *спра****ву*** 43а10, 45б9, 47а3 48а2, 50б3, *се****муй*** 45а12, 46б2, 47б8, 48б8, 50а6, 52б9, 53б13, ***му****сли* 50а6, *у****му****слōм* 73б11 и другие примеры. Частота перехода /*ы*/ в /*у*/ в Казанском китабе значительно большая, чем в рукописи № 893 Ленинградского университета.

Аканье в узком смысле слова, т. е. совпадение в одном звуке безударных гласных неверхнего подъема после твердых согласных, представлено в Казанском китабе значительно слабее, чем в рукописи № 893. Примеры: *с* ***а****дним* 47б14, *в****а****рōта* 46а7, *на в****а****рōтах* 59б7, *узв****а****лит* 47а4, 49а13, *изв****а****лит* 54б5, *изв****а****лил* 49б1, *д****а*** (предл.) 74б11, *здōрōв****а****гō* 49б1, *м****а****литвōйӯ* 43б11, 47б2,

малитвӧйу 46а10, *навина* 54б9, 10, *перемагайет* 72б14, *свайи* 54а2, 57б3, *свайейӯ* 52б2, *твайих* 43б7, 46а5, 46б1, *твайегō* 57а13, фартуна 43б9, 44а3, 14, 44б8, 45а7, 14, 45б2, 47б7, 48а14, 50а3, 53а5. Примерно из 70 случаев обозначения безударного /о/ буквой *а* 40 приходится на первый предударный слог. Имеется несколько случаев обозначения безударного /е/ буквой *(а)*: *парсуна* (или *парсōна*) 44а12, 50б6, 51а9, *чалōм* 66б2, *страла* 64б4.

Еканье в Казанском китабе проведено более последовательно, чем в рукописи № 893. Достаточно сказать, что из 104 случаев употребления частицы *ся* в 99 случаях она выступает в форме *с'е* (*се*), в двух — *ćо* (*сё*), в двух — *с'а* (*ся*) и в одном — *се* (*сэ*), тогда как в рукописи № 893 преобладает *ся*.

Фонетическое явление перехода в известных условиях /е/ в /о/ выражено значительно слабее, чем в рукописи № 893. После шипящих, как и в предыдущей рукописи, находим обычно /о/ на месте /е/, например: *шōстий* 45а10, 46а13, 47б6, 48б6, 50а4, 51а8, 52б6, 53б1, *шōстайа* 73б12, *пришōл* 53б12, *зешōл* 72б2, *ō чōм* 45б11, 52а1, *не при чōм* 46б4, 57б 2, 12, 57б12. Имеется некоторое количество примеров перехода /е/ в /о/ после исконно мягких согласных: *т́ōмний* 62а8, *замкнōний* 64б3 (дважды), *вушпōменōнийе* 76а8, *вушпōменōнӣйе* 70а7. Во многих лексемах находим чередование /е/ и /о/, а в некоторых выступает только /е/. Последних случаев в Казанском китабе значительно больше, чем в рукописи № 893. Примеры: *привел* 63а5,— *привōл* 60а14, *привōв* 61а1, *пōд з́емлейӯ* 72а7, *вōдōйу* и *з́емлейӯ* 70а15 — *пōд з́емлōйу* 72б1, *далекō* 49а3, *з́еленӯ* 66б14, *з́еленуйӯ* 72а12, *у мед* 47а14, *земла т́верда* 62а10, *спаćенийе* 62б6, *ćемуй* 44а4, 45а12, 46б2, 47б8, 48б8, 50а6, 51а10, *чет́вертий* 43б10, 45а5, 46а9, 47б2, 48а2, 51а4, 52б1, *чет́вертōйō* 67б11.

Мы видели, что этимологический звук /ѣ/ в рукописи № 893 последовательно обозначается фатхой *(е)*. В Казанском китабе находим другую картину. Указанный звук передается фатхой *(е)* и кесрой *(е)*, причем *и* употребляется чаще, чем *е*. Более частое употребление *и* идет главным образом за счет форм дат. и предл. пад. местоимений *я*, *ты*, *себя*: *мни* 56б9, 61а4, 66а4, 70а2, 3, 71а1, 10, 11, 72б15, *тōби* 43б8,9, 44б7,11, 45б4 и т. д.— всего более 30 примеров, *сōби* 41б2, 43а9, 44а11, 49а5 и т. д.— всего 18 примеров. Формы *мне*, *тобе*, *собе* встречаются только в единичных случаях. Местоимение *весь* в имен. пад. мн. ч. находим только в форме *вси*, *уси*. В корнях слов на месте этимологического /ѣ/ примерно одинаковое количество знаков *е* и *и*, причем в одних и тех же словах возможны оба знака, например: *ведал* 72а3 — *видат́* 67а9, 67б4, 6, 7, 69б12, *видай* 47а2, 66б9, *неверникōв* 58б2, *вернийе* 76б10 — *вирнийе* 76б12, *невирних* 65а12, *грех* 58б9, 61б4, 8,12, 62а2, 63а7, 63б2, 76а7, *греху* 59а6, 65а7, 76б9, *за грехи* 63а1, *грешних* 60б4 — *грих* 58а14, 58б4, 59а1,3,7,13, *гришōн* 60б6, *гришнӯйӯ* 75а8, *гришнийе* 63а2, *згришил* 71б4, *гриху* 63б7, *йеćт́и*

62б2, 69б10, 70б12, 71а2, 71б2, 72а3, 72б2, *йеćт* (он ест) 72а12—*йиćти* 62б11, 70б2, *йиж* 71а4 и множество других примеров. В окончаниях дат. и предл. пад. ед. ч. существительных находим (*е*) и (*и*).

Такое колебание в обозначении этимологического /ѣ/ свидетельствует, видимо, о том, что мы имеем здесь дело со звуком средним между /*е*/ и /*и*/, т. е. с закрытым /*ê*/. Такой звук, как известно, знают многие юго-западные белорусские говоры, в том числе и те, в которых происходит переход /*ы*/ в /*у*/ [61].

О наличии или отсутствии закрытого /*ô*/ в Казанском китабе и в рукописи № 893 Ленинградского университета их графическая и орфографическая система не позволяет сказать что-нибудь определенное. При случае отметим, что в тех изучаемых текстах, в которых звуки /*о*/ и /*у*/ обозначаются одними и теми же знаками, наши транслитерационные знаки (*у*), (*ӯ*) — (*ô*), (*ō*) во многих случаях имеют условное значение.

Как показывает сравнительно большое количество примеров перехода /*ы*/ в /*у*/ после губных согласных, слабое отражение аканья, немногочисленные примеры перехода /*е*/ в /*о*/, последовательное еканье, а также наличие закрытого /*ê*/ на месте /ѣ/, в Казанском китабе отражают особенности говоров, распространенных значительно южнее районов предполагаемого возникновения рукописи № 893. Очень возможно, что возникновение текстов Казанского китаба (переписка или составление сборника) связано с населенным пунктом Михновичи, находящемся в юго-западной части Калинковичского района на стыке последнего с Мозырским и Копоткевичским районами Гомельской обл. Как видно из ревизии татарских земельных владений, проведенной Яном Кердеем в 1631 г. по поручению короля польского и по постановлению сейма, в Михновичах Мозырского повета находилась наиболее выдвинутая на юго-восток Белоруссии татарская колония.

В области передачи явлений консонантизма Казанский китаб почти ничем не отличается от рукописи № 893.

Отметим одну морфологическую черту обеих рукописей. Мы имеем в виду форму 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения. Эта форма в рассматриваемых рукописях употребляется без окончания и с окончанием *-ть*. Казанский китаб: *бӣвайе* 68а8, *гине* 72б7, *дайе* 72б2, *бйеť* 75а6, *не дайеť* 59б12, *жджеť* 74б12, *перемагайеť* 72б14. Рукопись № 893: *бӯде* 10а5, *ōтпӯскайе* 19а13, *дайе* 13б14, *бӯдеť* 1б13, 7б12, 8б1, 10а7, 10б2, *пейеť* 8а14, 9а13, *увайдеť* 16б5, *перенеćеť* 17а3. В современных белорусских говорах окончание *-ць* в рассматриваемой форме знают только северо-восточные белорусские говоры (ДАБМ, карты 148, 149). Возможно, что в наши памятники это окончание попало из старой белорусской кирилловской письменности, где оно было всеоб-

---

[61] *См. ДАБМ, карта 34 и НБД, стр. 21—24.*

щей нормой. В какой мере было бы оправдано предположение о наличии окончания *-ть* в XVII в. в южнобелорусских говорах, сказать трудно. В заключение отметим, что в некоторых частях рукописи заметно довольно сильное влияние польского языка (стр. 64а—67б, 72б—74а и некоторые другие).

Приводим отрывок текста из диалога Магомета с шайтаном (стр. 75а). *Йешчо̄ про̄ро̄к пӣтал: «Шетане, т́ебе хто̄ а̄ ко̄ли задави́т по̄врозо̄м за шийӯ?» Шетан рек: «Про̄ро̄че, мене задави́т за шийу, ѓди навчо̄нийе луди заса́дут́ а̄ будут́ з навуќи резмо̂влат́». Йешче про̄ро̄к пӣтал: «Шетане, т́ебе по̄ймавши, черевико̄м хто̄ бйет́ по̄ видениййӯ?» Шетан рек: «Мухеме̄ду, мене тийе луди, по̄ймавши, бйут по̄ виденйӯ черевико̄м, ко̄то̄рийе луди на гришнӯйӯ не гледат́, часто̄ мене тийе бйут́ по̄ виденйӯ черевико̄м». Йешчо̄ про̄рок питал: «Шетане, т́ебе на штуќи по̄с́ечет́ хто̄ то̄ а̄ ко̄ли то̄ бӣвайет́?» Шетан рек: «Про̄роче, мене на штуќи пос́екут́ тийе луди, хто̄ ус́егди пана бо̄га хвалит́ и часто̄ бо̄га успо̄минайет́»* (см. рис. 10).

Переходим к Казанскому хамаилу 1775 г. (рис. 11). Объем рукописи 59 листов формата 13 × 21 см, из которых один (между листами 4 и 5) ненумерованный. Основной текст рукописи, как видно из почерка и чернил, написан одним писцом. Письмо довольно мелкое, но четкое. На странице по 13 строк. Как видно из записи на стр. 59б внизу, переписчик хамаила — Ибрагим ибн Алей Смольский. Там же указан год переписки — 1775. Место возникновения рукописи не названо. Текст начальных листов (1—5) и конечных (55—59) написан другим почерком, чем основной текст хамаила (6—53). На стр. 3а—5б помещен текст упоминаемого уже нами в другом месте (см. стр. 275) Третьего весыета, т. е. завещания Магомета. Это белорусский текст, написанный в 1780 г. (стр. 3а). На лицевой стороне листов 5, 45, 54 имеется прямоугольный штамп с текстом: «Отдел рукописей и редких книг. Восточный сектор». Текст стр. 1а, 58б, 59а сильно выцвел. На лицевой стороне 55-го листа имеется запись на польском языке ученическим почерком, в которой неизвестный автор заявляет, что 10 декабря 1802 г. мама подарила ему этот хамаил. На этом же листе, но другим почерком написано несколько мусульманских имен с датами их жизни.

Хотя рассматриваемая рукопись и является хамаилом, но молитв, обычной принадлежности последнего, в ней нет. Текст всех 96 страниц состоит из описания разных мусульманских обрядов и ритуалов, изложены правила отправления молитв и т.д. Кроме того, в нескольких местах кратко изложены некоторые библейские и коранические легенды (Искушение Евы сатаной — 18б—19а, Странствование Моисея по пустыне — 26б—27б, Поклонение ангелов Адаму и отказ Иблиса сделать это — 29а—29б и др.). Все это изложено на белорусском языке. Изредка только встречаются цитаты из текста корана на арабском языке.

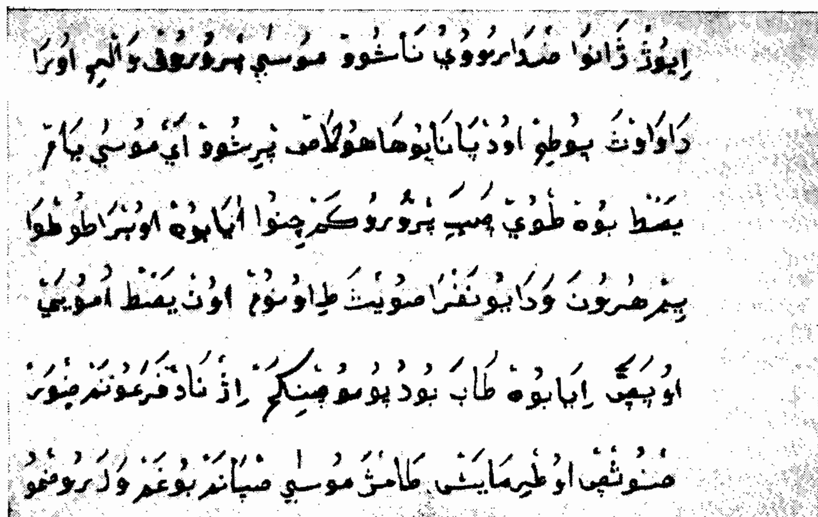

Рис. 11. Образец письма. Часть стр. 27б хамаила библиотеки Казанского университета. 1775 г.

В графике и орфографии Казанского хамаила ничего оригинального не обнаружено. Звуки /*у*/ и /*о*/ последовательно обозначаются одними знаками — вавом с даммой над ним или же одной даммой. Необходимо при этом отметить, что в употреблении названных знаков, как это можно сказать и о других текстах XVII—XVIII вв., никакой системы не обнаружено. Основной текст хамаила еще не знает случаев обозначения звука /*о*/ отдельным знаком, как это бывает изредка в некоторых рукописях XVII—XVIII вв. Несколько случаев обозначения звука /*о*/ вавом с фатхой над ним обнаружено только в дописанных в 1780 г. текстах в начале хамаила (лл. 1—5). Начальные гласные, как правило, обозначаются алифом, айн же в таком положении употребляется очень редко. Парные по твердости — мягкости звуки /*д*/—/*д'з'*/, /*т*/ — /*ц'*/, /*з*/ — /*з́*/, /*с*/ — /*с́*/ последовательно обозначаются отдельными знаками, последовательно обозначается и мягкость звука /*к*/ в положении перед /*и*/. Безударный звук /*о*/ в одних и тех же фонетических условиях обозначается знаком *а* и *о*, причем конечный заударный /*о*/ всегда обозначается знаком *о*.

Казанский хамаил возник на территории гродненско-барановичской группировки белорусских говоров, о чем свидетельствуют многие языковые особенности его текстов, например сохранение *о* в конечном безударном открытом слоге (*дōвгō* 14а6, *мнōгō* 11а6, 40а3, *целō* 16б8; *мōрō* 25а7), двухсложное окончание существительных ж. р. с основой на *-а* в твор. пад. ед. ч. (*вадōйу* 14б8, 15б2, *вȏдōйу* 16а8, *рукōйу* 14б1) и др. Некоторые особенности

указывают на северную часть названной территории, на треугольник Новогрудок — Лида — Ивье, где были значительные татарские колонии. В заключение отметим, что в Казанском хамаиле сильно дает себя знать влияние польского языка.

Ниже, как обычно, даем отрывок текста из рассматриваемого хамаила (стр. 27а11—27б6):

По̄тим блӯдзечи в но̄ци, Мӯса̄ аго̄н о̄бачив и по̄шо̄в до̄ таго̄ агнӯ. Иак пришо̄в до̄ агнӯ, жанӯ и дзетки нашо̄в, а да таго̄ жана сина по̄ро̄дзила и йӯж жанӯ здаро̄вуйу нашо̄в. Мӯса̄ про̄ро̄к валми ӯрадававсе. По̄тим о̄д пана бо̄га го̄лас пришо̄в: «Ай, Мӯса̄, йам йест бо̄г тво̄й, цебе про̄ро̄кем чинӯ', а ай бо̄г о̄ братӯ твайим Га́ро̄не ведайӯ, не фарсӯйсе ти о̄ но̄м, о̄н йест у мо̄йей о̄пеце. И йа бо̄г табе бӯду по̄мо̄цникем, иж над фере̄о̄нем зверхно̄сц о̄тримайеш (см. рис. 11).

Несколько лет назад Библиотека Академии наук БССР приобрела от жителя г. Вильнюса две рукописи литовских татар. Их сигнатуры Р97 и Р98. Рукопись Р97 в настоящее время состоит из 121 листа форматом 15 × 17,7 см. Обложка рукописи утрачена. Большинство листов дефектны. Некоторые из них сохранились только частично в виде больших или меньших кусков. Обгоревшие края некоторых листов свидетельствуют о том, что рукопись находилась в огне и кем-то спасена от гибели. Постраничная нумерация рукописи проведена очень невнимательно, вследствие чего многие страницы обозачены одинаковыми числами с прибавлением латинских букв *a*, b, c, d (49a, 49b, 49c, 49d). Текст стр. 1—217 написан коричневыми чернилами, 218—235—черной тушью. Бумага последних девяти листов новая фабричная. Некоторые слова текста написаны, как это часто бывает в китабах и хамаилах, красными чернилами. Письмо рукописи небрежное, а на страницах с подстрочным славянским текстом его можно назвать даже неряшливым.

Белорусские тексты в рассматриваемой рукописи очень немногочисленны. Большинство же их, если не считать восточных текстов, можно назвать польскими или польско-белорусскими. Однако, как это бывает и в других рукописях, польские тексты не лишены белорусских языковых особенностей, а в белорусских немало полонизмов. Кроме того, как в польских, так и в белорусских текстах очень много описок, попадаются неясные по смыслу места.

Даты рукопись не имеет, а водяные знаки вследствие небольшого формата последней обнаруживаются только в виде незначительных фрагментов, по которым их трудно восстановить. Отсутствие же отдельного знака для обозначения звука /о/ указывает на то, что рукопись возникла не позже XVIII в.

В заключение отметим, что рукопись Р97 Библиотеки Академии наук БССР для исследователей белорусского языка не представляет большой ценности. Однако и она может сыграть

известную роль при решении некоторых текстологических и других вопросов.

Рукопись Р98 Библиотеки Академии наук БССР представляет собой так называемый *теджвид*, т. е. правила чтения корана (интонация, паузы и т.д.). Ее объем 23 листа форматом 10,5 × 17 см. Нумерация листов отсутствует. Текст расположен на листах 2—18, листы 1, 22, 23 чистые. Многие листы, как и в рукописи Р97, обуглились по краям, но текст не пострадал. На обороте 1-го листа имеется запись: «Дворонинъ гор. Слонима Илья сынъ Ивана Шегидевичъ». Таким образом, можно думать, что теджвид связан своим происхождением со Слонимом. Даты и эта рукопись не имеет, но, судя по тому, что звук /*о*/ обозначается в ней особым знаком, можно думать, что она возникла не раньше конца XVIII в., но вполне возможен и XIX в.

Во всей рукописи восточному оригиналу сопутствует подстрочный перевод на язык, который можно назвать польско-белорусским или белорусско-польским. Кроме правил чтения корана в рукописи дается описание артикуляции арабских звуков. На сколько можно судить по переводу, не все звуки описываются одинаково удачно. Основное внимание обращается на указание места образования звуков и почти совершенно не описывается способ их образования. Например, про звук *ғайн* сказано, что он образуется в том месте, где «*горло начинаецца*», *р* идет из углубления в языке, а *ф* хорошо получится, если нижнюю губу приложить к верхним зубам и т. д. Рассматриваемая рукопись представляет больший интерес для востоковедов, чем для славистов.

В нашем распоряжении имеются еще репродукции четырех хамаилов, любезно нам предоставленные частными их владельцами. Два из них связаны своим происхождением со Швенчёнским и Игналинским районами Литовской ССР. Владелец одного из них — житель дер. Милькуны Я. Якубовский, а другого — колхозница З. Радкевич, проживающая в дер. Мелегяны (Игналинский район). Даты ни один из названных хамаилов не имеет. Но первый, как нас информировал его владелец, написан в 20-е или 30-е годы нашего столетия. Второй, судя по бумаге и другим приметам, написан не раньше конца XIX или начала XX в. Интересно отметить, что даже в сравнительно недавно написанном хамаиле Якубовского чернила не химические, а коричневые, изготовленные по старым рецептам. Графика и орфография рассматриваемых хамаилов такая же, как описанного нами выше китаба Сегеневича (см. стр. 273). Славянского текста, как это бывает в большинстве хамаилов, немного. Он выступает в качестве объяснений, в каких случаях читается или говорится та или другая молитва или же как выполняется тот или иной ритуал, обряд. Язык этих пояснительных текстов можно назвать польско-белорусским, хотя в них можно найти фразы и предложения чисто белорусские.

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну особенность хамаила Якубовского. Мы уже видели, что разные народные поверья и суеверия нашли свое отражение во многих хамаилах и китабах. Но особенно богато представлен такого рода этнографический материал именно в хамаиле Якубовского, где он занимает около 200 страниц. Тут находятся магические формулы, талисманы (тальсимы), использование которых, по народному суеверию, помогает предсказывать будущее, избегать всевозможных неприятностей, достигать определенные цели, лечить разные недуги и т. д. Как нам кажется, здесь мы имеем дело со смешением восточного фольклора с местным белорусским или литовским. Вникать в подробности этого дела не входит в нашу задачу. Мы хотели бы только обратить внимание этнографов на данную сторону анализируемых нами текстов.

Один из хамаилов С. Х. Александровича написан на разной по качеству бумаге. Белорусского текста в нем очень мало. Даты в рукописи нет, но, как показывает правописание, она написана не ранее XIX в.

Второй хамаил С. Х. Александровича написан в 1868 г. Место написания не указано, но, судя по языку, он мог быть написан в южной части гродненско-барановичской группы белорусских говоров. Он состоит из 500 страниц текста. Кроме небольших пояснительных текстов в данной рукописи имеется и один довольно большой текст на белорусском языке. Текст этот ничего общего с мусульманской религией (если не считать упоминания имени Магомета и некоторых других персонажей) не имеет. В нем излагается, что можно предпринимать и чего следует избегать в определенные дни месяца.

Вот небольшой отрывок названного текста:

Ӯ мес́ецу триц̄ац дзон. Катори дзен на што пануйе. Першего дна пан бог йедини Адама прарока стварив. Добри дзен проз̓бу чиниц и венчац, ӯ дарогу йехац,... кӯпиц, прадац, новӯйу адзежу кройец... — на вс́о то гожа. А йес́ли дзеце народзис́е, добро и довговечно бӯдзе, и багато будзе; а йес́ли таго дна захварев, ӯ двух днах здаров бӯдзе, а кели два днӣ мине цали мес́ец хварец бӯдзе, а потим з̧даров бӯдзе; а йес́ли сон першей ночи видзев, добри бӯдзе, а йес́ли што пропало — знайдзеш.

Краткие выводы

1. Всего в статье описана 21 рукописная книга XVII—XX вв.

2. По столетиям описанные рукописи распределяются следующим образом: 2 рукописи XVII в., 8—9 рукописей XVIII в., 9—10 рукописей XIX в. и 1 рукопись XX в. Среди описанных рукописей 9 датированных и 12 недатированных. Время написания рукописей, не имеющих даты, определяется по водяным знакам на бумаге, а также по орфографии и другим приметам. Само собой

разумеется, что степень точности датировки последних не одинакова.

Необходимо помнить, что, говоря о датировке описываемых рукописей, мы имеем в виду только время составления или переписки данной книги, а не время возникновения входящих в ее состав текстов. Вопрос о времени перевода на белорусский или польский языки отдельных текстов в целом подлежит еще изучению. Однако уже теперь у нас имеются достаточно веские основания полагать, что многие популярные мусульманские легенды (хадисы) и другие тексты переведены на белорусский язык не позже XVI—XVII вв., а в последующие столетия они только переписывались. Например, некоторые тексты Казанского китаба первой половины XVII в. находим и в китабах XVIII и XIX вв. К таким текстам принадлежит и диалог Магомета с шайтаном. Кроме Казанского китаба этот текст имеется в китабе И. Луцкевича первой половины XVIII в., в китабе Лебедя 1771 г. и в китабе Карицкого середины XIX в. Текстуальные различия во всех четырех списках настолько незначительны, что их происхождение от одного общего для всех их оригинала совершенно очевидно. То же самое можно сказать и о некоторых других текстах Казанского китаба. Известная нам в пяти списках (первой половины XVIII в., 1815 г., 1837 г., середины XIX в., 1868 г.) легенда о вознесении Магомета на небеса («Ме‘радж»), как показывают очень незначительные разночтения, восходит также к более древнему оригиналу — древнее списка первой половины XVIII в. Так обстоит дело и с многими другими текстами.

3. Среди описанных рукописей 7 китабов (Казанский китаб первой половины XVII в., китаб И. Луцкевича первой половины XVIII в., китаб Лебедя 1771 г., китаб Смольской 1815 г., китаб Шагидевича 1837 г., китаб Карицкого середины XIX в. и китаб Сегеневича 1868 г.), 9 хамаилов (середины XVII в., 1765 г., 1775 г., 1868 г., 4 хамаила XVIII—XIX вв., 1 хамаил XX в.), 3 тефсира (первой половины XVIII в., 1788 г., начала XIX в.), 1 теджвид XIX в., турецко-белорусский словарь-разговорник после 1836 г.

4. Кроме белорусских текстов в описанных рукописях имеются тексты польские и восточные — арабские и тюркские. Встречаются и тексты, которые можно назвать польско-белорусскими или белорусско-польскими. Типичным их примером является подстрочный перевод теджвида XIX в.

5. Язык белорусских текстов, писанных арабским письмом, очень близок к народно-разговорному языку. В нем нашли свое яркое отражение многие диалектные особенности юго-западных белорусских говоров, а также небольшой полосы среднебелорусских и юго-западной части полоцкой группы белорусских говоров, непосредственно примыкающих к литовской языковой территории.

6. Как видно из высказываний А. Мухлинского, Я. Шинкевича, а также из перечисления описанных нами белорусских текстов, писанных арабским письмом, последние в прошлом представляли собой очень обширную и разнообразную переводную письменность, в большинстве своем возникшую не позже XVI—XVII вв. Памятники этой письменности являются очень ценным дополнением к белорусской кирилловской письменности этого же периода. Сравнительное их изучение открывает возможность постановки и решения многих вопросов истории белорусского языка, например проблемы отношения старого белорусского литературного языка к народно-разговорному языку, польско-белорусских языковых отношений и некоторых других. Не менее ценными рассматриваемые нами рукописи являются для решения многих вопросов исторической диалектологии белорусского языка. Нам кажется, что письменность литовских татар представляет несомненный интерес не только для славистов, но и для арабистов и тюркологов.

7. В заключение нам хотелось бы обратить внимание на необходимость публикации уже известных в настоящее время рукописей, давая таким образом возможность их использования широкой научной общественности. Необходимо также в интересах науки настойчиво продолжать работу по дальнейшему выявлению подобного рода рукописей.

ХРОНИКА ПОЛЕССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В соответствии с решением Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва 1961 г.), наметившего главные направления славистических исследований в СССР и поддержавшего инициативу Института славяноведения АН СССР по созданию диалектного словаря Полесья, в последние годы в Полесье на территории БССР работали диалектологические экспедиции, в которых принимали участие диалектологи Москвы, Минска, Житомира и Мозыря. Координировал работу Институт славяноведения АН СССР.

Для сбора и изучения Полесской диалектной лексики было проведено пять экспедиций (летом 1962, 1963, 1964, 1965 гг. и зимой 1964 г.) и обследовано более 40 населенных пунктов Брестской и Гомельской областей БССР.

Первая экспедиция 1962 г., носившая предварительный и разведывательный характер, работала на крайнем западе Брестщины (Малоритский район), в Центральном Полесье (Пинский район) и в Восточном Полесье (Петриковский район), охватив, таким образом, всю территорию будущего обследования. Эта экспедиция помогла составить общее представление о структуре и степени дифференцированности полесской диалектной области, познакомиться с условиями полевой работы в Полесье, наметить маршруты и задачи следующих экспедиций и, главное, разработать программы-вопросники для собирания различных групп лексики. Летом 1963 г. в Западном Полесье работало уже 3 отряда в течение 40 дней по заранее составленным и обсужденным программам (в том числе по фонологии и морфологии). Работа зимней экспедиции 1964 г. была посвящена обследованию трех северных западнополесских диалектов в Березовском районе Брестской обл. Летняя экспедиция 1964 г. в составе четырех отрядов проходила в Восточном Полесье южнее Припяти по линии Туров — Мозырь (вплоть до украинской границы) и севернее Припяти — в четырех пунктах. В трех из них полвека назад побывал К. Мошинский и описал их в книге «Polesie wschodnie» (Warszawa, 1928). Это Голубица и Дорошевичи на Припяти и Дяковичи на Князь-озере (теперь озеро Червоное). Пятая экспедиция (июль 1965 г.) работала в районе Центрального Полесья (Столинский и Пинский районы южнее Припяти и Лунинецкий район Брестской обл. севернее Припяти).

Экспедициями руководил старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР Н. И. Толстой, который одновременно был руководителем лингвистического семинара, работавшего во время экспедиций. На семинаре читались доклады и обсуждались вопросы, непосредственно связанные с полевой работой: структура семантического поля отдельных лексических групп (Н. Г. Владимирская, Л. Т. Выгонная, Н. И. Толстой); фонологическая характеристика полесских диалектных систем (Т. М. Судник, С. М. Толстая); некоторые вопросы морфологии полесских диалектов (О. Г. Карпинская, И. И. Ревзин); вопросы методики сбора и обработки диалект-

ного материала (общие дискуссии); а также более общие проблемы лексикологии, семасиологии (С. А. Григорьев, А. А. Кривицкий, А. И. Киселевский, В. В. Мартынов, В. А. Москович, Н. В. Никончук, А. С. Соколовская, Н. И. Толстой) и теоретического языкознания (В. К. Журавлев, О. Г. Карпинская, В. В. Мартынов, В. А. Москович, И. И. Ревзин, Н. И. Толстой, Г. А. Цыхун).

В результате совместной полевой работы, дискуссий по актуальным вопросам диалектологии и общего языкознания сформировался большой и дружный коллектив, с энтузиазмом работавший в Полесье и готовый в будущем продолжить лингвистическое изучение Полесья.

Материалы экспедиций и картотеки хранятся в Москве в Институте славяноведения АН СССР и в Минске в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР. Предварительные результаты экспедиций обсуждались на отчетных собраниях в Минске и Москве и были отражены в докладах участников экспедиций на конференции по проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии (Москва 1964).

Коллектив полесских экспедиций постоянно ощущал заботу и пользовался помощью директора Института языкознания АН БССР М. Р. Судника, обеспечившего экспедиции всем необходимым. Успеху экспедиций во многом способствовало участие больших групп студентов Житомирского педагогического института, сочетавших работу в экспедициях со своей практикой по диалектологии под руководством доц. В. В. Анохиной и преподавателя Н. В. Никончука. Большую помощь экспедициям оказал ректор Житомирского пединститута И. Ф. Осляк.

В экспедициях участвовали следующие лица:

От Института славяноведения АН СССР: Р. В. Булатова — зоологическая терминология, автор программы (1963 г.); Н. Г. Владимирская — терминология ткачества и первичной обработки волокнистых растений и шерсти, автор программы (1962, 1963 гг., зима и лето 1964 г.); В. А. Дыбо — акцентология (1962 г.); Л. И. Забавнова — терминология транспорта, коммуникаций и народная астрономия, автор программы (1964, 1965 гг.); М. И. Лекомцева — фонология, мифология (1965 г.); И. И. Ревзин — морфология (1963 г.); Т. М. Судник — фонология (1963 г., зима 1964 г.); С. М. Толстая фонология (1963, 1964 гг.); Н. И. Толстой — географическая, дендрологическая и метеорологическая терминология, автор программы (1962, 1963, 1964, 1965 гг.);

От Института языкознания им. Якуба Колоса АН БССР: В. Л. Веренич — гончарная терминология, топонимика, названия одежды (1965 г.); Г. Ф. Вешторг — названия кушаний, автор программы (1962, 1963, 1964, 1965 гг.); Л. Т. Выгонная — сельскохозяйственная терминология, автор программы (1963, 1964, 1965 гг.); В. К. Журавлев — терминология бортничества, льноводства, фонология, автор программы (1962, 1963 гг.); А. И. Киселевский — ботаническая терминология (1962 г.); А. А. Кривицкий — рыболовная терминология, гончарная терминология (1962, 1965 гг.); В. В. Кочановский — рыболовная терминология (1964 г); Р. В. Кравчук — географическая терминология, животноводство (лето 1964 г.); В. В. Мартынов — демонология (1962 г., зима 1964 г.); П. И. Сегеда — рыболовная терминология (1963 г.); А. С. Соколовская — названия одежды и обуви, автор программы (1962, 1963, 1964 гг.); Г. А. Цыхун — названия посуды, автор программы (1963, 1964 гг.); И. В. Шадурский — сельскохозяйственная терминология (лето 1964 г.); М. С. Шушкевич — строительная терминология, автор программы (1962, 1963 гг., зима 1964 г.).

От филологического факультета МГУ: О. Г. Карпинская — морфология (1963 г., зима 1964 г.).

От Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза: В. А. Москович — терминология цветообозначений, автор программы (1962 г., зима 1964 г.).

От историко-филологического факультета Московского государственного педагогического института им. Ленина: Д. А. Бейлина — ботаническая терминология (лето 1964, 1965 гг.).

От филологического факультета Белорусского государственного университета: Е. А. Метельский — терминология животноводства, автор программы (1962, 1963 гг., зима 1964 г.).

От Мозырьского государственного педагогического института: С. А. Григорьев — терминология плотничества (1962 г.).

От Житомирского государственного педагогического института им. И. Франко: В. В. Анохина — терминология бортничества (1963 г., лето 1964 г.); Н. В. Никончук — орнитологическая терминология, автор программы; терминология бортничества, строительная терминология (1963 г., зима и лето 1964, 1965 гг.).

В работе экспедиции приняли также активное участие студенты Житомирского пединститута: Н. Ф. Алямовская (1964 г.), С. Ф. Алямовский (1964 г.); Р. И. Бучина (1963 г.), Л. А. Вайнтруб (1964 г.), С. А. Герасимчук (1964 г.), Н. Ф. Горкуша (1964 г.), Л. Е. Железняк (1964 г.), В. С. Кукса (1964 г.), И. Я. Мазуркевич (1965 г.), З. А. Метиль (1964 г.), В. К. Ничипоренко (1964 г.), Е. И. Никитенко (1963 г.), А. В. Никоненко (1965 г.), В. М. Посенюк (1963, 1964 гг.), В. Н. Пешков (1964 г.), А. В. Поболкова (1964 г.), Н. С. Примак (1963 г.), Н. С. Рода (1964 г.), М. М. Рубец (1964 г.), Л. И. Сога (1964 г.), С. А. Ткачук (1964 г.), Е. А. Харченко (1965 г.), Л. Я. Чуйко (1964 г.), Л. М. Якубенко (1964 г.).

Участником экспедиции 1963 г. был также учитель средней школы дер. Симоновичи Дрогичинского района Брестской обл. Ф. Д. Климчук, известный собиратель местной диалектной лексики и фольклора.

Н. В. Никончук

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Н. И. Толстой. О лингвистическом изучении Полесья 5

Ю. В. Кухаренко. Полесье и его место в процессе этногенеза славян 18

М. И. Лекомцева, С. М. Толстая. Фонологический комментарий к полесским диалектам 47

Т. В. Назарова. Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров 67

А. С. Соколовская. Опыт определения лексической близости диалектов 101

Л. Т. Выгонная. К системному описанию полесских названий земельных угодий 118

В. А. Москович. Из полесской терминологии цветообозначений . . 126

А. А. Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов 162

В. Л. Веренич, А. А. Кривицкий. Лексика городенских гончаров . . 175

В. А. Никонов. Две волны в топонимии Полесья 193

Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) 206

А. К. Антонович. Краткий обзор белорусских текстов, писанных арабским письмом 256

Хроника полесских экспедиций 300

ПОЛЕСЬЕ

Лингвистика. Археология. Топонимика

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 1/II-1968 г. Подписано к печати 29/VII 1968 г.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 19,0.
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 19,7 Тираж 2 700 экз.
Бумага № 1. Тип. зак. 223. Т-10688

Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 38 к.

ПОЛЕСЬЕ